

МИРЫ РОБЕРТА ХАЙНЛАЙНА

МИРЫ РОБЕРТА ХАЙНЛАЙНА

12

**ИЗДАТЕЛЬСКАЯ
ФИРМА
«ПОЛЯРИС»**

WORLDS OF ROBERT A. HEINLEIN

Volume twelve

SIXTH COLUMN

**METHUSELAH'S
CHILDREN**

МИРЫ РОБЕРТА ХАЙНЛАЙНА

Книга двенадцатая

ШЕСТАЯ КОЛОННА

**ДЕТИ
МАФУСАИЛА**

Издательская фирма «Полярис»

1993

Sixth Column

Copyright © 1949 by Robert A. Heinlein

Methuselah's Children

Copyright © 1958 by Robert A. Heinlein

© 1993 Издательская фирма «Полярис»,
перевод на русский язык

© 1993 А. Кириллов, *иллюстрации*

© 1992 Издательская фирма «Полярис»,
оформление, составление, название серии

Перепечатка отдельных романов и
всего издания в целом — запрещена без
разрешения издателя и переводчика.
Всякое коммерческое использование
данного издания возможно исключитель-
но с письменного разрешения издателя.

ISBN 5-88132-043-3

ШЕСТАЯ КОЛОННА

Глава 1

— Что тут у вас за чертовщина? — громко спросил Уайти Ардмор.

Никто не обратил внимания ни на его слова, ни на само его появление.

— Заткнитесь, мы слушаем, — сказал человек, сидевший у телеприемника, и увеличил громкость.

По комнате разнесся голос диктора: «...Вашингтон полностью уничтожен еще до того, как его успело покинуть правительство. Манхэттен лежит в руинах, и теперь...»

Раздался щелчок — человек выключил приемник и сказал:

— Вот и все. Соединенным Штатам крышка. — И добавил: — Сигарета у кого-нибудь найдется?

Не получив ответа, он протолкался через кучку людей, столпившихся у приемника, подошел к столу, вокруг которого лежало с десяток неподвижных тел, и принялся шарить у них по карманам. Это было не просто — трупное окоченение уже началось, но в конце концов он нашел полупустую пачку, достал сигарету и закурил.

— Скажет мне кто-нибудь, что тут у вас за чертовщина, или нет? — повторил Ардмор. — Что случилось?

Человек с сигаретой оглядел его с головы до ног.

— Кто вы такой?

— Майор Ардмор, из разведки. А вы кто такой?

— Полковник Кэлхун, из исследовательского отдела.

— Очень хорошо, полковник. У меня срочный приказ для вашего командира. Распорядитесь, пожалуйста, чтобы кто-нибудь доложил ему, что я здесь, и проводил меня.

В голосе его звучало плохо скрытое раздражение.

Кэлхун покачал головой.

— Не могу. Он мертв.

Казалось, это сообщение доставило ему какое-то извращенное удовольствие.

— Что?

— Ну да, мертв. И другие тоже. Перед вами, майор, все, что осталось от личного состава Цитадели. Точнее говоря — раз уж это что-то вроде официального рапорта, — от Лаборатории специальных исследований Министерства обороны.

Он криво улыбнулся, окинув взглядом горстку людей, стоявших в комнате.

Ардмору понадобилось несколько секунд, чтобы освоиться с неожиданным поворотом событий. Потом он спросил:

— Паназиаты?

— Нет. Не паназиаты. Насколько мне известно, противник о существовании Цитадели не подозревает. Нет, это мы сами устроили. Один эксперимент прошел слишком удачно. Доктор Ледбеттер занимался поисками средства...

— Это неважно, полковник. К кому теперь перешло командование? Я должен передать приказ.

— Командование? Помилуйте, мы еще не успели с этим разобраться. Минутку. — Он обвел глазами комнату. — Хм-м-м. Из тех, кто здесь, старший по званию я, а больше никого не осталось. Похоже, теперь я командир.

— А строевых офицеров у вас нет?

— Нет. Только специалисты. Значит, я и есть командир. Можете докладывать.

Ардмор оглядел полдюжины людей, стоявших в комнате. Они с вялым интересом следили за разговором. Как сказать им то, что он должен передать? Положе-

ние изменилось — может быть, теперь приказ не стоит передавать вообще?

— Мне было приказано, — произнес он, тщательно подбирая слова, — сообщить вашему генералу, что он выведен из подчинения вышестоящему командованию. Ему предписано принимать решения самостоятельно и продолжать боевые действия против сил вторжения по собственному усмотрению. Видите ли, — продолжал он, — когда я двенадцать часов назад покидал Вашингтон, мы уже знали, что разбиты. Кроме интеллектуальных ресурсов, собранных в Цитадели, у нас не осталось почти никаких резервов.

— Понятно, — кивнул Кэлхун. — Несуществующее правительство послало приказ несуществующей лаборатории. Нуль плюс нуль равняется нулю. Смешно — если бы только знать, когда смеяться.

— Полковник!

— Да?

— Вы получили приказ. Как вы намерены его выполнять?

— Выполнять? А что тут можно сделать, черт возьми? Шесть человек против четырехсот миллионов! — И он добавил: — Чтобы все было по форме, как полагается у военных, мне, наверное, надо бы отдать приказ об увольнении из армии Соединенных Штатов всех, кто еще остался, и проводить их в отставку. А самому, должно быть, совершить харакири. Да вы что, не понимаете? Здесь все, что осталось от Соединенных Штатов. Да и это осталось только потому, что паназияты нас не нашли.

Ардмор облизнул губы.

— Я, очевидно, недостаточно ясно передал приказ. Вам приказано принять командование и продолжать боевые действия!

— Чем?

Ардмор смерил Кэлхуна взглядом.

— Пожалуй, это решать не вам. Ввиду изменившейся обстановки, согласно уставу, я как старший по званию строевой офицер принимаю командование над этим подразделением армии Соединенных Штатов.

Пауза продолжалась около двадцати ударов сердца. Потом Кэлхун поднялся и сделал вид, что расправляет сутулые плечи.

— Вы совершенно правы, сэр. Ждем ваших распоряжений.

«Они ждут распоряжений, — подумал Ардмор. — Быстрее шевели мозгами, Ардмор, болван ты этакий. Сам впутался в историю — что теперь будешь делать? Конечно, Кэлхун был прав, когда спросил: «Чем?». Но нельзя же спокойно стоять и смотреть, как у тебя на глазах разваливаются остатки армии! Надо им что-то сказать — чтобы держались, пока мне не придет в голову что-нибудь получше. Надо выиграть время, приятель!»

— Мне кажется, нужно сначала выяснить ситуацию. Полковник, будьте добры, соберите оставшийся личный состав — ну, скажем, за этим большим столом. Так будет удобнее всего.

— Будет сделано, сэр.

Услышав приказ, все подошли к столу.

— Грэхем! И вы — как ваша фамилия? Томас, кажется? Вы двое перенесите куда-нибудь тело капитана Мак-Алистера. Положите его пока в коридоре.

Все пришло в движение. Пока убирали труп, а оставшиеся в живых размещались за столом, впечатление нереальности происходящего понемногу рассеивалось, и люди начали приходить в себя. Ардмор уже более уверенно обернулся к Кэлхуну:

— Познакомьте меня, пожалуйста, с присутствующими. Я хочу знать, кто они и чем занимаются. Ну и, конечно, имена и фамилии.

Горстка людей численностью с небольшой патруль. Жалкие остатки армии. Он ожидал найти здесь, в надежном, никому не известном подземном укрытии в Скалистых горах, самое блестящее созвездие научных талантов, какое только удавалось кому-нибудь собрать для решения определенной задачи. Даже после разгрома регулярной армии Соединенных Штатов были все основания надеяться, что двести с лишним выдающихся ученых, спрятанные в тайном убежище, о самом существовании которого противник не догадывается, и обеспеченные всем современным научным оборудованием,

сумеют изобрести и привести в действие какое-нибудь новое оружие, которое со временем позволит изгнать из страны паназиатов. Поэтому его и послали передать генералу, который командовал этой группой, приказ действовать самостоятельно, никому не подчиняясь. Но что могут сделать полдюжины людей?

Да и какие полдюжины! Доктор Лоуэлл Кэлхун, например — математик, призванный из университета и произведенный в полковники. Доктор Рэндол Брукс — биолог и биохимик, получивший звание майора. Правда, на Ардмора он произвел хорошее впечатление — спокойный, сдержанный, по-видимому, с сильным и уравновешенным характером. От него будет толк, к его советам надо прислушиваться.

Роберта Уилки Ардмор окрестил про себя юнцом. Он был молод, а из-за своей щенячьей неуклюжести и растрепанной шевелюры выглядел еще моложе. Занимался он, как выяснилось, радиацией и смежными областями физики, слишком мудреными для неспециалиста, и судить о том, насколько хорошо он разбирается в своей науке, Ардмор не мог. Возможно, он и гений, хотя по виду этого не скажешь.

Вот и все ученые. Оставалось еще трое. Герман Шир, техник-сержант, до войны — механик и слесарь-инструментальщик, взятый в армию из исследовательского отдела компании «Эдисон Траст», где собирал точные приборы. О его специальности и квалификации свидетельствовали загорелые, сильные руки с тонкими пальцами, а глядя на его решительное лицо в глубоких морщинах и тяжелую челюсть, Ардмор решил, что такого человека хорошо иметь рядом в трудную минуту. Этот будет полезен.

Эдвард Грэхем, рядовой первого разряда, повар офицерской столовой. Тотальная война заставила его оставить профессию художника-оформителя и проявить другой свой талант — кулинарный. Ардмор не мог себе представить, для чего он может пригодиться; впрочем, готовить все равно кому-то придется.

И, наконец, помощник Грэхема рядовой Джефф Томас. Никто не знал, кем он был раньше.

— Он как-то забрел к нам, — объяснил Кэлхун, — вот и пришлось считать его призванным и оставить здесь, чтобы не раскрывать нашего расположения.

Знакомясь со своими новыми подчиненными, Ардмор все время напряженно думал о том, что же им сказать. Он знал, что сейчас требуется, — какой-нибудь старый трюк, несколько слов, которые взбодрили бы людей, как укол сильнодействующего лекарства, и подняли их угасший боевой дух. Он верил в такие вещи, потому что сам до войны занимался рекламой, пока его не призвали. Вспомнив об этом, он подумал: «Стоит ли говорить, что он такой же непрофессионал, как и все остальные, и только случайно попал в строевые офицеры? Нет, это неразумно: сейчас нужно, чтобы они полагались на него, как полагаются новобранцы на ветеранов».

Томас был последним в списке, и Кэлхун умолк.

«Твоя очередь, приятель, и смотри не оплошай!»

— Мы должны будем продолжать выполнение нашего боевого задания в течение неопределенного времени. Я хочу напомнить вам, что мы несем ответственность за это не перед высшим командованием, которое погибло в Вашингтоне, а перед народом Соединенных Штатов согласно Конституции. Конституцию никто не может взять в плен или уничтожить — это не просто клочок бумаги, а обязательство, которое взял на себя весь американский народ. И только американский народ может освободить нас от этого обязательства.

Так ли это на самом деле? Он не знал, потому что не был юристом; но он знал, что именно в это им сейчас нужно поверить. Он повернулся к Кэлхуну.

— Полковник Кэлхун, теперь прошу вас привести меня к присяге в качестве командира этого подразделения армии Соединенных Штатов. Я думаю, всем нам следует сейчас подтвердить свою присягу, — добавил он.

В полупустой комнате гулко зазвучал хор голосов: «Я торжественно клянусь... выполнить свой долг... со-

блюдать и защищать Конституцию Соединенных Штатов... от всех ее врагов, внутренних и внешних!»

— И да поможет мне Бог!

— И да поможет нам Бог!

Ардмор с удивлением обнаружил, что к концу этого представления, которое он сам же и устроил, у него щекам потекли слезы. Он видел, что слезы показались и на глазах у Кэлхуна. Может быть, это все-таки было не просто представление?

— Полковник Кэлхун, за вами, конечно, остается научное руководство. Вы после меня старший, но все административные обязанности я возьму на себя, чтобы они не мешали вашей исследовательской работе. Майор Брукс и капитан Уилки будут подчиняться вам. Шир!

— Есть, сэр!

— Будете находиться в распоряжении полковника Кэлхуна. Если он не сможет полностью вас загрузить, я дам вам дополнительные поручения позже. Грэхем!

— Есть, сэр.

— Будете продолжать выполнять свои обязанности. Кроме того, вы назначаетесь ответственным за питание, снабжение и вообще за всю интендантскую часть. Доложите мне сегодня, немного позже, о наличии продуктов и их состоянии. Томас будет подчиняться вам, но в случае надобности любой из исследователей может вызвать его себе в помощь. Возможно, из-за этого иногда придется обедать немного позже обычного, но тут ничего не поделаешь.

— Есть, сэр.

— Мы с вами и Томасом будем заниматься всем, что не имеет прямого отношения к исследовательской работе, а кроме этого помогать ученым, чем можем, когда нужно. Я подчеркиваю, полковник, что это относится и ко мне, — сказал он, обращаясь к Кэлхуну. — Если в любой момент вам понадобится лишняя пара рук, хоть и неквалифицированных, прошу сообщить мне.

— Хорошо, майор.

— Грэхем, вам с Томасом придется убрать трупы во всем здании, пока они еще не тронулись, — скажем, завтра к вечеру. Поместите их в какую-нибудь ненужную комнату и загерметизируйте ее. Шир покажет вам

как. — Он взглянул на часы. — Два часа. Когда у вас был обед?

— Сегодня... сегодня обеда не было.

— Очень хорошо. Грэхем, приготовьте кофе и бутерброды и подайте сюда через двадцать минут.

— Хорошо, сэр. Пошли, Джефф.

— Иду.

Когда они вышли, Ардмор снова повернулся к Кэлхуну.

— А пока, полковник, давайте пройдем в лабораторию, где началась катастрофа. Я все-таки хочу знать, что тут у вас случилось.

Двое других ученых и Шир стояли в нерешительности, пока он кивком не пригласил их следовать за собой.

— Вы говорите, что ничего особенного не произошло — ни взрыва, ни выброса газа — и все же они умерли?

Они стояли около последней установки доктора Ледбеттера. Тело погибшего ученого все еще лежало там, где он упал. Ардмор отвел глаза и попытался понять устройство установки. Выглядела она не такой уж сложной, но ничего знакомого ему не напоминала.

— Нет, ничего не было. Только маленькое голубое пламя — оно показалось на мгновение сразу после того, как Ледбеттер включил вон тот рубильник.

Кэлхун осторожно показал на рубильник, стараясь до него не дотронуться. Обычный пружинный самовыключающийся рубильник. Сейчас он был выключен.

— Я внезапно почувствовал головокружение. Когда оно прошло, я увидел, что Ледбеттер упал, и подошел к нему, но уже ничего не мог сделать. Он был мертв, хотя никаких повреждений на теле не было.

— А я потерял сознание, — вмешался Уилки. — Может быть, и я бы не остался в живых, если бы Шир не сделал мне искусственное дыхание.

— Вы были здесь? — спросил Ардмор.

— Нет, в радиационной лаборатории, в другом конце здания. Мой руководитель погиб.

Ардмор нахмурился и подвинул к себе стул, стоявший у стены. Не успел он сесть, как какая-то маленькая серая тень стремительно пробежала по полу и

скрылась за открытой дверью. «Крыса», — подумал он и хотел продолжать расспросы. Но доктор Брукс в изумлении посмотрел ей вслед и выбежал за дверь со словами:

— Подождите минуту, я сейчас!

— Не понимаю, что это с ним такое, — сказал Ардмор, ни к кому не обращаясь. Может быть, напряжение, вызванное последними событиями, оказалось чрезмерным даже для сдержанного биолога?

Меньше чем через минуту Брукс вернулся так же неожиданно, как и выскочил из комнаты. Задыхаясь от быстрого бега, он с трудом выговорил:

— Майор Ардмор! Доктор Кэлхун! Джентльмены! — Он остановился и перевел дыхание. — Мои белые мыши живы!

— Да? Ну и что?

— Неужели вы не понимаете? Это крайне важный факт, может быть, даже решающий. Ни одно животное в биологической лаборатории не пострадало! Неужели вы не понимаете?

— Да, но... Ах, вот что, кажется, я... Значит, крыса осталась жива, и ваши мыши не пострадали, а люди, которые были рядом, погибли?

— Конечно! Конечно! — радостно подтвердил Брукс.

— Хм-м-м... Нечто такое, что запросто убивает две сотни людей сквозь скалу и металл, но не трогает мышей и им подобных? Никогда не слышал о силе, которая могла бы убить человека и оставить в живых мышь. — Ардмор кивнул в сторону установки. — Похоже, эта штука может оказаться нам полезной, Кэлхун.

— Может, — согласился Кэлхун. — Если только мы научимся ею управлять.

— А у вас есть на этот счет сомнения?

— Ну, мы ведь не знаем, как она убивает, не имеем представления, почему она оставила в живых нас шестерых, и не понимаем, по какой причине не пострадали животные.

— Так. Что ж, по-видимому, дело именно в этом. — Ардмор еще раз взглянул на нехитрую, но такую загадочную установку. — Доктор, я не хотел бы с самого начала вмешиваться в ваши дела, но прошу вас не

включать этот рубильник, не поставив предварительно в известность меня.

Он покосился на неподвижное тело Ледбеттера на полу и поспешно отвел глаза.

За кофе с бутербродами они продолжали обсуждать положение.

— Значит, никто толком не знает, чего добивался Ледбеттер?

— В общем, да, — подтвердил Кэлхун. — Я помогал ему по части математики, но он же был гений, и наши ограниченные умы только приводили его в раздражение. Будь жив Эйнштейн, они еще могли бы поговорить на равных, но со всеми нами он разговаривал только о том, в чем ему была нужна помощь, или о частных задачах, которые собирался кому-то поручить.

— Значит, вы не знаете, чего именно он хотел добиться?

— Пожалуй, можно сказать — и да и нет. Вы знакомы с общей теорией поля?

— Боже упаси, конечно, нет!

— Ну, тогда нам будет трудно с вами объясняться, майор Ардмор. Доктор Ледбеттер изучал теоретически возможные дополнительные спектры...

— Дополнительные спектры?

— Ну да. Видите ли, за последние полтора столетия главные успехи физики были достигнуты в изучении всего спектра электромагнитных излучений: свет, радиоволны, рентгеновские лучи...

— Да, да, это я знаю, но что за дополнительные спектры?

— Это я и пытаюсь вам объяснить, — сказал Кэлхун с оттенком раздражения в голосе. — Из общей теории поля следует, что могут существовать по меньшей мере еще три типа спектров. Видите ли, мы знаем, что в пространстве существуют три типа энергетических полей: электрическое, магнитное и поле тяготения, или гравитационное. Свет, рентгеновские лучи и им подобные излучения — часть электромагнитного спектра. Но из теории следует, что возможны и другие

аналогичные спектры: магнитогравитационные, электрогравитационные и, наконец, трехфазный спектр, объединяющий электрическое, магнитное и гравитационное поля. Каждый из них должен представлять собой совершенно новый тип спектра, а изучение его — новую область науки. Если они действительно существуют, то, вероятно, обладают столь же характерными свойствами, что и электромагнитный спектр, но совершенно иными. Однако мы не располагаем приборами, которые могли бы регистрировать такие излучения, и даже не можем сказать, существуют ли они вообще.

— Знаете, я в этих делах, конечно, мало что понимаю, — заметил Ардмор, слегка нахмурившись, — и не могу с вами спорить, но мне кажется, что это похоже на поиски чего-то такого, чего вовсе не существует. Я считал, что эта лаборатория занимается одним — разработкой оружия, которое могло бы противостоять вихревым лучам и атомным ракетам паназиатов. Меня немного удивляет, что человек, которого вы, видимо, считали самым выдающимся здесь ученым, пытался обнаружить нечто такое, в существовании чего он вообще не был уверен и свойства чего совершенно неизвестны. По-моему, это странно.

Кэлхун ничего не ответил, а только бросил на него высокомерный взгляд и ехидно усмехнулся. Ардмор понял, что сказал что-то не то, и почувствовал, как краснеет.

— Ну да, — поспешно сказал он, — я вижу, что не прав: что бы там ни обнаружил Ледбеттер, оно прикончило две сотни человек. Значит, это потенциальное оружие, — но ведь он не просто шел на ощупь в темноте?

— Не совсем, — ответил Кэлхун и продолжал, явно стараясь выбирать слова попроще: — Те самые теоретические соображения, из которых следует возможность существования дополнительных спектров, позволяют с достаточной вероятностью представить себе в общем виде их свойства. Я знаю, что сначала Ледбеттер занимался тем, что искал способы генерировать лучи, способные притягивать или отталкивать, — это из области магнитогравитационного спектра. Но в последние две недели он выглядел очень возбужденным и круто изме-

нил направление работы. Он был не слишком разговорчив, и я могу судить только по тем расчетам, которые для него делал. Тем не менее, — Кэлхун достал из внутреннего кармана толстый растрепанный блокнот, — он вел подробный журнал своих экспериментов. Вероятно, мы сможем проследить за ходом его работ и догадаться, в чем состояла гипотеза, из которой он исходил.

Уилки, сидевший рядом с Кэлхуном, возбужденно спросил, подавшись к нему:

— Где вы это нашли, доктор?

— На столе у него в лаборатории. Если бы вы там посмотрели, могли бы найти это и сами.

Не обратив на колкость внимания, Уилки впился глазами в записи, сделанные в блокноте.

— Так это же формула излучения...

— Ну конечно. Или я, по-вашему, настолько глуп, что этого не вижу?

— Но она неправильная!

— По-вашему, может быть, и неправильная, но будьте уверены, что доктор Ледбеттер не ошибался.

Они пустились в спор, в котором Ардмор ничего не мог понять; через некоторое время, воспользовавшись паузой, он вмешался:

— Минутку, джентльмены! Я вижу, вы уже готовы приступить к работе. Что касается меня, то я теперь знаю достаточно на первое время. Насколько я понимаю, ваша ближайшая задача — проследить ход мысли доктора Ледбеттера и выяснить, для чего служит его установка, — так, чтобы при этом уцелеть самим. Правильно?

— В общем, да, — осторожно согласился Кэлхун.

— Что ж, в таком случае приступайте. И держите меня в курсе дела, когда сочтете это удобным. — Он встал, остальные последовали его примеру. — Да, еще одно. Я вот о чем подумал. Не знаю, насколько это важно, но мне это пришло в голову потому, что доктор Брукс придает такое большое значение истории с мышами и крысами. — Он начал загибать пальцы. — Множество людей погибли на месте. Доктор Уилки потерял сознание и чуть не умер. Доктор Кэлхун почувствовал только легкое головокружение. А все прочие, кто остал-

ся в живых, видимо, вообще ничего не ощутили, в то время как их товарищей постигла загадочная смерть. Не кажется ли вам, что это тоже полезные данные?

Он с нетерпением ждал ответа, опасаясь, что ученые сочтут его слова нелепыми или тривиальными.

Кэлхун собрался ответить, но его опередил доктор Брукс:

— Ну конечно! Как же я об этом не подумал? Должно быть, у меня все в голове перепуталось. Получается градиент — закономерное различие в действии этого неизвестного фактора. — Он на мгновение умолк. — Я прошу у вас разрешения, майор, обследовать трупы наших покойных коллег и попытаться выяснить, чем они отличались от тех, кто остался в живых. Особенно от тех, на кого неизвестный фактор подействовал сильнее всего...

И он задумчиво уставился на Уилки.

— Ну уж нет! — возразил тот. — Я вам не морская свинка. Ничего не выйдет!

Ардмор не знал, всерьез он это сказал или в шутку, но решил положить конец спору.

— Детали я предоставляю вам, джентльмены. Но помните — ни в коем случае не рискуйте, не предугадывайте меня.

— Вы слышали, Брукси? — откликнулся Уилки.

В тот вечер Ардмор заставил себя улечься в постель исключительно из чувства долга — спать ему совершенно не хотелось. Его непосредственная задача была выполнена: он собрал осколки группы, которая называлась «Цитадель», и соорудил из них некое подобие действующей организации. Он слишком устал, чтобы размышлять о том, будет ли толк от ее действий, но во всяком случае она действовала. Он внес новый смысл в их жизнь и, взяв на себя груз руководства и ответственности, дал им возможность перекладывать на его плечи свои заботы. Может быть, это позволит им сохранить рассудок в обезумевшем мире?

Каким будет этот обезумевший новый мир? Мир, где превосходство западной культуры перестало быть само

собой разумеющимся, где звездно-полосатый флаг уже больше не развевается над каждым общественным зданием?

Тут ему пришла в голову еще одна мысль. Чтобы их деятельность хотя бы внешне была похожа на ведение войны, нужно будет завести какую-то разведывательную службу. До сих пор он был озабочен одним — чтобы они снова взялись за работу, но завтра придется об этом подумать. «Завтра и подумаю», — сказал он себе, но начал думать об этом сразу же.

Служба разведки им необходима не меньше, чем новое секретное оружие. Даже больше: какое бы фантастически мощное оружие ни удалось создать, продолжая исследования доктора Ледбеттера, оно не принесет пользы, если не знать, где и когда его применить, чтобы поразить противника в самое уязвимое место. До нелепости слабая военная разведка всегда была отличительной чертой Соединенных Штатов. Самая могучая нация планеты неизменно начинала свои войны вслепую, как великан с завязанными глазами. Взять хотя бы то, что произошло сейчас: атомные бомбы Паназии были ничуть не мощнее, но американцев захватили врасплох, и ни одной своей они даже сбросить не успели. Сколько их было? Где-то Ардмор слышал, что тысяча. Точной цифры он не знал, но паназиаты ее, безусловно, знали. Они знали, сколько в Соединенных Штатах бомб, где они хранятся. И войну они выиграли не с помощью своего секретного оружия, а благодаря своей разведке. Впрочем, секретное оружие Паназии тоже оказалось вполне эффективным — особенно из-за того, что оно было действительно секретным. Так называемая разведка армии Соединенных Штатов потерпела очередную неудачу.

«Ну что ж, Уайти Ардмор, теперь все в твоих руках! Можешь организовать любую разведывательную службу, какую только твоей душе угодно, — для этого у тебя есть трое близоруких кабинетных ученых, пожилой техник-сержант, двое рядовых из кухонного наряда и ты сам. Критиковать легко, — но если ты такой умный, почему тогда ты не богатый?»

Он встал, подумав, что надо принять снотворное, но вместо этого выпил стакан теплой воды и снова лег.

«Предположим, что мы создадим действительно новое мощное оружие. Эта штука, которую придумал Ледбеттер, выглядит многообещающей, если только мы научимся с ней обращаться. Ну и что? Один человек не может управлять летающим крейсером — он даже не сумеет поднять его в воздух. А шесть человек не смогут одержать верх над целой империей, даже если обути их в семимильные сапоги и вооружить каждого лучом смерти. Как там говорил Архимед? Дайте мне рычаг достаточной длины и точку опоры, и я переверну Землю. Ну и где у нас точка опоры? Оружие — не оружие, если нет армии, которая может привести его в действие».

Он погрузился в беспокойный сон, и ему приснилось, будто он болтается на конце длиннейшего рычага и не может ничего сделать, потому что опорой для рычага служит пустота. То он сам был Архимедом, то Архимед оказывался рядом и принимался издеваться над ним, скривив в злобной гримасе раскосое азиатское лицо.

Глава 2

В следующие две недели на долю Ардмора выпало множество разнообразных хлопот, и времени у него хватало только на самые необходимые дела. Было решено исходить из того, что их группа — фактически военная организация, а значит, не исключено, что в один прекрасный день им предстоит дать отчет в своих действиях гражданским властям. Из этого следовало, что Ардмор должен был выполнять — или, по крайней мере, создавать видимость, что выполняет — все законы и положения, касающиеся документации, денежной отчетности, материального учета и прочего в том же духе. Про себя он считал все это пустой и бессмысленной тратой времени; однако, занимаясь рекламой, он стал психологом-самоучкой и интуитивно понимал, что человек живет символами. В этот момент эти символы существования властей имели решающее значение.

Поэтому он, изучив должностные инструкции покойного начальника финансового отдела, тщательно подсчитал, сколько жалованья причиталось каждому из погибших на момент смерти и сколько следует выплатить его наследникам «дензнаками, имеющими хождение на территории Соединенных Штатов», хотя и подумал при этом не без грусти: «Интересно, что эта формула

может означать теперь?» Вся эта бумажная канитель была не под силу ему одному. Ардмор выяснил, что Джефф Томас, которого он назначил помощником повара, хорошо печатает на машинке и обладает некоторыми способностями к арифметике, и приспособил его к этой работе. В результате Грэхем обнаружил, что ему приходится трудиться за двоих, и попытался выразить недовольство, но Ардмор решил, что это ему только полезно: без блох собака скучает. Необходимо было добиться, чтобы каждый из его подчиненных к вечеру валился с ног от усталости.

Томас пригодился и для другой цели. Ардмор, с его легко возбудимым характером, постоянно нуждался в собеседнике. Томас оказался человеком неглупым и многое понимающим, и их беседы понемногу становились все откровеннее. Конечно, командиру не полагается откровенничать с рядовым, однако Ардмор инстинктивно чувствовал, что Томас не обманет его доверия, а психологическая разрядка была ему необходима.

Но вскоре Кэлхун заставил Ардмора отвлечься от мелких повседневных дел и заняться более серьезной проблемой. Он явился, чтобы попросить разрешения включить установку Ледбеттера, немного переделанную с учетом их последних предположений, но при этом задал еще один нелегкий вопрос:

— Майор Ардмор, не можете ли вы мне объяснить, как вы намерены использовать «эффект Ледбеттера»?

Этого Ардмор не знал и вместо ответа спросил:

— А разве вы уже настолько продвинулись, что такой вопрос возник? Тогда не объясните ли вы мне, что у вас получается?

— Это будет несколько затруднительно, — ответил Кэлхун слегка покровительственным тоном, — поскольку я не смогу пользоваться языком математики, на котором, вообще говоря, только и можно выразить...

— Ну что вы, полковник! — перебил его Ардмор, стараясь скрыть свое раздражение в присутствии рядового Томаса. — Скажите мне просто, в состоянии вы убить этой штукой человека или нет, и можете ли заранее решить, кого именно.

— Это слишком упрощенная постановка вопроса, — возразил Кэлхун. — Тем не менее мы полагаем, что

новая установка будет действовать направленно. Результаты, полученные доктором Бруксом, позволили ему предположить, что существует асимметрическое соотношение между действием установки и живым объектом, на который оно направлено, — что некое свойство, присущее данной жизненной форме, определяет как степень воздействия на нее, так и сам характер такого воздействия. Другими словами, воздействие есть функция всех факторов, включая особенности данной жизненной формы, а также параметров самого воздействия, так что...

— Полегче, полегче, полковник. Что все это означает применительно к оружию?

— Это означает, что можно направить установку на двух человек и решить, кого из них она убьет, — при условии, что мы научимся ею управлять, — раздраженно ответил Кэлхун. — Во всяком случае, мы так полагаем. Уилки вызвался выступить в качестве контроля, а объектом будут мыши.

Ардмор дал разрешение на эксперимент, поставив условие, что все предосторожности будут соблюдены. Кэлхун ушел, и он снова принялся размышлять над тем, что же делать с этим оружием, если оно все-таки будет создано. Для этого нужна информация, которой он не располагал. «Черт возьми, разведка просто необходима — нужно же знать, что происходит снаружи!

Об ученых, конечно, речи быть не может. Шир тоже отпадает: без его помощи ученым не обойтись. Грэхем? Нет. Готовит он хорошо, но характер у него слишком нервный, взбалмошный, неуравновешенный — кто-кто, а он в шпионы не годится. Остается только сам Ардмор. Его этому обучали — ему и идти в разведку».

— Да нет, нельзя вам это делать, — услышал он голос Томаса.

— Что-что?

Он понял, что, сам того не заметив, начал разговаривать сам с собой — это случилось, когда он оказывался в одиночестве или в обществе Томаса, молчаливое

присутствие которого ничуть не мешало его размышлениям.

— Вы же не можете бросить свою часть, сэр. Я уж не говорю, что это не положено по уставу. Но разрешите мне сказать, сэр, — тогда все, что вы до сих пор сделали, тут же развалится.

— Почему? Меня не будет всего несколько дней.

— Видите ли, сэр, может быть, несколько дней оно и продержится, хотя я не уверен. Кто останется за командира, пока вас не будет?

— Полковник Кэлхун, конечно.

— Ах вот что... Ну еще бы!

Поднятые брови и ироническая интонация Томаса свидетельствовали о том, что только субординация не позволяет ему высказать свое истинное мнение.

Ардмор понимал, что Томас прав. Он убедился, что во всем помимо своей науки Кэлхун — не кто иной как самовлюбленный, надутый, склочный старый осел. Ему уже приходилось улаживать недоразумения, вызванные высокомерием профессора. Шир согласился продолжать работать с Кэлхуном только после того, как Ардмор долго с ним беседовал, успокаивая его и взывая к его чувству долга. Ему вспомнилось, как он когда-то работал пресс-секретарем у одной известной и весьма популярной проповедницы. Должность называлась «распорядитель по связям с общественностью», но две трети времени уходило у него на то, чтобы разбираться в скандалах, вызванных сварливым характером святоши.

— И потом вы же не можете гарантировать, что вернетесь через несколько дней, — настаивал Томас. — Это дело очень опасное. Если вас убьют, заменить вас здесь будет некому.

— Да нет, вы преувеличиваете, Томас. Незаменимых людей не бывает.

— Не время сейчас вам скромничать, сэр. Может быть, вообще оно и верно, только не в этом случае, вы же понимаете. Выбирать особо не из кого, а вы единственный, кому мы все согласны подчиняться. Единственный, между прочим, кому согласен подчиняться доктор Кэлхун. Потому что вы умеете с ним ладить. Больше никто этого не умеет, а он не может ладить ни с кем.

— Ну, знаете, Томас...

Томас промолчал, и через некоторое время Ардмор продолжал:

— Хорошо, допустим, что вы правы. Но мне нужны разведанные. А откуда они у меня возьмутся, если я сам за ними не отправлюсь?

Томас немного помедлил, потом тихо сказал:

— Я мог бы попробовать.

— Вы?

Ардмор взглянул на Томаса. «А почему, в самом деле, я о нем не подумал? Может быть, потому, что на вид он не из тех, кому поручают такие дела? И еще потому, что он рядовой: если задание рискованное и требует самостоятельных действий, его не положено поручать рядовому. И все-таки...»

— А вам когда-нибудь приходилось заниматься чем-то в этом роде?

— Нет, не приходилось. Но у меня всякое бывало в жизни, и очень может быть, что у меня неплохо получится.

— Ах да, Шир мне кое-что о вас говорил. До того как попасть в армию, вы же, кажется, были бродягой?

— Нет, не бродягой, — мягко поправил его Томас. — Я был хобо.

— Простите, а разве есть разница?

— Бродяга — это попрошайка, паразит, человек, который не желает работать. Хобо — это странствующий поденщик, которому свобода дороже, чем обеспеченность. Он зарабатывает себе на жизнь, но не хочет быть привязанным к одному месту.

— А, понимаю. Хм-м-м... Да, очень может быть, что вы годитесь в разведчики. Чтобы вести такую жизнь, наверное, нужна изрядная смекалка и большая изворотливость. Но погодите, Томас. До сих пор я о вас всерьез не задумывался, а ведь мне необходимо побольше о вас знать, чтобы доверить вам такое задание. Ведь по вашему поведению не скажешь, что вы были хобо.

— А как должен вести себя хобо?

— Что-что? Ну ладно, неважно. Но вы должны рассказать кое-что о себе. Как получилось, что вы стали хобо?

Ардмор видел, что ему впервые удалось вызвать на откровенность этого обычно замкнутого человека. Томас долго колебался, потом ответил:

— Должно быть, все дело в том, что мне не нравилось быть адвокатом.

— Что?

— Ну да. Вот как это получилось. Из адвокатов я перешел в социальное страхование. Когда я там работал, мне пришла в голову мысль написать статью о рабочих-мигрантах, и я решил, чтобы лучше изучить предмет, испытать на себе условия, в которых живут эти люди.

— А, понимаю. И в тот момент, когда вы занимались сбором материала, вас загребли в армию.

— Нет, нет, — возразил Томас. — К этому времени я жил так уже лет десять, даже больше. Я не стал возвращаться. Видите ли, мне такая жизнь понравилась.

Вскоре все было готово. Никакого снаряжения Томас брать не стал — только попросил выдать ему одежду, в которой он был, когда забрел в Цитадель. Ардмор предложил взять спальный мешок, но Томас об этом и слышать не хотел.

— Это совсем другой тип, — объяснил он. — Я не из тех, кто таскается с котомкой: они грязнули, ни один уважающий себя хобо с ними дела иметь не станет. Меня нужно только как следует накормить и дать с собой немного денег.

Задание, которое он получил, было не слишком определенным.

— Для меня важно все, что вы сможете увидеть или услышать, — сказал Ардмор. — Как можно больше передвигайтесь. Постарайтесь вернуться не позже, чем через неделю, — если вас не будет дольше, я буду считать, что вас убили или взяли в плен, и придется придумывать что-нибудь еще. Используйте любую возможность, чтобы наладить постоянное поступление к нам информации. Я не могу посоветовать вам ничего конкретного, но прошу вас постоянно об этом помнить. Теперь о том, что нас интересует. Все и вся про паназиятов: как они

вооружены, как работает их полиция на оккупированной территории, где находятся штабы и особенно главное командование. Может быть, вам удастся хотя бы приблизительно прикинуть, сколько их и как они размещаются. Работы хватит на год, не меньше, но все равно возвращайтесь через неделю.

Ардмор показал Томасу, как открывается снаружи один из входов в Цитадель: два такта из «Янки Дудль» — и в скале, которая на первый взгляд казалась сплошной, появляется дверь. Ничего особо хитрого, но азиаты вряд ли до этого додумаются.

В конце концов Ардмор попрощался с Томасом и пожелал ему удачи. При этом он обнаружил, что Томас припас для него еще один сюрприз: пожимая ему руку, он сделал это особенным образом — так, как положено члену студенческой организации, к которой принадлежал и Ардмор! Массивная дверь за ним давно уже закрылась, а Ардмор еще долго стоял, погруженный в размышления.

Обернувшись, он увидел позади себя Кэлхуна. У него почему-то появилось такое ощущение, будто его поймали на краже варенья.

— Здравствуйте, доктор, — быстро сказал он.

— Здравствуйте, майор, — медленно произнес Кэлхун. — Могу ли я спросить, что тут происходит?

— Конечно. Я только что послал лейтенанта Томаса в разведку.

— Лейтенанта?

— Исполняющего обязанности лейтенанта. Мне пришлось поручить ему задание, которое не соответствует его прежнему званию, и я счел нужным его повысить.

Кэлхуна, по-видимому, не удовлетворило это объяснение, и он тем же слегка ироническим тоном спросил:

— Я полагаю, вы отдаете себе отчет в том, насколько рискованно посылать кого бы то ни было за пределы Цитадели? Это подвергает опасности нас всех. Я несколько удивлен, что вы приняли такое решение, не посоветовавшись с остальными.

— Если вы так считаете, мне очень жаль, полковник, — ответил Ардмор примирительно. — Но мне так или иначе приходится постоянно принимать решения, а в нашем положении важнее всего, чтобы ничто не

отвлекало вас от вашей ответственной работы. Эксперимент уже закончен? — поспешно продолжал он.

— Да.

— Ну и как?

— Результат положительный. Мыши сдохли.

— А Уилки?

— О, он, разумеется, невредим. Как я и предполагал.

Джефферсон Томас, обладатель диплома с отличием Калифорнийского университета и диплома Гарвардского института права, по роду занятий — хобо, затем рядовой и помощник повара, а ныне исполняющий обязанности лейтенанта разведки армии Соединенных Штатов, провел первую ночь вне Цитадели, дрожа от холода на груде сосновых веток там, где его застала темнота. Ранним утром он заметил поблизости какую-то ферму. Там его накормили, но постарались как можно скорее выпроводить.

— Того и гляди сюда явится кто-нибудь из этих язычников и начнет совать нос куда не надо, — извиняющимся тоном сказал хозяин. — Я не хочу, чтобы меня арестовали за укрывательство беженцев — на мне жена и дети.

Тем не менее он проводил Томаса до большой дороги, не умолкая ни на минуту: природная общительность превозмогла даже осторожность.

— Один Бог знает, что ждет моих ребятишек, когда они вырастут. Иногда по ночам мне приходит в голову, не лучше ли одним махом положить конец всем их горестям. Джесси — это моя хозяйка — говорит, что грех об этом даже думать, что надо положиться на волю Господа, рано или поздно он о нас вспомнит. Может быть, и так, — только я знаю одно: не улыбается мне растить ребенка для того, чтобы потом им помыкали эти обезьяны. — Он сплюнул. — Не по-американски это.

— А что полагается за укрывательство беженцев?

Фермер удивленно посмотрел на него.

— Да где ты был все это время, приятель?

— В горах. Я еще ни одного сукина сына и в глаза не видел.

— Увидишь. Погоди, значит, у тебя нет номера, верно? Так ты лучше получи номер. Хотя нет, ничего у тебя не выйдет — как только объявишься, тут же загремишь в трудовой лагерь.

— Номер?

— Регистрационный номер. Вот такой.

Он достал из кармана запечатанную в прозрачный пластик карточку и показал Томасу. На карточке были приклеены не очень четкая, но в общем похожая фотография фермера, его отпечатки пальцев и напечатаны адрес, профессия, семейное положение и прочие данные, а сверху стоял многозначный номер, разделенный черточками на несколько частей. Фермер ткнул в него корявым пальцем.

— Вот эта первая часть — мой номер. Он означает, что ихний император разрешает мне оставаться в живых, дышать воздухом и ходить по земле, — с горечью сказал он. — Вторая часть — это серия, она означает, где я живу и чем занимаюсь. Если вздумаю уехать из нашего округа, я буду обязан ее поменять. А если захочу поехать в какой-нибудь другой город, не в тот, куда мне предписано ездить за покупками, я обязан получить специальный разовый пропуск. Как по-твоему, можно так жить?

— Я бы не смог, — согласился Томас. — Ну что ж, пожалуй, мне пора отправляться, пока вы из-за меня не попали в беду. Спасибо за завтрак.

— Не за что. Сейчас помочь другому американцу — одно удовольствие.

Томас быстро зашагал по дороге, чтобы добрый фермер не заметил, как сильно на него подействовало то, что он услышал. Знать, что Соединенные Штаты потерпели поражение, — это одно, а увидеть воочию регистрационную карточку — совсем другое. Рассказ фермера глубоко потряс его свободолюбивую душу. Первые два-три дня он передвигался осторожно, держась подальше от городов, пока не освоился с новыми порядками и не научился вести себя так, чтобы не вызывать подозрений. По крайней мере в один большой город он должен был проникнуть — нужно было

почитать объявления на стенах, найти случай поболтать с людьми, профессия которых позволяла им разъезжать по стране. Если бы речь шла только о его личной безопасности, он был готов пойти на это, даже без всякой регистрационной карточки, но он отчетливо помнил, как Ардмор снова и снова говорил: «Самая важная ваша задача — вернуться назад! Не стройте из себя героя. Не рискуйте без особой надобности, и самое главное — возвращайтесь!» Так что с этим придется подождать.

По ночам Томас бродил по окрестностям городов, избегая встреч с патрулями, как раньше — с железнодорожными полицейскими. На вторую ночь он обнаружил то, что искал, — пристанище бродяг. Оно находилось там, где он и рассчитывал его найти по своему прежнему опыту. Тем не менее он чуть было его не проглядел: костра там не оказалось, а вместо него была убогая печурка, кое-как сооруженная из железной бочки, и снаружи огня почти не было видно.

Вокруг печурки сидели люди. Томас уселся, не говоря ни слова, как требовал обычай, и дал себя как следует разглядеть.

Скоро какой-то унылый голос произнес:

— Да это же Джентльмен Джефф! Ну ты даешь, Джефф, — напугал меня до смерти. Я думал, это какой-нибудь плоскомордый. Что поделяваешь, Джефф?

— Да так, ничего особенного. Прячусь.

— Все мы нынче прячемся, — сказал голос. — Куда ни плюнь, везде эти косоглазые... — И он разразился длинной цепочкой проклятий, затрагивающих родителей паназиатов и такие их личные качества, с которыми он вряд ли имел случай сталкиваться.

— Кончай, Моу, — повелительно сказал другой голос. — Какие новости, Джефф?

— К сожалению, не знаю, — вежливо ответил Джефф. — Я был в горах — уклонялся от призыва и ловил себе рыбу.

— Надо было тебе там и оставаться. Сейчас везде стало совсем плохо. Никто не решается взять человека

на работу, если он не зарегистрирован. Все время только и смотришь, как бы не угодить в трудовой лагерь. По сравнению с этим та облава, когда повсюду гонялись за красными, — просто пикник.

— Расскажите мне про трудовые лагеря, — попросил Джефф. — Может быть, я рискну туда попроситься, если совсем оголодаю.

— Ты себе не представляешь, что это такое. Меня туда никакой голод не загонит. — Голос ненадолго умолк, как будто его обладатель погрузился в невеселые размышления. — Ты знал Кида из Сизтла?

— Кажется, знал. Такой маленький, с косым глазом, на все руки мастер?

— Он самый. Так вот, он пробыл в лагере с неделю, а потом вышел оттуда. Как вышел, он и сам не знал: ему все мозги отшибли. Я видел его в ту ночь, когда он помер. Весь был в язвах — должно быть, заражение крови. — Он помолчал и задумчиво добавил: — А уж воняло от него...

Томас был бы рад перевести разговор на другую тему, но нужно было разузнать как можно больше.

— А кого посылают в эти лагеря?

— Всякого, кто не работает там, где ему велено. Мальчишек, начиная с четырнадцати лет. Всех, кто уцелел из военных, после того как мы накрылись. Каждого, кого поймают без регистрационной карточки.

— Это еще не все, — добавил Моу. — Ты бы видел, что они делают с женщинами, которые остались без работы. Тут мне только вчера одна кое-что рассказывала — отличная тетка, между прочим, поесть мне дала. У нее была племянница, учительница в школе, а плоскомордые все американские школы прикрыли, и никакие учителя им не нужны. Так они ее зарегистрировали, а потом...

— Кончай, Моу. Слишком много болтаешь.

Сведения, которые удавалось раздобыть Томасу, были отрывочными и бессвязными, тем более что ему редко представлялся случай задать прямые вопросы о том, что его действительно интересовало. Тем не менее у

него понемногу складывалась картина систематического и планомерного порабощения нации, беспомощной, парализованной, неспособной защищаться, со средствами сообщения, целиком попавшими в руки завоевателей.

Повсюду он видел растущее возмущение, яростную решимость восстать против тирании, но все такие попытки были разрозненными, несогласованными, а люди, в сущности, безоружными. Вспыхивавшие время от времени мятежи оказывались столь же безрезультатными, как суeta муравьев в разрушенном муравейнике. Да, паназиата тоже можно убить, и находились люди, готовые стрелять в каждого из них, кто попадался навстречу, невзирая на неизбежность собственной гибели. Но им связывала руки еще большая неизбежность жестокого возмездия, направленного против их соотечественников. В таком же положении оказались евреи в Германии, перед тем как разразилась война: дело было не в личном мужестве, а в том, что за каждое выступление против угнетателей приходилось немислимо дорогой ценой расплачиваться другим — мужчинам, женщинам, детям.

Но страдания, которые он видел и о которых слышал, были ничто по сравнению со слухами о предполагавшемся истреблении самой американской культуры. Школы были закрыты. Печатать на английском языке не разрешалось ни единого слова. Можно было предвидеть, что всего поколение спустя письменность будет утрачена и английский язык останется лишь устным говором бесправных рабов, которые никогда не смогут восстать уже только потому, что будут лишены единого средства общения.

Даже приблизительно оценить численность азиатов, находившихся на территории Соединенных Штатов, было невозможно. Говорили, что на западное побережье каждый день прибывают транспорты с тысячами чиновников, по большей части ветеранов присоединения Индии. Трудно было сказать, будут ли они включены в состав оккупационной армии, которая захватила страну и теперь поддерживала в ней порядок, но было очевидно, что они заменят тех мелких служащих из числа белых, которые пока еще помогали оккупационной администрации под дулом пистолета. Когда эти белые

служащие будут устранены, организовать сопротивление станет еще труднее.

В одном из пристанищ, где собирались бродяги, Томасу удалось найти человека, который помог ему проникнуть в город.

Этот человек по прозвищу Петух, строго говоря, не принадлежал к числу бродяг, он только скрывался среди них, оплачивая приют мастерством своих рук. Старый анархист, он претворял в жизнь собственные убеждения, изготавливая без ведома государственного казначейства очень похожие банкноты. Кое-кто утверждал, что он получил свое прозвище от имени — Питер, другие были убеждены, что дело в пристрастии, которое он питал к бумажным пятеркам: «Делать мельче — не стоит того, а крупнее — опасно».

По просьбе бродяг он сделал для Томаса регистрационную карточку.

— Самое главное тут, сынок, — это номер, — говорил он Томасу, наблюдавшему, как он работает. — Из тех азиатов, с кем тебе придется иметь дело, английского практически никто не знает, так что мы можем написать что угодно. Даже «Вот дом, который построил Джек» — и то сойдет. То же самое и с фотографией: для них все белые на одно лицо.

Он достал из своего чемоданчика пачку фотографий и начал их перебирать, близоруко щурясь сквозь толстые очки.

— Вот, выбери сам, какая больше на тебя похожа, ее мы и приклеим. А теперь номер.

Обычно руки у него тряслись, как у паралитика, но когда он брался за дело, движения его становились точными и уверенными. Цифры, которые он выводил тушью на карточке, почти не отличались от печатных. Это было тем более удивительно, что работал он в самых первобытных условиях, без всяких точных инструментов и приспособлений. Томас понял, почему шедевры старика доставляли столько хлопот банковским кассирам.

— Готово! — объявил он наконец. — Я написал тебе такой номер серии, как будто ты зарегистрировался сразу после вторжения, а личный номер дает тебе право разъезжать по всей стране. Там еще написано, что ты негоден для тяжелой работы и тебе разрешено заниматься мелочной торговлей или побираться. Для них это одно и то же.

— Большое спасибо, — сказал Томас. — М-м-м... Сколько я вам за это должен?

Петух посмотрел на него так, как будто он сказал что-то неприличное.

— Нечего об этом говорить, сынок. Деньги — зло, из-за них люди становятся рабами.

— Прошу прощения, сэр, — от всей души извинился Томас. — Тем не менее я бы хотел как-нибудь вас отблагодарить.

— Вот это другое дело. Помогай своим братьям, когда сможешь, и тебе помогут в случае нужды.

Рассуждения старого анархиста казались Томасу пустаными, бестолковыми и негодными для практического применения, но он подолгу с ним беседовал: старик знал о паназиатах больше, чем все, с кем приходилось ему встречаться до сих пор. По-видимому, Петух ничуть их не боялся и был уверен, что всегда перехитрит кого угодно. Вторжение произвело на него, казалось, меньшее впечатление, чем на остальных. В сущности, оно не произвело на него вообще никакого впечатления — не похоже было, чтобы он испытывал горечь или ненависть к поработителям. Сначала Томасу не верилось, что этот добрый человек может проявлять такое равнодушие, но понемногу он понял, что старый анархист считал незаконными любые власти, что для него все люди действительно братья, а различия между ними — всего лишь количественные. В глазах Петуха паназиатов не за что было ненавидеть: они просто заблуждались больше других и заслуживали всего лишь жалости.

Такого олимпийского безразличия Томас не разделял. Для него паназиаты были людьми, которые угнетают и истребляют его когда-то свободный народ. «Хороший паназиат — мертвый паназиат, — говорил он себе, — и так будет до тех пор, пока последний из них не окажется по ту сторону Тихого океана. А если в Азии

их слишком много, пусть позаботятся о сокращении рождаемости». И все-таки спокойное беспристрастие Петуха во многом помогло Томасу разобраться в положении.

— Ты ошибаешься, если думаешь, что паназияты плохие, — говорил Петух. — Они не плохие, они просто другие. Все их высокомерие — от комплекса расовой неполноценности. Это такая коллективная параноя, из-за которой они постоянно убеждают самих себя, что желтый ничуть не хуже белого, а куда лучше, и стараются доказать это на нашем примере. Запомни, сынок, больше всего на свете они хотят, чтобы к ним проявляли уважение.

— Но откуда у них этот комплекс неполноценности? Мы же не имели с ними дела на протяжении двух поколений — со времени Закона о необщении.

— Неужели, по-твоему, это достаточный срок, чтобы все изгладилось из расовой памяти? Ведь корни-то уходят в девятнадцатый век. Помнишь, как двум японским начальникам пришлось совершить почетное самоубийство, чтобы стереть с себя позор, когда коммодор Перри заставил японцев открыть страну для иностранцев? Сейчас за эти две смерти мы расплачиваемся жизнями тысяч американских чиновников.

— Но паназияты — это же не японцы.

— Да, но и не китайцы тоже. Это смешанная раса, сильная, гордая и плодовитая. Американцы считают, что у них сочетаются недостатки обеих рас и нет их достоинств. А по-моему, они просто люди, которые впали в ту же самую ошибку, — решили, что государство выше личности. Как только ты поймешь, что... — и тут он пустился в бесконечные рассуждения, представлявшие собой причудливую смесь взглядов Руссо, Рокера, Торо и многих других в том же роде и показавшиеся Томасу любопытными, но неубедительными.

Тем не менее споры с Петухом помогли Томасу лучше понять, что представляет собой противник, о котором американский народ из-за Закона о необщении почти ничего не знал. Томас лишь с трудом припоминал самые главные исторические вехи.

В то время, когда был принят Закон о необщении, он всего-навсего юридически закрепил фактическое положение дел. Советизация Азии уже давно куда успешнее, чем любое решение Конгресса США, положила конец

присутствию в Азии иностранцев, и американцев — в первую очередь. Томас никак не мог понять, какие туманные соображения заставили тогда членов Конгресса счесть, будто принятие закона, всего лишь подтверждающего то, что уже сделали комиссары, способно поднять авторитет и достоинство Соединенных Штатов — это была какая-то страусиная политика. Должно быть, они решили, что закрыть глаза на существование Красной Азии будет дешевле, чем вести с ней войну.

Более полувека такая политика, казалось, оправдывала себя: войны не было. Сторонники этой меры доказывали, что даже Советской России не так просто будет проглотить Китай и что пока она будет его переваривать, Соединенным Штатам война не грозит. В этом они были правы, — но в результате принятия Закона о необщении мы повернулись к ним спиной и не заметили, как Китай переварил Россию. Америка оказалась лицом к лицу с системой, еще более чуждой западному образу мыслей, чем даже советская, на смену которой она пришла.

Пользуясь поддельной регистрационной карточкой и советами Петуха насчет того, как должен вести себя раб, Томас наконец осмелился проникнуть в один городок поменьше. Там искусство Петуха почти сразу же подверглось испытанию.

На углу Томас остановился почитать наклеенное на стену объявление. Это оказался приказ всем американцам ежедневно в восемь вечера находиться у телевизионных приемников, чтобы не пропустить распоряжений властей, которые могут их касаться. Ничего нового тут не было: приказ был издан несколько дней назад, и о нем Томас уже слышал. Он собрался уже идти дальше, когда почувствовал режущую боль от сильного удара по спине. Он круто повернулся и увидел перед собой паназиата в зеленой форме гражданской администрации с гибкой тростью в руках.

— С дороги! — Он говорил по-английски, но как-то нараспев, с интонациями, совершенно не похожими на привычное американское произношение.

Томас сразу же сошел с тротуара на мостовую («Они любят, когда ты смотришь на них снизу вверх, а они на тебя сверху вниз», — говорил Петух.) и сложил руки вместе, как положено. Склонив голову, он сказал:

— Господин приказывает, его слуга подчиняется.

— Так-то лучше, — удовлетворенно сказал азиат. — Покажи карточку.

Хотя он говорил довольно отчетливо, Томас не сразу его понял — может быть, потому, что впервые оказался в роли раба и никак не ожидал, что это так на него подействует. Он с трудом сдерживал ярость.

Трость с размаху опустилась на его лицо.

— Покажи карточку!

Томас достал свою регистрационную карточку. Пока азиат ее разглядывал, Томас успел до некоторой степени взять себя в руки. В этот момент ему было все равно, признают карточку подлинной или нет: в случае чего он просто разорвал бы этого типа на кусочки голыми руками. Однако все обошлось. Азиат нехотя протянул ему карточку и зашагал прочь, не зная, что был на волоске от смерти.

В городе Томас не узнал почти ничего такого, чего не слышал бы от бродяг раньше. Он смог только прикинуть, какую часть населения составляют завоеватели, и своими глазами убедиться, что школы закрыты, а газеты исчезли. Он с интересом отметил, что службы в церквях все еще продолжают, хотя все прочие собрания белых людей в сколько-нибудь значительном количестве строго запрещены.

Но больше всего его потрясли мертвые, ничего не выражающие лица людей и молчаливые дети. Он решил, что с этих пор будет ночевать только в пристанищах бродяг, за пределами городов.

В одном из пристанищ Томас встретил старого приятеля. Фрэнк Рузвельт Митсуи был настоящий американец, гораздо больше американец, чем английский аристократ Джордж Вашингтон. Его дед привез жену, наполовину китаянку, наполовину полинезийку, из Гонолулу в Лос-Анджелес, где завел питомник и растил там цветы,

кустарники и желтокожих детишек, которые не говорили ни по-китайски, ни по-полинезийски и ничуть об этом не горевали. Отец Фрэнка встретился с его матерью Телмой Вонг — белой, но с примесью китайской крови, — в Интернациональном клубе Университета Южной Калифорнии. Он увез ее в Импириэл-Вэлли и купил ей уютное ранчо. Джефф Томас на протяжении трех сезонов нанимался к Фрэнку Митсуи убирать салат и дыни и знал его как хорошего хозяина. Он почти подружился со своим работодателем — уж очень ему нравилась орава смуглых ребятишек, которые для Фрэнка были важнее любого урожая. Тем не менее, увидев в пристанище плоское желтое лицо, Томас весь ошетинился и даже не сразу узнал старого приятеля.

Оба чувствовали себя неловко. Хотя Томас прекрасно знал Фрэнка, он сначала не мог заставить себя довериться человеку восточного происхождения. Только глаза Фрэнка в конце концов его убедили: в них он прочел страдание, еще более жестокое, чем в глазах белых людей, — страдание, которое не покинуло их и тогда, когда Фрэнк, улыбнувшись, пожал ему руку.

— Вот не ожидал, Фрэнк, — брякнул Джефф, не подумав. — Оказывается, и ты здесь? Я думал, уж тебе-то поладить с новым режимом будет легко.

Фрэнк Митсуи грустно посмотрел на него и, казалось, не знал, что ответить.

— Что это ты несешь, Джефф? — вмешался кто-то из бродяг. — Не знаешь, что ли, что они делают с такими вроде Фрэнка?

— Нет, не знаю.

— Так вот, слушай. Ты скрываешься. Если тебя сцапают, — попадешь в лагерь. Фрэнк тоже скрывается. Но, если сцапают его, ему крышка — без всяких разговоров. Пристрелят на месте.

— Да? А что ты сделал, Фрэнк?

Митсуи печально покачал головой.

— Ничего он не сделал, — продолжал бродяга. — Американоазиаты ихней империи не нужны. Они таких ликвидируют.

Все оказалось очень просто. Жившие на тихоокеанском побережье японцы, китайцы и им подобные не подходили под схему, в которой было место только для

господ и рабов. Особенно это относилось к людям смешанной расы. Они угрожали стабильности системы. Следуя своей холодной логике, завоеватели вылавливали их и уничтожали.

— Когда я добрался до дома, — рассказывал Фрэнк Томасу, — все были мертвы. Все. Моя маленькая Шерли, малыш, Джимми, крошка — и Алиса тоже.

Он закрыл лицо руками. Алиса была его жена. Томас помнил эту смуглую, крепкую женщину в комбине зоне и соломенной шляпе, которая очень мало говорила, но много улыбалась.

— Сначала я хотел покончить с собой, — продолжал Митсуи, немного успокоившись. — Потом передумал. Два дня прятался в канаве, потом ушел в горы. Там какие-то белые чуть не убили меня, прежде чем я убедил их, что я на их стороне.

Томас мог представить себе, как это было, и не знал, что сказать. Фрэнку не повезло вдвойне, надеяться ему не на что.

— А что ты думаешь делать теперь, Фрэнк?

Томас увидел, как лицо его осветила вновь обретенная воля к жизни.

— Потому-то я и не позволил себе умереть! По десять за каждого, — он один за другим загнул четыре пальца. — По десять за каждого из ребятишек — и двадцать за Алису. Потом, может быть, еще десять за себя, а там можно и умирать.

— Хм... Ну и как, получается?

— Пока тринадцать. Дело идет медленно — приходится действовать только наверняка, чтобы меня не убили раньше, чем я с ними не рассчитаюсь.

Томас долго размышлял, как воспользоваться тем, что он узнал, для достижения собственных целей. Такая непоколебимая решимость могла оказаться полезной, если направить ее в нужную сторону. Но только несколько часов спустя он снова подошел к Митсуи и тихо сказал:

— А не хотел бы ты увеличить свою норму? Не по десять, а по тысяче за каждого — и две тысячи за Алису.

Глава 3

Охранная сигнализация у входа в Цитадель предупредила Ардмора о появлении там постороннего задолго до того, как Томас просвистел перед дверью мелодию-пароль. Ардмор сидел у телевизора, не сводя глаз с экрана и не снимая пальца с кнопки, готовый мгновенно уничтожить любого непрошеного гостя. У него отлегло от сердца, когда он увидел, что в Цитадель входит Томас, но он снова насторожился, обнаружив, что тот не один. Паназиат! Повинуясь невольному импульсу, Ардмор чуть не уничтожил обоих, но в последний момент удержался: а вдруг Томас взял противника в плен и ведет на допрос?

— Майор! Майор Ардмор! Это я, Томас.

— Стойте и не двигайтесь! Оба!

— Все в порядке, майор. Он американец. Я за него ручаюсь.

— Допустим, — донесся до Томаса угрюмо-подозрительный голос из динамика. — Но все равно — разденьтесь догола. Оба.

Они разделись. Томас в досаде кусал губы, Митсуи весь дрожал от волнения. Он ничего не понимал и решил, что попал в западню.

— Теперь медленно повернитесь кругом, я вас осматриваю, — приказал голос.

Убедившись, что оружия при них нет, Ардмор велел обоим стоять неподвижно, а сам по внутреннему телефону вызвал Грэхема.

— Грэшем!

— Да, сэр.

— Явитесь ко мне немедленно. Я в комнате дежурного.

— Но, майор, я сейчас не могу. Обед должен быть готов через...

— Черт с ним, с обедом! Быстро сюда!

Когда Грэшем явился, Ардмор показал ему на экран и объяснил, что происходит.

— Идите к ним. Обоим — руки за спину и сразу наденьте наручники. Сначала азиатку. Пусть сам приблизится к вам — и смотрите в оба. Если попытается на вас броситься, мне, возможно, придется прикончить и вас заодно.

— Не нравится мне это, майор, — возразил Грэшем. — Ведь Томас свой, он не подведет.

— Ну конечно, я прекрасно знаю, что он свой. А что если его чем-нибудь опоили и заставили слушаться? Может быть, это что-то вроде троянского коня. Идите и делайте, что приказано.

Пока Грэшем осторожно выполнял не слишком приятное поручение — вполне заслужив тем самым награду, потому что, наделенный живым воображением художника, ярко и наглядно представлял себе возможную опасность и вынужден был собрать все свое мужество, — Ардмор позвонил Бруксу.

— Доктор, вы не можете сейчас прервать свою работу?

— Пожалуй, могу. Да, вполне. Что от меня требуется?

— Зайдите ко мне. Томас вернулся. Я хочу знать, не находится ли он под действием наркотиков.

— Но я ведь не врач...

— Знаю, только никого более подходящего у нас нет.

— Хорошо, сэр.

Доктор Брукс заглянул Томасу в зрачки, проверил его коленный рефлекс, посчитал пульс.

— Я бы сказал, что он совершенно нормален, только очень устал и волнуется. Разумеется, это не полноценный диагноз. Если бы у меня было время...

— Спасибо, этого достаточно. Томас, я надеюсь, вы не обидитесь на меня за то, что мы подержим вас взаперти, пока будем беседовать с вашим приятелем-азиатом?

— Конечно, не обижусь, майор, — ответил Томас, криво улыбнувшись. — Вы ведь все равно это сделаете.

Когда Брукс ввел шприц в вену Фрэнку Митсуи, тот вздрогнул и весь покрылся потом, но руку не отдернул. Вскоре средство подействовало: действия Фрэнка уже не подчинялись его сознанию, а речевые центры мозга освободились от контроля коры. Лицо его расслабилось, на нем появилось умиротворенное выражение.

Но оно исчезло несколько минут спустя, когда начался допрос. Не смогли сохранить спокойствие и те, кто его допрашивал. Неприкрашенная, жестокая правда, звучащая в его словах, никого не оставила бы равнодушным. Глубокие морщины пролегли на лице Ардмора. О чем бы ни спрашивали этого несчастного маленького человека, он постоянно возвращался к рассказу о своих убитых детях и разоренном доме. В конце концов Ардмор не выдержал.

— Дайте ему противоядие, доктор. Я больше не могу. Мы уже выяснили все, что нужно.

Когда Фрэнк окончательно пришел в себя, Ардмор торжественно пожал ему руку.

— Мы рады, что вы с нами, мистер Митсуи. Мы найдем для вас дело, которое поможет вам свести с ними счеты. Сейчас я попрошу доктора Брукса дать вам снотворное, чтобы вы проспали часов шестнадцать, а потом мы приведем вас к присяге и подумаем, каким образом вы могли бы принести нам побольше пользы.

— Я не хочу спать, мистер... майор.

— Тем не менее вы поспите. И Томас тоже, как только обо всем доложит. Больше того... — он на секунду умолк и взгляделся в бесстрастное на вид лицо Митсуи, — вы будете принимать по таблетке снотворного каждый вечер. Это приказ. Я сам буду выдавать вам таблетку, и вы будете принимать ее у меня на глазах перед тем, как лечь спать.

У военной дисциплины есть и положительные стороны. Ардмор не мог бы вынести мысли о том, как этот маленький желтокожий человек каждую ночь лежит с открытыми глазами, глядя в потолок.

Брукс и Грэхем явно хотели бы остаться и послушать рапорт Томаса, но Ардмор сделал вид, что не замечает этого, и отпустил их. Он хотел сначала вникнуть в добытую информацию сам.

— Так вот, лейтенант, я чертовски рад, что вы вернулись.

— Я тоже рад, что вернулся. Вы, кажется, сказали «лейтенант»? А я думал, теперь мне возвращается прежнее звание.

— Это почему же? Больше того, я собираюсь изобрести какой-нибудь повод и произвести в офицеры Грэхема с Широм. Нам здесь будет куда проще жить, когда все будут в одинаковом ранге. Но это между прочим. Давайте послушаем, чего вам удалось добиться. Я полагаю, теперь вам все уже ясно, и сейчас вы выложите передо мной на стол исчерпывающее решение наших проблем, перевязанное ленточкой?

— Ну, навряд ли, — улыбнулся Томас.

— Я на это и не надеялся. Но, если говорить серьезно и строго между нами, мне надо бы предпринять что-нибудь эффектное, и как можно скорее. Научный персонал уже начинает на меня наседать, особенно полковник Кэлхун. Какой, к дьяволу, смысл в том, что они могут делать всякие чудеса в лаборатории, если я не сумею придумать никакого способа перевести эти чудеса на язык стратегии или тактики?

— А они в самом деле так далеко продвинулись?

— Вот увидите. Они вцепились в этот так называемый эффект Ледбеттера и носятся с ним, как терьер с крысой в зубах. Сейчас они могут с его помощью делать все, что угодно, кроме разве что одного — картошку чистить.

— В самом деле?

— В самом деле.

— А что, например, они могут сделать?

— Ну, скажем... — Ардмор перевел дух. — Честно говоря, не знаю, с чего начать. Уилки пытался объяснить мне все попроще, но я, признаться, понял только половину. Можно сказать так — они открыли способ управлять атомами. Нет, речь идет не о расщеплении атома, не об искусственной радиоактивности. Смотрите. Мы говорим, что существуют пространство, время и вещество, так?

— Да. Но есть еще эта идея Эйнштейна о единстве пространства и времени.

— Разумеется, о ней написано во всех школьных учебниках. Но у них это получилось на самом деле. У них выходит, что и пространство, и время, и масса, и энергия, и излучение, и тяготение — все это разные способы представлять себе нечто единое. И стоит только разобраться в том, как работает что-нибудь одно, сразу получаешь ключ ко всему остальному. Если верить Уилки, то все физики до самого последнего времени, даже после того, как появилась атомная бомба, только и делали что бродили по обочинам. Они взялись было за единую теорию поля, но сами в нее по-настоящему не верили и действовали так, будто все это совершенно разные вещи. А Ледбеттер догадался, что такое на самом деле излучение, и благодаря этому Кэлхун с Уилки получили ключ ко всей остальной физике. Вы поняли? — добавил он с улыбкой.

— Не очень, — сознался Томас. — А вы не могли бы сказать, что это дает?

— Ну, прежде всего, тот первичный эффект Ледбеттера, от которого здесь погиб почти весь личный состав, — Уилки считает, что это всего лишь случайное побочное явление. Брукс говорит, что полученное излучение повлияло на коллоиды живых тканей: у тех, кто погиб, они коагулировали. Но с таким же успехом это излучение можно использовать, чтобы высвободить энергию поверхностного натяжения. Только вчера они таким способом взорвали полкило говяжьей вырезки — взрыв был, как от динамитной шашки.

— Да ну?

— Правда. Только не спрашивайте меня, как они это сделали, я просто повторяю то, что мне было рассказано. Суть в том, что они, кажется, поняли, как

устроено вещество. Они могут взрывать его — иногда — и использовать энергию взрыва. Они могут превращать один химический элемент в другой. Они, по моему, убеждены, что знают, с какого конца подойти, чтобы понять природу тяготения, и тогда они смогут обращаться с ним так же, как мы сейчас обращаемся с электричеством.

— Я думал, что по современным представлениям тяготение — это не вид энергии.

— Правильно, но в единой теории поля сама энергия — не энергия. Черт возьми, это очень трудно объяснить на человеческом языке. Уилки говорит, что это можно описать только математически.

— Ну, раз так, то мне, должно быть, придется примириться с тем, что я ничего не понимаю. Но откровенно говоря, я удивлен, что они успели так много сделать за такое короткое время. Ведь это меняет все наши представления. От Ньютона до Эдисона прошло полтора-два десятилетия, а тут такие результаты всего за несколько недель!

— Я и сам удивляюсь. Мне это приходило в голову, и я даже спросил Кэлхуна. Он изобразил из себя ужасно умного и объяснил мне, как школьнику, что те первопроходцы просто-напросто не знали тензорного исчисления, векторного анализа и матричной алгебры, и в этом все дело.

— Может быть, так оно и есть, — пожал плечами Томас. — У нас, в Институте права, этому не учили.

— У нас тоже. Я попробовал было посмотреть их расчеты. Я знаю алгебру и немного учил высшую математику, но уже много лет их в руки не брал и, конечно, ничего не понял. Похоже на санскрит: множество непонятных значков, и даже те, которые знаешь, означают что-то совсем другое. Вот смотрите — я полагал, что «а», умноженное на «b», всегда равно «b», умноженному на «a».

— А разве нет?

— То-то и оно, что у них все не так. Но мы отвлеклись. Рассказывайте, что вы узнали.

— Слушаюсь, сэр.

Томас рассказывал долго, стараясь как можно обстоятельнее описать, что он видел, слышал и чувство-

вал. Ардмор слушал, не перебивая, и только изредка задавал вопросы, чтобы уточнить какую-нибудь подробность. Когда Томас закончил, Ардмор помолчал немного, а потом сказал:

— Наверное, мне подсознательно хотелось, чтобы вы вернулись и сообщили что-нибудь такое, после чего все встало бы на свои места и было бы ясно, что делать. Но то, что вы рассказали, не слишком обнадеживает. Я не вижу, как отвоевать обратно страну, которая полностью парализована и находится под таким тщательным контролем.

— Но я видел не все. Я был всего километрах в трехстах отсюда, не больше.

— Да, но ведь вы многое слышали от других хобо, которые побывали во всех концах страны?

— Да.

— И все говорили примерно одно и то же. Должно быть, мы можем считать, что картина получается довольно близкая к истине. Насколько свежей, по-вашему, была та информация, которую вы получили из вторых и третьих рук?

— Ну, если речь идет о новостях с восточного побережья, то им дня три-четыре, не больше.

— Должно быть, так и есть. Новости всегда передаются кратчайшим путем. Все это не слишком радует. И все-таки... — он умолк и озадаченно нахмурился, — все-таки вы, кажется, сказали что-то такое, что может стать ключом к решению всех проблем. Никак не могу сообразить, что это было. У меня появилось такое ощущение, но я подумал о чем-то другом, отвлекся и потерял нить.

— Может быть, мне начать сначала? — предложил Томас.

— Да нет, в этом нет необходимости. Завтра я прослушаю с начала до конца всю запись, если только до этого не вспомню сам.

Их прервал повелительный стук в дверь.

— Войдите! — крикнул Ардмор.

На пороге появился полковник Кэлхун.

— Майор Ардмор, что там за история с пленным паназиатом?

— Это не совсем так, полковник. У нас здесь, действительно, находится один человек азиатского происхождения, но он американец.

Кэлхун не обратил внимания на его слова.

— Почему мне об этом не сообщили? Я давно уже поставил вас в известность о том, что мне для экспериментов срочно необходим человек монгольской расы.

— Доктор, нас здесь слишком мало, чтобы соблюдать все формальности. Со временем вы бы так или иначе об этом узнали — да ведь и в самом деле уже знаете.

Кэлхун сердито засопел.

— Случайно, из разговоров моих подчиненных!

— Извините, полковник, но тут уж ничего не поделаешь. Как раз сейчас Томас докладывает мне о том, что он выяснил.

— Очень хорошо, сэр, — ледяным голосом произнес Кэлхун. — Не откажите в любезности сейчас же прислать ко мне этого азиата.

— Я не могу это сделать. Он спит после приема снотворного, и вы сможете с ним увидеться не раньше, чем завтра. Кроме того, хоть я и не сомневаюсь, что он пойдет нам навстречу и согласится участвовать в любом эксперименте, тем не менее он не пленный, а американский гражданин и лицо, которое мы взяли под свою защиту. Нам придется поговорить об этом с ним.

Кэлхун вышел так же порывисто, как и вошел.

— Джефф, — задумчиво произнес Ардмор, глядя ему вслед, — я хочу сказать вам неофициально — сугубо неофициально! — что если когда-нибудь получится так, что мы не будем связаны воинской дисциплиной, я тут же съезжу этому старому мерзавцу по физиономии!

— А почему бы вам его не приструнить?

— Не могу, и он это прекрасно знает. Он незаметным и неоценим. Для наших исследований нужны его мозги, а мозги не заставишь подчиняться приказам. Но вы знаете, хоть он и гений, но я иногда подозреваю, что он немного не в себе.

— Очень может быть. Зачем ему так понадобился Фрэнк Митсуи?

— Ну, это довольно сложно объяснить. Они доказали, что первичный эффект Ледбеттера зависит от свойств жизненной формы, на которую он действует, — это что-то вроде ее собственной частоты. Такая собственная частота, или длина волны, есть как будто у каждого человека. На мой взгляд, это немного отдает астрологией, но доктор Брукс говорит, что так оно и есть, и это даже не ново. Он показал мне статью одного типа из Лондонского университета по фамилии Фокс — она была напечатана еще в сорок пятом, — так вот этот Фокс показал, что у каждого кролика гемоглобин имеет свою характерную длину волны: из всего спектра он поглощает именно эту волну, и никакую другую. По этому признаку — по спектру поглощения гемоглобина — можно отличить одного кролика от другого или кролика от собаки. Фокс попробовал проделать то же самое с человеком, но ничего не получилось: оказалось, что существенных различий в длине волн нет. Но Кэлхун и Уилки соорудили спектроскоп для того спектра, с которым работал Ледбеттер, и там ясно видно, что у каждой пробы человеческой крови — своя длина волны. Значит, если они построят излучатель, который можно будет настраивать, и начнут излучать волны разной длины, то, когда дойдет дело до вашей индивидуальной частоты, ваши красные кровяные тельца начнут поглощать энергию, молекулы гемоглобина разрушаться — раз, и вы мертвы! А я буду стоять рядом с вами и останусь жив и даже невредим, потому что мою частоту они не затронут. Так вот, у Брукса появилась идея, что эти частоты должны быть связаны с расовой принадлежностью. Он думает, что можно будет настраиваться на ту или иную расу — например, прикончить в толпе всех азиатов, а белых не тронуть, или наоборот.

— Ну и ну! — Томас зябко повел плечами. — Вот это будет оружие!

— Да, еще какое! Пока все это только на бумаге, но они хотят испытать его на Митсуи. Насколько я понимаю, убивать они его не собираются, но это будет чертовски опасно. Для него.

— Фрэнк не откажется рискнуть, — заметил Томас.

— Я тоже так считаю. — Ардмор подумал, что Митсуи, может быть, даже лучше умереть быстрой и безбо-

лезненной смертью в лаборатории. — Теперь вот что. Мне представляется, что с помощью ваших приятелей-хобо, с их источниками информации, мы могли бы наладить что-то вроде постоянной разведывательной службы. Давайте-ка поговорим о том, как это сделать.

Пока ученые проверяли свои гипотезы о связи между расовой принадлежностью и усовершенствованным эффектом Ледбеттера, Ардмор получил несколько дней передышки и смог всерьез подумать о том, как применить новое оружие для военных целей. Однако ничего придумать он не смог. Да, оружие получилось могучее, и даже не одно оружие, а много, потому что вновь открытые силы, казалось, так же многолики, как и электричество. Можно было почти не сомневаться, что будь год назад в распоряжении вооруженных сил Соединенных Штатов то, что теперь создали ученые Цитадели, — страна не потерпела бы поражения.

Но шесть человек не могут одержать верх над целой империей. Во всяком случае, с помощью грубой силы. Императору ничего не стоит пожертвовать шестью миллионами солдат, устоять против которых шесть человек не в состоянии. Орды завоевателей, даже ничем не вооруженные, обрушатся на них, как лавина, и погребут под горами мертвых тел. Чтобы применить новое оружие, Ардмору нужна была армия.

Вопрос заключался в том, как ее набрать и обучить.

Конечно, паназиаты не станут спокойно смотреть, как он собирает силы по всей стране. Организованный ими тщательный полицейский надзор за населением свидетельствовал о том, что они прекрасно понимают, чем им грозит мятеж, и готовы раздавить любую его попытку, прежде чем она разрастется до опасных размеров.

Остаются, правда, скрывающиеся от них хобо. Он спросил Томаса, нельзя ли использовать их для ведения военных действий. Но тот покачал головой.

— Вы, командир, не понимаете, что такое хобо. Из сотни их и одного такого не найти, кто мог бы строго соблюдать дисциплину, а без этого тут не обойтись.

Представьте себе даже, что вы дали каждому по излучателю, — я не говорю, что это возможно, но допустим, — и все равно у вас будет не армия, а непослушная толпа.

— Разве они не станут драться?

— Ну конечно, станут. Но каждый будет драться сам по себе. Каждый перебьет множество плоскомордых, но в конце концов один из них застанет его врасплох и прикончит.

— А сбор информации им можно доверить?

— Это другое дело. Большинство и знать не будет, что их для этого используют. Я сам отберу десяток, не больше, которые станут моими связными, да и тем скажу ровно столько, сколько им нужно знать.

Ардмор все больше убеждался в том, что с какой стороны ни посмотреть, прямое боевое применение нового оружия нереально. Лобовая атака хороша только тогда, когда хватает живой силы. Легко было генералу Гранту говорить: «Я буду драться на этой позиции, даже если придется простоять на ней все лето», — он мог терять по три солдата за каждого убитого противника и все-таки победить. Но для командира, который не может позволить себе потерять даже одного-единственного человека, такая тактика не подходит. Остается одно: военные хитрости и демонстрации, обманные маневры и удары врасплох. «Остаться в живых сегодня, чтоб назавтра сражаться вновь», — вспомнилась ему строчка из полузабытого стихотворения. Да, это то, что нужно. Придумать что-нибудь совершенно неожиданное, такое, чтобы паназияты и не подозревали об опасности, пока не станет поздно.

Это должно быть что-то вроде «пятой колонны», которая подточила демократические страны Европы изнутри в те трагические дни, что завершились окончательным падением европейской цивилизации. Но это будет не «пятая колонна» предателей, стремящихся парализовать свободную страну, а нечто противоположное — «шестая колонна» патриотов, почетной задачей которой будет подорвать боевой дух завоевателей, их уверенность в себе, внушить им страх. А сделать это можно только с помощью военной хитрости.

Когда Ардмор пришел к такому выводу, на душе у него немного полегчало. В этом он кое-что понимал, не зря всю жизнь занимался рекламой. До сих пор он пытался найти военное решение, но какой из него военный? И нечего было изображать из себя фельд-маршала. У него просто иначе устроена голова. Здесь все решает психология толпы. Когда-то его начальник, у которого он учился рекламному ремеслу, говорил: «Дайте мне достаточно денег и не связывайте руки, и я уговорю даже санитарного врача купить у меня партию дохлых кошек». Ну хорошо, руки у него не связаны, денег хватает. Конечно, использовать газеты и все остальные привычные каналы рекламы теперь нельзя, но что-нибудь наверняка удастся придумать. Вопрос в том, как нащупать слабое место паназиятов и найти способ подействовать на него с помощью нового оружия Кэлхуна. Подействовать так, чтобы им стало тошно, чтобы сами запросились домой.

Никакого определенного плана у него не было. А когда человек не знает, что предпринять, он обычно созывает совещание. Ардмор так и сделал.

Он вкратце изложил ситуацию, повторив все то, что сообщил ему Томас и что удалось почерпнуть из «учебных» телепрограмм, которые передавали завоеватели. Потом он коснулся тех возможностей, которые открываются благодаря исследованиям научного персонала, и разных вариантов их использования в военных целях, специально подчеркнув, что для эффективного применения нового оружия необходимы люди. Закончил он тем, что попросил всех высказывать свои предложения.

— Правильно ли я понял, майор, — начал Кэлхун, — что, после того как вы категорически настояли, что сами будете принимать все решения военного характера, теперь вы предлагаете нам сделать это за вас?

— Вовсе нет, полковник. Я по-прежнему несу ответственность за все принимаемые решения, но это совершенно необычная ситуация, и любая идея, от кого бы она ни исходила, может оказаться очень полезной. Я себя не переоцениваю и не считаю, что один здесь наделен здравым смыслом или способен оригинально мыслить. Я хотел бы, чтобы каждый из нас предложил что-нибудь на общее обсуждение.

— А у вас есть какой-нибудь собственный план?

— Свои соображения я изложу после того, как выскажутся остальные.

— Ну хорошо, сэр. — Доктор Кэлхун встал. — Раз вы об этом просите, я скажу вам, как, по моему мнению, следует поступить в такой ситуации, — и я убежден, что это единственное возможное решение. Вы знаете, как могучи те силы, которые мне удалось поставить нам на службу. — Ардмор заметил, как при этих словах Уилки поджал губы. — В своем резюме вы их, пожалуй, даже недооценили. У нас здесь, в Цитадели, есть десяток скоростных разведывательных воздушных машин. Если оборудовать их энергетическими установками Кэлхуна, они будут превосходить в скорости любой самолет противника. Мы поставим на них самые мощные излучатели и начнем наступление. Располагая таким огромным превосходством в вооружении, мы поставим на колени всю Паназиагскую империю — это будет только вопрос времени!

«Как может человек быть настолько близоруким?» — подумал Ардмор, но спорить не стал, сказав только:

— Благодарю вас, полковник. Я прошу подробно изложить ваш план в письменном виде. А пока не хочет ли кто-нибудь развить предложение полковника или выдвинуть какие-нибудь возражения? — Он немного подождал в надежде, что кто-то попросит слова, потом добавил: — Ну, высказывайтесь! Ведь идеальных решений не бывает. Наверняка у вас есть чем этот план хотя бы дополнить.

Первым решился Грэхем.

— А сколько раз в день вы собираетесь приземляться, чтобы перекусить?

— Что за глупости! — отрезал Кэлхун, прежде чем Ардмор успел вмешаться. — Я считаю, что сейчас неподходящее время для шуток.

— Подождите минутку! — возразил Грэхем. — Это не шутка, я вполне серьезно. В конце концов, это как раз по моей части. Наши машины могут продержаться в воздухе без посадки не так уж долго. Чтобы отвоевать таким способом всю территорию Соединенных Штатов, понадобится довольно много времени, даже если мы найдем достаточно людей, чтобы машины не проста-

ивали без дела. Значит, время от времени им придется возвращаться на базу, чтобы поесть.

— Значит, все это время мы должны удерживать базу в своих руках, — внезапно вставил Шир.

— Вокруг базы тоже можно поставить излучатели, — раздраженно сказал Кэлхун. — Майор, я вынужден просить вас прекратить обсуждение подобных нелепых замечаний.

Ардмор потер рукой подбородок и промолчал. Рэндол Брукс, который до сих пор внимательно слушал, вытащил из кармана клочок бумаги и начал что-то быстро на нем чертить.

— Доктор Кэлхун, мне кажется, в том, что говорит Шир, есть некоторый смысл. Посмотрите — вот тут база. Паназиаты могут окружить ее своими воздушными кораблями за пределами досягаемости излучателей. Скорость наших машин-разведчиков тут не имеет значения, потому что противник может использовать для блокады сколько угодно воздушных кораблей и не пропустит их к базе. Правда, на них будут стоять боевые излучатели, но нельзя же вести бой сразу с сотней воздушных кораблей. К тому же не забудьте, что паназиаты тоже хорошо вооружены.

— И очень даже хорошо, — добавил Уилки. — Нельзя допустить, чтобы расположение базы стало им известно. Если только они узнают, что мы скрываемся под этой горой, они разнесут ее в пыль своими ракетными бомбами с расстояния в тысячи километров!

Кэлхун резко встал.

— Я не намерен больше оставаться здесь и выслушивать пораженческие рассуждения малодушных недоучек. Составляя свой план, я исходил из того, что выполнять его будут настоящие мужчины.

И он с надменным видом вышел.

Ардмор сделал вид, что не заметил его ухода, и поспешно продолжал:

— Возражения, которые были здесь высказаны против предложения полковника Кэлхуна, на мой взгляд, могут относиться к любому плану прямых, открытых боевых действий. Я обдумывал несколько таких планов и отказался от них примерно из тех же соображений — хотя бы из-за трудностей с материальным обес-

печением. Тем не менее возможно, что мне просто не пришел в голову какой-нибудь вполне реальный вариант. Может ли кто-нибудь предложить такой способ ведения прямых боевых действий, который не подвергал бы опасности личный состав?

Никто не ответил.

— Очень хорошо. Если такое предложение у кого-нибудь появится позже, прошу об этом сообщить. А пока мне представляется, что мы вынуждены действовать хитростью. Если сейчас мы еще не можем сразиться с противником в открытую, — значит, нужно его дурачить до тех пор, пока это не станет возможно.

— Понятно, — согласился доктор Брукс. — Как на корриде — махать у быка под носом красной тряпкой, чтобы он не заметил шпаги.

— Вот именно. Если бы только это было так же просто! Нет ли у кого какой-нибудь идеи — как нам использовать то, что у нас есть, но чтобы они при этом не могли сообразить, кто мы, где находимся и сколько нас? А пока вы думаете, я покурю. — Через некоторое время он добавил: — Имейте в виду, что у нас два преимущества. Во-первых, противник, очевидно, не догадывается даже о нашем существовании. А во-вторых, наше оружие покажется им совершенно необычным и даже загадочным. Это вы, Уилки, говорили, что эффект Ледбеттера похож на колдовство?

— Ну еще бы, командир! Могу смело сказать, что если не считать приборов, что стоят у нас в лабораториях, не существует никакого способа даже обнаружить те силы, с которыми мы работаем. Никто и не поймет, что происходит. Это то же самое, что пытаться слушать радиоволны невооруженным ухом.

— Вот это я и имел в виду. Для них это будет загадка. Как для индейцев, когда они впервые повстречались с огнестрельным оружием белого человека: они умирали, не понимая отчего. Подумайте об этом. Теперь я буду молчать, а вы говорите.

Первое предложение высказал Грэхем.

— Майор!

— Да?

— А что если нам заняться похищением людей?

— Это как?

— Ну, вы сами говорили, что нужно их запутать, верно? Что если устроить небольшую вылазку с излучателем Ледбеттера? Отправиться ночью на машине-разведчике и выкрасть какую-нибудь важную персону, может быть, даже самого Наследного Принца? Вышибить излучателем дух из всякого, кто попадется нам навстречу, зайти и захватить его?

— Что вы можете об этом сказать, джентльмены? — спросил Ардмор, решив пока не высказывать свое мнение.

— По-моему, в этом что-то есть, — заметил Брукс. — Я предложил бы настроить излучатели так, чтобы они не убивали, а только погружали в бессознательное состояние на несколько часов. Мне кажется, психологическое действие будет сильнее, если они потом очнутся и увидят, что их предводитель исчез. Никаких воспоминаний о том, что происходило за это время, у них не останется — Уилки и Митсуи могут это подтвердить.

— А зачем ограничиваться одним Наследным Принцем? — спросил Уилки. — Мы могли бы посылать в каждую вылазку четыре команды, по две на каждой машине, и совершить за одну ночь двенадцать рейдов. Может быть, нам удастся захватить столько начальства, что это их серьезно дезорганизует.

— Похоже, это неплохая идея, — согласился Ардмор. — Не исключено, что нам не удастся провести такую операцию больше одного раза. Если мы сможем одним ударом заметно ослабить их командование, это подорвет их боевой дух, а может быть, и даст толчок к всеобщему восстанию. Вы хотите что-то сказать, Митсуи?

Он заметил, что Митсуи явно чем-то не нравился план, который они обсуждали.

— Боюсь, ничего из этого не выйдет, — нехотя произнес тот.

— Вы хотите сказать, что нам не удастся их таким способом выкрасть? Вам, наверное, известно что-то такое, чего мы не знаем, про то, как у них поставлена охрана?

— Нет, нет. Если у вас есть оружие, которое действует сквозь стены и поражает человека прежде, чем он сообразит, что происходит, то вы, наверное, сможете

их похитить. Но только результат будет совсем не такой, как вам кажется.

— Почему?

— Потому что вы ничего этим не добьетесь. Они и мысли не допустят, что их командиры у вас в плену, а решат, что все они покончили с собой. Последствия будут ужасными.

Дело касалось психологии, и мнения присутствующих разошлись. Но никто не мог поверить, что паназиаты осмелятся ответить репрессиями, если будут располагать достоверными сведениями, что их божественные вожди не погибли, а находятся в руках противника. Кроме того, такой план позволял немедленно приступить к действиям, а этого всем очень хотелось. В конце концов, за неимением лучшего, Ардмор согласился его принять, хотя и испытывал какие-то смутные опасения.

Следующие несколько дней ушли на то, чтобы подготовить к выполнению задачи воздушные машины-разведчики. Шир, трудившийся по восемнадцать, а то и по двадцать часов в сутки, проделал титаническую работу; все остальные с готовностью ему помогали. Даже Кэлхун сменил гнев на милость и согласился принять участие в вылазке, хотя и отказался заниматься «грубым неквалифицированным трудом». Томас совершил короткую рекогносцировку и выяснил, где располагаются ближайшие двенадцать паназиатских штабов.

Воодушевленный возможностью начать наконец хоть как-то действовать, Ардмор и не вспоминал о собственном решении создать «шестую колонну» — подпольную или полуподпольную организацию, которая занималась бы деморализацией противника изнутри. Нынешний план этого не предусматривал — операция готовилась чисто военная. Ардмор чувствовал себя если не Наполеоном, то по меньшей мере сандинистом, который наносит неожиданные удары по регулярным частям и скрывается в ночи.

Но Митсуи оказался прав.

Они регулярно смотрели телевизионные передачи, чтобы знать, что завоеватели считают нужным сообщать своим рабам. Почти все к восьми часам вечера привычно собирались в зале и прослушивали новые распоряжения, адресованные населению. Ардмор по-

ощрял такие собрания, которые называл «сеансами ненависти», — он считал, что от этого поднимается боевой дух.

За два дня до намеченной вылазки все собрались в зале, как обычно. Уродливое широкоскулое лицо очередного пропагандиста неожиданно сменилось другим — это был пожилой паназиат, которого ведущий представил как «божественного хранителя мира и порядка». Он не стал тратить время попусту и сразу перешел к делу. Американцы, состоявшие на службе правительства одной из провинций, совершили страшный грех: они восстали против своих мудрых правителей, захватили священную особу губернатора и удерживали его в качестве пленного в собственном дворце. Солдаты Небесного Императора сокрушили безумных святотатцев; при этом губернатор, как это ни печально, отошел к праотцам. Объявлялся траур, который вступал в силу немедленно; в знак его начала населению провинции предстояло, согласно разрешению свыше, искупить грех своих соотечественников. Студия, откуда велась передача, исчезла, и на экране появилось огромное множество людей — мужчин, женщин и детей, толпившихся за колючей проволокой. Камера показывала их крупным планом, и обитателям Цитадели были хорошо видны слепое отчаяние на лицах, заплаканные дети, женщины с младенцами на руках, беспомощные отцы семейств.

Однако это продолжалось недолго. Камера поднялась ввысь, прошла панорамой по бескрайнему морю живых существ и вновь показала крупным планом один его уголок.

На людей направили луч, который вызывал эпилептический припадок. Через мгновение в них не осталось ничего человеческого — как будто десяткам тысяч гигантских цыплят разом свернули шеи и бросили в загон, где они бились в предсмертных судорогах. То одно, то другое тело взлетало в воздух, подброшенное сильнейшими судорогами, от которых трещали кости и переламывались хребты. Матери отшвыривали от себя детей или же сдавливали их насмерть, как в тисках.

На экране снова появилось невозмутимое лицо чиновника-азиата. С притворным сожалением в голосе он объявил, что само по себе покаяние в грехах — это

еще не все; оно должно быть дополнено воспитательными мерами, которые в данном случае будут распространены на одного человека из каждой тысячи. Ардмор быстро прикинул — это означало сто пятьдесят тысяч человек. Не может быть! Однако вскоре ему пришлось поверить. На экране снова появился крупный план — на этот раз тихая улица какого-то американского города. Камера показала, как подразделение паназиатских солдат врывается в комнату, где перед телевизионным приемником сидит семья, потрясенная только что увиденным: мать прижимает к груди рыдающую маленькую девочку, пытаясь ее успокоить. Появление солдат вызывает у них не испуг, а лишь тупое оцепенение. Отец безропотно предъявляет свою регистрационную карточку, офицер, командующий подразделением, сверяет ее с каким-то списком, и солдаты приступают к делу.

Видимо, им было приказано убивать как можно более жестоко.

Ардмор выключил приемник.

— Вылазка отменяется, — объявил он. — Всем ложиться спать. И перед сном каждому принять снотворное. Это приказ.

Через минуту в зале уже никого не было. Выходя, никто не произнес ни слова. Оставшись один, Ардмор снова включил приемник и досмотрел все до конца. Потом он долго сидел в одиночестве, тщетно пытаясь привести в порядок свои мысли. Тому, кто отдает приказ принять снотворное, приходится обходиться без него.

Глава 4

Большую часть следующих двух дней Ардмор провел в одиночестве и даже обедал в своей комнате. За все время он ни с кем не сказал и двух слов. Теперь ему было ясно, в чем он ошибся, и хотя резня произошла не по его вине, легче от этого не становилось — он все равно чувствовал себя к ней причастным.

Но проблема оставалась нерешенной. Он убедился, что был прав, когда принял решение создать «шестую колонну». «Шестая колонна» — вот что сейчас нужно; организация, которая внешне не нарушала бы порядков, установленных завоевателями, но со временем могла бы стать средством их свержения. На это, может быть, уйдут годы, но открытое выступление было страшной ошибкой, и повторять ее нельзя.

Он по-прежнему чувствовал, что где-то в рассказе Томаса промелькнула мысль, которая могла бы оказаться полезной. Он снова и снова прослушивал запись, но хотя к этому времени уже выучил ее наизусть, никак не мог уловить того, что искал.

«— Они систематически вытравливают все, что составляет американскую культуру, — говорил Томас. — Закрывают школы, не выходят газеты. Напечатать что бы

то ни было по-английски считается тяжким преступлением. Они объявили, что вскоре всякую деловую переписку нужно будет вести на их языке, а до тех пор все письма должны проходить цензуру. Запрещены любые собрания, кроме религиозных.

— Я думаю, этому они научились в Индии. — В записи его собственный голос звучал как-то непривычно. — Так легче держать рабов в повиновении.

— Наверное, вы правы, сэр. По-моему, это исторический факт: процветающие империи всегда мирились с местными религиями, хотя искореняли все остальное.

— Похоже на то. Продолжайте.

— Главное их орудие, мне кажется, — система регистрации. Они ввели ее с самого начала и ничему другому не уделяли столько внимания. В результате Соединенные Штаты теперь превращены в один большой концлагерь, где почти никто не может свободно перемещаться и общаться с другими без разрешения надзирателей».

Слова, слова, слова! Ардмор столько раз их прослушивал, что уже почти не улавливал смысла. Может быть, в рассказе Томаса ничего такого и не было, и все это ему только померещилось?

В дверь постучали. Это был Томас.

— Меня попросили вам кое-что сказать, сэр, — начал он осторожно.

— Что же?

— Видите ли, все собрались в зале. Они хотят с вами поговорить.

Еще одно совещание, на этот раз не по его инициативе. Что ж, придется идти.

— Скажи, что я сейчас буду.

— Слушаюсь, сэр.

После того как Томас вышел, он несколько секунд сидел неподвижно, потом подошел к письменному столу и достал из ящика свой пистолет. Запахло бунтом — об этом можно было догадаться по тому, что кто-то решился созвать общее совещание без его разрешения. Он проверил обойму, передернул затвор, надел портупею, но, подумав, снял ее и положил пистолет обратно в ящик. Это сейчас не поможет.

Он вошел в зал, занял свое место во главе стола и сказал:

— Я вас слушаю.

Брукс окинул взглядом стол, убедился, что больше никто говорить не собирается, откашлялся и начал:

— Мы хотели бы спросить, есть ли у вас какой-нибудь план действий.

— Нет. Пока нет.

— Тогда у нас есть! — вмешался Кэлхун.

— Да, полковник?

— Нет никакого смысла сидеть тут сложа руки. В нашем распоряжении — самое могучее оружие, какое только есть в мире, но чтобы применить его, нужны люди.

— Дальше?

— Мы намерены ликвидировать базу и отправиться в Южную Америку! Там мы сможем найти правительство, которому понадобится подобное оружие.

— Какую пользу это принесет Соединенным Штатам?

— Но это совершенно ясно! Империя, вне всякого сомнения, собирается распространить свое влияние на все наше полушарие. Мы можем уговорить это правительство начать превентивную войну. Или, возможно, организовать армию из беженцев.

— Нет!

— Боюсь, что вам придется с этим смириться, майор, — злоратно произнес полковник.

Ардмор повернулся к Томасу.

— Вы согласны с ними?

— Я надеялся, что у вас есть план получше, сэр, — нехотя ответил тот.

— А вы, доктор Брукс?

— Ну, это, по-моему, более или менее реально. Я того же мнения, что и Томас.

— Грэхем?

Ответом ему было молчание. Уилки на мгновение поднял глаза, но тут же отвел их в сторону.

— Митсуи?

— Я вернусь наверх, сэр. У меня тут еще остались дела.

— Шир?

На скулах у Ширы вздулись желваки.

— Я согласен, если вы не будете возражать, сэр.

— Благодарю вас.

Ардмор повернулся к остальным.

— Я сказал: «Нет!» — и это остается в силе. Тот из вас, кто покинет базу, будет считаться нарушителем присяги. И вы тоже, Томас! Это не мой каприз. То, что вы предлагаете, ничем не отличается от вылазки, которую я отменил. Пока народ Соединенных Штатов остается заложником в руках паназиатов, мы не можем начать военные действия! Неважно, откуда будет исходить инициатива, изнутри или извне, — тысячи, а может быть, миллионы невинных жертв заплатят за это своей жизнью!

Преодолев волнение, он окинул взглядом сидящих за столом — как они восприняли его слова? Кажется, согласны — или готовы согласиться. Все, кроме Кэлхуна. Но в то же время они недовольны.

— Предположим, что вы правы, сэр, — медленно произнес Брукс. — Допустим, что так оно и есть. Но неужели мы ничего не можем сделать?

— Я об этом уже говорил. Мы должны создать то, что я называл «шестой колонной». Мы должны скрывать-ся, выжидать, нащупывать слабые места противника и использовать их.

— Я понимаю. Может быть, вы правы. Может быть, это неизбежно. Но сколько же для этого понадобится терпения! Мы ведь не боги, а люди.

Ардмор почувствовал, что вот-вот вспомнит то, чего ему не хватало. Но что именно?

— Значит, нам обещают журавля в небе, — вмешался Кэлхун. — Вам бы в проповедники пойти, майор Ардмор. А мы предпочитаем действовать.

«Вот оно! Вспомнил!»

— Вы почти правы, — ответил Ардмор. — Вы слышали рассказ Томаса?

— Слышал, в записи.

— Вы помните, что есть один случай, когда белым людям все же разрешается создавать свои организации?

— Да нет, ничего такого там, по-моему, не было.

— Не было? Разве им не разрешается собираться для одной определенной цели?

— Я знаю! — воскликнул Томас. — Церкви!

Ардмор дал им время осознать услышанное, а потом тихо спросил:

— Вам не приходило в голову, что можно много чего сделать, если основать новую религию?

Наступило недоуменное молчание. Его прервал Кэлхун:

— Он сошел с ума!

— Успокойтесь, полковник, — миролюбиво сказал Ардмор. — Нет ничего удивительного, что вы решили, будто я спятил. Действительно, на первый взгляд это безумие — говорить об основании новой церкви, когда мы хотим только одного — драться с паназиатами. Но подумайте, ведь нам нужна организация, без этого мы не можем создать, обучить и вооружить армию. Организация и система связи, которая позволит нам согласовывать свои действия. И все это придется делать на глазах у паназиатов, не возбуждая у них подозрений. Все это возможно, если мы будем не военной организацией, а религиозной сектой.

— Это немыслимо! Я отказываюсь в этом участвовать!

— Ну что вы, не надо, полковник. Вы нам очень нужны. Например, та же система связи — представьте себе, что в каждом городе страны стоит храм, и все они соединены между собой линиями связи, а центр находится здесь, в Цитадели!

Кэлхун презрительно фыркнул.

— Конечно — и азиаты подслушивают все ваши переговоры.

— Вот для чего вы нам нужны, полковник! Разве вы не сможете создать такую систему связи, чтобы они не могли подслушивать? Может быть, что-нибудь вроде радио, только оно должно работать в одном из наших новых диапазонов, чтобы на эти волны не реагировали их приемники. Или не сможете?

Кэлхун снова фыркнул, но уже иначе.

— Что за вопрос, конечно, смогу. Это элементарно.

— Вот зачем вы нам нужны, полковник, — чтобы находить решения, которые вам, с вашим выдающимся талантом, представляются элементарными...

Ардмору на мгновение стало противно: уж очень это напоминало текст рекламного объявления.

— ...Но которые всем нам, остальным, кажутся чудом. Вот в чем суть религии — она не может без чудес! Вам придется напрячь все силы своего гения, чтобы изобрести такие вещи, которых никогда не понять паназиятам и которые они сочтут сверхъестественными. — Видя, что Кэлхун все еще колеблется, он добавил: — Вы же сможете это сделать, надеюсь?

— Конечно, смогу, мой дорогой майор.

— Ну и прекрасно. Через сколько времени мы получим в свое распоряжение систему связи, которую нельзя будет подслушать?

— Точно сказать не могу, но много времени на это не потребуется. Я все еще не вижу смысла в вашей идее, майор, но я займусь такой системой, если, по-вашему, она необходима.

Он встал и торжественно вышел.

— Можно мне, майор? — вмешался Уилки.

— Конечно, Уилки.

— Я могу разработать для вас такую систему.

— Ничуть не сомневаюсь, но нам придется использовать все наличные силы. Для вас тоже найдется достаточно дел. Теперь об остальном. Вот что я имею в виду — это, конечно, всего лишь приблизительные наброски, я хочу, чтобы вы обсудили их и высказали все возражения, какие только придут вам в голову. Мы должны предусмотреть, насколько это возможно, все неожиданности. Мы сделаем вид, что основываем некую евангелическую религию, и постараемся привлечь к ней население. Как только мы соберем людей в таком месте, где можно будет беседовать с ними без помех, мы отберем тех, кому можно доверять, и завербуем в нашу армию. Мы назначим их дьяконами церкви или еще кем-нибудь в этом роде. Главной нашей приманкой будет благотворительность — и тут, Уилки, пригодится ваша трансмутация элементов. Вы будете получать для нас драгоценные металлы, прежде всего золото, чтобы у нас всегда хватало денег. Мы накормим бедных и голодных — благодаря паназиятам их теперь более чем достаточно! — и очень скоро народ повалит к нам валом. Но это далеко не все. Мы будем устраивать настоящие чудеса. Не столько для того, чтобы произвести впечатление на белое население — это не так

важно, — сколько для того, чтобы запутать наших господ и повелителей. Мы станем проделывать такие штуки, которых они не смогут постигнуть — будут только зря ломать голову и терять уверенность в своих силах. Понимаете, мы ничего не будем предпринимать против них, мы во всем останемся послушными подданными Империи, но при этом будем делать такие вещи, которые им не под силу. Они почувствуют растерянность, у них начнут сдавать нервы. — По мере того как идея принимала конкретные формы, он понял, что все это очень похоже на хорошо продуманную рекламную кампанию. — К тому времени, когда мы будем готовы пойти в наступление, они окажутся деморализованы, напуганы и легко поддадутся панике.

Его увлеченность понемногу передавалась слушателям, хотя такой подход и был для них непривычен.

— Послушайте, командир, — сказал Томас. — Может быть, это и сработает, я не говорю, что нет, только как вы собираетесь все это наладить? Неужели их чиновники не догадаются, что дело нечисто, когда увидят, как ни с того ни с сего появилась какая-то новая религия?

— Может быть, и догадаются, но вряд ли. Все западные религии представляются им одинаково нелепыми. Они знают, что у нас религий множество, и большинство им совсем незнакомо. Это единственное преимущество, которое дала нам Эпоха необщения. Паназиаты представляют себе наше общество таким, каким оно было до Закона о необщении. Они решат, что имеют дело с чем-то вроде тех дурацких сект, которые в Южной Калифорнии каждый день появляются десятками.

— Ну хорошо, командир, а с чего мы все это начнем? Не можем же мы просто так выйти из Цитадели, ухватить за пуговицу какого-нибудь желтолицего и сказать ему: «Я Иоанн Креститель!».

— Конечно, нет. Это нужно еще продумать. У кого есть какие-нибудь идеи?

Наступило молчание — все напряженно думали. Наконец Грэхем сказал:

— А что если начать с самого начала и ждать, когда на нас обратят внимание?

— Что вы имеете в виду?

— Ведь у нас здесь людей хватит, если не гнаться за большим размахом. Будь у нас где-нибудь храм, один из нас мог бы стать первосвященником, а остальные — кем-то вроде апостолов. А дальше — подождем, пока нас заметят.

— Хм-м-м. В этом что-то есть, Грэхем. Но все-таки нужно будет развернуть дело как только можно шире. Мы все станем священниками, и церковными служителями, и кем угодно, а Томасу я поручу набрать нам паству среди его приятелей. Или нет, подождите. Пусть лучше они придут к нам в качестве пилигримов. Мы начнем с того, что пустим слух, который будут распространять хобо. Они будут говорить всем: «Грядет Учитель!»

— А что это означает? — осведомился Шир.

— Пока ничего. Но со временем будет что-нибудь означать. Теперь слушайте, Грэхем. Вы художник. С сегодняшнего дня вы будете готовить нам обеды левой рукой, а правой начнете набрасывать эскизы облачений, алтарей и прочей бутафории. Архитектура храма, интерьеры — всем этим тоже придется заняться вам.

— А где будет находиться храм?

— Это серьезный вопрос. Он должен быть где-нибудь неподалеку, если мы не хотим вообще покинуть Цитадель, а мне кажется, что этого делать не следует: она нужна нам как база и лаборатория. Но он не должен быть и слишком близко — мы не можем рисковать привлечь внимание к этой горе. — Ардмор побарабанил пальцами по столу. — Непростое дело.

— А почему бы не превратить в храм все вот это? — спросил доктор Брукс.

— Что-что?

— Я имею в виду, конечно, не этот зал, но почему бы не поставить наш первый храм прямо над Цитаделью? Это было бы очень удобно.

— Конечно, доктор, но это же неизбежно привлечет внимание к... Погодите! Кажется, я понял, о чем вы говорите. — Он повернулся к Уилки. — Боб, нельзя ли использовать эффект Ледбеттера, чтобы держать в тайне существование Цитадели, если храм будет стоять прямо над ней? Можно это сделать?

Уилки растерянно посмотрел на него. В этот момент он больше, чем обычно, напоминал большого щенка колли.

— Нет, эффект Ледбеттера для этого не годится. А вам нужен именно эффект Ледбеттера? Потому что если нет, то можно было бы без особого труда наладить экран седьмого типа в области магнитогравитационных волн, так что ни один прибор, работающий в электромагнитном диапазоне, ничего не сможет зарегистрировать. Дело в том, что...

— Да ведь мне неважно, как вы это сделаете! Я даже не знаю, как все это называется, — мне нужен результат. Очень хорошо, значит, этим и займитесь. Мы подготовим проект храма, запасем здесь все материалы, чтобы его осталось только смонтировать, потом выйдем на поверхность и как можно скорее его поставим. Кто знает, сколько на это может понадобиться времени? Боюсь, я мало что понимаю в строительстве.

Уилки и Шир принялись о чем-то оживленно шептаться, потом Уилки сказал:

— Об этом особо не волнуйтесь, командир. Тут пригодятся силовые лучи.

— Это какие?

— У вас где-то должен лежать наш отчет. Притягивающие и отталкивающие лучи, которые мы разработали, основываясь на ранних экспериментах Ледбеттера.

— Да, майор, об этом можете не беспокоиться, — добавил Шир, — я все сделаю. Силовые лучи в безгравитационном поле — мы этот храм выстроим быстрее, чем картонный домик. Кстати, перед тем как начинать, я собираюсь потренироваться на картонных моделях.

— Отлично, ребята! — одобрил Ардмор с улыбкой. При мысли о том, сколько впереди нелегкой работы, он испытал искреннюю радость. — Вот такой разговор мне нравится. На сегодня сборище закончено. За дело! Томас, найдите ко мне.

— Минутку, командир, — сказал Брукс, вставая и направляясь к двери вслед за ним. — А что если...

И они вышли, продолжая оживленно беседовать.

Несмотря на радужные надежды Шири, построить храм на вершине горы над Цитаделью оказалось не так просто. Никто из их крохотной команды не имел опыта

крупного строительства. Ардмор, Грэхем и Томас вообще ничем подобным никогда не занимались, хотя Томас был мастер на все руки и в свое время изучил плотничье ремесло. Кэлхун знал только свою математику, да и характер не позволял ему снизойти до физической работы. Брукс ничего не имел против, но он был не строитель, а биолог.

Уилки, блестящий физик, хорошо справлялся с инженерными проблемами, которые имели отношение к его исследованиям, и легко мог сконструировать какой-нибудь нужный ему прибор. Но ему никогда не приходилось строить мосты, возводить плотины или хотя бы руководить бригадой рабочих. Тем не менее вся тяжесть задачи должна была лечь на его плечи. Шир для этого не годился: он хоть и считал, что может построить дом, но на самом деле слишком увлекался всевозможными мелочами, больше думал об инструментах и был на месте скорее в мастерской, чем на строительной площадке. Ему было вполне под силу построить модель здания в уменьшенном масштабе, но организовать крупную стройку он не мог. Кроме Уилки, делать это было некому.

Несколько дней спустя Уилки явился в кабинет Ардмора с рулоном чертежей подмышкой.

— Как, можно, командир?

— А, заходите, Боб. Садитесь. Что там у вас? Когда мы начнем строить наш храм? Смотрите, я тут подумал о том, как еще мы могли бы скрыть, что под ним находится Цитадель. Что если мы расположим алтарь так, чтобы...

— Извините, командир.

— Да?

— Мы можем предусмотреть в проекте все, что вы захотите, только сначала мне надо бы немного лучше представлять себе, каким вообще должен быть наш храм.

— Это ваше дело — ваше и Грэхема.

— Слушаюсь, сэр. Но какого размера он будет?

— Какого размера? Ну, я точно не знаю. Большой! — Ардмор широко развел руки. — Он должен впечатлять!

— Метров что-нибудь около десяти по фасаду?

— Десяти? Да это смешно! Что вы строите — киоск для торговли лимонадом или главный храм великой религии? Вы его, правда, еще не начали строить, но только так нужно подходить к делу. На него должны смотреть, выпучив глаза! Разве вам не хватает стройматериалов?

Уилки покачал головой.

— Да нет, когда можно превращать элементы друг в друга по Ледбеттеру, материалы — не проблема. Мы можем получать их сколько угодно из самой горы.

— Я так и думал. Выпиливайте гранитные блоки побольше и укладывайте их, как кирпичи, с помощью ваших силовых лучей.

— Нет, что вы!

— Нет? А почему?

— Ну, наверное, можно и так, только получится довольно неказисто. К тому же я не знаю, как тогда его перекрыть. Я-то хотел сделать другое. Тоже с помощью эффекта Ледбеттера, но не выпиливать блоки, а делать — трансмутировать — материалы, которые нам нужны. Видите ли, гранит состоит в основном из окислов кремния. Это немного осложняет дело, потому что оба элемента стоят в нижнем конце периодической таблицы. Придется приложить много усилий, чтобы избавиться от лишней энергии, — ее будет огромный избыток, чуть ли не столько же, сколько вырабатывает атомный реактор в Мемфисе, и ее нужно будет куда-то девать. Пока я не вижу, как это сделать. А потом...

— Давайте-ка ближе к делу!

— А я как раз подбираюсь к делу, сэр, — с некоторой обидой в голосе ответил Уилки. — Когда вы идете от верхнего или нижнего конца периодической таблицы к середине, при трансмутации выделяется энергия, а в обратном направлении — поглощается. Еще в середине прошлого века придумали, как получать энергию таким способом, — на этом и основана атомная бомба. Но если занимаешься трансмутацией ради того, чтобы получить стройматериалы, то совершенно не нуж-

но, чтобы при этом выделялась энергия, как в атомной бомбе или реакторе. Это совсем ни к чему.

— Ну еще бы!

— Поэтому приходится использовать и второй тип трансмутации — тот, при котором энергия поглощается. В сущности, я стараюсь, чтобы один тип уравнивал другой. Возьмите, скажем, магний. Он расположен между кремнием и кислородом. Энергия связи здесь...

— Уилки!

— Да, сэр?

— Считайте, что я не пошел дальше третьего класса. И скажите мне только, сможете вы изготовить все материалы, какие вам нужно, или нет?

— Да, сэр, конечно.

— Тогда чем я могу вам помочь?

— Видите ли, сэр, все дело в том, как устроить перекрытие. Ну и в размерах. Вы говорите, что десять метров по фасаду мало...

— Нет, это никуда не годится. Вы бывали на Североамериканской выставке? Помните павильон «Дженерал Атомикс»?

— Видел на фотографиях.

— Нам нужно что-нибудь такое же броское и эффектное, только гораздо больше. А почему вы ограничились десятью метрами?

— Понимаете, сэр, я не смогу пронести через дверь панель больше чем два на десять метров. Там коридор поворачивает.

— А подъемник для машин-разведчиков?

— Я об этом уже думал. Там пройдет панель шириной в четыре метра, зато длиной не больше восьми. Между ангаром и подъемником тоже есть поворот.

— Хм-м-м... Погодите, а разве вы не можете сваривать панели этой своей волшебной палочкой? Я думал, вы хотите монтировать храм по частям — готовить их здесь, внизу, а наверху только собирать.

— Примерно так. Пожалуй, можно будет сварить стены, какие нужно. А все-таки, майор, какого размера должно быть здание?

— Как можно больше.

— Это сколько?

Ардмор назвал цифру. Уилки присвистнул.

— Стены такого размера мы, наверное, сможем поставить, но я не представляю себе, как их перекрыть.

— По-моему, я видел здания с пролетами не меньше.

— Ну конечно. Дайте мне инженеров-строителей, архитекторов и завод, где можно было бы изготовить фермы на такие пролеты, и я вам построю храм любых размеров. А одни мы с Широм этого сделать не сможем. Даже с помощью силовых лучей. Простите, сэр, но я не вижу выхода.

Ардмор встал и положил руку на плечо Уилки.

— То есть пока не видите. Не огорчайтесь, Боб. Что бы вы ни построили, будет хорошо. Только не забывайте — это наше первое появление на публике. От него многое будет зависеть. Вряд ли на наших повелителей произведет большое впечатление будка для продажи горячих сосисок. Храм должен быть как можно больше. Хорошо бы, чтобы он был вроде самой большой египетской пирамиды, только построить его нужно гораздо быстрее.

— Я постараюсь, сэр, — озабоченно ответил Уилки. — Пойду подумаю, как это можно сделать.

— Вот и прекрасно.

Когда Уилки вышел, Ардмор повернулся к Томасу:

— Что вы об этом думаете, Джефф? Неужели я слишком многого требую?

— Никак не могу понять, — медленно произнес Томас, — почему вы придаете этому храму такое значение?

— Ну, прежде всего, это прекрасная маскировка для Цитадели. Если мы не хотим сидеть в ней, ничего не делая, пока не умрем от старости, то рано или поздно сюда и отсюда начнет ходить множество людей, и хранить в тайне ее расположение мы больше не сможем. Значит, нужно какое-то прикрытие. Куда постоянно ходят люди? В церковь — службы и все прочее. Все прочее будет у нас внизу, а службы станут прикрытием.

— Это я понимаю. Но потайной ход вниз прекрасно можно устроить и в десятиметровом здании, для него необязательно строить такие хоромы, каких вы требуете от Уилки.

Ардмор нахмурился. Черт возьми, неужели никто, кроме него, не понимает, как важна реклама?

— Послушайте, Джефф, все будет зависеть от того, сумеем ли мы с самого начала произвести должное впечатление. Если бы Колумб явился к королеве просить пяточок, его бы вытолкали из дворца в шею. А он выпросил коронные бриллианты. Нам нужна внушительная вывеска.

— Наверное, вы правы, — ответил Томас без особого убеждения.

Несколько дней спустя Уилки попросил разрешения выйти с Широм наружу. Далеко уходить они не собирались, и Ардмор отпустил их, взяв слово, что они будут вести себя осторожно. Немного позже он встретил их в коридоре, который вел к лабораториям, — они тащили громадный гранитный блок. В рюкзаке на спине у Ширы был портативный излучатель Ледбеттера. Каменная глыба под действием силового луча висела в воздухе, не касаясь ни стен, ни пола, и Уилки вел ее за собой на веревке, как корову.

— Господи, что это у вас такое? — воскликнул Ардмор.

— Да так, камень, сэр.

— Вижу. А зачем?

— Майор, у вас будет попозже свободная минута? — с таинственным видом спросил Уилки. — Мы хотим вам кое-что показать.

— Значит, не хотите говорить? Ну ладно.

Через несколько часов Уилки позвонил ему и попросил зайти и прихватить с собой Томаса. Когда они пришли в мастерскую, там уже собрались все, кроме Кэлхуна.

— С вашего разрешения, мы начнем, сэр, — сказал Уилки, отдав Ардмору честь.

— Бросьте эти формальности. А разве вы не хотите подождать полковника Кэлхуна?

— Я его приглашал, но он отказался.

— Ну, тогда начинайте.

— Слушаюсь, сэр. — Уилки повернулся к остальным. — Считайте, что этот камень — вершина горы, под которой мы находимся. Давай, Шир.

Уилки встал к излучателю Ледбеттера. Шир уже стоял у другого такого же излучателя, снабженного прицелом и еще какими-то непонятными приспособлениями. Он нажал на несколько кнопок, и излучатель выбросил луч света толщиной в карандаш. Водя им, как пилой, Шир срезал верхушку камня. Уилки с помощью силовых лучей перехватил отрезанную часть и передвинул ее в сторону, где она повисла в воздухе. Срез был гладким и блестел как зеркало.

— Вот на этом месте будет стоять храм, — сказал Уилки.

Шир продолжал резать камень своим лучом, поворачивая излучатель. Плоская верхушка приобрела квадратную форму и превратилась в верхнюю площадку четырехгранной усеченной пирамиды. В одной из ее граней он вырезал ступени.

— Достаточно, Шир, — скомандовал Уилки. — Теперь будем делать стену. Подготовь поверхность.

Шир что-то сделал с излучателем, и луч стал невидим, а плоская вершина пирамиды почернела.

— Углерод, — объявил Уилки. — Видимо, искусственный алмаз. Это будет наша рабочая площадка. Давай, Шир.

Уилки передвинул отрезанную часть камня так, что она оказалась над площадкой. Шир отрезал от нее кусок, он расплавился, стек на поверхность площадки, растекся по ней и застыл. Теперь то, что было камнем, напоминало какой-то белый металл. Когда он совсем остыл, Шир с помощью силового луча отогнул вверх края, и получилось что-то вроде открытой коробки длиной и шириной по полметра и глубиной сантиметра три. Уилки поднял ее с площадки, передвинул в сторону и подвесил в воздухе.

Потом все повторилось сначала, только вместо коробки получился плоский лист. Уилки убрал его в сторону и снова поставил на площадку коробку.

— Теперь начинка, — объявил Уилки.

Он придвинул отрезанную часть камня, установив ее над коробкой. Шир отрезал кусочек, дал ему опустить-

ся в коробку и направил на него луч. Камень расплавился и растекся по дну коробки.

— Гранит — это, в сущности, стекло, — объяснил Уилки. — А нам нужно пеностекло, поэтому сейчас мы не будем ничего трансмутировать. Разве что чуть-чуть, чтобы был газ, чем его вспенивать. Добудь-ка малость азота, Шир.

Шир кивнул и на мгновение включил луч. Масса как будто вскипела, заполнила коробку до краев и так застыла.

Уилки придвинул плоский лист, висевший в воздухе, — он оказался над коробкой и медленно опустился на нее, как крышка, хотя и немного перекошенная.

— Привари его, Шир.

Лист раскалился докрасна и осел вниз под действием собственной тяжести, как будто прижатый невидимой рукой. Шир обошел его с излучателем со всех сторон, приваривая края крышки к коробке. Когда он закончил, Уилки поставил запечатанную коробку вертикально на бок на краю площадки и, не выключая излучатель, направился в дальний угол комнаты, где лежала груда каких-то деталей, укрытая брезентом.

— Чтобы не тратить зря ваше время, ну и ради практики тоже, мы заранее сделали еще четыре штуки, — объяснил он и поднял брезент.

Под брезентом лежали точно такие же панели, как та, которая только что была изготовлена у них на глазах. Не прикасаясь к ним, Шир с помощью излучателя поднял их одну за другой и установил на площадке — получился куб. Уилки вернулся к своему излучателю и удерживал их в нужном положении, пока Шир не сварил все стыки.

— Тонкая работа у него получается лучше, чем у меня, — пояснил он. — Ладно, Шир, теперь дверь.

— Какого размера? — буркнул Шир. Это были первые слова, которые он произнес за все время.

— Решай сам. Я думаю, сантиметров двадцать в высоту.

Шир что-то промышчал и вырезал в стене, обращенной к склону со ступенями, прямоугольное отверстие. Когда оно было готово, Уилки объявил:

— Вот вам и храм, командир.

Ни камня, ни того, во что он превращался, за все это время не разу не коснулась рука человека.

Последовали аплодисменты, такие бурные, что в комнате, казалось, не пять человек, а несколько десятков. Уилки раскраснелся от удовольствия, Шир стоял молча, стиснув зубы. Все столпились вокруг модели.

— Оно горячее? — спросил Брукс.

— Холодное, я пробовал, — ответил Митсуи.

— Я не о том.

— Нет, все в порядке, — успокоил его Уилки. — По способу Ледбеттера получаются только стабильные изотопы.

Ардмор, разглядывавший модель вблизи, выпрямился.

— Насколько я понимаю, вы хотите все это проделывать там, наверху?

— А что, разве нельзя, майор? Конечно, можно делать все здесь, а наверху только монтировать храм из небольших панелей, но это займет не меньше времени. И потом я не очень представляю себе, как из маленьких панелей собрать крышу. Вот такие слоистые панели — самая легкая, прочная и жесткая конструкция, какую мы можем получить. Мы их и придумали ради того, чтобы можно было перекрыть тот большой пролет, который вам нужен.

— Ну, как хотите. Вам виднее.

— Конечно, за такое короткое время всего не сделаешь, — сказал Уилки. — Это же только скелет. Я не знаю, сколько займет отделка.

— Отделка? — переспросил Грэхем. — У вас же получилась прекрасная строгая форма, зачем портить ее всякими украшениями? Куб — самая благородная и красивая фигура, какая только есть на свете.

— Я согласен с Грэхемом, — заметил Ардмор. — Вот он, наш храм, таким он и должен быть. Что может быть эффектнее сплошного, цельного массива? Не надо его портить.

Уилки пожал плечами.

— Не знаю. Я думал, вам нужно что-нибудь красивее.

— Но это же красиво! Только одного я не могу понять, Боб. Имейте в виду, я не собираюсь заниматься критикой. Соорудить такую штуку немногим легче, чем

сотворить мир за шесть дней. Но скажите мне, зачем вам понадобилось выходить наружу? Вы могли зайти в любую пустующую комнату, снять облицовку со стены и этим вашим волшебным ножом вырезать из самого сердца нашей горы любой кусок камня, какой вам нужен.

Уилки с ошеломленным видом поднял на него глаза.

— Я об этом как-то не подумал.

Глава 5

Патрульный вертолет медленно кружил в небе южнее Денвера. Командир, лейтенант паназиатской армии, взглянул на карту, составленную из свежих аэрофотоснимков, и знаком приказал пилоту зависнуть в воздухе. Да, вот оно — огромное здание кубической формы, возвышающееся на высокой скале. Его обнаружила картографическая служба нового Западного Царства Небесной Империи, и патруль послали произвести расследование.

Для лейтенанта это был еще один рядовой вылет. Хотя здание не фигурировало ни в каких описях административного района, в котором находилось, ничего удивительного он в этом не видел. Недавно завоеванная территория огромна, а туземцы, ленивые и распущенные, как и подобает представителям низших рас, ведут записи крайне неаккуратно. Пройдет не один год, прежде чем все, что есть в этой дикой стране, будет тщательно учтено, инвентаризировано и занесено в списки, тем более что эти люди с болезненно бледными лицами почему-то, как дети, упрямо не желают воспринимать блага цивилизации.

Да, это займет немало времени — может быть, больше, чем присоединение Индии. Он с грустью вздохнул.

Сегодня пришло письмо из дома — главная жена пишет, что вторая жена подарила ему сына. Что делать — подать заявление о зачислении в колонисты, чтобы можно было вызвать сюда семью, или же молить богов, чтобы его наконец отпустили в увольнение?

Но такие мысли не подобают человеку, который служит Небесному Императору! Он повторил про себя Семь Принципов Воинствующей Расы и показал пилоту на ровное место среди гор, куда можно приземлиться.

Вблизи здание выглядело еще внушительнее: огромный, сплошной кубический объем с длиной ребра не меньше шестидесяти метров. Стена, обращенная к нему, светилась чистым изумрудно-зеленым светом, хотя вечернее солнце находилось по другую сторону здания. Видна была и часть правой боковой стены — она горела золотистым цветом.

Из вертолета высадилось отделение солдат, а за ним — проводник из горцев, которого они взяли с собой в этот вылет. Лейтенант спросил его по-английски:

- Ты видел раньше это здание?
- Нет, повелитель.
- Почему?
- Я в этих местах никогда не был.

Вполне возможно, что он лжет, но карать его нет никакого смысла, и лейтенант решил не обращать внимания.

- Иди впереди.

Они с трудом поднялись по крутому склону до того места, где начиналась ведущая к кубу широкая лестница, еще шире, чем сам куб. Прежде чем вступить на нее, лейтенант некоторое время колебался. Он ощущал какое-то легкое беспокойство, непонятную тревогу, как будто некий внутренний голос предупреждал его о неведомой опасности.

Когда лейтенант поставил ногу на нижнюю ступень, над ущельем прокатился глубокий, чистый музыкальный звук. Ощущение тревоги усилилось и перешло в безотчетный ужас. Видно было, что ужас передался и солдатам. Лейтенант решительно шагнул на следующую ступень, и снова в горах раздался звук, такой же чистый, но другого тона.

Лейтенант упорно поднимался по бесконечной лестнице, солдаты следовали за ним. Каждый их нелегкий шаг — нелегкий, потому что ступени были чуть выше и чуть шире, чем нужно, — сопровождали медленные, грозные, трагические ноты. И чем ближе было здание, тем сильнее становилось ощущение надвигающейся катастрофы и неизбежной гибели.

Когда лейтенант уже приближался к верхней площадке, медленно распахнулись обе створки огромной двери. В открывшемся проеме стоял человек в изумрудно-зеленой мантии до самой земли. Белые волосы и ниспадающая борода обрамляли лицо, исполненное достоинства и доброты. Старец величественно двинулся вперед и подошел к краю площадки в тот самый момент, когда лейтенант поднялся на последнюю ступень. Лейтенант с изумлением увидел, что вокруг головы старца висит в воздухе мерцающий нимб. Он еще не успел подумать, что это может означать, как старец благословляющим жестом поднял правую руку и заговорил:

— Да пребудет с тобой мир!

Его слова сбылись! Безотчетный страх, который ощущал лейтенант, исчез, как будто кто-то повернул выключатель. Он почувствовал огромное облегчение и вдруг понял, что этот человек низшей расы — видимо, жрец — вызывает у него теплое чувство, какое подобает испытывать только к равному. Он поспешно повторил про себя инструкцию по общению с жрецами низших религий.

— Что это за место, святой человек?

— Ты стоишь на пороге храма Мотаа, Владыки Владык и Господа Всего Сущего!

— Мотаа? Хм...

Лейтенант не мог припомнить бога с таким именем, но это не имело значения. У этих бледнолицых существ тысячи странных богов. «Есть три вещи, необходимые рабу: еда, работа и его боги. Из них только одной нельзя его лишать — богов, иначе он может взбунтоваться», — гласили Правила управления.

— Кто ты такой?

— Я смиренный священнослужитель, Первый Слуга Шаама, Властелина Мира.

— Шаама? Ты, кажется, сказал, что твоего бога зовут Мотаа?

— Мы служим Владыке Мотаа в шести из тысячи его ипостасей. Вы служите ему по-своему. Даже Небесный Император служит ему по-своему. Я — слуга Властелина Мира.

«Это уже что-то похожее на оскорбление величества, если не на кощунство, — подумал лейтенант. — Впрочем, бывает, что у богов много имен, а этот туземец, кажется, безобиден».

— Хорошо, святой старик, Небесный Император разрешает тебе служить твоему богу так, как ты считаешь нужным, но я должен осмотреть храм именем Империи. Отойди в сторону.

Старец не двинулся с места и ответил с сожалением в голосе:

— Прости меня, повелитель, но это невозможно.

— Это мой долг. Отойди в сторону!

— Ну пожалуйста, повелитель, умоляю тебя! Тебе нельзя входить в храм. В этой своей ипостаси Мотаа — Бог белых людей. Иди в ваш храм, но в этот тебе входить нельзя. Все, кроме последователей Шаама, караются за это смертью.

— Ты мне угрожаешь?

— Нет, повелитель, нет, — мы служим Императору, как нам велит наша вера. Но это запрещено самим Владыкой Мотаа. Я не смогу спасти тебя, если ты нарушишь запрет.

— Именем Небесного Императора — дай мне дорогу!

Лейтенант уверенно зашагал по широкой террасе к двери храма, за ним с топотом шли солдаты. Его снова охватил панический ужас, который усиливался по мере приближения к огромной двери. У него сжалось сердце, он чувствовал непреодолимое желание бежать куда глаза глядят. Только воспитанное долгой муштрой мужество, граничащее с фатализмом, заставляло его идти дальше.

Сквозь открытую дверь он увидел гигантский пустой зал, а в дальнем его конце — высокий алтарь, который тем не менее казался в этом огромном помещении крохотным. Каждая из стен зала светилась своим цветом: красным, голубым, зеленым и золотистым. Потолок был абсолютно, безупречно белым, а пол — столь же абсолютно черным. «Нечего бояться, — сказал он себе. — Этот непонятный ужас — слабость, недостойная воина».

Лейтенант шагнул через порог. В то же мгновение он ощутил головокружение, приступ дикого ужаса и упал без сознания. Та же участь постигла и солдат, которые двинулись за ним.

Из-за угла выскочил Ардмор.

— Прекрасно, Джефф! — воскликнул он. — Вам бы на сцене выступать!

Старый священник облегченно вздохнул.

— Спасибо, командир. А что дальше?

— Подумаем, время есть.

Ардмор повернулся к алтарю и крикнул:

— Шир!

— Да, сэр?

— Выключи генератор! — И добавил, обращаясь к Томасу: — От этого проклятого инфразвука у меня самого по спине мурашки ползают, хоть я и знаю, в чем дело. Интересно, что чувствовал этот наш приятель?

— По-моему, ему было очень не по себе. Я не ожидал, что он сможет дойти до двери.

— Ничего удивительного. Даже я чуть не завыл, как пес на луну, а ведь это я велел включить генератор. Самый верный способ получить нервное расстройство — когда пугаешься сам не знаешь чего. Ну хорошо, мы поймали медведя за хвост. Что теперь с ним делать?

— А как быть с этим? — Томас кивнул в сторону горца, который все еще стоял на одной из верхних ступеней гигантской лестницы.

— Ах да! Эй вы, идите сюда! — позвал его Ардмор. Человек не двинулся с места, и Ардмор добавил: — Да мы же белые люди, черт возьми! Вы что, не видите?

— Вижу, — ответил горец, — только что-то мне это не нравится.

Тем не менее он медленно приблизился к ним.

— Это маленький сюрприз для наших желтолицых друзей, — сказал Ардмор. — А вам теперь все равно деваться некуда. Остаетесь с нами?

К этому времени на площадке собрался весь гарнизон Цитадели. Горец посмотрел на них.

— Похоже, выбирать не приходится.

— Пожалуй, но мы предпочли бы, чтобы вы согласились добровольно.

Горец перекатил во рту табачную жвачку на другую сторону, оглядел безупречно чистую площадку в поисках места, куда бы сплюнуть, не нашел и ответил:

— А что вы затеяли?

— Заговор против наших азиатских повелителей. Хотим задать им жару.

Проводник еще раз оглядел собравшихся, неожиданно протянул руку и сказал:

— Согласен.

— Вот и хорошо, — отозвался Ардмор, пожимая ему руку. — Как вас зовут?

— Хау. Александр Гамильтон Хау. Короче — Алекс.

— Хорошо, Алекс. Что вы умеете делать? Готовить можете?

— Немного могу.

— Хорошо. — Ардмор повернулся к Грэхему. — Вот вам и помощник на первое время. Я с ним потом еще поговорю. Теперь вот что. Джефф, вы не обратили внимания, что один из этих орангутанов что-то уж очень медленно падал?

— Возможно. А что?

— Вот этот, да? — Он дотронулся ногой до одной из распростертых фигур.

— Кажется.

— Надо с ним разобраться до того, как мы приведем их в чувство. Если бы он был монголоид, ему следовало бы отдать концы быстрее. Доктор Брукс, не проверите ли вы рефлексы у этого парня? И не слишком с ним церемоньтесь.

После нескольких манипуляций, произведенных Бруксом, стало очевидно, что солдат в сознании. Ардмор нагнулся и сильно нажал пальцем на нерв у него за ухом. Солдат привстал на колени, корчась от боли.

— Ну, приятель, рассказывай, в чем дело.

Солдат молчал, бесстрастно глядя на него. Ардмор внимательно всмотрелся ему в лицо и, повернувшись к остальным спиной, чтобы они не видели, сделал быстрый жест рукой.

— Так бы сразу и говорили, — отозвался солдат.

— Маскировка, надо сказать, отличная, — восхищенно заметил Ардмор. — Ваше имя и звание?

— Немного татуировки плюс пластическая операция, — сказал солдат. — Я Даунер, капитан армии Соединенных Штатов.

— Я майор Ардмор.

— Рад с вами познакомиться, майор. — Они обменялись рукопожатием. — В самом деле, очень рад. А то я болтаюсь с ними уже не первый месяц и никак не могу найти какое-нибудь начальство.

— Что ж, вы нам очень пригодитесь, людей нам не хватает. Мы поговорим позже, а пока у меня срочные дела. — Ардмор повернулся к своим товарищам. — По местам, джентльмены. Начинаем второй акт. Проверьте свой грим. Уилки, отведите куда-нибудь Хау и Даунера, чтобы их не было видно. Будем приводить в чувство наших сонливых гостей.

Даунер дотронулся до локтя Ардмора.

— Минутку, майор. Я не знаю, что вы замышляете, но так или иначе — вы не думаете, что мне надо бы остаться в прежней роли?

— Что? Хм-м-м... Пожалуй, в этом что-то есть. А вы не против?

— Нет, если только это нужно, — рассудительно ответил Даунер.

— Нужно. Томас, идите сюда.

Посоветовавшись, они договорились, что свои донесения Даунер будет передавать через бродяг. Ардмор быстро ввел его в курс дела — ровно настолько, насколько это было нужно.

— Ну что ж, желаю удачи, — закончил он. — Ложитесь снова и притворитесь мертвым, а мы начнем воскрешать ваших друзей.

Увидев, что лежавший неподвижно лейтенант приоткрыл глаза, Томас с Ардмором и Кэлхуном подошли к нему.

— Хвала Господу! — провозгласил Томас. — Повелитель жив!

Лейтенант растерянно посмотрел вокруг, потряс головой и схватился за пистолет. Ардмор, выглядевший очень внушительно в красном облачении Диса, Властелина Смерти, предостерегающим жестом поднял руку.

— Осторожнее, повелитель, умоляю! Дис услышал мою молитву и воскресил тебя. Не разгневай его еще раз!

— Что случилось? — спросил азиат после некоторого колебания.

— Владыка Мотаа повелел Дису, Властелину Смерти, призвать тебя к себе. Мы вознесли молитвы Тамар, Властительнице Милосердия, чтобы она за тебя заступилась. — Он показал рукой в сторону открытой двери храма, где перед алтарем стояли на коленях Уилки, Грэхем и Брукс, тоже в священнических облачениях. — К счастью, она услышала нашу молитву. Иди с миром!

В этот момент Шир, сидевший за пультом, усилил мощность инфразвука. Снова ощутив непонятный страх, озадаченный лейтенант счел за лучшее пойти на попятный. Он построил солдат, и они начали спускаться по широким ступеням, сопровождаемые неумолимыми торжественными звуками органа.

— Ну вот, — сказал Ардмор, когда они скрылись из вида, — в первом раунде победила вера. Томас, я хочу, чтобы вы сейчас же отправились в город.

— Да?

— В полном облачении и убранстве. Разыщите коменданта округа и подайте официальную жалобу на лейтенанта такого-то, который злонамеренно осквернил нашу святыню, чем навлек на себя гнев богов, и мы умоляем заверить нас, что это не повторится. Изображайте справедливое возмущение, но демонстрируйте всяческое почтение к светским властям.

— Я высоко ценю ваше доверие, — саркастически отозвался Томас.

Ардмор усмехнулся.

— Понимаю, задание нелегкое, но от этого многое зависит. Если мы сумеем воспользоваться их же собственными обычаями и правилами, чтобы теперь же уста-

новить прецедент и придать нашей церкви законный статус, полдела будет сделано.

— А что если они потребуют мою регистрационную карточку?

— Если будете держаться достаточно высокомерно, им это и в голову не придет. Главное — побольше нахальства. Они должны привыкнуть к мысли, что, если человек в мантии и с нимбом над головой, — значит, никаких документов ему не требуется. Потом это нам будет очень на руку.

— Ладно, попробую. Только я ничего не обещаю.

— Думаю, справитесь. Во всяком случае, ничего плохого с вами случиться не может — вы для этого прекрасно экипированы. Не исключайте защитный экран, пока кто-нибудь есть поблизости. Не пытайтесь объяснять им, что это такое, пусть упрутся в него, если вздумают подойти. Это чудо, а чудеса объяснять не надо.

— Хорошо.

Донесением лейтенанта командование осталось недовольно. Не испытывал удовлетворения и сам лейтенант. Он чувствовал, что задета его личная честь, что он потерял лицо. Это ощущение только усилилось, когда непосредственный начальник сказал ему:

— Вы, офицер армии Небесного Императора, допустили, чтобы вас унизили в присутствии людей низшей расы. Что вы можете сказать в свое оправдание?

— Прошу простить меня, мой господин.

— Дело не во мне. Вы должны держать ответ перед своими предками.

— Я понял, мой господин!

Он протянул руку к короткой сабле, висевшей у него на боку.

— Не спешите с этим — я хочу, чтобы вы сами все рассказали Кулаку Императора.

Кулак Императора — военный губернатор округа, на территории которого находились и Денвер, и Цитадель, выслушал рассказ лейтенанта так же неласково.

— Как вас угораздило вторгнуться в их святыню? Эти люди — как дети, они легко возбудимы. Ваши действия могут привести к гибели многих более достойных, чем вы. А нам придется опять истребить множество рабов, чтобы их проучить.

— Я совершил ошибку, мой господин.

— Несомненно. Можете идти.

Лейтенант вышел, чтобы в самое ближайшее время отправиться в путь, — но не к семье, а к прародителям.

Кулак Императора повернулся к своему адъютанту.

— Служители этого культа, вероятно, обратятся к нам с жалобой. Позаботьтесь о том, чтобы умиротворить их, и заверьте, что их богам ничто не грозит. Запишите все данные об этой секте и отдайте распоряжение ее не трогать. — Он вздохнул. — Ох, как мне надоели эти дикари с их лжебогами! Но иначе нельзя: боги, которым поклоняются рабы, и их служители всегда выступают на стороне господ. Это закон природы.

— Воистину так, мой господин!

Ардмор очень обрадовался, когда Томас благополучно вернулся в Цитадель. Как бы ни был он уверен, что Джефф способен выпутаться из самого трудного положения, как бы ни убеждал его Кэлхун, что защитный экран, если правильно с ним обращаться, может предохранить от любого оружия, какое только есть в распоряжении паназиатов, — Ардмор немало поволновался, пока Томас ходил подавать жалобу властям. В конце концов, паназиаты не поощряют местные религии, — они их только терпят.

— Добро пожаловать домой, приятель! — воскликнул он, хлопнув Томаса по спине. — Рад снова видеть вашу противную физиономию. Ну как? Рассказывайте.

— Дайте мне сначала скинуть эту проклятую мантию. Сигарета есть? Вот чем плохо быть святым — они не курят.

— Есть, конечно. Вот, держите. Что-нибудь ели?

— Нет, и уже давно.

Ардмор снял трубку и позвонил на кухню.

— Алекс, принесите каких-нибудь деликатесов для лейтенанта Томаса! И скажите всем — они могут услышать, что он будет рассказывать, если заглянут ко мне в кабинет.

— Спросите, нет ли у него авокадо. Давно не ел экзотических фруктов.

Переговорив с Хау, Ардмор сообщил:

— Говорит, что авокадо у него в морозильнике, но он сейчас разморозит парочку. Теперь рассказывайте. Что сказала Волку Красная Шапочка?

— Знаете, вы можете не поверить, командир, но все прошло на удивление гладко. Я добрался до города, подошел к первому же азиату-полицейскому, который попался навстречу, сошел с тротуара и благословил его — посох в левой руке, правая над головой. Никаких там смиренных поз, сложенных рук и склоненных голов! Потом я говорю: «Да пребудет с тобой мир! Пусть повелитель проводит своего слугу к наместнику Небесного Императора!» По-моему, он был не силен в английском и позвал на помощь еще одного плоскомордого. Этот по-английски немного понимал, и я еще раз сказал то же самое. Они пощебетали что-то между собой нараспев, а потом отвели меня во дворец к Кулаку Императора. Так и шли, вроде торжественной процессии — они по бокам, а я в середине и немного впереди.

— Это вы хорошо придумали, — одобрил Ардмор.

— Мне тоже так показалось. В общем, привели они меня туда, и я рассказал всю историю какому-то мелкому чиновнику. Результат был потрясающий: меня тут же повели к самому Кулаку.

— Ну да?

— Погодите, это еще не все. Я, правда, немного струхнул, но сказал себе: «Джефф, приятель, если покажешь им, что боишься, тебе отсюда живым не уйти». Я знаю, что перед чиновником такого ранга белому человеку полагается пасть на колени, но я этого делать не стал, а благословил его стоя в точности так же, как тех двоих. И это мне сошло с рук! Он посмотрел на меня и сказал: «Благодарю тебя за благословение, святой человек. Ты можешь подойти». Между прочим, прекрасно говорит по-английски. Ну, я доволь-

но подробно рассказал ему, что тут у нас случилось, — официальную версию, конечно, — и он начал меня расспрашивать.

— О чем?

— Сначала спросил, признает ли моя религия власть Императора. Я заверил, что признает, что наши последователи обязаны подчиняться светским властям во всех светских делах, но что поклоняться наша вера велит только истинным богам и так, как мы привыкли. Потом я пустился в теологические рассуждения. Сказал, что все люди поклоняются единому Богу, но у него тысяча ипостасей. В своей небесной мудрости Бог представляется разным народам в разных ипостасях, потому что не подобает слугам и повелителям поклоняться ему одинаково. Поэтому шесть его ипостасей — Мотаа, Шаам, Менс, Тамар, Бармак и Дис — отведены для белых людей, так же как Небесный Император — та его ипостась, которой поклоняется раса повелителей.

— Ну и как он к этому отнесся?

— Кажется, решил, что это довольно удобное учение — для рабов. Он спросил, чем еще занимается наша церковь, кроме богослужений, и я сказал, что наше главное стремление — помогать бедным и больным. Это ему, по-моему, понравилось. Похоже, что раздача пособий на бедность доставляет нашим добрым повелителям порядочные хлопоты.

— Пособий? А разве они раздают какие-нибудь пособия?

— Ну, не совсем пособия. Но когда сгоняешь пленных в концлагерь, их нужно чем-то кормить. Экономика почти совсем разрушена, и наладить ее они еще не успели. Я думаю, они будут только приветствовать движение, которое хоть немного облегчит им заботу о пропитании рабов.

— Хм-м-м... Ну и что дальше?

— Ничего особенного. Я заверил его, что наша вера запрещает нам, духовным пастырям, заниматься политикой, а он сказал, что нас трогать больше не будут, и отпустил меня. Я еще раз его благословил, повернулся и пошел восвояси.

— Похоже, тебе удалось его умаслить, — сказал Ардмор.

— Не знаю, командир. Этот старый прохвост умен, как Макиавелли. Впрочем, нет, никакой он не прохвост, он настоящий государственный деятель. Должен сказать, что он произвел на меня большое впечатление. Паназиаты вовсе не такие дураки — все-таки они завоевали и удерживают полмира, это сотни миллионов людей. Если они терпят местные религии, значит, считают, что это правильная политика. И пусть считают, нам только на руку, что у них такие умные и опытные чиновники.

— Вы, конечно, правы, мы, безусловно, не должны их недооценивать.

— Но я еще не кончил. Когда я выходил из дворца, меня опять взяли под караул два солдата и так от меня и не отходили. Я шел и шел себе, не обращая на них внимания. Идем мы мимо центрального рынка, а там стоят в очередях несколько сотен белых — пытаются купить какой-нибудь еды по своим продовольственным карточкам. И тут мне пришло в голову: дай-ка проверю, так ли уж я неприкосновенен. Я остановился, забрался на ящик и принялся говорить проповедь.

Ардмор присвистнул.

— Господи, Джефф, вы не должны были так рисковать!

— Но ведь надо было это выяснить, майор. К тому же я был почти уверен, что в самом худшем случае они меня только остановят, и все.

— Ну, пожалуй. Так или иначе, нам все равно приходится рисковать, тут ничего не поделаешь. Вполне может оказаться, что храбрость — самая лучшая политика. Простите, я вас перебил. И что было дальше?

— Сначала мои конвоиры обалдели от неожиданности и не знали, что делать. Я продолжал, а сам время от времени на них поглядывал. Скоро к ним подошел еще один, видимо, старший по званию, они посоветовались, и он куда-то ушел. Минут через пять снова появился, встал и смотрит, как я разглагольствую. Я решил, что он ходил звонить куда следует и ему велели меня не трогать.

— А как реагировали люди?

— По-моему, больше всего их поразило то, что белый человек у всех на глазах нарушает установлен-

ные правила и это ему сходит с рук. Много говорить я не стал, а только твердил, что «грядет Учитель», и всячески разукрашивал эту тему разными красивыми словами. Говорил, что они должны быть паиньками и не бояться, ибо Учитель грядет, чтобы накормить голодных, исцелить больных и утешить страждущих.

— Хм-м-м... Значит, вы надавали обещаний, и нам теперь придется их выполнять.

— Я как раз к этому подхожу, командир. Мне кажется, мы должны срочно открыть в Денвере свой филиал.

— У нас слишком мало людей, чтобы открывать филиалы.

— Разве? Не хотел бы с вами спорить, только я не представляю себе, как мы сможем нанять себе последователей, если не отправимся к ним сами. Сейчас они вполне к этому готовы: будьте уверены, что каждый белый человек в Денвере уже слышал про старика с нимбом — не забудьте про нимб, командир! — который говорил проповедь на рынке, и азиаты его не трогали. Да они будут сбегаться к нам толпами!

— Может быть, вы и правы...

— Думаю, что прав. Согласен, мы не можем послать туда никого из основного персонала Цитадели. Но вот что можно сделать. Мы с Алексом пойдем в город, подыщем подходящее здание и начнем службы. На первых порах можно будет обходиться излучателями, вмонтированными в посохи, а потом Шир отделает нам интерьер и установит стационарный излучатель в алтаре. Как только дело наладится, я оставляю там Алекса — и он станет нашим миссионером в Денвере.

Пока Ардмор беседовал с Томасом, в кабинете понемногу собрались все остальные. Ардмор повернулся к Алексу Хау.

— Что вы на это скажете, Хау? Сможете изображать из себя священника, говорить проповеди, организовывать благотворительность и все такое?

Горец ответил не сразу.

— Я думаю, майор, мне бы лучше остаться при прежнем занятии.

— Да тут нет ничего трудного, — настаивал Ардмор. — Проповеди для вас можем писать мы с Томасом. Все, что от вас потребуется, — это не болтать лишнего, глядеть в оба и всех подходящих людей заманивать сюда для вербовки.

— Дело не в проповедях, майор. Проповедь я сказать могу, когда-то в молодости сам был проповедником. Но только мне совесть не позволит распространять эту липовую религию. Я знаю, цель у вас благородная, и я согласился быть с вами, но лучше уж я останусь при кухне.

Ардмор задумался, а потом очень серьезно ответил.

— Алекс, я, кажется, вас понимаю. Я никого не хочу заставлять действовать против совести. Мы бы не пошли на то, чтобы создавать видимость церкви, если бы могли сражаться за Соединенные Штаты как-нибудь иначе. Неужели ваша вера запрещает вам сражаться за свою страну?

— Нет, не запрещает.

— Главной вашей обязанностью в качестве священника будет помогать беспомощным людям. Неужели это не соответствует вашей вере?

— Конечно, соответствует. Потому-то я и не могу это делать во имя ложного бога.

— Но разве это ложный бог? Или вы считаете, что Господу не все равно, каким именем вы его называете, если вы делаете то, что ему угодно? Имейте в виду, — добавил он поспешно, — я не говорю, что этот так называемый храм, который мы тут построили, можно считать храмом истинного Бога. Но разве то, что вы чувствуете в своем сердце, когда поклоняетесь Богу, не важнее, чем слова и обряды, которыми вы при этом пользуетесь?

— Все это верно, майор, то, что вы говорите, — святая правда, только мне это что-то не по душе.

Ардмор видел, что Кэлхун прислушивается к их спору с плохо скрытым раздражением, и решил его прекратить.

— Алекс, я хотел бы, чтобы вы сейчас пошли и как следует подумали. Зайдите ко мне завтра, и, если вы не

сможете примирить это задание со своей совестью, я дам вам освобождение от воинской службы по причине религиозных убеждений. Вам даже не придется работать на кухне.

— Это уж вовсе ни к чему, майор. Мне кажется...

— Нет, нет. Если вам нельзя одно, то нельзя и другое. Я не хочу никого заставлять действовать вразрез с его верой. Так что идите и подумайте.

И, не дожидаясь ответа, Ардмор поспешно выпроводил его.

Кэлхун больше не мог сдерживаться.

— Ну, знаете, майор! В этом и состоит ваш план — под видом военной хитрости насаждать суеверие?

— Нет, полковник, не в этом. Но в данном случае то, что вы называете суеверием, — уже существующий факт. Хау — первый пример того, с чем нам придется столкнуться, — того, как отнесутся общепринятые религии к этой, которую изобрели мы.

— Может быть, нам следовало подражать какой-нибудь из них? — заметил Уилки.

— Может быть. Очень может быть. Я об этом думал, но ничего подходящего не придумал. Не могу себе представить, чтобы кто-нибудь из нас начал изображать из себя, скажем, пастора обычной протестантской церкви. Я человек не слишком религиозный, но и я бы этого переварить не смог. Возможно, что в конечном счете меня беспокоит то же самое, что и Хау. Но у нас нет другого выхода. Мы вынуждены считаться со взглядами других церквей и по возможности не вступать с ними в конфликт.

— Можно вот что сделать, — предложил Томас. — Один из догматов нашей церкви мог бы состоять в том, чтобы допускать и даже поощрять поклонение любым другим богам. Кроме того, всякая церковь нуждается в деньгах, особенно сейчас. Мы могли бы предложить им финансовую поддержку без всяких предварительных условий.

— Да, и то и другое будет полезно, — согласился Ардмор. — Но это штука деликатная. Мы должны использовать любую возможность, чтобы завербовать как можно больше настоящих священников. Будьте уверены, что к нам примкнет каждый американец, как толь-

ко поймет, куда мы метим. Задача будет состоять в том, чтобы отобрать тех, кому можно доверить нашу тайну. Теперь насчет Денвера, — Джефф, ты готов снова отправиться туда, скажем, завтра?

— А Хау?

— Мне кажется, он все-таки согласится.

— Минутку, майор! — Это был доктор Брукс, который до сих пор, по своему обыкновению, молча слушал. — Мне кажется, лучше было бы подождать день или два, пока Шир не внесет кое-какие изменения в конструкцию посохов.

— Что за изменения?

— Помните, мы экспериментально установили, что эффект Ледбеттера можно использовать для стерилизации?

— Да, конечно.

— Благодаря этому мы и можем со спокойной совестью обещать больным исцеление. Но мы недооценили возможностей этого метода. На этой неделе я заразил себя сибирской язвой...

— Сибирской язвой?! Господи, доктор, зачем же так рисковать?

Брукс спокойно взглянул на Ардмора.

— Но ведь без этого не обойтись, — начал терпеливо объяснять он. — Эксперименты на морских свинках дали хороший результат, но разработать методику можно только в опытах на человеке. Так вот, я заразил себя сибирской язвой, подождал некоторое время, чтобы дать болезни развиваться, а потом подверг себя ледбеттеровскому облучению на всех диапазонах, кроме тех частот, которые смертельны для теплокровных позвоночных. Болезнь исчезла. Меньше чем через час в результате естественного преобладания анаболизма над катаболизмом от патологических симптомов не осталось и следа. Я выздоровел.

— Будь я проклят! А как по-вашему, при других болезнях это тоже поможет так же быстро?

— Не сомневаюсь. Дело не только в том, что это подтверждают опыты на животных. Такой же результат дал еще один эксперимент, хоть и непреднамеренный, — впрочем, это можно было предвидеть заранее. Может быть, кто-нибудь из вас заметил, что у меня в

последние дни был сильный насморк. Облучение и его вылечило заодно с сибирской язвой. Известно, что насморк вызывают несколько десятков патогенных вирусов, а облучение уничтожило их все без разбора.

— Очень рад это слышать, доктор, — сказал Ардмор. — В конечном счете одно это принесет человечеству, может быть, больше пользы, чем любое военное применение эффекта Ледбеттера. Но какое отношение это имеет к организации филиала нашей церкви в Денвере?

— К этому, возможно, и не имеет. Но я позволил себе дать указание Ширу переделать один портативный излучатель, чтобы любой из наших агентов, не имея в руках ничего, кроме посоха, мог исцелять больных. Я думаю, стоит подождать, пока Шир не переделает таким же образом посохи Томаса и Хау.

— Я думаю, вы правы, если это не займет слишком много времени. А можно посмотреть, как его переделали?

Шир продемонстрировал посох, над которым работал. Внешне он ничем не отличался от прочих: это был шест почти двухметровой длины, увенчанный резным набалдашником в форме куба с ребром сантиметров в десять. Грани куба были окрашены в те же цвета, что и стены храма. Причудливые золотые завитушки, арабски и рельефные фигурки на поверхности набалдашника и самого посоха скрывали рукоятки управления излучателем, встроенным в куб. Не изменив внешнего вида посоха, Шир всего лишь добавил в излучатель дополнительную схему, позволявшую ему генерировать излучение на всех частотах сразу, кроме тех, что смертельны для позвоночных. Для этого нужно было только нажать на определенный золотой листок на поверхности посоха. Над конструкцией посоха и его оформлением Шир и Грэхем бились долго, стремясь к тому, чтобы украшения и скрытый среди них излучатель составляли единое целое. Они прекрасно сработались, и неудивительно, ведь способности у них были сродни: художник всегда на две трети мастер-ремесленник, а ремесленник в душе всегда отчасти художник.

— Я бы вот что еще предложил, — сказал Брукс, после того как все осмотрели посох и познакомились с

его действием. — Нужно, чтобы этот новый эффект был посвящен Тамар, Властительнице Милосердия, и чтобы загорался ее цвет, когда будет включен излучатель.

— Правильно, — согласился Ардмор. — Хорошая идея. Приводя в действие посох, нужно, чтобы он всякий раз светился тем цветом, что закреплен за соответствующим богом, к которому мы якобы взываем. Давайте установим такое правило. И пусть они ломают голову, как обыкновенный свет может творить чудеса.

— Зачем заниматься всей этой ерундой? — спросил Кэлхун. — Все равно паназияты не догадаются, как у нас это получается.

— По двум причинам, полковник. Прежде всего, таким способом мы наведем их на ложный след и введем в заблуждение их ученых, когда те попытаются раскрыть нашу тайну. Не надо недооценивать их способностей. Но еще важнее психологическое действие, которое это окажет на людей, чуждых науке, — и желтых, и белых. Если что-то похоже на чудо, все думают, что это и есть чудо. Научными чудесами обыкновенного американца не удивить, он к ним привык и считает в порядке вещей: «Ну и что, подумаешь? Вам за это и платят». Но добавьте к этому пару дешевых эффектов и дурацких заклинаний, а главное — не зайкайтесь о науке, — и он будет потрясен. Чисто рекламный трюк.

— Ну ладно, — сказал Кэлхун, явно не желая продолжать разговор, — вам, конечно, лучше знать — у вас, по-видимому, большой опыт по части того, как дурачить публику. Я над такими вещами никогда не задумывался, мое дело — настоящая наука. Если я больше вам не нужен, майор, я пойду, мне нужно работать.

— Конечно, полковник, конечно! Продолжайте свою работу, она для нас важнее всего. — Но когда Кэлхун вышел, Ардмор задумчиво добавил: — И все-таки не понимаю, почему психологию масс нельзя считать наукой. Если бы кто-нибудь из ученых в свое время взялся всерьез исследовать то, что прекрасно знает из опыта

любой рекламный агент или политик, мы бы, может быть, теперь не оказались в таком положении.

— Кажется, я мог бы вам ответить, — скромно заметил доктор Брукс.

— Что-что? А, конечно, доктор. Что вы хотите сказать?

— Психологию не считают наукой, потому что там все слишком сложно. Ученые мыслят упорядоченно и любят ясность. Таких областей знаний, где ясности не хватает, они стараются избегать, а тяготеют к тем, где ее внести сравнительно легко — например, к физическим наукам. И получается, что в более сложных предметах предоставляется разбираться практикам. Например, есть достаточно строгая наука термодинамика, но вряд ли в ближайшие годы появится наука психодинамика.

Уилки повернулся к Бруксу:

— Вы в самом деле так считаете, Брукси?

— Конечно, мой дорогой Боб.

Ардмор постучал по столу.

— Это очень интересная тема, и я с удовольствием продолжил бы нашу беседу, но сейчас хватает дел поважнее. Вернемся к нашей церкви в Денвере, — у кого есть еще какие-нибудь предложения?

Глава 6

— Очень рад, что мне не придется этим заниматься, — сказал Уилки. — Представления не имею, с чего начинать.

— Очень может быть, что вам все-таки придется этим заняться, — возразил Ардмор. — И всем нам тоже. Черт возьми, была бы у нас хоть сотня-другая людей, на которых можно положиться! Но их нет, а нас только девять человек... — Он помолчал, барабанив пальцами по столу. — Всего девять!

— Вам никогда не заставить полковника Кэлхуна изображать из себя проповедника, — заметил Брукс.

— Ну хорошо, значит, восемь. Сколько в Соединенных Штатах городов, Джефф?

— Фрэнк Митсуи тоже не годится, — продолжал Брукс. — И, если уж на то пошло, я хоть и не отказываюсь, но не представляю себе, чем могу быть здесь полезен. С таким же успехом я мог бы давать уроки танцев.

— Не волнуйтесь, доктор, я в этом понимаю не больше вашего. Будем импровизировать на ходу. К счастью, никаких правил в этих играх не существует, — можем изобретать свои собственные.

— Но как вы добьетесь, чтобы это звучало убедительно?

— А нам не надо, чтобы это звучало убедительно. Мы не собираемся никого обращать в свою веру. С теми, кто уверует по-настоящему, будут только лишние хлопоты. Нам нужно одно — чтобы наши повелители сочли новую религию законной. А для этого особой убедительности не понадобится — всякая религия при ближайшем рассмотрении выглядит глуповато. Вот, например... — Ардмор поймал взгляд Ширы и сказал: — Прошу прощения, я никого не хочу обидеть. Тем не менее это факт, и мы должны им воспользоваться в военных целях. Возьмите любую религиозную мистерию, любой теологический догмат — если пересказать их на обычном языке, всякому нормальному человеку станет ясно, какая это сушья чепуха. Начиная от ритуального, символического поедания человеческой плоти и крови, которое практикуют все христианские секты, и кончая прямым людоедством, которым занимаются дикари. Подождите! — продолжал он. — Не надо бросать в меня тяжелыми предметами! Я не осуждаю никакую веру, я просто хочу сказать, что мы вольны делать что угодно, если только это будет называться религиозным ритуалом и не вызовет возражений у желтомордых. Но мы должны решить, что именно собираемся делать и что будем при этом говорить.

— Что мы будем говорить, по-моему, не так уж важно, — сказал Томас. — Я ничего такого не говорил, кроме красивых слов, и все сошло прекрасно. Важно другое — как нам на самом деле пустить корни в городах. У нас для этого просто не хватит людей. Вы именно об этом подумали, когда спросили меня, сколько в стране городов?

— Хм... Ну да. Мы не сможем приступить к действиям, пока не охватим все Соединенные Штаты. Придется готовиться к долгой войне.

— Майор, а зачем нам нужно охватить все города до единого?

Ардмор внимательно посмотрел на Томаса.

— Продолжайте.

— Видите ли, — осторожно начал Томас, — судя по тому, что мы уже знаем, паназияты не держат

гарнизонов в каждом поселке. Их армия сосредоточена в шестидесяти или семидесяти местах. А в большинстве мелких городишек есть только сборщик налогов, мэр и начальник полиции в одном лице, который присматривает за исполнением приказов Кулака. Собственно говоря, такие местные начальники — даже не военные, хоть и носят оружие и одеты в форму. Они что-то вроде наместников — гражданские чиновники в должности военных губернаторов. Мне кажется, мы вполне можем не принимать их в расчет: они не продержатся у власти и пяти минут, если лишатся поддержки гарнизона, расположенного в ближайшем большом городе.

Ардмор кивнул.

— Я понимаю, что вы хотите сказать. Вы считаете, что нужно заниматься только большими городами, где стоят гарнизоны, а на остальные махнуть рукой. Но имейте в виду, Джефф, — не стоит недооценивать противника. Если Великий Бог Мотаа будет являться только там, где стоят гарнизоны, это может показаться странным кому-нибудь из паназиятской службы безопасности, если ему вздумается поинтересоваться статистикой местных религий. Я считаю, что наша церковь должна быть вездесущей.

— А я все-таки позволю себе заметить, сэр, что это невозможно. У нас не хватит рук. Не так просто будет набрать и обучить даже столько людей, чтобы организовать по церкви хотя бы в каждом крупном городе.

Ардмор задумался, грызя ноготь. Потом он сказал:

— Вы, наверное, правы. Черт возьми, но ведь мы вообще ничего не добьемся, если будем сидеть тут и ломать себе голову над будущими трудностями. Я же говорю, что придется импровизировать на ходу. Сначала надо организовать штаб-квартиру в Денвере. Джефф, что вам для этого понадобится?

Томас нахмурился.

— Не знаю. Деньги, наверное.

— Это не проблема, — сказал Уилки. — Сколько надо? Я могу сделать вам хоть полтонны золота.

— Не думаю, чтобы я смог унести больше двадцати килограммов.

— Но ему не так просто будет реализовать слитки, — заметил Ардмор. — Нужна звонкая монета.

— Годаются и слитки, — возразил Томас. — Я просто отнесу их в Имперский банк. Добыча золота разрешена и даже поощряется, только когда меняешь его на деньги, наши добрые повелители оставляют себе изрядный процент.

Ардмор покачал головой.

— Вы забываете о том, как это будет выглядеть. Священнику в мантии и с нимбом над головой не к лицу лезть в карман за чековой книжкой и авторучкой. И вообще счет в банке вам ни к чему: по нему противник сможет в точности выяснить, чем вы занимаетесь. Вы должны за все расплачиваться красивыми, новенькими, сверкающими золотыми монетами. Это произведет огромное впечатление. Шир, вы умеете делать фальшивые монеты?

— Никогда не пробовал, сэр.

— Самое время начать. У нас каждый должен иметь вторую профессию. Джефф, когда вы были в городе, вам не представился случай раздобыть хотя бы одну монету Империи для образца?

— Нет. Но думаю, что монету можно будет достать — я дам знать своим хобо, что мне нужно.

— Жаль только, что придется ждать. Но без денег соваться в Денвер не стоит.

— А это обязательно должны быть монеты Империи? — спросил доктор Брукс.

— Что-что?

Биолог выудил из кармана золотой пятидолларовик.

— Эту монетку я с детства ношу с собой на счастье. По-моему, время настало, пора пустить ее в оборот.

— Хм-м-м... Что вы об этом скажете, Джефф? Можно будет расплачиваться американскими деньгами?

— Ну, бумажные деньги не годятся, а что до золотых монет... Сдается мне, эти кровопийцы возражать не станут, лишь бы монеты были золотые. Во всяком случае, по цене лома их принимать будут. А уж американцы от таких не откажутся.

— По какой цене их будут принимать, не так важно. — Ардмор бросил монету Шире. — Сколько времени вам понадобится, чтобы изготовить килограммов двадцать вот таких?

Сержант внимательно осмотрел монету.

— Не так уж много, если их не чеканить, а отливать. Вы хотите, чтобы все они были одинаковые, сэр?

— А почему бы и нет?

— Видите ли, на них стоит год выпуска.

— А, понимаю. Ну ничего не поделаешь — это наш единственный образец. Будем надеяться, что они не обратят внимания или не придадут этому значения.

— Если вы дадите мне немного больше времени, сэр, то, думаю, я мог бы кое-что сделать. Я отолью штук двадцать в точности таких же, а потом вручную награвировать разные годы. Получится двадцать разных типов монет, а не один.

— Шир, вы настоящий художник. Так и сделайте. И заодно постарайтесь, чтобы на них были царапины и вмятины, на всех разные.

— Я уже об этом подумал, сэр.

Ардмор усмехнулся.

— Похоже, мы сумеем доставить Его Небесному Величеству множество неприятностей. Ну, что еще, Джефф? Есть какие-нибудь вопросы или можно закрыть заседание?

— Только один вопрос, командир. Как мне добраться до Денвера? Или нам, если Хау все-таки согласится?

— Я ждал, когда вы об этом вспомните. Дело простое: вряд ли Кулак даст вам вертолет, как бы вы его ни просили. А если на своих двоих? У вас, надеюсь, нет плоскостопия или каких-нибудь там мозолей?

— Будь я проклят, если это доставит мне удовольствие. До Денвера далековато.

— Ничего не поделаешь. Хуже всего то, что с этой проблемой придется сталкиваться постоянно, если мы хотим распространить нашу организацию на всю страну.

— Я не понимаю, в чем тут трудность, — вмешался Брукс. — По-моему, населению все же разрешено пользоваться транспортом, кроме воздушного.

— Ну да, только нужно получить пропуск, а это долгая процедура. Ничего, — продолжал Ардмор, — настанет день, когда одеяние жреца бога Мотаа само по себе будет пропуском куда угодно. Если мы правильно себя поведем, мы сделаемся их любимчиками и получим всевозможные привилегии. Но пока надо доставить Джеффа в Денвер так, чтобы не привлечь к

нему излишнего внимания и не натрудить ему ноги. Скажите-ка, Джефф, а как вы сегодня добирались до города? Мы это совсем упустили.

— На попутных машинах. Тоже не такое уж простое дело. Большая часть водителей слишком боится полиции и не хочет рисковать.

— Нет, это никуда не годится, Джефф. Жрец бога Мотаа не должен просить, чтобы его подвезли. Это никак не вяжется с чудесами.

— А что же, по-вашему, следовало делать? Черт возьми, майор, если бы я шел пешком, я бы и до сих пор не вернулся. А скорее всего, меня бы сгреб первый же полицейский, до которого еще не дошли последние новости, — возразил Томас с необычным для него раздражением.

— Прошу прощения, Джефф, я не должен был к этому цепляться. Но нам придется придумать что-нибудь получше.

— А что если мне просто подбросить его на одной из наших машин-разведчиков? — спросил Уилки. — Ночью, разумеется.

— Радары работают и по ночам, Боб. Вас попросту собьют.

— Не думаю. В нашем распоряжении огромные запасы энергии, иногда мне и думать страшно, как они велики. Я, пожалуй, мог бы соорудить такое устройство, чтобы всякий радар, который нас засечет, тут же перегорел.

— А противник после этого будет знать, что здесь еще остались люди, которые разбираются в электронике? Нет, раскрывать наши карты еще рано, Боб.

Уилки сконфуженно умолк. Немного подумав, Ардмор сказал:

— Впрочем, рисковать все равно придется. Сооружайте ваше устройство, Боб, и летите всю дорогу на бреющем полете. Мы вас отправим часа в три-четыре ночи — авось удастся проскочить незамеченными. А если надо будет, пускайте это устройство в ход. Только потом все должны немедленно возвратиться на базу. Нельзя, чтобы кто-нибудь сообразил, что тут замешаны жрецы бога Мотаа. Даже время не должно совпадать. То же самое относится и к вам, Джефф. Если на вас

нападут после того, как Уилки доставит вас на место, пускайте в ход эффект Ледбеттера и уничтожьте всех солдат, кто окажется поблизости, а сами тут же уходите в подполье. Паназиаты ни при каких обстоятельствах не должны догадаться, что жрецы Мотаа способны на что-нибудь еще, кроме произнесения проповедей. Ликвидируйте свидетелей и исчезайте.

— Будет сделано, командир.

Маленькая машина-разведчик зависла над горой Лукаут поблизости от Денвера. Люк распахнулся, и на землю тяжело прыгнул человек в мантии, чуть не упав при этом: под мантией у него был тяжелый пояс с золотом. За ним из машины легко выскочил еще один человек в такой же мантии.

— Все в порядке, Джефф?

— Вполне.

Уилки высунул голову в иллюминатор и крикнул:

— Удачи вам!

— Спасибо. А теперь заткнись и лети обратно.

— Ладно.

Люк захлопнулся, и машина исчезла в темноте.

Уже рассветало, когда Томас и Хау спустились к подножью горы и направились в сторону Денвера. По-видимому, никто их не заметил, хотя один раз им пришлось, затаив дыхание, несколько минут просидеть в кустах, прячась от проходившего мимо патруля. Джефф держал наготове свой посох, положив большой палец на золотой листок под набалдашником. Но патруль миновал их, не догадываясь, какие рукотворные молнии на него нацелены.

Когда они добрались до города, было уже светло. Теперь они больше не прятались. В такой ранний час паназиатов на улицах почти не было: они еще спокойно спали, хотя рабы уже спешили на работу. При виде Томаса и Хау американцы только с любопытством поглядывали на них, но не останавливались и не пытались с ними заговорить. Все уже твердо усвоили первейший закон любого полицейского государства — никогда не совать нос не в свое дело.

Заметив вдали направлявшегося к ним паназиатско-полицейского, Джефф и Алекс сошли с тротуара, включили защитные экраны и стали ждать. Американцев поблизости не было видно — стоило появиться полиции, как улица пустела. Джефф облизнул пересохшие губы и сказал:

— Я буду говорить, Алекс.

— Идет.

— Вот он. Господи, Алекс, включи же нимб!

— Сейчас.

Хау залез пальцем под тюрбан за правым ухом, и тут же у него над головой вспыхнул радужный мерцающий нимб. Это было просто свечение ионизированного воздуха, как во время полярного сияния, — сущие пустяки по сравнению с прочими чудесами, но выглядел нимб очень эффектно.

— Так-то лучше, — вполголоса сказал Джефф. — А что у тебя с бородой?

— То и дело отклеивается. Я вспотел.

— Смотри, чтобы не отклеилась не вовремя! Сейчас он подойдет.

Томас встал в позу благословения, Хау последовал его примеру.

— Мир тебе, повелитель, — произнес Джефф нараспев.

Полицейский остановился. Его познания в английском языке ограничивались лишь несколькими приказаниями: «Стой!», «Иди!», «Предъяви карточку!», а во всех остальных случаях он объяснялся с рабами при помощи дубинки. Однако одеяния на этих белых показались ему знакомыми — точно такие были изображены на объявлениях, только что расклеенных в казарме, где говорилось, что это еще одно дурачество, дозволенное рабам.

Тем не менее раб есть раб и должен знать свое место. Он должен поклониться, а эти два раба не кланялись. Полицейский замахнулся дубинкой, чтобы ткнуть в живот того, кто стоял ближе. Однако дубинка, не достигнув цели, отскочила назад с такой силой, что у него заныла рука, как будто он с размаху стукнул по чему-то очень твердому.

— Мир тебе! — повторил Джефф, следя за каждым движением паназиата.

На боку у полицейского болтался вихревой пистолет; Джеффу он был не страшен, но в его планы не входило демонстрировать этому типу, что оружие против него бессильно. Он жалел о том, что пришлось привести в действие защитный экран, и надеялся, что полицейский просто не поверит своим глазам и ощущениям.

Тот стоял в полном недоумении. Он удивленно посмотрел на свою дубинку, замахнулся еще раз, но передумал и решил прибегнуть к своему скудному запасу английских слов.

— Иди!

Джефф снова воздел руку.

— Мир тебе! Не подобает фарджону снипировать каскопады в присутствии Великого Бога Мотаа! Фрапуй!

И он указал другой рукой на Хау.

Полицейский бросил на него непонимающий взгляд, отступил на несколько шагов, огляделся вокруг и зашвистел в свисток.

— Зачем ты показал на меня? — спросил Алекс шепотом.

— Не знаю. Так просто. Не зевай!

Подбежал еще один полицейский, очевидно, постарше чином, и оба осторожно приблизились к Томасу и Хау, обмениваясь короткими замечаниями на своем певучем языке. Второй полицейский достал пистолет.

— Ну-ка, парни, пошли быстро!

— Идем, Алекс! — Томас выключил защитный экран и последовал за полицейским, надеясь, что Алекс сделает то же самое: рекламировать чудесные свойства экранов пока не стоило.

Паназиаты отвели их в ближайший полицейский участок. Джефф шел, благословляя всех, кто попадался навстречу. Когда участок был уже близко, старший полицейский послал младшего вперед, и в дверях их встретил дежурный офицер — видно было, что ему не терпится поглядеть, какой необычный улов доставили его подчиненные. Кроме нетерпения, он испытывал и некоторую тревогу, потому что знал, какая судьба постигла несчастного лейтенанта, первым обнаружившего

этих странных святых людей. Он твердо решил, что не повторит его ошибки и не потеряет лицо.

Джефф подошел к нему, встал в позу и произнес:

— Мир тебе! Повелитель, я должен пожаловаться тебе на твоих слуг. Они помешали нам делать свое святое дело, которое получило благословение Его Императорского Высочества — самого Кулака Императора!

Офицер неуверенно помахал в воздухе своей тростью, что-то сказал подчиненным и снова повернулся к Джеффу:

— Кто ты?

— Слуга Великого Бога Мотаа.

Тот же вопрос паназият задал и Алексу, но Джефф не дал ему ответить.

— Повелитель, — сказал он поспешно, — это очень святой человек, он дал обет молчания. Если ты заставишь его нарушить обет, грех падет на твою голову.

Офицер колебался. В объявлении ясно говорилось, что трогать этих сумасшедших дикарей не следует, но там не было сказано, как же с ними обращаться. Ему очень не хотелось устанавливать прецедент — за это могли и наградить, но скорее можно было угодить к праотцам.

— Пусть соблюдает свой обет. Покажите мне свои карточки.

Джефф изобразил на лице изумление:

— Мы ничтожные слуги Великого Бога Мотаа, у нас нет даже имен, зачем нам эти карточки?

— Карточки, быстро!

Стараясь сохранить спокойствие, Джефф грустно сказал:

— Мне жаль тебя, юный повелитель. Я буду молиться за тебя Великому Мотаа. Но сейчас я вынужден просить отвести меня к Кулаку Императора, и немедленно.

Эту речь он прорепетировал несколько раз и надеялся, что она произведет нужное действие.

— Это невозможно!

— Его Высочество уже говорил со мной, он будет говорить со мной еще раз. Кулак Императора всегда готов встретиться со слугами Великого Бога Мотаа.

Офицер взглянул на него, повернулся и вошел в полицейский участок. Томас и Хау остались ждать на улице.

— Как ты думаешь, он в самом деле прикажет отвести нас к наместнику? — шепотом спросил Хау.

— Надеюсь, что нет. Не думаю.

— А что ты тогда будешь делать?

— Там будет видно. И вообще заткнись, ты же дал обет молчания.

Через несколько минут офицер снова появился и бросил:

— Вы можете идти.

— Куда? К Кулаку Императора? — злорадно спросил Джефф.

— Нет, нет! Просто идите! Убирайтесь с моего участка!

Джефф отступил на шаг, в последний раз благословил его, и оба «священника» удалились. Уголком глаза Джефф успел заметить, как офицер поднял трость и с силой опустил ее на голову старшего из полицейских, но сделал вид, что ничего не видел.

Когда они свернули за угол, Джефф сказал Хау:

— Ну вот, теперь они надолго от нас отстанут.

— Почему ты так решил? Он на нас зол, как черт.

— Не в этом дело. Нельзя, чтобы он или какой-нибудь другой фараон думал, будто может нами командовать, как простыми смертными. Мы не успеем отойти и на три квартала, как весь город будет знать, что я вернулся и что трогать нас нельзя. Так и должно быть впрямь.

— Может быть, только мне все равно кажется, что не стоит настраивать против себя полицейских.

— Ты не понимаешь, — с досадой сказал Джефф. — Только так с ними и можно. Полицейский есть полицейский, какого бы цвета он ни был. Они действуют страхом и понимают только страх. Как только до них дойдет, что нас трогать нельзя, что к нам привязываться опасно, они станут разговаривать с нами так же почтительно, как со своим начальством. Вот увидишь.

— Надеюсь.

— Так оно и будет. Полицейский есть полицейский. Погоди, они еще станут на нас работать. Смотри, вон еще один идет!

Быстро догонявший их паназиат не стал ни обгонять их, ни останавливать, а перешел на другую сторону

улицы и пошел с ними вровень, делая вид, будто никого не замечает.

— Как по-твоему, что у него на уме, Джефф?

— Это наш почетный эскорт. Вот и хорошо, Алекс, — теперь ни одна обезьяна к нам и близко не подойдет. Можем спокойно заняться своим делом. Ты, должно быть, хорошо знаешь город? Где, по-твоему, нам устроить храм?

— Смотря что нам нужно.

— Этого я сам толком не знаю. — Он остановился и утер пот со лба: мантия оказалась довольно теплой, а под ней был еще спрятан тяжелый пояс с золотом. — Сейчас вся эта затея кажется мне довольно глупой. Должно быть, не гожусь я в тайные агенты. Не устроить ли его в Вест-Энде, где живут те, кто побогаче? Мы должны произвести хорошее впечатление.

— Нет, не думаю, Джефф. В богатых кварталах сейчас остались только два сорта людей.

— Это какие?

— Или паназияты, или предатели — те, кто торгует на черном рынке и вообще с ними сотрудничает.

Томас брезгливо поморщился.

— Должно быть, я отстал от жизни. Знаешь, Алекс, до этой минуты мне и в голову не могло прийти, что американец, какой бы он ни был, способен сотрудничать с завоевателями.

— Я бы тоже не поверил, если бы не видел этого своими глазами. Есть такие, кто на все способен. От рождения.

Они присмотрели заброшенный склад недалеко от реки, в многолюдном районе, населенном беднотой и превратившемся в трущобу. Три четверти магазинов стояли заколоченные: торговля почти прекратилась. Опустевших складов было множество — этот Томас выбрал потому, что здание имело почти кубическую форму, как и их главный храм. Кроме того, он был отделен от соседних построек с одной стороны переулком, а с другой — пустырем.

Дверь склада была взломана. Они осторожно заглянули туда, потом вошли внутрь и осмотрелись. Повсюду валялся какой-то хлам, но стены были прочные, и водопровод действовал. Весь первый этаж занимало

просторное помещение шестиметровой высоты с несколькими колоннами, вполне подходящее для богослужений.

— По-моему, годится, — решил Томас. Из кучи мусора у стены выскочила крыса, он не задумываясь направил на нее свой посох, крыса высоко подпрыгнула в воздухе и упала замертво. — Как бы нам его купить?

— Американцы не имеют права владеть недвижимостью. Придется разыскать того чиновника, который наживается на его аренде.

— Ну, это, наверное, будет нетрудно.

Они вышли. Сопровождавший их полицейский поджидал на углу, старательно глядя в другую сторону.

Улицы уже заполнились народом. Томас поймал за рукав пробежавшего мимо мальчишку лет двенадцати, но с невеселым, циничным взглядом взрослого, повидавшего виды мужчины.

— Мир тебе, дитя. Кто арендует этот склад?

— Пустите меня!

— Я тебе ничего не сделаю.

Он сунул мальчишке одну из самых лучших пятидолларовых монет, вышедших из рук Шира. Мальчишка посмотрел на нее, потом на азиата-полицейского, все еще стоявшего на другой стороне улицы. Тот, казалось, не обращал на них внимания, и монета исчезла у мальчишки в кармане.

— Поговорите с Конски. Все такие штуки по его части.

— Кто такой Конски?

— Все знают, кто такой Конски. Послушай, дед, а что это ты так вырядился? Смотри, как бы косоглазые не прицепились.

— Я служу Великому Богу Мотаа. Бог Мотаа хранит своих слуг. Отведи нас к этому Конски.

— Ничего не выйдет. Я с косоглазыми не путаюсь.

Мальчишка попытался вырваться, но Джефф, продолжая крепко держать его, достал еще одну монету и показал ему.

— Не бойся. Бог Мотаа не даст в обиду и тебя.

Мальчишка посмотрел на монету, оглянувшись по сторонам и сказал:

— Ну ладно, пошли.

Они свернули за угол и подошли к невысокому зданию, в нижнем этаже которого помещалась пивная.

— У него контора вон там, наверху.

Джефф отдал мальчишке монету.

— Приходи к нам в тот склад, — сказал он. — У Бога Мотаа найдутся для тебя еще подарки.

— По-моему, это было неосторожно, — заметил Алекс, когда они поднимались по лестнице.

— Ничего, парень неплохой. — ответил Джефф. — Конечно, жизнь сделала из него уличного мальчишку, но он на нашей стороне. Он всем про нас будет рассказывать. Кроме азиатов.

Конски держался вежливо, но осторожно. Скоро стало ясно, что у него «есть связи», но от разговора о деле он всячески уклонялся до тех пор, пока не увидел наличные. После этого его уже ничуть не смущали ни необычная одежда, ни странное поведение посетителей (Томас разыграл перед ним всю церемонию, включая благословение, хотя и понимал, что особого впечатления это не произведет, — просто ему не хотелось выходить из роли). Он выяснил, о каком здании идет речь, долго торговался из-за платы за аренду и «за особые услуги» — так он назвал взятку, — а потом куда-то ушел.

Томас и Хау были рады, что на некоторое время остались одни. Непрерывно изображать «святых людей» было довольно утомительно; к тому же с того момента, как они покинули Цитадель, у них не было ни крошки во рту. Джефф извлек из-под своей мантии несколько бутербродов, и они перекусили. В довершение всего рядом с кабинетом Конски оказался туалет.

Три часа спустя они уже стали обладателями документа на двух языках, где говорилось, что Небесный Император соблаговолил предоставить своим верноподанным таким-то то-то и то-то, — короче говоря, договора об аренде склада. За дополнительную изрядную сумму Конски взялся в тот же день прислать рабочих, чтобы произвести там уборку и необходимый ремонт. Джефф поблагодарил его и с невозмутимым видом пригласил посетить первую же службу в новом храме.

Они снова направились к складу. Выйдя из конторы Конски, Джефф сказал:

— Знаешь, Алекс, нам, конечно, еще придется иметь дело с этим типом, он нам много будет помогать, но только когда придет время... В общем, я веду небольшой список, и он там стоит первым. Я хочу сам с ним посчитаться.

— Оставь немного на мою долю, — сказал Хау.

Когда они подошли к складу, откуда-то появился тот самый мальчишка.

— Еще чего-нибудь нужно, дед?

— Благослови тебя Бог, сынок. Да, кое-что нужно.

Получив еще кое-какое вознаграждение, мальчишка отправился добывать для них койки и постельное белье. Джефф посмотрел ему вслед и сказал:

— Я думаю, надо сделать из него причетника. Он может бывать в таких местах, куда нам не попасть, и делать то, чего мы не можем. К тому же его вряд ли станут останавливать полицейские.

— Я бы не советовал ему доверять.

— А я и не стану. Он будет знать только одно: мы с тобой — двое полоумных, которые убеждены, что служат Великому Богу Мотаа. Мы ни одному человеку не имеем права доверять, Алекс. Ну, пошли, надо перебить здесь крыс, пока не пришли рабочие. Дай-ка я проверю регулировку твоего посоха.

К концу дня Первый Денверский Храм Великого Мотаа уже действовал. Правда, на вид он еще ничем не отличался от обычного склада и не имел пока ни одного прихожанина. Но весь мусор был убран, в воздухе стоял густой запах дезинфекции, и входную дверь уже можно было запереть. В углу стояли две койки и запас еды не меньше чем на две недели.

А на другой стороне улицы по-прежнему торчал полицейский.

Полиция не спускала с них глаз еще четыре дня. Дважды отряды полицейских обыскивали все здание. Томас не противился: скрывать им было пока нечего. Единственным их оружием были посохи да небольшой

излучатель Ледбеттера под мантией на спине у Хау, из-за которого он казался горбуном.

За это время им удалось при содействии Конски обзавестись мощным автомобилем и разрешением ездить на нем как самостоятельно, так и с шофером по всему округу. Эта «особая услуга» обошлась им очень недешево. Нашли и шофера, но уже без помощи Конски, а через Малыша Дженкинса — того самого мальчишку, который помогал им в первый день.

На четвертый день, около полудня, полиция сняла наблюдение. Вскоре Джефф оставил Хау стеречь храм и на машине отправился в Цитадель. Обрато он вернулся в сопровождении Шира, тоже наряженного, к большому его неудовольствию, в мантию и бороду, которые ему совершенно не шли. Шир привез с собой ящик кубической формы, раскрашенный в шесть священных цветов Бога Мотаа. Когда они вошли в храм и заперли двери, Шир распечатал ящик, соблюдая большие предосторожности во избежание взрыва, который разнес бы вдребезги все здание, и занялся сооружением «алтаря». К полуночи работа была закончена. Оставалось еще сделать кое-что снаружи, пока Томас и Хау стояли на страже, готовые оглушить или, если нужно, прикончить всякого, кто попытался бы помешать Ширу.

Первые лучи утреннего солнца озарили изумрудно-зеленый фасад храма. Остальные стены сияли красным, золотистым и небесно-голубым цветом. Храм Бога Мотаа был готов принять новообращенных — и кое-кого еще.

И самое главное — войти в дверь храма беспрепятственно теперь мог только человек белой расы.

За час до рассвета Джефф занял пост у дверей и принялся ждать, стараясь преодолеть волнение. В столь внезапно преобразившийся склад неминуемо должны были явиться солдаты для очередного обыска. Нужно было остановить их — если необходимо, оглушить или даже убить, но ни в коем случае не допускать в храм. Он надеялся убедить их, что храм — неприкосновенная территория, куда имеют доступ только принадлежащие к расе рабов. Однако чрезмерное рвение со стороны какого-нибудь мелкого чиновника вынудило бы его при-

бегнуть к решительным мерам, а это лишило бы их надежды на мирное распространение новой религии.

Из двери храма вышел Хау и неслышно подошел к нему. Томас вздрогнул от неожиданности.

— Кто?! А, это ты, Алекс? Не надо, я и так дергаюсь.

— Извини. Майор Ардмор на связи. Хочет знать, как дела.

— Поговори с ним сам, я не могу отойти от двери.

— Он еще хочет знать, когда вернется Шир.

— Скажи, что я его сразу же отошлю, когда буду уверен, что выйти отсюда не опасно. Но ни минутой раньше.

— Хорошо.

Хау ушел. Джефф оглядел улицу и насторожился: какой-то паназият в форме с любопытством разглядывал храм. Через минуту он двинулся прочь быстрой рысцой — солдаты Паназии всегда передвигались таким способом, находясь при исполнении служебных обязанностей.

«Ну, Мотаа, держись, — сказал про себя Джефф. — Пришел твой черед».

Не прошло и десяти минут, как появился отряд солдат под командованием офицера, который раньше уже обыскивал здание.

— Дай нам войти, святой человек.

— Нет, повелитель, — твердо ответил Джефф. — Храм уже освящен. Никто не может входить в него, кроме тех, кто поклоняется Великому Богу Мотаа.

— Мы не сделаем вашему храму ничего плохого, святой человек. Дай войти.

— Повелитель, если вы войдете, я не смогу уберечь вас от гнева Мотаа. И от гнева Кулака Императора тоже. — Прежде чем офицер успел над этим задуматься, Джефф поспешно продолжал: — Великий Бог Мотаа ожидал тебя и повелел тебя приветствовать. Он поручил мне, своему ничтожному слуге, передать тебе три дара.

— Три дара?

— Для тебя... — Джефф вложил ему в руку тяжелый кошелек, — ...для твоего начальника, да благословит его Бог... — за первым кошельком последовал второй, — и для твоих солдат.

Он протянул третий кошелек, и теперь у паназията были заняты обе руки.

Некоторое время офицер стоял в нерешительности. По весу кошельков он не мог не понять, что в них находится. Ему в жизни не приходилось держать в руках столько золота. Он повернулся, что-то отрывисто приказал солдатам и зашагал прочь.

Из двери храма снова вышел Хау.

— Ну как, Джефф, обошлось?

— На этот раз как будто да. — Томас проводил взглядом удалявшихся солдат. — Полицейские во всем мире одинаковые. Знал я одного такого сержанта из железнодорожной полиции.

— Ты думаешь, он разделит золото, как ты сказал?

— Ну, солдатам не достанется ничего, это точно. Со своим начальником, может быть, поделится, чтобы держал язык за зубами. Думаю, третий кошелек он где-нибудь припрятает еще по дороге к участку. Важнее другое — честный он политик или нет.

— То есть как?

— Честный политик — это такой, кто продается только один раз. Пойдем, пора готовиться, сейчас явятся клиенты.

В тот вечер в храме состоялось первое богослужение. Оно вышло не слишком внушительным — Джефф только еще учился священнодействовать. Они решили последовать старому доброму обычаю миссионеров: сначала пение, потом еда. Но еда была отменная — по хорошему куску мяса с белым хлебом. Ничего подобного прихожане не пробовали уже много месяцев.

Глава 7

— Алло! Алло! Джефф, это вы? Вы меня слышите?

— Слышу, слышу, майор. Можете так не кричать.

— Терпеть не могу эту чертову связь. Куда лучше обыкновенный телефон — такой, где видно, с кем говоришь.

— Был бы у нас обыкновенный телефон, наши друзья-азиаты могли бы нас подслушивать. А почему бы вам не попросить Боба с полковником устроить видеоканал? Уверен, что им бы это ничего не стоило.

— Боб уже придумал, как это сделать, но Шир занят выше головы — собирает установки для алтарей, и мне не хочется его отвлекать. Вы не могли бы подыскать хоть несколько человек ему в помощь? Механика, например, а лучше двоих, и радиотехника? С производством у нас никак дело не ладится, Шир уже с ног валится. Мне каждый вечер приходится приказывать ему, чтобы шел спать.

Томас подумал.

— Есть тут у меня один человек. Бывший часовщик.

— Часовщик? Замечательно!

— Ну, не знаю. Он немного не в себе, у него всю семью перебили. Тяжелый случай, почти как у Фрэнка Митсуи. Кстати, как там Фрэнк? Приходит в себя?

— Кажется, да. Не совсем, конечно, но он как будто очень увлечен работой. На нем теперь и кухня, и вся канцелярия, которую вели вы.

— Привет ему от меня.

— Хорошо. Теперь об этом часовщике. Когда будете вербовать людей для Цитадели, можно их отбирать не так тщательно, как для оперативной работы. Раз уж они попадут сюда, им отсюда не выйти.

— Знаю. Когда я направил к вам Эстеллу Дивенс, я не стал особо ее проверять. Но я бы ее к вам не послал, если бы ее не собирались забрать и отправить за океан в веселый дом.

— Вы все сделали правильно. Эстелла молодец. Она помогает Фрэнку на кухне, шьет вместе с Грэхемом мантии, а Боб Уилки обучает ее работать с пара-радио. — Ардмор усмехнулся. — У нас, кажется, возникают сексуальные проблемы. По-моему, Боб в нее втрескался.

— Правда? — Голос у Томаса неожиданно стал серьезным. — Командир, а не начнутся из-за этого какие-нибудь истории?

— Не думаю. Боб — человек порядочный, а Эстелла — замечательная девушка, можете мне поверить. Если биология пересилит, я возьму и поженю их — как верховный священник наивеличайшего Бога Мотаа.

— Боб не согласится. Если хотите знать, он в душе немного пуританин.

— Ну, тогда как высший гражданский чиновник в этой нашей деревушке. Не придирайтесь. Или пришлите мне сюда настоящего священника.

— А что если прислать еще несколько женщин, майор? Когда я направлял к вам Эстеллу, то ни о чем таком не думал, но тут хватает молодых женщин, которым помощь нужна не меньше, чем ей.

После долгой паузы Ардмор ответил:

— Капитан, это очень трудный вопрос. К моему большому сожалению, должен сказать, что у нас все-таки военная организация, а не миссия для спасения людей. Вербовать женщин вы должны только для выполнения определенных функций, которые им по плечу. Ни в каком другом случае вербовать женщин не

следует. Даже ради того, чтобы спасти их от веселых домов Паназии.

— Хорошо, сэр. Слушаюсь. Не надо было мне посылать к вам Эстеллу.

— Ну, что сделано, то сделано. С ней-то все как будто в порядке. И если женщина нам подходит, смело ее вербуйте. Похоже, война кончится не скоро, и я думаю, что нам будет легче поддерживать боевой дух, если здесь будет смешанное общество, а не чисто мужская компания. Без женщин мужчинам трудно, они теряют перспективу. Но в следующий раз лучше пришлите кого-нибудь постарше — какую-нибудь такую мать-настоятельницу или дуэньку. Например, профессиональную медсестру средних лет. Чтобы могла помогать Бобу в лаборатории и в то же время стать для них вроде приемной матери.

— Постараюсь.

— И пришлите того часовщика. Он нам позарез нужен.

— Сегодня же вечером устрою ему проверку под наркозом.

— А это необходимо, Джефф? Если паназиаты перебили его семью, ясно, на чьей он стороне.

— Это он так говорит. Мне будет спокойнее, когда я услышу от него то же самое после укола. Вдруг его подослали?

— Хорошо, вы правы, как всегда. Делайте свое дело, а я буду заниматься своим. Джефф, когда вы сможете передать храм Алексу? Вы нужны мне здесь.

— Алекс мог бы принять его хоть сейчас и продолжать то, что мы начали. Но насколько я понимаю, моя главная задача — вербовать «священников», которых можно будет посылать на самостоятельную работу — создавать новые ячейки.

— Это верно, но разве Алекс не сможет это делать? В конце концов, окончательную проверку они проходят здесь. Мы ведь решили, что ни один человек не должен узнать, чем мы на самом деле занимаемся, пока не окажется здесь, в Цитадели, под нашим контролем. Так что если Алекс ошибется и придет не того, кого нужно, ничего страшного не случится.

Джефф еще раз мысленно взвесил то, что собирался сказать.

— Послушайте, командир, вам оттуда, может быть, представляется, что все очень просто, но на самом деле это совсем не так. Мне кажется...

Он умолк.

— В чем дело, Джефф? Нервы сдают?

— Наверное.

— Почему? По-моему, операция идет по плану.

— Пожалуй... Может быть. Майор, вы сказали, что война кончится не скоро.

— Да.

— Так вот, лучше бы она кончилась поскорее. Иначе мы можем ее проиграть.

— Но она не может скоро кончиться. Мы не имеем права начинать активные действия, пока у нас не будет достаточно верных людей, чтобы нанести удар сразу повсюду.

— Да, конечно, только надо бы, чтобы это случилось как можно быстрее. Как по-вашему, что для нас страшнее всего?

— Ну, если нас кто-нибудь выдаст, случайно или намеренно.

— Нет, сэр, я с этим не могу согласиться. Вам так кажется, потому что вы смотрите на все из Цитадели. А я здесь вижу совсем другую опасность, и она меня постоянно беспокоит.

— Какую, Джефф? Выкладывайте.

— Самая страшная опасность, которая все время висит у нас над головой, как дамоклов меч, — это что власти сами начнут нас в чем-то подозревать. Они могут догадаться, что мы не те, за кого себя выдаем, — не просто еще одна идиотская западная секта, годная только на то, чтобы держать рабов в узде. Если им это хоть раз придет в голову, а мы будем еще не готовы, — нам конец.

— Ну, не стоит нервничать, Джефф. В случае чего вы достаточно вооружены, чтобы без труда пробиться сюда, на базу. Пока вы в одной из их столиц, атомную бомбу они на вас не сбросят, а новый экран над Цитаделью, если верить Кэлхуну, выдержит и атомный взрыв.

— Сомневаюсь. Но даже если и так, то какой нам от этого толк? Ну укроемся мы там и будем сидеть, пока не умрем от старости. Как мы отвоюем страну, если не сможем и носа высунуть наружу?

— Хм-м-м... Никак, конечно. Но у нас будет время, чтобы придумать что-нибудь еще.

— Не обманывайте себя, майор. Если они поймут, в чем дело, — мы проиграли, и тогда американский народ лишится своего последнего шанса. По крайней мере, в этом поколении. Нас все еще слишком мало, какое бы там новое оружие ни придумали Кэлхун с Уилки.

— Ну, допустим, что вы правы. Но ведь вы знали все это еще до того, как отправились в город. Откуда такая паника? Может быть, это просто переутомление?

— Может быть. Но я говорю о той опасности, которую вижу. Если бы мы действительно были религиозной сектой и не имели никакого оружия, они оставили бы нас в покое, верно?

— Правильно.

— Значит, нам приходится как-то скрывать, что у нас есть много такого, чего нам иметь не положено. Вот в этом и есть главная опасность, и мне здесь она хорошо видна. Во-первых... — Томас начал загибать пальцы, забыв о том, что командир его не видит. — Во-первых, этот защитный экран вокруг храма. Без него мы обойтись не можем, нельзя допустить, чтобы в храм пришли с обыском. Но то, что он существует, немногим лучше любого обыска. Если какой-нибудь паназиатский начальник вздумает явиться нас проверить, несмотря на нашу неприкосновенность, — спектакль окончен. Я не смогу его убить, но не смогу и допустить, чтобы он вошел в храм. До сих пор мне, слава Богу, удавалось заговаривать им зубы и обходиться щедрыми взятками.

— Джефф, но ведь они и так знают, что храм защищен экраном. Знают с того самого первого дня, когда познакомились с нами.

— Думаете, знают? Сомневаюсь. Я припоминаю свой разговор с Кулаком — уверен, что тому офицеру, который пытался войти в главный храм, просто не поверили. И готов спорить на что угодно — его уже нет в

живых, у них так заведено. Солдат, которые при этом были, можно не считать. Теперь вторая опасность — персональные экраны, которыми защищаемся мы, «священники». Я воспользовался своим только один раз и очень об этом жалею. К счастью, это тоже был рядовой солдат, который не стал бы об этом докладывать: ему бы никто не поверил, и он потерял бы лицо.

— Но, Джефф, «священники» не могут ходить без экранов! Нельзя, чтобы хоть один посох попал в руки противника. Я уж не говорю о том, что без экрана эти обезьяны могут сделать «священнику» укол наркотика, прежде чем он успеет покончить с собой.

— Мне вы об этом можете не говорить, я понимаю, что без экранов нам нельзя. Но и пользоваться ими мы не рискуем, приходится опять-таки заговаривать зубы. Еще одна опасность — нимбы. Это была ошибка, командир.

— Почему?

— Конечно, на суеверных они производят впечатление. Но паназиатские начальники не суевернее нас с вами. Возьмите Кулака — я был у него в нимбе. На него это впечатления не произвело; мое счастье, что он не обратил на нимб особого внимания — должно быть, решил, что это просто фокус для привлечения верующих. А если бы подумал и решил выяснить, как я это делаю?

— Да, пожалуй, — сказал Ардмор. — Наверное, в следующем городе нужно будет обойтись без нимбов.

— Поздно. Нас здесь официально называют «святые люди с нимбами». Это наша торговая марка.

— Ну и что? Джефф, мне кажется, тебе прекрасно удалось все скрыть.

— Есть еще одна опасность. Не такая непосредственная — она вроде бомбы замедленного действия.

— Да?

— Деньги. У нас слишком много денег. Это вызывает подозрения.

— Но вам же нужны были деньги для работы.

— Уж я-то это прекрасно знаю. Иначе мы не могли бы так далеко продвинуться. Вы знаете, командир, их еще легче подкупить, чем американцев. Для нас это нарушение правил, на которое смотрят все-таки нео-

добрительно, а для них — важный элемент культуры. И слава Богу, благодаря этому мы для них вроде курицы, которая несет золотые яйца.

— А почему вы считаете, что это бомба замедленного действия? В чем вообще здесь опасность?

— Вспомните, чем кончилась история с той курицей. В один прекрасный день какой-нибудь умник вздумает поинтересоваться, откуда в курице берется столько золота, и разберет ее на части. Пока что все, кто с нас что-то имеет, смотрят на это сквозь пальцы и норовят хватать, пока дают. Готов спорить, что до поры до времени никто не проболтается, сколько ему досталось. До Кулака, скорее всего, еще не дошло, что у нас, судя по всему, неограниченный запас американских золотых монет. Но когда-нибудь он об этом узнает — вот тут-то бомба и взорвется. Если не удастся подкупить и его — под каким-нибудь благовидным предлогом, — он затеет расследование, которое кончится для нас плохо. И все равно рано или поздно мы наткнемся на такого чиновника, у которого любопытство пересилит жадность. Когда этот день настанет, у нас все должно быть готово!

— Хм-м-м... Наверное, вы правы, Джефф. Что ж, постарайтесь сделать все, что сможете, и поскорее наберите как можно больше «священников». Будь у нас хоть сотня надежных агентов, которые работали бы с людьми так же успешно, как вы, — мы могли бы назначить «день Д» уже через месяц. Но пока что это может занять не один год, и вы правильно говорите, — события могут разыгаться раньше, чем мы будем к ним готовы.

— Я вижу, вы понимаете, почему мне не так просто подыскивать «священников». Тут нужна не только преданность, они должны уметь морочить людям голову. Я этому научился, когда был хобо. А Алекс не умеет, он слишком честный. Но я уже почти завербовал одного, его фамилия Джонсон.

— Да? А что это за человек?

— Раньше торговал недвижимостью и хорошо умеет уговаривать людей. Его бизнес паназияты, конечно, прикрыли, а в трудовой лагерь он не хочет. Сейчас я его прощупываю.

— Если решите, что подходит, присылайте его сюда. А может быть, сначала я посмотрю на него сам.

— Что-что?

— Я слушал вас и думал, — Джефф, я ведь плохо представляю себе обстановку. Надо бы приехать к вам и увидеть все своими глазами. Раз уж мне предстоит командовать парадом, я должен понимать, что к чему. А сидя в этой норе, я отрываюсь от жизни.

— Но я думал, что у нас с вами этот вопрос давно решен, сэр.

— То есть?

— Кого вы оставите исполнять обязанности командира — Кэлхуна?

Ардмор несколько секунд помолчал, потом сказал:

— Идите вы к черту, Джефф!

— А все-таки?

— Ну ладно, давайте об этом не будем.

— Не обижайтесь, командир. Я хотел, чтобы вам все стало ясно, поэтому и говорил так долго.

— Вы правильно сделали. Я хочу, чтобы вы все это повторили, и как можно подробнее. Я посажу Эстеллу и велю ей записать все, что вы скажете. А потом мы из этой вашей лекции сделаем инструкцию для кандидатов в «священники».

— Хорошо, но давайте немного позже, у меня через десять минут служба.

— Неужели Алекс не может даже провести службу?

— Да нет, у него не так уж плохо получается. Его проповеди даже лучше моих. Но это самое удобное время для вербовки, майор: я присматриваюсь к людям, а потом беседую с каждым по отдельности.

— Ладно, ладно, отключаюсь.

— Пока!

На богослужения в храме теперь собиралось множество народу. Томас не обольщался мыслью, что причина этого — особая привлекательность учения о Великом Боге Мотаа: уже во время службы вдоль стен накрывали столы, и на них появлялась обильная еда, приобретенная на золото Ши́ра. Тем не менее Алекс

справлялся неплохо. На его проповедях Джеффу иногда казалось, что старому горцу в конце концов удалось примирить свою совесть со столь необычной работой, и теперь он как будто проповедовал собственную веру — так убедительно у него получалось.

«Если он будет продолжать в том же духе, — сказал себе Джефф, — женщины того и гляди начнут падать в обморок. Надо бы сказать ему, чтобы не так нажимал».

Однако обошлось без неожиданностей, и вот уже зазвучал заключительный гимн. Прихожане пропели его с большим увлечением, после чего дружно направились к столам. Подобрать подходящие мелодии для гимнов долго не удавалось, пока Джеффа не осенила идея написать новые слова к самым обычным патристическим песням Америки. Теперь стоило прислушаться повнимательнее, и можно было услышать, как те, кто посмелее, повторяют прежние, подлинные слова.

Пока прихожане были заняты едой, Джефф расхаживал среди них, глядя по головке детей, благословляя всех налево и направо и слушая, о чем они говорят. Когда он проходил мимо одного из столов, какой-то человек встал и остановил его. Это был Джонсон, бывший торговец недвижимостью.

— Можно вас на два слова, святой отец?

— Я слушаю, сын мой.

Джонсон дал понять, что хотел бы поговорить наедине. Они выбрались из толпы и остановились у алтаря.

— Святой отец, я сегодня не могу вернуться домой.

— Почему, сын мой?

— Я так и не смог перерегистрировать свою карточку. Сегодня мой последний льготный день. Если я покажусь дома, мне не миновать лагеря.

Джефф строго посмотрел на него.

— Ты ведь знаешь, что слуги Мотаа не подстрекают к неповиновению светским властям.

— Но вы же не дадите им меня арестовать!

— Мы не отказываем в убежище. Может быть, дело не так плохо, как тебе кажется, сын мой. Если сегодня ты переночуешь здесь, завтра кто-нибудь может взять тебя на работу и перерегистрировать твою карточку.

— Значит, я могу остаться?

— Можешь.

Томас решил, что Джонсона уже можно оставить навсегда. Если подойдет, поедет в Цитадель для окончательной проверки, а если нет, — останется служкой при храме: помощников с каждым днем требовалось все больше, особенно на кухню. Когда прихожане разошлись, Джефф запер двери и проверил все помещение — не остался ли в храме кто-нибудь кроме постоянных помощников и тех, кому разрешили остаться на ночь. Таких набралось человек шесть; к некоторым из них Джефф присматривался, надеясь впоследствии их завербовать.

Когда осмотр был закончен, а храм убран, Джефф выпроводил всех на второй этаж, в спальни, и запер за ними дверь. Он делал так каждый вечер. Алтарю со всеми спрятанными в нем чудесными приспособлениями непрощенное любопытство не грозило — он был защищен отдельным экраном, который включался из подвала, но на всякий случай Джефф хотел быть уверен, что никто к нему не подойдет. Ежевечернее запираание дверей, конечно, сопровождалось священнодействием, смысл которого сводился к тому, что нижний этаж — место святое и находится там никому не дозволено.

Алекс и Джефф спустились в подвал, заперев за собой тяжелую, окованную железом дверь. Там в большой комнате стояли силовая установка алтаря, аппарат связи с базой и те самые две койки, которые Малыш Дженкинс раздобыл в их первый день в Денвере. Алекс разделся, принял душ и улегся в постель. Джефф тоже скинул мантию и тюрбан, оставив только бороду — теперь она была у него собственная, — надел комбинезон, сунул в зубы сигару и вызвал базу.

Следующие три часа он диктовал под храп Алекса, а потом тоже лег спать.

Проснулся Джефф с каким-то тревожным чувством. Свет не горел, значит, разбудила его не утренняя по-

будка. Несколько минут он лежал неподвижно, потом протянул руку и взял с пола посох.

Кроме него и Алекса, мирно храпевшего на своей койке, в комнате кто-то был. Джефф был в этом убежден, хотя не слышал ни одного подозрительного звука. Он на ощупь отрегулировал посох, чтобы обе койки оказались внутри защитного экрана, и включил свет.

У аппарата связи стоял Джонсон в каких-то необычных очках сложной конструкции и с инфракрасным фонарем в руке.

— Стой и не двигайся, — тихо сказал Джефф.

Джонсон резко повернулся, сдвинул очки на лоб и несколько секунд стоял, щурясь от яркого света. Внезапно у него в руке появился вихревой пистолет

— Лежи спокойно, дед, — огрызнулся он. — Имей в виду, это не игрушка.

— Алекс! — позвал Джефф. — Алекс! Проснись!

Алекс сел на койке, готовый действовать, и схватил свой посох.

— Мы оба под экраном, — быстро сказал Джефф. — Возьми его, но не убивай.

— Только шевельнитесь, плохо будет, — предостерег их Джонсон.

— Не делай глупостей, сын мой, — ответил Джефф. — Великий Бог Мотаа хранит своих слуг. Положи пистолет на пол.

Алекс, не тратя времени на разговоры, крутил ручки на своем посохе. У него никак не получалось то, что нужно: до сих пор Джефф провел с ним всего несколько тренировочных занятий. Джонсон взглянул на него и после недолгого колебания выстрелил в упор.

Ничего не произошло — энергию выстрела поглотил защитный экран. На лице у Джонсона отразилось изумление; оно еще усилилось мгновение спустя, когда Алекс с помощью силового луча вырвал у него из руки пистолет.

— Теперь расскажи нам, сын мой, — сказал Джефф, — почему ты решился нарушить святость храма Мотаа?

Джонсон обернулся к нему и сказал с утрюмым вызовом в голосе:

— Бросьте вы эту муру про своего Мотаа. Меня на это не возьмешь.

— Не подобает глумиться над Богом Мотаа.

— Да бросьте, я вам говорю. Лучше объясните, что это такое?

Он показал на посох.

— Бог Мотаа ничего никому не объясняет. Сядь, мой сын, и моли его о прощении.

— Еще бы, так я и сел. Нет, я сейчас отсюда уйду. И если не хотите, чтобы сюда нагрянули косоглазые, не вздумайте мне помешать. Я белого человека не выдам, но кто меня тронет, пусть пеняет на себя.

— Ты хочешь сказать, что ты просто вор?

— Лучше придержи язык. Вы тут швыряетесь золотом направо и налево — конечно, всякому это интересно.

— Сядь.

— Я ухожу.

Он повернулся к двери.

— Придержи его, Алекс, — сказал Джефф. — Только не причини боли.

Задача была непростая, и Алекс замешкался. Джонсон был уже на середине лестницы, когда ноги у него подкосились, и он тяжело упал, ударившись головой об угол. Джефф не спеша встал и надел мантию.

— Присмотри за ним, Алекс, — сказал он. — Я пойду на разведку.

Он поднялся наверх и через несколько минут вернулся. Джонсон лежал без сознания на койке Алекса.

— Ничего страшного, — сообщил Джефф. — Замок в верхней двери был отперт отмычкой, я его снова запер. Там никто не проснулся. Нижний замок придется менять, в нем все чем-то расплавлено. Надо бы защитить эту дверь экраном, я скажу Бобу. — Он взглянул на тело, распростертое на койке. — Еще не пришел в себя?

— Начал было, я вколол ему пентотал натрия.

— Хорошо. Я хочу его допросить.

— Я так и думал.

— Наркоз полный?

— Да нет, доза мала. Ровно столько, чтобы разговорился.

Томас изо всех сил стиснул пальцами мочку уха Джонсона, но тот лишь чуть шевельнулся.

— Почти полный. Должно быть, сильно ударился головой. Джонсон! Ты меня слышишь?

— М-м-м... Да.

Допрос длился долго. В конце концов Алекс сказал.

— Послушай, Джефф, а нужно нам все это выслушивать? У меня такое чувство, как будто я копаюсь в помойной яме.

— Мне тоже противно, но мы должны знать все, — ответил Джефф и продолжал допрос.

От кого Джонсон получал деньги? Что интересует паназиятов? Как он передавал сведения? Когда следующая связь? Кто еще на них работает? Что паназияты думают о храме? Знает ли его начальник, что он здесь?

И наконец, — что заставило его пойти против своего народа?

Действие укола кончалось. Джонсон уже начинал понимать, где находится, но сдерживающие центры у него были еще отключены, и он выкладывал все начистоту, не заботясь о том, что о нем подумают.

— Должен же человек о себе заботиться, верно? Если ты не дурак, нигде не пропадешь.

— Мы с тобой, наверное, дураки, Алекс, — заметил Томас. Помолчав несколько минут, он сказал: — Кажется, он выложил все, что знает. Теперь надо решить, как с ним поступить.

— Если сделать еще укол, он может рассказать что-нибудь еще.

— Ничего я вам не скажу, не заставите! — заявил Джонсон, не зная, что уже рассказал все.

Томас тыльной стороной руки ударил его по лицу.

— Заткнись! Сделаем укол, и заговоришь как миленький. А пока помолчи. — Он повернулся к Алексу: — Конечно, есть шанс, что из него можно будет выкачать что-нибудь еще, если отправить его на базу. Но вряд ли, и к тому же это трудно и опасно. Если нас с ним поймают или если он убежит, пиши пропало. Я считаю, лучше всего покончить с ним прямо сейчас.

Потрясенный Джонсон попробовал привстать, но Алекс с помощью посоха уложил его обратно.

— Эй, о чем вы там говорите? Это же будет убийство!

— Сделай ему еще укол, Алекс, чтобы не мешал.

Хау молча взял шприц. Джонсон сначала пытался увернуться, потом начал биться, но в конце концов укол подействовал. Хау выпрямился. Лицо у него выражало такую же тревогу, как только что — лицо Джонсона.

— Ты действительно собираешься это сделать, Джефф? Если да, то имей в виду — я не обещал, что пойду на убийство.

— Это не убийство, Алекс. Это казнь шпиона.

Хау закусил губу.

— Не вижу ничего плохого в том, чтобы убить человека в честном бою. Но связать его и потом прикончить, как свинью, — это уж слишком.

— А казнят всегда так, Алекс. Ты когда-нибудь видел, как умирают в газовой камере?

— Но, это все-таки убийство, Джефф. Мы не имеем права его казнить.

— Я имею на это право. Я здесь командир отдельной части, и у нас идет война.

— Но черт возьми, Джефф, его не судил даже военно-полевой суд.

— Суд нужен для того, чтобы установить, виновен человек или нет. Он виновен?

— Ну конечно, виновен. Но человек имеет право на то, чтобы его судили.

Джефф тяжело вздохнул.

— Алекс, когда-то я был юристом. Единственный смысл уголовного права западных стран, которое создавалось столетиями, со всеми его тонкостями, — гарантировать, чтобы ни один невиновный не был осужден и наказан по ошибке. Иногда из-за этого остаются на свободе и виновные, но цель-то в другом. У меня нет ни людей, ни времени, чтобы устраивать военно-полевой суд. Но его вина установлена полностью, никакой суд здесь не нужен. И я не намерен ставить под угрозу своих людей и рисковать поражением в войне, которую мы ведем, ради того, чтобы он мог воспользоваться правом на защиту. Если бы можно было стереть его память, если бы он мог пойти и доложить, что мы

просто полоумные святоши и хотим только накормить голодных, — я бы его отпустил. Не ради того, чтобы не пришлось его убивать, а для того, чтобы запутать противника. Но я не могу его отпустить.

— Я не говорил, что его надо отпустить, Джефф!

— Молчи, солдат, и слушай. Если я отпущу его теперь, когда он так много узнал, паназиаты заставят его все рассказать, как это сделали мы, даже если сам он не захочет. Здесь его держать негде, везти на базу опасно. Я вынужден его казнить.

Он умолк.

— Капитан Томас... — начал Алекс нерешительно.

— Да?

— Вы не хотите вызвать майора Ардмора и спросить его, что он думает?

— Нет, не хочу. Потому что это бессмысленно. Если я буду просить его принять за меня решение, — значит, я для этой работы не годюсь. И вот что еще я хочу сказать. В тебе слишком много мягкости и сентиментальности. Ты, похоже, считаешь, что Соединенные Штаты могут победить в этой войне так, чтобы никого при этом не тронуть. У тебя не хватает духу даже присутствовать при казни предателя. Я надеялся в скором времени передать тебе здесь командование, но вместо этого завтра же отправлю тебя в Цитадель и сообщу командиру, что тебе ни в коем случае нельзя доверять заданий, требующих контакта с противником. А пока выполняй мой приказ. Помоги оттащить его в ванную.

Губы у Хау дрогнули, но он ничего не сказал. Вдвоем они подняли лежавшего без сознания Джонсона. Еще до «освящения» храма Томас велел разобрать стенку между туалетом и соседней комнаткой и установить там старую чугунную ванну. В эту ванну они и положили тело.

Хау провел языком по губам.

— А почему в ванну?

— Потому что будет много крови.

— Разве ты это сделаешь не посохом?

— Нет, мне понадобится целый час, чтобы разобрать излучатель и вынуть ту схему, которая не дает ему поражать белых людей. И я не уверен, что потом

смогу правильно поставить ее на место. Принеси мне свою опасную бритву и убирайся.

Хау вернулся с бритвой, но не ушел, а стоял рядом, держа ее в руках.

— Тебе когда-нибудь приходилось резать свинью? — спросил он.

— Нет.

— Тогда я лучше тебя знаю, как это делается.

Он наклонился над Джонсоном, взял его за подбородок и откинул ему голову назад. Джонсон захрипел. Хау одним быстрым движением перерезал ему горло, отпустил его голову, выпрямился и посмотрел, как из шеи хлещет кровь, расплываясь лужей. Он плюнул в нее, шагнул к умывальнику и сполоснул бритву.

— Извини, Алекс, я, кажется, немного поторопился с выводами, — сказал Джефф.

— Нет, — медленно ответил Алекс, не поднимая глаз, — не поторопился. Должно быть, просто нельзя так сразу привыкнуть к тому, какая бывает война.

— Должно быть. Ну, давай уберем это.

Хотя выспаться Томасу не удалось, он встал необычно рано, потому что собирался еще до утренней службы сообщить Ардмору, что произошло. Ардмор внимательно его выслушал и сказал:

— Я пришлю Шира, чтобы он поставил экран на дверь подвала. Теперь мы будем в каждом храме устраивать что-нибудь в этом роде. А как быть с Хау? Вы хотите отослать его сюда?

— Нет, — решительно сказал Томас. — Мне кажется, у него в голове уже все встало на место. Он от природы брезглив, но мужества у него хватает. Черт возьми, командир, должны же мы доверять хоть кому-нибудь!

— И вы можете оставить на него храм?

— Пожалуй... Да. Теперь — да. А что?

— Потому что я хочу, чтобы вы отправились в Солт-Лейк-Сити. Прямо сейчас. Я полночи не спал — все думал о том, что вы мне вчера говорили. Вы были

правы, Джефф, — я здесь зажирел и стал плохо соображать. Сколько человек у вас сейчас готово к вербовке?

— Тринадцать, без Джонсона. Конечно, в «священники» годятся не все.

— Пришлите их сюда. Немедленно.

— Но я еще не проверил их, командир!

— Я решил изменить порядок вербовки. Проверять их под наркозом будем только в Цитадели. У вас для этого нет подходящих условий. Я поручаю это Бруксу, а сам буду иметь дело только с теми, кого он пропустит. Теперь главная задача «священников» — отбирать возможных кандидатов и отсылать их в главный храм.

Томас подумал.

— А как насчет типов вроде Джонсона? Нельзя же, чтобы они проникли в Цитадель.

— Я об этом подумал, — поэтому мы и будем проверять их здесь. Вечером будем давать каждому снотворное, чтобы ни о чем не догадывались. А ночью укол, потом подъем — и на допрос. Если подходит, — все в порядке; если же нет, он никогда не узнает, что был допрос, а решит, что проверку прошел.

— Ну и что?

— В этом вся прелесть. Он будет зачислен в служители Великого Бога Мотаа, примет обет, — а потом мы его загоняем до полусмерти! Он будет спать в келье на голом полу, есть что придется и притом очень мало, проводить в молитвах по много часов в день. Его ждет такая муштра, что у него и случая не будет догадаться, чем мы тут занимаемся. А когда он будет этим сыт по горло, мы с великим сожалением удовлетворим его просьбу о снятии обета — пусть катится к своим повелителям и рассказывает все, что ему вздумается.

— Звучит неплохо, майор, — одобрил Томас. — Просто здорово — и похоже, что это должно сработать.

— По-моему, должно. Таким способом мы сможем извлечь хоть какую-то пользу из агентов, которых к нам подошлют. А после войны выловим их и расстреляем — тех, кто действительно занимался шпионажем, а не просто одураченных. Но это все между прочим,

главное — те кандидаты, которые пройдут проверку. Мне нужны завербованные, и как можно скорее. Несколько сотен, не меньше. Из них я отберу по крайней мере шестьдесят кандидатов в «священники», подготовлю их и всех сразу разошлю с заданиями. Вы убедили меня, Джефф, что тянуть опасно, и я хочу, чтобы мы проникли сразу во все крупные центры расположения паназиатов. Теперь я понимаю, что это наш единственный шанс.

Томас присвистнул.

— Задача не из легких, а, командир?

— Это вполне можно сделать. Вот новая инструкция по вербовке, включите запись.

— Включил.

— Хорошо. К нам сюда следует посылать только тех кандидатов, у которых во время вторжения погибли близкие или есть другие веские основания полагать, что они будут на нашей стороне при любых обстоятельствах. Явно неуравновешенных следует отсеивать, но тщательный психологический отбор будет проводиться уже в Цитадели. Нужны люди следующих профессий: для работы в качестве «священников» — коммивояжеры, специалисты по рекламе, журналисты, проповедники, политики, психологи, психиатры, мелочные торговцы, карнавальные зазывалы, специалисты по подбору кадров, адвокаты, театральные режиссеры; для работы, не требующей контактов с публикой или противником, — квалифицированные металлообработчики и рабочие всех других специальностей, электронщики, ювелиры, часовщики, повара, стенографистки, лаборанты, врачи, портные. Кандидаты второй категории могут быть женского пола.

— А священники нет?

— Что по этому поводу думаете вы?

— Я против. Для этих обезьян женщина — просто ноль. И даже меньше. Вряд ли женщина-священник сможет с ними работать.

— Мне тоже так кажется. Как вы считаете, может Алекс взять на себя вербовку согласно этой инструкции?

— Хм-м-м... Знаете, командир, я бы не хотел сейчас предоставлять его самому себе.

— Но вы не думаете, что он допустит какой-нибудь промах и нас выдаст?

— Нет, но и большого толку от него может не быть.

— Что ж, все-таки придется бросить его в воду — пусть постарается выплыть. С этого момента мы будем действовать как можно энергичнее, Джефф. Сдайте храм Алексу и явитесь сюда. Вы с Широм отправитесь в Солт-Лейк-Сити сегодня же, совершенно открыто. Купите еще один автомобиль и возьмите с собой вашего шофера, Алекс найдет себе другого. Шир должен вернуться сюда через сорок восемь часов, а еще дня через два вы должны отправить нам первых завербованных. Две недели спустя я пришлю кого-нибудь вам на смену, — скажем, Грэхема или Брукса.

— Да? Но они оба не очень подходят для такой работы.

— Управятся как-нибудь, ведь вы уже сдвинете дело с мертвой точки. А я, как только смогу, пришлю вместо них кого-нибудь более подходящего. Вы, когда вернетесь, устроите здесь школу для «священников», — вернее, будете продолжать в ней занятия. Это будет ваша задача, на оперативную работу я вас больше посылать не собираюсь, разве что случится что-нибудь неладное.

Томас вздохнул.

— Ну вот и доигрался. Вперед наука — никогда не надо говорить лишнего начальству.

— Ничего не поделаешь. Поторапливайтесь.

— Минутку. А почему Солт-Лейк-Сити?

— Потому что, мне кажется, там должна хорошо пойти вербовка. Мормоны — люди себе на уме, очень практичные, и я не думаю, что среди них найдутся предатели. Если вы за это возьметесь, вам, я думаю, удастся убедить их старейшин, что Великий Бог Мотаа может им пригодиться и не опасен для их веры. Мы еще очень мало используем существующие религии, а они должны стать опорой движения. Возьмите тех же мормонов — у них множество миссионеров-любителей. Если правильно повести дело, вы сможете наберечь среди них немало таких, какие нам нужны, — опытных, отважных, привычных к враж-

дебному окружению, красноречивых и сообразительных. Понимаете?

— Понимаю. Ну что ж, я, конечно, могу попробовать.

— У вас получится. При первой возможности мы пришлем кого-нибудь на смену Алексу и отправим его на самостоятельную работу в Шайенн. Это не такой уж большой город, и, если у него ничего не выйдет, беда невелика. Но готов спорить, что с Шайенном все будет в порядке. А вы беритесь за Солт-Лейк-Сити.

Глава 8

Денвер, Шайенн, Солт-Лейк-Сити... Портленд, Сиэтл, Сан-Франциско... Канзас-Сити, Чикаго, Литтл-Рок... Нью-Орлеан, Детройт, Джерси-Сити... Риверсайд, Файв-Пойнтс, Батлер, Хэкетстаун, Нейтик, Лонг-Бич, Юма, Фресно, Амарилло, Грантс, Парктаун, Бремертон, Коронадо, Вустер, Уикенберг, Санта-Ана, Висксберг, Ла-Салл, Морганфилд, Блейсвилл, Барстоу, Уолкил, Бойз, Якима, Сент-Огастин, Уолла-Уолла, Эйбилин, Чаттахучи, Лидс, Ларами, Глоуб, Саут-Норуолк, Корпус-Кристи...

«Мир вам! Мир — это счастье! Придите, немощные и отягощенные! Придите! Несите свои горести в храм Мотаа! Войдите в святая святых, куда нет входа повелителям! Высоко поднимите голову, белые люди, ибо грядет Учитель!

Ваша маленькая девочка при смерти, у нее тиф? Несите ее к нам, пусть исцелят ее золотые лучи Тамар! Вы потеряли работу, вам грозит трудовой лагерь? Придите к нам! Придите! Вы будете спать в нашем храме и есть за столом, который никогда не пустеет. Работы здесь для вас хватит. Вы можете стать пилигримом и нести слово веры другим, мы вас научим.

Кто за все платит? Да благослови вас Бог, это золото — дар Мотаа! Спешите! Грядет Учитель!»

Люди шли в храмы толпами. На первых порах их влекло любопытство: новая, необычная религия была желанным развлечением, которого так недоставало в унылой, монотонной жизни рабов. Инстинктивная склонность Ардмора к броским рекламным приемам оправдала себя — более традиционный, более умеренный культ никогда не привлек бы к себе такого внимания.

Но зайдя в храм ради любопытства, они снова и снова возвращались уже по другим причинам. Там бесплатно кормили и ничего особенного не требовали, — что стоит спеть несколько безобидных гимнов, если потом можно остаться и как следует поужинать? Да эти священники позволяли себе покупать такие деликатесы, каких американцы давно уже не видели: масло, апельсины, прекрасное мясо. И расплачивались за них в магазинах Империи полновесной золотой монетой.

К тому же у местного священника всегда можно было стрелкнуть немного денег, если приходилось туго. А что касается веры, то эта церковь и не требовала принять ее учение. Всякий мог приходить и пользоваться всеми благами, оставаясь при собственной вере — никого даже не спрашивали, к какой вере он принадлежит. Конечно, священники и служители в храмах как будто принимали своего бога о шести ипостасях всерьез, ну и что из этого? Их дело. Разве мы не стояли всегда за свободу религий? И не надо забывать, сколько добра они делают.

Взять хотя бы Тамар, Властительницу Милосердия. В этом определено что-то есть. Достаточно увидеть, как слуга Шаама усыпляет ребенка, который задыхается от дифтерии, а потом исцеляет его золотыми лучами Тамар, и как через час этот ребенок выходит из храма здоровехонький, — поневоле задумаешься. Когда половина врачей погибла в боях, а из оставшихся в живых большинство сидит по лагерям, — от тех, кто может лечить болезни, так просто не отмахнешься. Пусть это похоже на шаманство и суеверие, мы ведь люди практичные — важнее всего результат!

Но дело было не только в реальной пользе — еще сильнее было психологическое воздействие. Храмы Мотта стали местом, где всякий может ходить с высоко

поднятой головой и ничего не бояться, — не то что даже у себя дома. «Вы слышали? Говорят, ни один плоскомордый ни разу не вошел ни в один их храм. Они не могут туда попасть, даже когда загримируются под белых людей, — из них тут же вышибает дух, прямо в дверях. Я-то думаю, что эти обезьяны просто до смерти боятся Бога Мотаа. Не знаю, в чем тут дело, только у них в храмах легко дышится. Пойдите как-нибудь со мной — сами увидите!»

Достопочтенный доктор Дэвид Вуд зашел к своему приятелю, столь же достопочтенному отцу Дойлу. Старик сам открыл ему дверь.

— Заходите, Дэвид, заходите. Рад, что вы пришли. Давненько не виделись.

Он провел его в свой крохотный кабинет, усадил и угостил табаком. Вуд с озабоченным видом отказался.

Некоторое время они болтали о разных разностях. Старый католик видел, что Вуд хочет что-то сказать, но расспрашивать не спешил. И только когда стало ясно, что его молодой коллега не может или не хочет начать разговор сам, он сказал:

— Мне кажется, что-то не дает вам покоя, Дэвид. Могу ли я спросить, в чем дело?

Дэвид Вуд решил.

— Отец, что вы думаете об этой компании, которая называет себя служителями Бога Мотаа?

— Что я о них думаю? А что я должен о них думать?

— Не увиливайте, Фрэнсис. Разве вам безразлично, что под самым вашим носом угнездилась языческая ересь?

— Знаете ли, мне кажется, здесь не все так бесспорно, Дэвид. Что такое, собственно, язычество?

Вуд недовольно фыркнул.

— Вы прекрасно знаете, о чем я говорю! Об этих лжепророках! Их одеяния, их нелепый храм, все это шутовство...

— Вы чуть не сказали — папистское шутовство, ведь верно? Нет, эти их причуды меня не слишком

волнуют. Если говорить об определении язычества, то, рассуждая строго логически, я должен считать любую секту, не признающую непогрешимости Наместника Бога на Земле...

— Бросьте свою схоластику! Мне сейчас не до того.

— Это не схоластика, Дэвид. Я как раз хотел сказать, что логика логикой, но Господь бесконечно милосерден и мудр, и он наверняка найдет какой-нибудь способ допустить в Царствие Небесное даже таких, как вы. Что же до этих жрецов Бога Мотаа, то я не занимался анализом их вероучения, но мне представляется, что они делают полезное дело — дело, которое оказалось не под силу мне.

— Вот это меня и беспокоит, Фрэнсис! В моем приходе была одна женщина, неизлечимо больная раком. Я знал, что иногда людям в таком состоянии помогали... эти шарлатаны. Что мне было делать? Я молился, но не получил ответа.

— И что же вы сделали?

— В минуту слабости я послал ее к ним.

— Ну и что?

— Они ее исцелили!

— В таком случае я не стал бы особенно переживать. Мы с вами — не единственные сосуды благодати Божьей.

— Подождите! После этого она побывала у меня в церкви лишь однажды, а потом ушла навсегда. Теперь она живет в так называемом убежище, которое они устроили для женщин. Она примкнула к этим идолопоклонникам! Я не могу с этим примириться, Фрэнсис! Какая польза от того, что исцелено ее смертное тело, если это подвергает опасности ее душу?

— Она хорошая женщина?

— Одна из лучших.

— Тогда я полагаю, что Господь сам позаботится о ее душе, без нашего с вами участия. Кроме того, Дэвид, — продолжал Дойл, набивая трубку, — эти так называемые священники... Ведь они не считают для себя унижительным прибегать в делах веры и к нашей помощи. Вы же знаете, что они не совершают венчаний. А если вы когда-нибудь захотите воспользоваться их храмом, то убедитесь, что не так уж сложно...

— Это немыслимо!

— Возможно, но я недавно обнаружил у себя в исповедальне подслушивающее устройство. — Священник сердито поджал губы. — И теперь, когда мне предстоит выслушать что-нибудь такое, что могло бы представить интерес для азиатов, я с разрешения хозяев делаю это в укромном уголке храма Мотаа.

— Не может быть, Фрэнсис! — воскликнул Вуд и, немного успокоившись, спросил: — А ваш епископ об этом знает?

— Видите ли, у епископа очень много других забот...

— Ну, знаете!..

— Нет, нет, я написал ему письмо, где изложил ситуацию как можно обстоятельнее. Как только найдется человек, который соберется в те края, я попрошу его отвезти письмо. Когда речь идет о делах церкви, я стараюсь не пользоваться официальными каналами связи — там всегда возможны всякие искажения.

— Так вы ему не сообщили?

— Я же сказал, что написал ему письмо! Господу Богу это известно, а если епископ прочтет его не сразу, ничего страшного не случится.

Месяца два спустя Дэвид Вуд принес присягу и был зачислен в Секретную службу армии Соединенных Штатов. Он не очень удивился, когда вскоре после этого его старый приятель отец Дойл подал ему при встрече тайный опознавательный знак, известный только сотрудникам этой службы.

Церковь росла. Повсюду возникали все новые тайные организации при храмах и подземные центры связи — под ними. Там, в этих центрах, о существовании которых благодаря достижениям науки противник и не догадывался, у приемопередающих устройств, работавших в парадиапазоне, круглые сутки посменно дежурили операторы. Эти люди добровольно отказались от надежды когда-нибудь вновь увидеть дневной свет, они общались лишь друг с другом и со священником своего храма и числились без вести пропавшими в списках, составленных завоевателями-азиатами. К своему не-

устанному труду, к неизбежным лишениям они относились философски: война есть война. Их боевой дух поддерживало сознание, что они снова обрели свободу и готовы защищать ее. Они с нетерпением ждали того дня, когда благодаря их усилиям свободным станет весь народ страны, от побережья до побережья.

А в Цитадели женщины в наушниках тщательно записывали все, о чем сообщали операторы пара-радио. Их доклады перепечатывались, систематизировались, обобщались, снабжались ссылками и комментариями. Два раза в день дежурный офицер связи клал на стол майора Ардмора короткую справку обо всем, что произошло за последние двенадцать часов. Сообщения из почти двух десятков епархий, адресованные Ардмору, приходили непрерывно и кипами ложились на тот же стол. Кроме этих бесчисленных бумаг, каждая из которых требовала внимания, к нему поступало множество отчетов из лабораторий: помощников у Кэлхуна теперь хватало, все пустовавшие, заселенные лишь призраками погибших комнаты были заполнены, и работа там шла по шестнадцать часов в день.

Из управления кадров сплошным потоком шли требования прислать то в один, то в другой отдел еще людей. Снова и снова приходилось решать головоломный вопрос: кого можно посвятить в тайну? Весь персонал был разделен на три категории. Рядовые служащие, занятые на вспомогательных работах, — например, секретарши и делопроизводители, — совершенно не соприкасались с внешним миром. Служителям храмов, имевшим дело с публикой, сообщали только то, что им необходимо знать, и они даже не догадывались, что служат в армии. Наконец, сами «священники» по необходимости должны были быть в курсе дела — их приводили к присяге, зачисляли в армию Соединенных Штатов и объясняли истинное назначение всей организации.

Но даже «священники» не знали главного секрета — научного объяснения чудес, которые они творили. Их обучали обращению с вверенными им техническими устройствами — обучали тщательно и дотошно, чтобы они могли безошибочно пользоваться смертоносными символами своей власти. Но, если не считать тех ре-

дких случаев, когда наружу выходил кто-нибудь из первоначальной семерки, ни один человек, знакомый с эффектом Ледбеттера, никогда не покидал Цитадели.

Со всей страны в Главный храм близ Денвера прибывали под видом пилигримов кандидаты в «священники». Здесь они жили в подземном монастыре, расположенном под зданием храма этажом выше Цитадели. Их подвергали психологической проверке всеми способами, какие только можно изобрести. Не прошедших испытание отсылали назад, в местные храмы, где они работали простыми служителями, так и не узнав ничего существенного. Тех же, кто выдержал проверку, кто в специально подстроенных ситуациях не потерял голову от гнева, не поддался искушению проболтаться, доказал свое мужество и преданность, — этих посылали на беседу к Ардмору, который принимал их в обличье Первосвященника Бога Мотаа. Больше половины их он браковал — без всякой внешней причины, руководствуясь лишь интуицией, неясным тревожным ощущением, которое подсказывало ему, что это не тот человек.

Но, несмотря на все предосторожности, каждый раз, когда он подписывал приказ о зачислении на службу новичка и о направлении его на самостоятельную работу, Ардмора охватывало глубокое беспокойство: что если этот человек и станет тем слабым звеном, из-за которого рухнет все дело?

Такое напряжение было ему не по силам. Слишком большая ответственность свалилась на одного человека, слишком много мелочей приходилось ему помнить, слишком много решений принимать. Ему все труднее становилось сосредоточиться, справляться даже с самыми простыми делами. Он потерял уверенность в себе, стал раздражительным. Его настроение передавалось окружающим и распространялось все дальше.

Что-то нужно было делать.

Ардмор не привык себя обманывать и сознавал, что с ним происходит что-то неладное. Однажды он вызвал к себе Томаса и все ему рассказал.

— Как вы думаете, Джефф, что мне делать? — спросил он в заключение. — Может быть, я не гожусь для такой работы? Не подыскать ли мне кого-нибудь, кому можно было бы передать дела?

Томас медленно покачал головой.

— Мне кажется, этого делать не стоит, командир. Никто не сможет работать больше вас, ведь в сутках всего двадцать четыре часа. К тому же если кто-то вас заменит, перед ним встанут те же самые проблемы. Вы по крайней мере прекрасно знаете обстановку и понимаете, чего мы хотим.

— Но я же должен что-то придумать. Мы вот-вот приступим ко второму этапу нашего плана — начнем систематически подрывать боевой дух паназиатов. Когда наступит критический момент, каждая из наших организаций должна быть готова действовать как воинская часть. Это значит, что нам только прибавится работы. И я могу просто не справиться! Черт возьми, Джефф, почему это никто никогда не пытался создать науку об управлении, чтобы руководителю крупной организации необязательно было превращаться в психа! Вот уже целых двести лет эти проклятые ученые изобретают такие штуки, для использования которых неизбежно приходится создавать большие организации, — и никому в голову не пришло задуматься над тем, как должны работать эти самые организации! — Он сердито закурил. — Глупость какая-то!

— Погодите минутку, командир. — Томас наморщил лоб, пытаясь что-то припомнить. — Кажется, что-то в этом роде уже делалось. Помнится, я где-то читал, что Наполеон был последним из генералов.

— Что-что?

— Да, это то самое. Там было написано, что Наполеон был последним из генералов, кто непосредственно командовал войсками, потому что это стало слишком сложно. В скором времени немцы изобрели штабы, и там говорилось, что после этого генералов больше не стало — настоящих генералов. Что никакой Наполеон не устоял бы против армии, которой командует генеральный штаб. Может быть, вам тоже завести у себя штаб?

— Господи, да у меня же есть штаб! Десяток секретарш, два десятка посыльных и помощников — тут от них повернуться негде!

— Мне кажется, это не такой штаб, о котором там было написано. Такой штаб был и у Наполеона.

— А какой штаб должен быть у меня?

— Я точно не знаю, но, по-моему, такие штабы есть во всех современных армиях. Вы ведь не кончали никакого военного училища?

— Вы прекрасно знаете, что нет.

Действительно, Томас уже очень давно догадался, что Ардмор — не профессионал и волей-неволей вынужден многое делать просто по наитию. Ардмор знал, что Томас это знает, но до сих пор оба на эту тему помалкивали.

— Так вот, мне кажется, если найти кого-нибудь, кто кончил военное училище, он мог бы подсказать нам кое-что полезное.

— А где его взять? Все такие люди или погибли в боях, или ликвидированы после вторжения. А если и уцелели, то сидят тихо и изо всех сил стараются, чтобы никто не догадался, кто они такие. И нельзя их за это осуждать.

— Нет, конечно. Ну ладно, больше об этом не будем. Наверное, это была не такая уж блестящая идея.

— Не торопитесь. Идея на самом деле хорошая. Послушайте, но ведь армия — не единственная крупная организация. Возьмите большие корпорации — «Стандард Ойл», например, или «Ю. С. Стил энд Джeneral Моторс», — они, должно быть, тоже работают по такому принципу.

— Возможно. Некоторые, во всяком случае: во многих руководители тоже долго не выдерживают. Похоже, что генералы всегда погибают молодыми.

— Но все-таки там могут кое-что знать. Попробуйте разыскать кого-нибудь, кто там работал.

Через пятнадцать минут считывающие машины в управлении кадров уже перебирали с бешеной скоростью перфокарты всего личного состава. Выяснилось,

что несколько человек с руководящим опытом работают на разных административных постах в самой Цитадели. Их тут же вызвали к Ардмору, а еще полутора десяткам был послан приказ немедленно «совершить паломничество» в Главный храм.

Первый из специалистов по управлению оказался негодным. Необыкновенно энергичный и напористый, он привык сам вникать в мельчайшие подробности, действуя примерно так же, как и Ардмор. Он смог предложить лишь незначительные усовершенствования в работе с бумагами — они обещали кое-какую экономию сил, но не меняли положения в принципе. Однако со временем нашлось несколько спокойных, невозмутимых людей, которые были хорошо знакомы с наукой управления. Один из них, бывший генеральный директор треста, даже изучал когда-то современные методы административной работы и был их горячим сторонником. Его Ардмор сделал своим начальником штаба. С его помощью отобрали еще несколько человек: один из них возглавлял управление кадров в компании «Сирс энд Роубак», другой был постоянным заместителем руководителя департамента общественных работ в одном из восточных штатов, третий — вице-директором страховой компании. Впоследствии нашлись и другие.

Оказалось, что новая система работает. На первых порах Ардмору было нелегко к ней привыкнуть: он всю жизнь работал в одиночку, а теперь у него как будто появилось несколько вторых «я», каждое из которых действовало и подписывало бумаги от его имени, что его изрядно смущало. Однако со временем он понял, что в любой ситуации эти люди, исходя из тех же соображений, принимают те же решения, какие принял бы он сам. Тем не менее он почувствовал себя как-то странно, когда у него вдруг появилось свободное время и он мог наблюдать, как другие выполняют его собственную работу его же собственными методами, претворяя в жизнь несложный, но эффективный принцип деятельности любого штаба.

Теперь у него была возможность заниматься усовершенствованием этой системы и вникать лишь в те действительно важные дела, где требовались какие-то

новые ответственные решения. Теперь он мог спать спокойно, зная, что один или несколько вторых «я» постоянно бодрствуют и на чеку. Теперь он знал, что даже если погибнет, этот коллективный мозг все равно будет продолжать работать, пока цель не будет достигнута.

Было бы ошибкой думать, что паназиатские власти созерцали рост и распространение новой религии с полной безмятежностью. Однако на самой важной первой стадии ее развития они так еще и не поняли, что она может представлять для них опасность. На рапорт покойного лейтенанта, который первым узнал о культе Бога Мотаа, никто не обратил внимания — ему просто не поверили.

Добившись для служителей своей церкви свободы действий и передвижения, Ардмор и Томас неустанно внушали каждому из миссионеров, как важно поддерживать дружественные отношения с местными властями, проявляя смирение и такт. Извлекать прибыль из разоренной, враждебно настроенной страны было нелегко, азиаты с радостью брали золото от «священников» и ради этого готовы были на многое смотреть сквозь пальцы. Они не без оснований считали, что раб, который умножает их благосостояние, — хороший раб. Поэтому с самого начала было издано распоряжение оказывать всяческую поддержку жрецам Бога Мотаа, поскольку они способствуют освоению завоеванной страны.

Правда, некоторые паназиатские полицейские и мелкие чиновники, имея дело со «священниками», замечали, что при этом иногда происходит что-то весьма странное. Но так как во всех подобных случаях это означало для них потерю лица, они старались держать язык за зубами. Лишь долгое время спустя, когда накопилось достаточное количество не подлежащих сомнению сообщений, власти убедились, что у всех без исключения жрецов Мотаа есть несколько неприятных и, больше того, недопустимых особенностей. Прежде всего, они оказались неприкосновенными. К ним даже нельзя бы-

ло приблизиться вплотную, как будто их окружает прозрачная стеклянная стена. Против них были бессильны вихревые пистолеты. Они безропотно давали себя арестовать, но каким-то образом всегда исчезали из тюрем. И, что хуже всего, стало ясно, что ни один паназиат ни при каких обстоятельствах не допускается в храм Бога Мотаа.

Примириться с этим власти не могли.

Глава 9

Мириться с этим власти не стали. Сам Наследный Принц отдал приказ арестовать Ардмора.

Сделано это было, конечно, не так грубо и прямо. В Главный храм сообщили, что Внук Неба предлагает Первосвященнику Бога Мотаа прибыть к нему.

Ардмор сидел у себя в кабинете, когда это сообщение доставил ему начальник штаба Кендиг. Впервые за все время их знакомства Ардмор заметил на его лице признаки волнения.

— Командир! — выпалил он. — Перед храмом приземлился воздушный крейсер, и капитан говорит, что ему приказано забрать вас с собой!

Ардмор отложил бумаги, которые просматривал.

— Хм-м-м, — сказал он, — похоже, запахло порохом. Чуть раньше, чем я рассчитывал.

Кендич нахмурился.

— Что вы будете делать?

— Вы меня хорошо знаете. Как по-вашему, что я буду делать?

— Ну, мне кажется, вы поедете с ним. Только не нравится мне это. Лучше бы вам не ездить.

— А что еще мне остается делать? К открытому разрыву мы еще не готовы, нужно продолжать играть роль. Адъютант!

— Здесь, сэр!

— Пришлите моего ординарца, пусть приготовит полное облачение со всеми принадлежностями. Потом попросите капитана Томаса немедленно явиться сюда.

— Есть, сэр!

И адъютант бросился к видеофону.

Облачаясь с помощью ординарца, Ардмор давал последние указания Кендигу и Томасу.

— Ну вот, Джефф, теперь все в ваших руках — держите вожжи крепче.

— Что вы хотите сказать?

— Если что-нибудь случится и я не смогу поддерживать связь со штабом, вы остаетесь за командующего. Приказ лежит у меня на столе, подписанный и скрепленный печатью.

— Но, командир...

— Нечего, нечего. Я давно уже так решил. Кендиг об этом знает и весь штаб тоже. Я бы и раньше взял вас в штаб, но вы были мне нужны в качестве начальника разведки.

Ардмор бросил взгляд в зеркало и пригладил свою курчавую светлую бороду. Бороды отрастили все, кто выступал перед публикой в качестве «священников». Азиаты с их скудной растительностью на лице выглядели рядом с ними женоподобными, и это порождало у них комплекс неполноценности, вызывая смутное, трудно объяснимое неприятное ощущение.

— Может быть, вы заметили, что из строевых офицеров вы по-прежнему старше всех по званию. Я позаботился об этом именно на такой случай.

— А Кэлхун?

— Да, о Кэлхуне. Как строевой офицер вы, конечно, старше его. Правда, боюсь, это вам не очень поможет с ним управляться, так что выпутывайтесь, как сможете. В крайнем случае приказывайте ему, он обязан подчиняться, только старайтесь обойтись без лишнего нажима. Впрочем, вы все это и без меня знаете.

В комнату вбежал посыльный, одетый послушником, и, отдав честь, отпрапортовал:

— Сэр, дежурный по храму докладывает, что пан-азиатский офицер в большом нетерпении.

— Очень хорошо. Это мне и нужно. Инфразвук включен?

— Да, сэр, мы это даже по себе чувствуем — нервы начинают шалить.

— Ну, вы-то выдержите, вы же знаете, в чем дело. Передайте дежурному, пусть он скажет инженеру за пультом: надо, чтобы уровень беспорядочно менялся, падал до нуля и поднимался снова. К тому времени, как я выйду, мы должны довести азиатов до настоящей истерики.

— Будет исполнено, сэр. Что-нибудь передать капитану крейсера?

— Сами ничего ему не говорите. Пусть дежурный сообщит, что я на молитве и не велел себя беспокоить.

— Хорошо, сэр.

Посыльный поспешно удалился. Ардмор пожалел, что не увидит, какая физиономия будет у косоглазого, когда ему это передадут.

— Я очень рад, что мы успели вовремя наладить эти головные телефоны, — заметил Ардмор, когда ординарец надевал на него тюрбан.

Первоначально тюрбаны служили только для того, чтобы скрыть под ними устройство, создающее над головой каждого служителя Бога Мотаа светящийся нимб. В тюрбане и с нимбом «священник» казался больше двух метров ростом, что тоже вызывало у низкорослых азиатов неприятные ощущения. Однако позже Шир изобрел способ поместить под тюрбан еще и переговорное устройство, которое теперь уже стало обязательной принадлежностью обмундирования «священника».

Ардмор поправил тюрбан, чтобы мембрана микрофона плотнее прилегала к сосцевидному отростку кости у него в ухе, и сказал обыкновенным голосом, как будто ни к кому не обращаясь:

— Говорит командующий. Проверка.

Как будто изнутри его головы прозвучал приглушенный, но отчетливый ответ:

— Говорит дежурный по связи. Вас слышу.

— Хорошо, — сказал Ардмор. — Включите пеленгаторы, пусть постоянно держат меня на прицеле. Будьте готовы соединять меня через ближайший храм со штабом. Мне может в любой момент понадобиться выход на первый канал.

Первый канал представлял собой систему всеобщего оповещения, к которой были подключены все храмы страны.

— От капитана Даунера что-нибудь слышно?

— Только что пришло донесение, сэр, я переправил его в штаб.

— Да? А, вижу.

Ардмор подошел к своему письменному столу, нажал на кнопку и вынул из факсимильного приемника листок бумаги. «Передайте командиру, — было написано на нем, — здесь что-то готовится. Не знаю что, но все начальство заметно приободрилось и держится нахально. Смотрите в оба и будьте осторожны». Больше в донесении ничего не было, да и этот текст, передававшийся из уст в уста, вполне мог содержать какие-то искажения. Ардмор нахмурился, потом позвал адъютанта:

— Пришлите ко мне мистера Митсуи.

Когда вошел Митсуи, Ардмор протянул ему донесение.

— Вы уже слышали, что меня собираются арестовать?

— Об этом тут все слышали, — спокойно сказал Митсуи и отдал ему донесение.

— Фрэнк, представьте себе, что вы Наследный Принц. Чего бы вы намеревались добиться моим арестом?

— Командир, — отозвался Митсуи с обидой в голосе, — вы говорите так, как будто я один из этих... из этих кровожадных...

— Я прошу меня простить, но мне все же хотелось бы услышать ваше мнение.

— Ну хорошо. Должно быть, я собирался бы подержать вас взаперти, а тем временем прикрыть вашу церковь.

— Что еще вы можете сказать?

— Не знаю. Пожалуй, я вряд ли бы на это решился, если бы не был уверен, что смогу каким-нибудь способом преодолеть ваши защитные системы.

— Да, вероятно, вы правы.

Ардмор снова произнес, как будто ни к кому не обращаясь:

— Центр связи, объявите полную готовность на первом канале. Каждый священник, который сейчас находится вне своего храма, должен в него вернуться немедленно. Передайте это срочно, и пусть доложат об исполнении. — Он снова повернулся к остальным. — Теперь немного перекусим, и я отправлюсь. К тому времени наш желтолицый друг там, наверху, будет уже готовенький. Есть еще какие-нибудь вопросы напоследок?

Через дверь, скрытую за алтарем, Ардмор вышел в главный зал храма и медленно двинулся к широко открытому центральному portalу. Он знал, что паназитатский командир его видит, и постарался пройти двести метров, отделявшие его от входа, как можно величественнее. За ним следовала толпа служителей храма в красных, зеленых, голубых и золотистых одеждах. Приблизившись к дверям храма, свита выстроилась полукругом, а он один вышел наружу и подошел к паназитату, который был вне себя от раздражения.

— Твой властелин хочет меня видеть?

Офицер, с трудом совладав с собой, произнес по-английски:

— Тебе было приказано явиться ко мне. Как ты смеешь...

— Твой властелин хочет меня видеть? — повторил Ардмор, не дав ему закончить.

— Вот именно! Почему ты не...

— Тогда ты можешь проводить меня к нему.

Ардмор прошел мимо офицера и начал спускаться по ступеням храма, предоставив ему выбирать — бежать вдогонку или остаться позади. Повинуясь первому импульсу, офицер бросился было вслед, чуть не упал, споткнувшись на широких ступенях, и в конце концов занял отнюдь не почетную позицию далеко сзади, рядом со своими солдатами.

В городе, который Наследный Принц сделал своей столицей, Ардмору приходилось бывать, но еще до

азиатского вторжения. Когда они приземлились на городском аэродроме, он огляделся вокруг — ему не терпелось увидеть, какие перемены произошли здесь за это время. Небо во всех направлениях бороздило множество воздушных машин — видимо, это объяснялось большей, чем в других местах, относительной численностью захватчиков. В остальном почти все осталось, как было. Вдали справа виднелся купол капитолия штата; Ардмор знал, что теперь это дворец военного губернатора. В его внешнем виде что-то чуть изменилось; Ардмор не мог понять, что именно, но это было что-то совершенно чуждое западной архитектуре и придавало зданию восточный облик.

Долго разглядывать город Ардмору не пришлось. Стража, окружив его со всех сторон, подвела к эскалатору, который вел куда-то в подземные помещения. Они миновали множество дверей, охраняемых солдатами. При их приближении солдаты отдавали честь офицеру, возглавлявшему конвой, а Ардмор каждый раз благословлял их в ответ, как будто приветствия предназначались ему одному. Офицер негодовал, однако ничего не мог поделать. Вскоре между ними началось молчаливое соревнование — кто первый ответит на приветствие. В конце концов офицер одержал верх, но для этого ему пришлось, к немалому удивлению охранников, отдавать им честь первым.

Когда они оказались в каком-то длинном прямом коридоре, Ардмор попробовал проверить связь.

— Великий Бог Мотаа, — произнес он, — слышишь ли ты своего слугу?

Офицер покосился на него, но ничего не сказал. В ушах у Ардмора тут же зазвучал приглушенный голос Томаса:

— Слышу вас, командир! Вас ретранслируют через храм, который в капитолии.

— Великий Мотаа говорит, его слуга слышит. Воистину сказано, что невелик заяц, а уши у него длинные.

— То есть желтомордые вас подслушивают?

— И ныне и присно. Поймет ли Великий Мотаа шко-фр ши-льный?

— А, школьный шифр? Конечно, командир. Только, пожалуйста, помедленнее.

— Оч-ошо хор-ень. Погово-же поз-рим.

Вполне удовлетворенный, Ардмор умолк. Он очень надеялся, что паназиаты записывают все его слова, — тогда это обеспечит им изрядную головную боль. Даже такой нехитрый шифр легко раскрыть только тому, для кого этот язык — родной.

Приказ доставить во дворец Первосвященника Бога Мотаа Наследный Принц отдал не столько из соображений политики, сколько из любопытства. Правда, дела в завоеванной стране шли не самым лучшим образом, но он был убежден, что его советники — просто старые бабы, готовые в любую минуту удариться в панику. Разве возможно такое, чтобы религия рабов не стала опорой для завоевателей? Рабам нужна стена плача; они приходят в свои храмы, молят своих богов вызволить их из-под ига угнетателей, а потом идут и безропотно трудятся в поле и у станка, довольные, что смогли излить душу в молитве.

— Но для этого нужно, чтобы боги никак не откликались на их молитвы, — заметил как-то один из советников.

Он был прав: не могло быть и речи о том, чтобы богу вздумалось в самом деле сойти с пьедестала и предпринять какие-нибудь действия.

— А разве этот их Бог Мотаа что-нибудь сделал? Кто-нибудь это видел?

— Нет, Ваше Небесное Высочество, но...

— Так что он сделал?

— Мы не можем этого знать. Никому еще не удалось проникнуть в их храмы.

— Разве я не распорядился, чтобы никто не беспокоил рабов, когда они поклоняются своим богам? — ласковым тоном, не предвещавшим ничего хорошего, осведомился Принц.

— Конечно, Ваше Небесное Высочество, конечно, — поспешил заверить его советник, — их никто не беспокоит. Но ваши секретные агенты ни разу не смогли войти в храм для проверки, как ни пытались маскироваться.

— Да? Может быть, они просто плохо маскировались? Что же им мешало?

Советник покачал головой.

— В этом все дело, Ваше Небесное Высочество. Никто из них не в состоянии ничего припомнить.

— Не может быть. Что за нелепость? Приведите ко мне кого-нибудь из них, я сам его допрошу.

Советник развел руками.

— Мне очень жаль, Ваше Высочество...

— Ах, вот что? Ну конечно. Да починут их души в мире.

Поглаживая свое пышно расшитое шелковое одеяние, Принц погрузился в размышления. Его взгляд упал на резные шахматы необыкновенно тонкой работы, расставленные на доске сбоку от него, и он лениво передвинул пешку. Нет, это решение не годится: белые должны начать и дать мат в четыре хода, а так получается пять. Он снова повернулся к советнику.

— Может быть, стоило бы обложить их налогом.

— Мы уже пробовали...

— Без моего разрешения? — еще ласковее спросил Принц.

На лице советника выступил обильный пот.

— Если бы это оказалось ошибкой, Ваше Высочество, то мы хотели, чтобы ответственность за нее пала на нас.

— Вы полагаете, что я способен совершить ошибку? — В свое время, будучи совсем молодым губернатором провинции в Индии, Принц написал учебник по управлению покоренными расами, изучение которого стало обязательным для каждого чиновника. — Ну хорошо, оставим это. Значит, вы обложили их налогом, и, вероятно, весьма обременительным. Ну и что?

— Они его платят, Ваше Высочество.

— Утroyте его.

— Я не сомневаюсь, что они и тогда будут его платить, потому что...

— Удесyтрите его. Назначьте такой высокий налог, чтобы они не смогли его уплатить.

— Но, Ваше Высочество, в этом-то и дело. Золото, которым они платят налог, — химически чистое. Наши мудрецы утверждают, что оно изготовлено искусственно, путем трансмутации. Они в состоянии уплатить

любой налог. Больше того, — поспешно продолжал он, — по нашему мнению, которое, разумеется, не может сравниться с божественной мудростью Вашего Высочества, — тут он отвесил поклон, — это вообще не религия, а неведомая нам наука!

— Вы хотите сказать, что эти варвары располагают наукой, которая превосходит все известное Избранной Расе?

— Умоляю простить меня, Ваше Высочество, но что-то у них есть, и это сказывается на моральном состоянии наших людей. Число почетных самоубийств уже вызывает серьезные опасения, и к нам поступает слишком много рапортов от служащих, которые ходатайствуют о разрешении вернуться в страну отцов.

— Я надеюсь, вы не поощряете таких ходатайств?

— Нет, конечно, Ваше Высочество, но это приводит только к тому, что число почетных самоубийств среди наших людей, которые вынуждены общаться со служителями Бога Мотаа, продолжает расти. Страшно сказать, Ваше Высочество, но похоже, что такое общение подрывает дух ваших возлюбленных чад.

— Хм-м-м. Я думаю... Да, пожалуй, мне надо повидаться с этим Первосвященником Бога Мотаа.

— Когда Ваше Высочество хочет его видеть?

— Я вам об этом сообщу. А пока имейте в виду, что наши мудрецы — если только они не прожили на свете слишком долго и не перестали на что-то годиться, — должны быть в состоянии воспроизвести любое научное открытие, известное этим варварам, и найти способ ему противодействовать.

— Воистину так, Ваше Высочество.

Наследный Принц с любопытством смотрел на приближавшегося Ардмора. «Этот человек, по-видимому, не испытывает страха. Нужно признать, что для варвара вид у него довольно внушительный. Очень интересно. А что это светится у него над головой? Любопытно».

Ардмор остановился перед Принцем и, высоко воздев руку, произнес благословение.

— Ты просил меня прибыть к тебе, повелитель, — сказал он.

— Да. «Неужели этот человек не знает, что он должен встать на колени?»

Ардмор огляделся вокруг.

— Не прикажет ли повелитель своим слугам принести мне стул?

«Нет, этот человек просто великолепен — как жаль, что ему предстоит умереть. Или можно придумать какой-нибудь способ оставить его при дворе для развлечения? Конечно, это будет означать неминуемую смерть для всех, кто присутствует при этой сцене, а потом, может быть, и для многих других, если он и дальше будет выкидывать такие занятные штуки. Но, пожалуй, цена не так уж и велика».

Он сделал знак рукой. Двое слуг, явно потрясенные происходящим, поспешно принесли табуретку. Ардмор сел. Взгляд его упал на шахматный столик. Принц заметил это и спросил:

— Ты играешь в эту мудрую игру?

— Немного, повелитель.

— Как бы ты решил эту задачу?

Ардмор встал, подошел к шахматной доске и стал разглядывать позицию. Принц молча следил за ним. Придворные застыли в ожидании, безмолвные, как шахматные фигуры.

— Я бы пошел этой пешкой — вот так, — заявил наконец Ардмор.

— Так? Весьма неожиданный ход.

— Но он необходим. После него следует мат в три хода — впрочем, повелитель, конечно, это видит.

— Конечно. Да, конечно. Но я пригласил тебя сюда не для игры, — добавил он, отводя взгляд от доски. — Мы должны поговорить о другом. Я с сожалением узнал, что поступают жалобы на твоих последователей.

— Что огорчает повелителя, огорчает и меня. Может ли твой слуга спросить, в чем провинились его чада?

Принц еще раз взглянул на шахматы, потом поднял палец, и один из слуг опустился перед ним на колени, подставив ему доску для письма. Принц обмакнул кисточку в тушь, быстро написал несколько иероглифов и

запечатал бумагу перстнем. Слуга, кланяясь, отступил и передал послание другому, который поспешно вышел.

— О чем это мы? Да, мне сообщили, что им не хватает смирения. Они не проявляют должного почтения к Избранным.

— Не придет ли повелитель на помощь скромному священнику, поведав ему, кто из его чад повинен в недостойном поведении и что он может сделать, чтобы они исправились?

Принц вынужден был признать про себя, что оказался в нелегком положении. Этот невежа-священник каким-то образом ухитрился перехватить инициативу. Принц не привык, чтобы его расспрашивали о подробностях, это неприлично. Кроме того, ему было просто нечего ответить: поведение священников Бога Мотаа было во всех отношениях совершенно безупречным.

Но вокруг стояли придворные, ожидая, что он скажет в ответ на эту непристойную выходку. Как там сказано в древних книгах? «Конфуций, поставленный в тупик глупым вопросом...»

— Не подобает слуге задавать вопросы повелителю. Ты только что провинился в том же, что и твои последователи.

— Я прошу прощения, повелитель. Но хотя раб не может задавать вопросы, разве не написано в древних книгах, что он может молить о снисхождении и помощи? Мы, простые слуги, не обладающие мудростью Солнца и Луны. Разве не вы нам вместо отца и матери? Неужели вы откажетесь просветить нас с высоты своего величия?

Принц едва удержался, чтобы не прикусить губу от досады. «Как же это произошло? Коварный варвар снова повернул дело так, что я оказался не прав. Нельзя давать ему говорить — это опасно! Но пока нужно принять вызов: когда раб умоляет о снисхождении, честь требует ответить достойно».

— Мы согласны просветить тебя в одном — хорошенько запомни этот урок, и ты станешь мудрее во всем остальном. — Принц умолк, а потом продолжал, тщательно подбирая слова: — Ты и твои последователи низших рангов неподобающим образом приветству-

ете Избранных и тем наносите оскорбление всякому, кто это видит.

— Что я слышу? Неужели Избранная Раса пренебрегает благословением Бога Мотаа?

«Опять он все вывернул наизнанку! Наука управления гласит: повелитель должен делать вид, будто считает истинными богов, которым поклоняются рабы».

— Мы не отвергаем благословения. Но произнося его, ты должен вести себя, как подобает слуге в присутствии повелителя.

Внезапно в ушах Ардмора зазвучал голос Томаса:

— Командир! Командир! Вы меня слышите? У дверей всех наших храмов стоят отряды полиции, они требуют, чтобы священники сдались в плен. Такие сообщения идут со всей страны!

— Великий Мотаа слышит! — произнес Ардмор, обращаясь к Принцу, но надеясь, что Джефф поймет.

— Это вы мне, командир?

— Тогда позаботься о том, чтобы его последователи это усвоили, — сказал Принц почти сразу, так что Ардмор не успел придумать никакой высокопарной фразы, которая содержала бы второй смысл, предназначенный для Томаса. Но он уже знал, что происходит, а Принц и подумать не мог, что он знает. Этим необходимо было воспользоваться.

— Как я могу поучать своих священников, если в этот самый момент ты берешь их под арест?

В голосе Ардмора звучала уже не смиренная просьба, а обвинение. Лицо Принца оставалось бесстрастным, и только глаза выдавали изумление. Неужели этот человек догадался, что означают только что написанные им иероглифы?

— Ты говоришь нелепости.

— Нет! В то самое время, когда ты объяснял мне, как я должен поучать своих священников, твои солдаты ломились в двери храмов Мотаа! Послушай, вот что желает передать тебе Бог Мотаа. Его служители не боятся земных властей. Не в твоих силах их арестовать, и ты никогда не смог бы это сделать, если бы Бог Мотаа не повелел им смириться. Через тридцать минут, очистившись духовно и препоясав чресла для грядущего испытания, каждый из них добровольно сдастся на

пороге своего храма. А до тех пор — горе всякому, кто посмеет нарушить неприкосновенность храмов Мотаа!

— Так его, командир! Правильно! Значит, каждый священник должен протянуть полчаса, а потом сдать — правильно я понял? И вооружиться излучателями, переговорными устройствами и всеми последними новинками. Подтвердите, если сможете.

— В жилу, Джефф! — Ардмору пришлось рискнуть, надеясь на то, что Принцу эти слова покажутся бессмысленными, а Джефф поймет.

— Хорошо, командир. Не знаю, что вы задумали, но мы с вами — на тысячу процентов!

Лицо Принца напоминало каменную маску.

— Уведите его.

Ардмор уже исчез за дверью, а Его Небесное Высочество еще долго сидел в молчании, глядя на шахматную доску и теребя нижнюю губу.

Ардмора поместили в подземное помещение с металлическими стенами и массивным засовом на двери. Но этого им показалось мало: едва он вошел, как послышалось шипение, и он увидел, что край двери в одном месте раскалился докрасна. Дверь заварили! Судя по всему, они не доверяют собственной охране и приняли все меры, чтобы он не мог бежать. Он вызвал Цитадель.

— Бог Мотаа, ты слышишь своего слугу?

— Да, командир.

— Умный понимает с полуслова.

— Понял, командир. Вас все еще подслушивают. Давайте обняками, я догадаюсь.

— Пахан хочет побазарить со всеми шестерками.

— Вам нужен первый канал?

— И не тяните резину.

После короткой паузы Томас доложил:

— Все в порядке, командир, вы в эфире. Я буду наготове, чтобы переводить, только это вряд ли понадобится: все поймут. Начинайте, у вас пять минут, чтобы они успели сдать вовремя.

— Кнокайте все — мамка велит, чтобы детки шли к дяде. Все клево, лишь бы погремушки были наготове. Берите на понт, фраера перетрухают. Туз козырь — косые с фосками. Не дрейфь, прорвемся.

— Поправьте меня, командир, если я не так понял. Вы хотите, чтобы священники сдались полиции и держались, как ни в чем не бывало, тогда азиаты перепугаются. Они должны вести себя, как вы, — хладнокровно и нахально. Посохи должны быть у каждого при себе, но пускать их в ход можно только по вашему приказанию. Правильно?

— Элементарно, мой дорогой Ватсон!

— А что делать дальше?

— Еще не вечер.

— Что-что? А, понял, ждать дальнейших указаний. Все ясно, командир. Время вышло!

— Гуляй, шпана!

Ардмор решил подождать до тех пор, пока все паназиаты, кроме охранников, улягутся спать или по крайней мере разойдутся по казармам. То, что он собирался сделать, могло произвести должное впечатление только в том случае, если никто не поймет, что произошло. Ночью шансов на это было больше.

Он вызвал Томаса, просвистав несколько первых тактов известной матросской песенки. Тот ответил мгновенно — он не ушел с дежурства и сидел у приемника, время от времени подбадривая пленников и ставя для них пластинки с записями военной музыки.

— Да, командир?

— Пора. Всем линять!

— Бежать из плена?

— Как нож сквозь масло.

Раньше они уже говорили о том, как это нужно будет проделать в случае необходимости. Томас подробно проинструктировал всех по радио и доложил:

— Готово. Только свистните, командир!

— Свистнул.

Он явственно представил себе, как Томас удовлетворенно кивнул.

— Есть, сэр! Ну, ребята, пошли!

Ардмор поднялся, расправил плечи и подошел к одной из стен камеры, встав так, что на нее падала его четкая тень. Да, здесь годится. Он отрегулировал свой посох так, чтобы тот генерировал первичное ледбеттеровское излучение в диапазоне, действующем только на людей монгольской расы. Дальность действия он поставил максимальную, а мощность — такую, чтобы излучение не убивало, а лишь оглушало, и после этого включил излучатель.

Через некоторое время Ардмор выключил излучатель и снова подошел к стене. Теперь нужно было перенастроить посох — работа предстояла тонкая. Он как можно тщательнее проверил регулировку и снова включил излучатель. В полной тишине атомы металла начали превращаться в атомы азота, которые тут же смешивались с воздухом. Вскоре в прочной стене появилось обширное отверстие, контуры которого повторяли форму его тени. Немного подумав, Ардмор еще раз включил излучатель и вырезал над отверстием окружность по размеру своего нимба. После этого он установил первоначальную настройку и, снова включив излучатель на полную мощность, шагнул в отверстие. Оно оказалось немного тесновато, и ему пришлось протискиваться боком.

В коридоре валялись на полу неподвижные тела десятка паназиатских солдат. Стена, сквозь которую он прошел, находилась напротив заваренной двери, но он с самого начала догадался, что камера будет охраняться со всех четырех сторон, а может быть, еще и сверху и снизу.

Чтобы выбраться наружу, ему пришлось преодолеть еще не одну дверь и каждый раз перешагивать через тела солдат. В конце концов он оказался на свободе, но совершенно не представлял себе, где находится.

— Джефф! — позвал он. — Где я?

— Секунду, командир. Вы сейчас... Нет, запеленговать вас мы не можем, но это где-то почти точно на юг от ближайшего храма. Вы все еще около дворца?

— Совсем рядом.

— Тогда поворачивайте к северу, тут недалеко.

— А где север? Я совсем запутался. Нет, подождите, — нашел Большую Медведицу. Все в порядке.

— Поспешите, командир.

— Постараюсь.

Метров двести он пробежал рысцой, потом перешел на быстрый шаг. «Черт возьми, — подумал он, — когда целый день сидишь с бумагами, совсем теряешь форму».

Навстречу Ардмору попались несколько азиатско-полицейских, но они были не в состоянии даже его заметить: генератор первичного излучения Ледбеттера в его посохе все еще работал на полную мощность. Белых почти не было видно — комендантский час соблюдался строго. Ему повстречались лишь несколько перепуганных уборщиков улиц. Он подумал, не увести ли их с собой в храм, но решил, что не стоит: они не в большей опасности, чем остальные сто пятьдесят миллионов американцев.

Показался храм, четыре стены которого горели четырьмя цветами Бога Мотаа. Ардмор ускорил шаг и вбежал в двери. Сразу же появился местный священник. Ардмор радостно поздоровался с ним, внезапно почувствовав, как приятно наконец поговорить со своим, с товарищем. Оба быстро прошли за алтарь и спустились вниз, в центр управления и связи, где оператор пара-радио и его сменщик, увидев их, обрадовались чуть ли не до слез. Ардмора угостили черным кофе, который он с удовольствием выпил. Потом он велел оператору отключить первый канал и наладить видеосвязь со штабом.

Томас, казалось, готов был прыгнуть в передающую камеру.

— Уйти! — завопил он.

С самого вторжения Ардмора никто не называл этим старым прозвищем, он даже не знал, что Томасу оно известно, но теперь на душе у него стало теплее.

— Привет, Джефф! — отозвался он. — Рад вас видеть. Есть какие-нибудь донесения?

— Кое-какие есть. И все время поступают новые.

— Переключайте меня на каждую епархию по очереди, первый канал — это слишком громоздко. Пусть коротко докладывают обстановку.

Меньше чем двадцать минут спустя он принял рапорт последней епархии. Все священники уже вернулись в свои храмы.

— Хорошо, — сказал он Томасу. — Теперь переключите излучатели в каждом храме на обратное действие и разбудите этих обезьян, которых уложили священники. Пусть пройдутся направленным излучением по всему пути, по которому возвращался каждый, до самой тюрьмы.

— Будет сделано, если вы так велите, командир. Только почему не дать им проснуться самим, когда действие облучения кончится?

— Потому что, если они неожиданно придут в себя прежде, чем их обнаружат, — объяснил Ардмор, — это будет выглядеть куда таинственнее, чем если их просто найдут полумертвыми. Наша задача — сломить их боевой дух, и так будет лучше.

— Вы правы, как всегда, командир. Приказ уже отдан.

— Прекрасно. Когда это будет сделано, пусть все проверяют защитные экраны храмов, включают инфразвук и ложатся спать — все, кто не на дежурстве. Я думаю, завтра у нас будет нелегкий день.

— Хорошо, сэр. А вы разве не возвращаетесь сюда? Ардмор покачал головой.

— Лишний риск. Наблюдать за событиями я с таким же успехом могу по телевидению — это будет ничуть не хуже, чем если бы я стоял рядом с вами.

— Шир готов в любой момент слетать и забрать вас. Он мог бы посадить машину прямо на крышу храма.

— Скажите ему спасибо, но это не нужно. Теперь сдайте дела дежурному по штабу и поспите немного.

— Будет сделано, командир.

Около полуночи Ардмор поужинал вместе с местным священником, а потом позволил ему отвести себя в подземную спальню.

Глава 10

Ардмор проснулся от того, что кто-то из всех сил принялся его трясти. Он открыл глаза и увидел оператора пара-радио, который дежурил накануне.

— Майор Ардмор! Майор Ардмор! Проснитесь!

— М-м-м-м... Угу... Что такое?

— Проснитесь! Вас вызывает Цитадель — срочно!

— Который час?

— Около восьми. Скорее, сэр!

К тому времени, как Ардмор добрался до видеофона, он уже почти проснулся. У аппарата был Томас. Увидев Ардмора, он сразу же начал:

— Есть новость, командир. Плохая новость. Паназитская полиция устраивает облавы на наших прихожан. Прочесывает квартал за кварталом.

— Хм-м. Наверное, этого следовало ожидать. Многих успели забрать?

— Не знаю. Я вызвал вас сразу же, как только пришло первое сообщение, а сейчас они идут одно за другим со всей страны.

— Ну что ж, надо браться за дело.

Священник, хорошо вооруженный и защищенный, мог позволить себе рискнуть и пойти под арест, но эти люди совершенно беззащитны.

— Командир, вы помните, что они сделали после первого мятежа? Скверное дело, командир. Что-то мне не по себе.

Ардмор понимал, чего боится Томас, — ему самому стало страшно. Однако он постарался никак этого не показать.

— Не надо паники, приятель, — сказал он спокойно. — Пока еще ничего с нашими людьми не случилось — и мы должны сделать так, чтобы с ними ничего не случилось и дальше.

— Но что вы собираетесь делать, командир? Нас слишком мало, чтобы остановить их, пока они не перебьют множество народу.

— Слишком мало, чтобы остановить их силой, — может быть; но есть и другие способы. Продолжайте собирать сведения и предупредите всех, чтобы никто не начал действовать очертя голову. Я свяжусь с вами минут через пятнадцать. — И он выключил аппарат прежде, чем Томас успел ответить.

Надо было как следует подумать. Если бы он мог вооружить посохом каждого из прихожан, все было бы очень просто. Защитный экран теоретически позволял уберечь человека от чего угодно, за исключением, пожалуй, атомной бомбы или отравляющего газа. Но у производственного управления Цитадели едва хватало сил на то, чтобы снабдить посохом каждого нового священника, и о том, чтобы обеспечить посохами всех, не могло быть и речи: никаких возможностей для их массового выпуска не было.

Конечно, священник может растянуть свой экран настолько, чтобы укрыть им любое пространство и сколько угодно людей, но такой растянутый экран слишком проницаем — его можно пробить даже снежком. Нет, это не годится.

Ардмор вдруг сообразил, что снова думает лишь о непосредственном силовом воздействии, — но ведь он прекрасно знал, что такой подход бесперспективен! Вместо этого требовалось что-то вроде психологического джиу-джитсу — какой-нибудь хитрый прием, позволяющий обратить силу противника против него самого. Военная хитрость — вот что нужно. Каких бы ответных действий противник ни ждал, — именно их и

следовало всячески избегать! Делать все, что угодно, кроме этого!

Но что? Ему показалось, что он нашел ответ, и он вызвал Томаса.

— Джефф, — сказал он, — дайте мне первый канал.

Несколько минут он говорил, обращаясь ко всем священникам, — медленно и обстоятельно, выделяя самое важное.

— Что-нибудь непонятно? — спросил он наконец и долго отвечал на вопросы, которые задавали ему из разных епархий.

Ардмор вышел из храма вместе с местным священником. Тот пытался его отговорить, но он ничего не хотел слушать. Священник был, конечно, прав, Ардмор и сам знал, что ему не следует рисковать без необходимости, но все-таки позволил себе роскошь хоть ненадолго вырваться из-под сдерживающего влияния Джеффа Томаса.

— Как вы намерены узнать, где они держат наших людей? — спросил священник, бывший торговец недвижимостью по фамилии Уорд. Человек незаурядного ума, он Ардмору сразу понравился.

— Ну, а что сделали бы вы, если бы меня под рукой не было?

— Не знаю. Должно быть, явился бы в полицейский участок и попробовал как-нибудь запугать дежурного косоглазого, чтобы он мне сказал.

— Годится. Где тут участок?

Штаб-квартира паназиатской полиции находилась у самого дворца, кварталах в восьми-деяти от храма к югу. По пути они встретили много паназиатов, но никто их не трогал. Остолбенев от изумления, азиаты только провожали глазами двух служителей Бога Мотаа, шествующих по улице как ни в чем не бывало. Даже полицейские патрули, видимо, не знали, что предпринять, — никакие инструкции такой случай не предусматривали.

Тем не менее кто-то предупредил об их приближении. У входа их встретил растерянный офицер-азиат, который без особой уверенности объявил:

— Сдавайтесь! Вы арестованы!

Они направились прямо к нему. Ардмор воздел руку, благословляя его, и произнес нараспев:

— Мир тебе! Проведи меня к моим людям.

— Вы что, собственного языка не понимаете? — сердито рявкнул паназиат. — Вы арестованы!

Его рука потянулась к кобуре.

— Твое земное оружие, — спокойно сказал Ардмор, — бессильно против Великого Бога Мотаа. Он повелевает тебе провести меня к моим людям. Я тебя предупредил!

Ардмор продолжал идти вперед, пока его защитный экран не пришел в соприкосновение с телом офицера и тот не ощутил исходящего неизвестно откуда давления. Нервы паназиата не выдержали, он отступил на шаг, выхватил пистолет и выстрелил в упор. Вихрь, вылетевший из ствола, ударился в экран, который бесследно его поглотил.

— Великий Мотаа недоволен, — заметил Ардмор хладнокровно. — Веди за собой его слугу, пока Великий Мотаа не вынул из тебя душу.

Он повернул регулятор на посохе и привел в действие другой эффект, еще ни разу не испытанный на паназиатах. Принцип был очень прост: излучатель генерировал силовой луч цилиндрической формы — получалось нечто вроде невидимой трубки. Ардмор направил луч на лицо офицера, переключил регулятор на притяжение, и мгновение спустя весь воздух из трубки оказался выкачан. Офицер замахал руками, тщетно пытаясь вдохнуть. Когда у него из носа потекла кровь, Ардмор отключил луч.

— Где мои чада? — спросил он еще раз, так же спокойно.

Офицер, повинувшись первому побуждению, кинулся бежать. Ардмор силовым лучом прижал его к двери, снова переключил генератор на всасывание и направил луч на его живот.

— Где они?

— В парке, — прохрипел офицер и согнулся пополам в приступе рвоты.

Ардмор и священник величественно повернулись и начали спускаться по ступенькам, сметая со своего пути силовым лучом всех, кто пытался их остановить.

Парк располагался позади здания бывшего капитолия штата. Они обнаружили, что прихожан согнали в поспешно сооруженную загородку, которую в несколько рядов окружали паназиатские солдаты. Рядом был выстроен помост, где суетились техники, устанавливая телекамеры. По-видимому, рабам собирались преподать еще один наглядный урок. Ардмор не заметил поблизости никаких признаков установки, с помощью которой в тот раз вызывали эпилептический припадок: или ее еще не привезли, или паназиаты собирались прибегнуть к какому-то иному виду наказания. Возможно, эти солдаты — не что иное, как расстрельная команда.

На мгновение Ардмор испытал сильное желание взяться за посох и вышибить дух из всех солдат до единого. Они стояли по команде «вольно», сложив оружие в пирамиды, и ему, скорее всего, удалось бы это сделать раньше, чем они успеют причинить хоть какой-нибудь вред, — не ему, а беззащитным прихожанам. Но он тут же решил, что это будет неверный шаг. Он был прав, внушая своим священникам, что их единственное оружие сейчас — блеф: справиться со всей армией Паназиатской империи им не под силу.

Но он все же должен был так или иначе дать возможность этим людям достигнуть храма, где они окажутся в безопасности.

Толпа за загородкой узнала Уорда, а может быть, и самого Ардмора — слухи о нем распространились по всей стране. Он видел, как отчаяние на их лицах внезапно сменилось надеждой. Они возбужденно теснились у загородки. Однако он шел мимо, удостоив их лишь поспешного благословения. Уорд следовал за ним. Надежду на лицах людей сменило недоверие, а потом

и растерянность, когда они увидели, что он подошел к командиру паназиатов и благословил его точно так же, как и их.

— Мир тебе! — воскликнул Ардмор. — Я пришел тебе помочь.

Офицер отдал какой-то приказ на своем языке. Двое солдат подбежали к Ардмору и попытались его схватить. Защитный экран отбросил их назад, они сделали еще одну тщетную попытку и застыли на месте, повернувшись к своему командиру, в ожидании нового приказа, как собака, поставленная в тупик невыполнимой командой.

Ардмор, не обращая на них внимания, приблизился вплотную к командиру паназиатов.

— Мне сказали, что мой народ провинился, — объявил он. — Великий Мотаа накажет его. — Не ожидая ответа, он повернулся спиной к озадаченному офицеру и крикнул: — Именем Шаама, Властителя Мира!

Ардмор повернул ручку, и из посоха вырвался зеленый луч. Он направил его на прихожан, которые повалились с ног, как спелые колосья пшеницы от порыва бури. Через несколько секунд все до единого, мужчины, женщины и дети, неподвижно лежали на земле, как мертвые. Ардмор снова повернулся к офицеру-паназиату и низко склонился перед ним.

— Твой слуга просит принять их покаяние.

Сказать, что офицер растерялся, было бы мало. Он хорошо усвоил, как следует поступать в случае сопротивления, но не знал, что делать, когда ему с такой готовностью шли навстречу, — про это ему никто ничего не говорил.

Ардмор не дал ему времени подумать.

— Великий Мотаа все еще не удовлетворен, — сообщил он, — и повелел мне одарить тебя и твоих людей подарками. Золотыми подарками!

Он повернул ручку переключателя, и из посоха вырвался ослепительно белый луч. Он направил его на оружие, сложенное в пирамиды справа от него, и Уорд сделал то же слева. Ружья сверкали и искрились под лучом, и везде, где он касался металла, тот мгновенно приобретал глубокий золотистый оттенок. Это было золото — чистое золото!

Рядовому солдату паназиатской армии платили не больше, чем всегда и повсюду платят рядовому солдату. Ряды паназиатов смешались и перепутались, как вереница скаковых лошадей перед барьером. Какой-то сержант шагнул к пирамиде, взял ружье, осмотрел его и поднял высоко над головой, возбужденно выкрикнув что-то на своем языке.

Солдаты бросились к ружьям. Они кричали, размахивали руками и пускались в пляс. Они дрались друг с другом из-за оружия, ставшего драгоценным, хотя и бесполезным в бою. Они не обращали никакого внимания на офицеров, которых тоже охватила золотая лихорадка.

Ардмор взглянул на Уорда и кивнул.

— А ну, покажем им! — скомандовал он и, переключив ручку, направил луч на паназиатского командира.

Тот свалился без сознания, так и не поняв, что произошло, потому что в отчаянии смотрел только на своих солдат, забывших о дисциплине. Уорд тем временем занялся остальными офицерами.

Потом Уорд превратил в пыль ворота загородки, а Ардмор направил на пленников луч обратного действия. Теперь предстояло самое трудное — уговорить больше трехсот человек, оглушенных и растерянных, подчиниться и организованно двинуться в одном направлении. Однако громкие голоса и непреклонная решимость Ардмора и Уорда в конце концов сделали свое дело. Оставалось только с помощью силового луча расчистить себе путь сквозь толпу азиатов, потерявших рассудок от неожиданного богатства и продолжавших драться между собой. При этом Ардмору пришла в голову еще одна идея: он принялся таким же способом сгонять вместе прихожан — точь-в-точь как деревенская девочка подгоняет прутиком гусей.

Девять кварталов до храма они преодолели за десять минут. Пришлось двигаться рысцой, хотя многие, запыхавшись, пытались протестовать. В конце концов они достигли цели раньше, чем противник успел прислать подкрепление. На всякий случай Ардмор и Уорд укладывали без сознания каждого азиата, который попадался им на пути.

Добравшись наконец до дверей храма, Ардмор утер с лица пот и со вздохом сказал:

— Уорд, у вас найдется что выпить?

Он не успел докурить сигарету, как его вызвал Томас.

— Командир, — сказал он, — к нам начинают поступать донесения. Я думаю, вам интересно?

— Слушаю.

— До сих пор все идет как будто хорошо. Процентов двадцать священников доложили, что их люди в безопасности.

— Потери есть?

— Есть. Погибли все прихожане из Чарлстона в Южной Каролине. Их перебили еще до того, как до них добрался священник. Он включил посох на полную мощность и напал на азиатов — истребил их раза в два-три больше, чем эти обезьяны убили наших, а потом пробился назад, в храм.

Услышав это, Ардмор покачал головой.

— Плохо. Мне жаль его прихожан, но еще больше жаль, что он не выдержал и кинулся на паназиатов. Он раскрыл наши карты, а ведь мы еще не готовы.

— Но его можно понять, командир: среди прихожан была его жена.

— Я его не осуждаю. К тому же что сделано, то сделано — рано или поздно нам все равно пришлось бы вступить в бой. Просто теперь придется действовать немного быстрее. Еще какие-нибудь осложнения?

— Почти никаких. Кое-где по пути к храму пришлось вести арьергардные бои, есть небольшие потери.

Ардмор увидел, как связной принес Томасу толстую пачку бумаг. Томас взглянул на них и сказал:

— Еще донесения, командир. Прочитать вам?

— Нет. Подготовьте общий рапорт, когда доложат все. Или почти все — скажем, через час. Связь окончена.

Через час выяснилось, что больше девяноста семи процентов последователей Бога Мотаа препровождены в храмы и находятся вне опасности. Ардмор собрал

штаб и изложил свои ближайшие планы. На заседании он, можно сказать, присутствовал и сам: на том месте, где он обычно сидел, стояли микрофон, телекамера и приемник.

— Нам пришлось приступить к действиям, — сказал он. — Как вы знаете, мы не рассчитывали начать раньше, чем через две недели, может быть, даже через три. Но теперь у нас нет выбора. Мне кажется, мы должны действовать как можно быстрее, чтобы постоянно опережать противника.

Он предложил высказываться. Присутствовавшие согласились, что нужно действовать немедленно, но когда разговор зашел о том, что следует делать, мнения разделились. Выслушав всех, Ардмор принял решение, — он утвердил план дезорганизации противника по варианту номер 4 и приказал начинать подготовку.

— Помните, — предупредил он, — как только мы начнем, отступать будет поздно. События уже развиваются быстро, а дальше дело пойдет еще быстрее. Сколько у нас лучеметов?

Лучемет представлял собой наипростейший ледбеттеровский излучатель, какой только можно было сконструировать. Внешне он очень напоминал пистолет, и пользовались им примерно так же. Он генерировал направленный луч первичного ледбеттеровского излучения в диапазоне, смертоносном для людей монгольской крови, но ни для кого другого. Научить с ним обращаться можно было за каких-нибудь три минуты: чтобы привести его в действие, достаточно было прицелиться и нажать на спуск. При этом стрелявший не мог убить из него — в буквальном смысле слова — даже мухи, не говоря уж о человеке белой расы, но для азиатов это была верная и внезапная смерть.

Оружия для решающих боев должно было понадобится много, и, чтобы наладить его производство и распределение, пришлось решить немало сложных проблем. Посохи, которыми пользовались священники, для этого не годились, — каждый из них был штучным изделием, тончайшим инструментом, сравнимым разве что с лучшими швейцарскими часами. Шир тщательно отделывал вручную только самые ответственные детали каждого посоха, и все равно, чтобы удовлетворить

возраставшую потребность, пришлось придать ему в помощь множество наиболее квалифицированных слесарей-инструментальщиков. Все держалось на их ручной работе — о массовом производстве не приходилось и думать, пока американцы не вернут себе снова контроль над заводами. Кроме того, чтобы более или менее умело использовать все возможности посоха, каждый священник должен был пройти долгий курс обучения под руководством опытных инструкторов.

Лучемер оказался прекрасным выходом из положения. Он был несложен, прочен и не содержал никаких движущихся частей, кроме кнопки-спуска. Тем не менее изготавливать лучемеры в сколько-нибудь значительных количествах в самой Цитадели было нельзя: их пришлось бы доставлять оттуда во все концы страны, и это неминуемо привлекло бы внимание паназиатских властей. Поэтому каждому священнику, отправлявшемуся в свой храм, вручали образец лучемера, и он должен был сам найти среди прихожан достаточно квалифицированных рабочих, которые могли бы делать это сравнительно простое оружие. Под каждым храмом уже не первую неделю работали тайные мастерские, где тысячами готовили детали и собирали вручную сотню маленьких, но смертоносных изделий.

Штабной офицер, отвечавший за снабжение, доложил Ардмору, сколько запасено лучемеров.

— Очень хорошо, — одобрил Ардмор. — Это меньше, чем у нас прихожан, но ничего не поделаешь. К тому же многих все равно придется отбраковать. На наши священнодействия клонули все до единого психи, какие только есть в стране, — все эти длинноволосые мужчины и стриженные женщины. Если их не считать, очень может быть, сколько-нибудь лучемеров еще останется. Кстати, — если в самом деле найдутся лишние, то в каждом приходе есть, наверное, молодые, крепкие, решительные женщины, от которых в бою будет толк. Их тоже нужно вооружить. Что до психов, то в общей диспозиции есть подробные указания — как объявить прихожанам, что все это только прикры-

тие, под которым мы готовили мятеж. Нужно только вот что еще добавить. Девять человек из десяти будут без памяти рады услышать то, что мы им сообщим, и без колебаний пойдут с нами. Но один из десяти может заупрямиться, струсить, даже попытаться сбежать из храма. Ради Бога, предупредите всех священников, чтобы были осторожны: пусть сообщают это не всем одновременно, а собирают по несколько человек, не больше, и пусть будут готовы усыпить своими посохами всякого, кто вздумает им помешать. И пусть держат таких под замком, пока все не кончится, — перевозпитывать их нам некогда. А теперь — вперед! До конца дня священники должны объявить обо всем прихожанам и попытаться организовать их в некое подобие воинских частей. Томас, я хочу, чтобы воздушная машина, которая сегодня вечером отправится за Наследным Принцем, сначала подобрала меня здесь. Пусть на ней летят Уилки и Шир.

— Хорошо, сэр. Но я собирался лететь сам. Вы не возражаете?

— Возражаю, — сухо сказал Ардмор. — Если вы посмотрите диспозицию, вы увидите, что согласно ей командующий операцией должен находиться в Цитадели. Поскольку я здесь, а не в Цитадели, вы должны занять мое место.

— Но, командир...

— Мы не имеем права рисковать собой оба. Во всяком случае, пока. Так что лучше помолчите.

— Слушаюсь, сэр.

Через некоторое время Ардмора снова вызвали к аппарату. На экране он увидел дежурного по центру связи.

— Майор Ардмор, с вами хочет говорить Солт-Лейк-Сити. Срочно.

— Соедините.

Вместо дежурного на экране появилось лицо священника из Солт-Лейк-Сити.

— Командир, — начал он, — тут у нас есть один очень странный пленный. Мне кажется, лучше вам допросить его самому.

— Мне некогда. А в чем дело?

— Понимаете, он азиат, но утверждает, будто на самом деле он белый и вы его знаете. Самое странное то, что он как-то прошел через наш экран. Я думал, такого не бывает.

— Такого действительно не бывает. Давайте его сюда.

Как и начал догадываться Ардмор, это оказался Даунер. Ардмор представил его местному священнику, еще раз заверив того, что его защитный экран в полном порядке.

— Теперь, капитан, выкладывайте.

— Сэр, я решил явиться и доложить вам все в подробностях, потому что наступает критический момент.

— Знаю. Давайте подробности.

— Сейчас, сэр. Не знаю, представляете ли вы себе, какой ущерб уже нанесен противнику. Их боевой дух тает, как снег в оттепель. Они нервничают и теряют уверенность в себе. Что произошло?

Ардмор вкратце изложил ему события последних суток — его арест, арест священников, арест всех последователей Мотаа и их освобождение. Даунер молча кивал.

— Тогда все понятно. Я не знал, в чем дело, ведь они никогда ничего не говорят простым солдатам. Но я видел, что у них началось разложение, и решил сообщить вам.

— Что же случилось?

— Ну, я думаю, лучше всего просто рассказать вам, что я видел, а выводы уж делайте сами. В Солт-Лейк-Сити взят под стражу второй батальон полка «Дракон». Ходят слухи, что все его офицеры покончили с собой. Я думаю, это тот самый батальон, который дал всем здешним прихожанам благополучно уйти, но точно не знаю.

— Возможно. Продолжайте.

— Я знаю только то, что видел. Их привели утром с опущенными знаменами и развели по казармам, а сна-

ружи приставили сильную охрану. Но это не все, дело не только в каком-то батальоне, который посадили под арест. Командир, вы знаете, как может разложиться целый полк, когда полковник начинает терять управление?

— Знаю. Они теряют управление войсками?

— Да. По крайней мере, здесь, в Солт-Лейк-Сити. Готов спорить, что здешний командующий боится сам не знает чего и его страх передается войскам, до самого последнего солдата. Многие кончают с собой, даже рядовые. День-другой походит мрачный как туча, а потом садится лицом к Тихому океану и выпускает себе кишки. Но есть основания думать, что то же самое происходит по всей стране. Наследный Принц именем Небесного Императора издал приказ, что почтенные самоубийства отныне запрещаются.

— И как это подействовало?

— Пока еще рано говорить — приказ огласили только сегодня. Но можно себе представить, что это для них означает, командир. Для этого нужно пожить среди них, как я. Для паназията потеря лица — это все. Они так заботятся о внешних приличиях, что американцу этого никогда не понять. А сказать человеку, который потерял лицо, что ему запрещено свести баланс и предстать перед предками очистившимся, — это хуже, чем убить его. Можете быть уверены, что Наследный Принц тоже напуган, иначе он никогда не решился бы на такую меру. Наверное, за последнее время он потерял невероятное количество своих офицеров, раз такое вообще пришло ему в голову.

— Это радует. Я надеюсь, что за эту ночь мы сможем подорвать их боевой дух еще сильнее. Значит, вы считаете, что они готовы отступить?

— Ничего такого я не говорил, майор. И не хотел бы, чтобы вы так подумали. Эти проклятые желтые обезьяны, — продолжал он вполне серьезно, забыв, что сам с виду в точности похож на азиата, — в таком состоянии еще раз в четыре опаснее, чем когда они ходят задрав нос. Они способны из-за любой мелочи потерять голову и начать убивать направо и налево — женщин, детей, всех без разбора!

— Хм-м. Вы что-нибудь можете предложить?

— Могу, командир. Нанесите по ним удар всеми силами и как можно скорее, пока они не принялись истреблять всех вокруг. Они уже дрогнули — добейте их! До того, как они вспомнят, что есть мирное население. Иначе начнется такое кровопролитие, что по сравнению с ним вторжение будет выглядеть, как пикник на лужайке! Это, кстати, одна из причин, почему я явился в храм. Не хочу, чтобы мне приказали убивать своих.

Сообщение Даунера заставило Ардмора задуматься. Он понимал, что Даунер, вероятно, правильно судит о том, как работает голова у азиатов. Та опасность, о которой говорил Даунер, — опасность карательных мер против гражданского населения, — существовала с самого начала. Поэтому им и пришлось основать культ Бога Мотаа: нельзя было идти на прямые боевые действия, потому что это грозило систематическим истреблением мирных жителей. Если верить Даунеру, паника, посеянная в рядах завоевателей, теперь угрожала толкнуть их именно на такие жестокие действия.

Может быть, отменить вариант 4 и ударить сегодня же?

Нет, это просто нереально. Священникам нужно дать хотя бы несколько часов на то, чтобы организовать из прихожан партизанские отряды. Значит, остается действовать по плану, стараясь как можно больше ослабить завоевателей. Как только дело пойдет, паназиатам будет не до мирного населения.

Маленькая воздушная машина-разведчик снизилась и мягко, бесшумно приземлилась на крыше храма в городе, который сделал своей столицей Наследный Принц. Когда Ардмор подошел к ней, широкий люк открылся, из машины вылез Уилки и отдал честь.

— Привет, командир!

— Здравствуйте, Боб. Как раз вовремя, я вижу, — ровно полночь. Как вы думаете, вас не заметили?

— Вряд ли. Во всяком случае, радаром не засекали ни разу. Мы летели высоко и быстро — замечательная штука эта управляемая гравитация.

Они поднялись в машину. Шир кивнул командиру и сказал через плечо: «Добрый вечер, сэр», не снимая рук со штурвала. Как только они пристегнулись, машина взмыла вертикально вверх.

— Какие будут приказания, сэр?

— На крышу дворца — и будьте осторожны.

Не зажигая огней, с огромной скоростью, не пользуясь никакими двигателями, которые мог бы засесть противник, маленькая машина понеслась к цели. Когда они приземлились снова, Уилки хотел открыть люк, но Ардмор остановил его:

— Сначала осмотритесь как следует.

Воздушный крейсер паназиатов, патрулировавший над резиденцией вице-императора, изменил курс и включил прожектор. Его луч, направляемый радаром, упал на маленькую машину.

— Вы достанете до него на таком расстоянии? — почему-то шепотом спросил Ардмор.

— Проще простого, командир.

Уилки поймал цель в скрещение линий и нажал на спуск. Казалось, ничего не произошло, но луч прожектора передвинулся куда-то в сторону.

— Вы уверены, что попали? — с сомнением спросил Ардмор.

— Безусловно. Теперь он будет лететь на автопилоте, пока не кончится горючее. Но в живых там никого не осталось.

— Хорошо. Шир, смените Уилки у излучателя. Не открывайте огонь, пока вас не обнаружат. Если мы не вернемся через тридцать минут, возвращайтесь в Цитадель. Пошли, Уилки, порезвимся немного.

Шир молча выслушал приказ, но по тому, как заходили желваки у него на скулах, было видно, что он остался им недоволен. Ардмор и Уилки, оба в полном священническом облачении, осмотрели крышу в поисках хода вниз. Излучатель в посохе Ардмора непрерывно работал в диапазоне, действовавшем на людей монгольской расы, однако уровень был установлен такой, чтобы излучение не убивало, а только оглушало. Перед тем как они приземлились, гораздо более мощный излучатель, установленный на воздушной машине, подверг облучению в том же диапазоне весь дворец, и

все находившиеся там азиаты должны были лежать без сознания, — но Ардмор не хотел рисковать.

Крышу резать не пришлось — удалось найти люк. Ардмор и Уилки осторожно спустились по крутой железной лестнице, предназначенной для рабочих-ремонтников. Оказавшись внутри здания, Ардмор не сразу сориентировался и подумал, не разыскать ли какого-нибудь азиата, чтобы привести его в чувство и силой заставить показать дорогу. Однако им повезло: они были как раз на нужном этаже и вскоре увидели вход в помещение, которое занимал Принц, — об этом можно было догадаться по численности лежавших здесь без сознания охранников. Дверь была не заперта: покой Принца всегда оберегали не замки, а вооруженные часовые, и иметь дело с ключом ему в жизни не приходилось.

Принц неподвижно лежал в своей постели, рядом валялась выпавшая у него из рук книга. По углам просторной комнаты были расprostерты тела четверых слуг. Уилки с интересом разглядывал Принца.

— Вот где он, значит, устроился. Что дальше, майор?

— Встаньте по ту сторону кровати, я буду стоять здесь. Нельзя давать ему сосредоточиться на ком-то одном. И встаньте ближе, чтобы ему пришлось смотреть на вас снизу вверх. Главное скажу я, но вы время от времени тоже вставляйте несколько слов, чтобы сбить его с толку.

— А что говорить?

— Что-нибудь благочестивое. Чтобы звучало внушительно, но ничего не означало. Сможете?

— Пожалуй. Мальчишкой я продавал газеты на улице.

— Вот-вот. Он крепкий орешек, голыми руками его не возьмешь. Я попробую сыграть на двух врожденных чувствах, которые есть у каждого человека, — на страхе удушья и боязни высоты. Я мог бы сделать все сам с помощью посоха, но будет проще, если этим займется вы.

— А что нужно делать?

Ардмор объяснил и добавил:

— Ну ладно, за дело. Встаньте на свое место.

Он нажал кнопку, и посох засветился всеми четырьмя цветами. Уилки сделал то же. Ардмор подошел к выключателю и погасил свет в комнате.

Наследный Принц Паназии, внук Небесного Императора и наместник Западного Царства Империи, очнулся и увидел, что над ним в полумраке стоят две внушительных фигуры. Та, что повыше, была в мантии, которая излучала мерцающий молочно-белый свет, и в светящемся точно так же тюрбане, а над ее головой белым пламенем сиял нимб. Яркие лучи рубинового, золотого, изумрудного и сапфирового света изливались из набалдашника, который венчал ее посох. Вторая фигура была похожа на первую, только облачение ее светилось багрово-красным светом, как раскаленное железо в горне. На лица обоих падали отблески разноцветных лучей.

Фигура в белом повелительным жестом простерла руку и произнесла:

— Вот мы и встретились снова, несчастный Принц!

Принц многое повидал в жизни, и страх был ему неведом. Он попытался сесть, но какая-то невидимая сила толкнула его в грудь и удержала на месте. Он хотел что-то сказать, но почувствовал приступ удушья.

— Молчи, недостойный! Моими устами говорит Бог Мотаа. Молчи и внимай!

Уилки понял, что пора отвлечь внимание азиата.

— Безмерна мощь Бога Мотаа! — произнес он.

— Твои руки обагрены кровью невинных, — продолжал Ардмор. — Пора положить этому конец.

— Безмерна справедливость Бога Мотаа!

— Ты угнетал его детей. Ты покинул страну своих предков и вторгся в чужую землю, неся с собой огонь и меч. Ты должен вернуться обратно!

— Безмерно терпение Бога Мотаа!

— Но ты злоупотребил его терпением. Ты разгневал его. Я предостерегаю тебя: берегись!

— Безмерно милосердие Бога Мотаа!

— Вернись туда, откуда ты пришел. Вернись немедленно и уведи с собой всех, кто пришел с тобой! —

Ардмор протянул руку вперед и медленно сжал ее в кулак. — А если пренебрежешь этим предостережением, дух покинет твое тело.

Что-то сдавило грудь Принца с такой силой, что он не мог вдохнуть и только хрипел, выпучив глаза.

— Если ты не слушаешь Бога Мотаа, тебя ждет падение с высоты твоего трона.

Тело Принца как будто лишилось веса и поднялось в воздух до самого потолка, а потом так же внезапно обрушилось на постель.

— Так говорит Бог Мотаа!

— И да слышит его слова всякий, кто способен слышать! — подхватил Уилки, воображение которого уже грозило иссякнуть.

Ардмор понял, что пора кончать. Его взгляд упал на шахматный столик Принца, которого он до сих пор не заметил. Столик стоял у самого изголовья кровати — очевидно, для того, чтобы Принц мог развлекаться игрой, когда ему не спится. Судя по всему, Принц придавал шахматам немалое значение, и Ардмору пришла в голову еще одна мысль.

— Бог Мотаа сказал все. А теперь послушай, что скажет тебе старый человек. Люди — не шахматные фигурки!

Словно какая-то невидимая рука смела резные фигуры с доски. Глаза у Принца вспыхнули гневом — его дух не могли укротить никакие угрозы.

— А теперь Властитель Шаам велит тебе спать.

Зеленый луч на мгновение стал ослепительно ярким, и тело Принца обмякло.

— Ффу! — выдохнул Ардмор. — Я рад, что это кончилось. Спасибо за помощь, Уилки, — актер из меня никудышный.

Он задрал край мантии и вытащил из кармана брюк пачку сигарет.

— Закурите-ка, — предложил он. — Теперь нас ждет грязная работа.

— Спасибо, — сказал Уилки, беря сигарету. — Послушайте, командир, мы действительно должны перебить всех, кто тут есть? Не по душе мне это.

— Не поддавайтесь малодушию, — строго возразил Ардмор. — Идет война, это вам не шутка. Гуманных

войн не бывает. Мы во вражеской крепости, которую нужно обезвредить, иначе ничего не выйдет. С воздуха это сделать нельзя, ведь по нашему плану Принц должен остаться в живых.

— А что если просто оставить их лежать без сознания?

— Слишком много вы рассуждаете. Для дезорганизации противника нужно, чтобы Принц был жив и продолжал командовать, но лишился всех своих помощников. Это создаст еще большую путаницу, чем если мы просто убьем его, и командование перейдет к следующему по рангу. Вы это прекрасно знаете. За работу!

Включив на полную мощность смертоносное излучение своих посохов, они направили его по очереди на все стены, потолок и пол комнаты. Камень, металл, кирпич, дерево — ничто не могло защитить азиатов от губительных лучей, распространявшихся на десятки метров. Уилки, стиснув зубы, старательно делал свое дело.

Пять минут спустя они уже рассекали стратосферу, направляясь домой, в Цитадель.

В ту же ночь из Цитадели вылетели еще одиннадцать воздушных машин. В Цинциннати, Чикаго, Далласе, в других крупных городах, от побережья до побережья, они выныривали из тьмы, подавляли сопротивление там, где его встречали, и высаживали по горсточке молчаливых и решительных людей. Эти люди врываются в дома, минуя лежавших без сознания часовых, и вытаскивали из постелей высших чиновников Империи — губернаторов провинций, командующих войсками, всех, кто олицетворял власть завоевателей. Бесчувственное тело каждого из них доставляли на крышу местного храма Мотаа, где его принимал и уносил внутрь бородастый священник в мантии. А машина уже неслась в следующий город, где все повторялось сначала. Это продолжалось до самого утра.

Глава 11

Как только Ардмор вернулся в Цитадель, в него вцепился Кэлхун.

— Майор Ардмор, — заявил он, откашлявшись, — я ждал вас, чтобы поговорить об очень важном деле.

«Умеет же он выбрать время для разговоров», — подумал Ардмор.

— Да?

— Я полагаю, вы рассчитываете, что приближаются решающие события?

— Да, дело идет к концу.

— Насколько я могу понять, все должно решиться в самое ближайшее время. Я, правда, почти ничего не смог узнать от вашего Томаса: он отказывается держать меня в курсе дела. Мне не совсем ясно, на каком основании он считает себя уполномоченным говорить от вашего имени, когда вы отсутствуете. Но речь сейчас не об этом, — продолжал Кэлхун, с великодушным видом взмахнув рукой. — Я хотел сказать вот что. Позаботились ли вы о том, как организовать управление страной после того, как мы выгоним азиатских завоевателей?

«Куда он клонит?» — подумал Ардмор.

— Да нет, зачем? Конечно, должен быть какой-то переходный период, когда страной будут управлять военные, пока мы не разыщем всех членов правительства, кто остался в живых, и не организуем всеобщие выборы. Думаю, это будет несложно: ведь мы будем действовать через местных священников.

Кэлхун высоко поднял брови.

— И вы, мой милый, в самом деле хотите сказать, что всерьез намерены вернуться к этим давно устаревшим формам — выборам и всему прочему?

Ардмор ответил ему непонимающим взглядом.

— А что вы предлагаете?

— Но это же очевидно. Нам представляется уникальная возможность разом покончить со всеми прежними глупостями и ввести подлинно научный образ правления — власть человека, который будет избран за его ум и научную подготовку, а не за умение заигрывать с безграмотной толпой.

— Вы говорите о диктатуре? А где же мне найти такого человека? — спросил Ардмор с напускной мягкостью, не предвещавшей ничего хорошего.

Кэлхун не ответил, но весь его самодовольный вид говорил о том, что, по его мнению, долго искать нужного человека не придется.

Ардмор притворился, что не заметил проявленной Кэлхуном готовности служить нации.

— Но дело не в этом, — заявил он, больше не скрывая возмущения. — Полковник Кэлхун, мне очень жаль, что приходится напоминать вам о вашем долге, но имейте в виду — мы с вами люди военные. А военные не должны совать нос в политику. Свой офицерский чин мы получили на основании Конституции, и наш единственный долг — служить этой Конституции. Если народ Соединенных Штатов пожелает изменить форму правления, он нам об этом сообщит! А пока — у меня есть свои обязанности, у вас свои, вот и выполняйте их.

Кэлхун, казалось, собирался разразиться речью, но Ардмор оборвал его:

— Это все. Выполняйте приказ, сэр!

Кэлхун круто повернулся и пошел прочь.

Ардмор вызвал своего начальника разведки.

— Томас, — сказал он, — я поручаю вам самым тщательным образом, но осторожно следить за всеми действиями полковника Кэлхуна.

— Будет сделано, сэр.

— Все воздушные машины вернулись, сэр.

— Хорошо. Сколько всего доставлено?

— Минутку, сэр. На каждую машину пришлось примерно по шесть вылетов, значит, если считать и этот последний... м-м-м... девять и два — одиннадцать... всего семьдесят один пленный за шестьдесят восемь вылетов.

— Потери есть?

— Только у азиатов, всего...

— Черт возьми, это меня не интересует! У нас!

— У нас потерь нет, майор. Один из наших сломал руку — свалился с лестницы в темноте.

— Ну, это не так страшно. Скоро начнут поступать сообщения с мест о демонстрациях — во всяком случае, с восточного побережья. Сразу дайте мне знать.

— Будет сделано.

— И пришлите ко мне, пожалуйста, ординарца, я скажу ему, чтобы принес таблеток кофеина. Сами тоже примите — день будет нелегкий.

— Хорошая мысль, майор.

И адъютант вышел.

В шестидесяти восьми городах по всей стране полным ходом шла подготовка к демонстрациям, которые составляли второй этап плана дезорганизации по варианту 4.

Священник храма в Оклахома-Сити поручил важную часть работы двум своим местным помощникам — водителю такси Патрику Минковски и оптовому торговцу Джеку В. Смиту. Они были заняты тем, что прилаживали железные кандалы на ноги Голоса Кулака — наместника Паназиятской Империи в Оклахома-Сити. Обнаженное безжизненное тело паназията было рас-

простерто на длинном рабочем столе в мастерской, расположенной под храмом.

— Готово, — объявил Минковски. — Без нагрева лучше не заклепать. Но ему и так будет нелегко от этой штуки избавиться. Где там трафарет?

— Вон он, создай тебя. Капитан Айзекс говорил, что надо потом заварить шов его посохом, только мне кажется, что не стоит возиться. А как-то странно называть священника капитаном Айзексом, правда? Значит, мы теперь уже официально в армии?

— Толком не знаю. Меня одно интересует — как бы покрепче насолить этим плоскомордым обезьянам. Но думаю, что да: раз Айзекс офицер, значит, он имеет право вербовать новобранцев. Послушай, где у него должен быть рисунок — на спине или на животе?

— Давай сделаем с обеих сторон. Странная все-таки это история с армией. Ходишь себе в церковь, а потом раз — и это, оказывается, воинская часть, и тебе велят принести присягу.

— Лично меня это вполне устраивает, — заметил Минковски. — «Сержант Минковски» — звучит совсем неплохо. Меня не взяли в армию раньше из-за больного сердца. А что до церкви, то все эти сказки про Великого Бога Мотаа не для меня, я сюда ходил только ради того, чтобы бесплатно поесть и свободно вздохнуть.

Он снял трафарет со спины азиата, а Смит принялся закрашивать быстросохнущей несмываемой черной краской обведенный тонкой линией контур иероглифа.

— Интересно, что это по-ихнему означает?

— А разве ты не слышал? — спросил Смит и перевел ему.

На лице Минковски появилась восхищенная улыбка.

— Вот это да, — протянул он. — Если бы кто-нибудь попробовал сказать такое мне, ему бы не поздоровилось. А ты меня не разыгрываешь?

— Да нет. Я был в центре связи, когда этот рисунок передавали из Главного храма... то есть из штаба. И вот еще какая любопытная штука. Я видел на экране того типа, который передавал рисунок, так он тоже азиат, точь-в-точь как вот этот, — Смит ткнул пальцем в сторону бесчувственного тела. — Но его называли «капи-

тан Даунер» и обращались с ним так, как будто он из наших. Что бы это могло значить?

— Не знаю. Наверное, он за нас, иначе не был бы в штабе и на свободе. У меня краска осталась, что с ней делать?

Применение оставшейся краске нашлось — капитан Айзекс заметил это сразу, как только вошел, чтобы посмотреть, как идут дела. Он с трудом сдержал улыбку.

— Я вижу, вы тут добавили кое-что от себя, — заметил он, стараясь, чтобы его голос звучал как можно официальнее.

— Жаль было, что краска пропадает, — объяснил находчивый Минковски. — Уж очень он был весь голый.

— Ну, это дело вкуса. Я бы сказал, что так он выглядит еще голее. Ну ладно, оставим это. Поторопитесь, ему нужно еще обрить голову.

Пять минут спустя Минковски и Смит стояли в ожидании у дверей храма. На полу у их ног лежал Голос Кулака, завернутый в одеяло. К храму на полной скорости подъехал полугрузовой дуоцикл и резко затормозил у самого входа. Раздался гудок, и из окна машины высунулась голова капитана Айзекса, который сидел на месте водителя. Минковски, бросив сигарету, взял лежавшего на полу азиата за плечи, а Смит за ноги, они с трудом подняли его и подтащили к машине.

— Кладите на заднее сиденье, — приказал капитан Айзекс.

Минковски сел за руль, а Айзекс и Смит втиснулись на сиденье рядом с тем, кого им предстояло вскоре продемонстрировать публике.

— Нужно найти где-нибудь скопище азиатов побольше, — сказал капитан. — Если там будут и американцы, тем лучше. Поезжай быстрее и не обращай ни на кого внимания. Если кто-нибудь попытается нас остановить, я уложу его своим посохом.

И он пересел так, чтобы смотреть вперед через плечо Минковски.

— Хорошо, капитан. А неплохая тачка, — добавил Минковски, когда дуоцикл рванулся вперед. — Как это вы ее так быстро раздобыли?

— Пришлось уложить парочку азиатов, — коротко ответил Айзекс. — Смотри, перекресток!

— Вижу!

Машину резко развернуло, и она едва проскочила перед самым носом у потока автомобилей, двигавшихся в поперечном направлении. Полицейский-паназият замахал на них руками, но они были уже далеко.

— Как по-вашему, капитан, вон то место годится? — спросил через несколько секунд Минковски, указав подбородком вперед, на обширную площадь перед общественным центром.

— Годится.

Капитан склонился над неподвижной фигурой на полу и поднес к ней свой посох. Азиат зашевелился. Смит навалился на него и покрепче замотал одеялом голову и плечи жертвы.

— Выбирай место, какое хочешь, и остановись. У нас все готово.

Машина остановилась так внезапно, что всех бросило вперед. Смит распахнул заднюю дверцу, и они с Айзексом, взявшись за углы одеяла, выбросили уже пришедшего в сознание азиата на улицу.

— Сматываемся, Пат!

Машина прыгнула вперед, предоставив остолбеневшим от изумления и ужаса азиатам самим искать выход из позорной ситуации. Двадцать минут спустя краткое, но четкое донесение о происшедшем уже было вручено Ардмору, сидевшему в своем кабинете в Цитадели. Он просмотрел его и передал Томасу.

— Смотрите, Джефф, вот это фантазия у ребят!

Томас прочел донесение и кивнул.

— Надеюсь, что и все остальные справятся не хуже. Пожалуй, надо было дать им более подробные указания.

— Не думаю. Подробные указания убивают всякую инициативу. А так они из всех сил стараются изобрести способ покрепче досадить нашим косоглазым повелителям. Надеюсь, что результаты будут очень любопытные.

К девяти часам утра по местному времени Цитадели каждый из семидесяти с лишним высших паназиятских

чиновников был возвращен своим соотечественникам живым, но навечно и безнадежно опозоренным. Насколько можно было судить по имевшимся сведениям, ни в одном случае паназияты не имели ни малейшего повода связать происшедшее с культом Мотаа. Это была для них просто катастрофа — тяжелейшая психологическая катастрофа, которая обрушилась на них посреди ночи без предупреждения и не оставила никаких следов.

— Вы еще не назначили время перехода к третьему этапу, — напомнил Ардмору Томас, когда донесения поступили из всех городов.

— Знаю. Думаю, часа через два, не больше. Нужно дать им время осознать, что произошло. Деморализация будет во много раз сильнее, когда они смогут собрать сведения со всей страны и поймут, что публично опозорены все их высшие чиновники. Если учесть, что мы почти полностью вывели из строя их главное командование, у них должна начаться массовая истерика, к чему мы и стремимся. Но нужно дождаться, чтобы она охватила всю страну. Даунер на месте?

— Он в центре связи на перехвате.

— Передайте, чтобы меня соединили с ним, я хочу знать, что ему удастся услышать.

Томас снял трубку внутреннего телефона и сказал в нее несколько слов. Почти сразу же на экране над столом Ардмора появилось азиатское лицо — это был Даунер.

— Что-нибудь слышно? — спросил Ардмор.

Даунер отодвинул наушник от одного уха и вопросительно посмотрел на Ардмора.

— Я говорю, слышно что-нибудь? — повторил тот.

— Кое-что слышно. Они в панике. Я записал, что смог перевести. — Он ткнул пальцем в микрофон, подвешенный на шее. На его лице появилось сосредоточенное выражение, и он добавил: — Сан-Франциско пытается соединиться с дворцом.

— Ну, не буду мешать, — сказал Ардмор и отключился.

— Там прошел слух, что Кулак Императора погиб. Сан-Франциско запрашивает разрешения на... Минуту, связисты предлагают попробовать другой диапазон. А,

вот — они пользуются позывными Наследного Принца, но работают на волне губернатора провинции. Не могу понять, что они говорят — это или шифр, или какой-то диалект, которого я не знаю. Дежурный, попробуйте еще какой-нибудь диапазон, мы попусту теряем время. Вот, это уже лучше. — Даунер вслушался, потом радостно сказал: — Слушайте, командир, — кто-то говорит, что губернатор южной провинции лишился рассудка, и просит разрешения его сместить. А вот еще кто-то — он хочет знать, почему не отвечает дворец и как с ним связаться, ему нужно доложить о мятеже...

— Откуда он говорит? — снова подключился Ардмор.

— Не разобрал. Все частоты заняты, и почти везде передают что-то нечленораздельное. Не дают друг другу говорить, влезают в чужие передачи...

Кто-то тихо постучал в дверь кабинета Ардмора. Дверь приоткрылась, и появилась голова доктора Брукса.

— Можно войти?

— А, конечно, доктор. Входите. Мы слушаем, что капитану Даунеру удастся перехватить по радио.

— Жаль, он у нас один такой, кто может переводить.

— Да, только от его перехвата не так уж много пользы — разве что общее впечатление.

Почти целый час они слушали все, что удавалось перехватить Даунеру. Это были большей частью разрозненные обрывки, но из них становилось все яснее, что разгром дворца в сочетании с эмоциональным потрясением от надругательства над самыми важными чиновниками администрации не оставили камня на камне от обычной хорошо налаженной работы паназиатского правительства. В конце концов Даунер сказал:

— Вот какой-то приказ. Минутку... Запрещается вести любые передачи открытым текстом — все должно передаваться шифром.

Ардмор взглянул на Томаса.

— Джефф, я думаю, пора. Кто-то еще не совсем потерял здравый смысл и самообладание и пытается привести остальных в чувство. Не исключено, что это наш старый приятель, Наследный Принц. Надо его остановить.

Он позвонил в центр связи.

— Пора, Стивс, — сказал он дежурному офицеру. — Включайте на полную мощность.

— Глушить?

— Да. Предупреди все храмы по первому каналу, и пусть начинают одновременно.

— Они уже готовы, сэр. Выполнять?

— Хорошо. Выполняйте!

Уилки уже давно сконструировал нехитрое приспособление, с помощью которого всю огромную энергию храмовых излучателей можно было при желании преобразовать в сплошной спектр электромагнитных волн — другими словами, в радиопомехи. И теперь в эфире не было слышно ничего, кроме воя и треска, как будто одновременно разразились вспышка на Солнце, магнитная буря и полярное сияние.

На экране было видно, как Даунер сорвал с себя наушники.

— Чтоб вас... Какого черта меня не предупредили?

Он снова осторожно поднес к уху наушник и покачал головой.

— Ничего не слышно. Похоже, мы пережгли все приемники, какие есть в стране.

— Вполне возможно, — заметил Ардмор, — но все равно будем продолжать глушение.

К этому времени на всей территории Соединенных Штатов уже не осталось никакой единой системы связи, кроме пара-радио в храмах Мотаа. Азиатские правители не могли воспользоваться даже телефоном: все подземные кабели уже давно были выкопаны за ненадобностью и сданы в металлолом.

— Сколько еще будем ждать, командир? — спросил Томас.

— Недолго. Мы дали им на разговоры ровно столько времени, чтобы до них дошло, какая заваруха началась по всей стране. Теперь мы лишили их связи. Сейчас должна начаться паника. Подождем, пока она распространится, чтобы охватила всех до единого. Вот когда совсем созреют, тогда и начнем.

— А как вы сможете узнать, что они уже созрели?

— Никак. Придется положиться на собственное чутье. Пока пусть повертятся — скажем, около часа. А потом примемся за дело.

— Хорошо бы вся эта история раз и навсегда кончилась, — заметил Брукс, который заметно нервничал. — Нелегко она нам далась...

Он умолк, не закончив фразы. Ардмор повернулся к нему:

— Только не думайте, что она может кончиться раз и навсегда.

— Но ведь... Как только мы окончательно добьем паназиатов...

— Вот здесь вы и не правы. — Ардмор тоже нервничал, это было видно по его необычно резкому тону. — Потому мы и оказались в таком скверном положении, что рассчитывали решить проблему раз и навсегда. Чтобы отразить угрозу со стороны паназиатов, мы приняли Закон о необщении и укрепили западное побережье, — а они напали на нас с севера, через полюс. У нас могло бы хватить ума это предвидеть, ведь такие примеры истории известны. В свое время Французская Республика попробовала раз и навсегда остановить ход событий Версальским договором. Когда это не получилось, они построили линию Мажино и на этом успокоились. И чего они добились? Полного разгрома! Жизнь — процесс динамический, остановить ее нельзя. Только в сказке все может кончиться тем, что «они жили долго и умерли в один день», а на самом деле...

В этот момент на пульте замигала красная лампочка и прозвучал тревожный звонок. На экране появился дежурный офицер из центра связи.

— Майор Ардмор!

Почти сразу же на экране возникло взволнованное лицо Фрэнка Митсуи.

— Майор! — выпалил он. — Полковник Кэлхун спятил!

— Спокойнее, Фрэнк, спокойнее! Что случилось?

— Он от меня сбежал и сейчас в храме. Ему взбрело в голову, что он и есть Бог Мотаа.

Глава 12

Ардмор отключил Фрэнка и переключился на дежурного офицера.

— Соедините меня с главным алтарем, и поживее!

На экране появился центр связи Главного храма, но за пультом Ардмор увидел не дежурного, а Кэлхуна. Дежурный полулежал в своем кресле, беспомощно свесив голову набок. Ардмор тут же отключил связь и бросился к двери. За ним по пятам кинулись Томас и Брукс, оставив далеко позади адъютанта. Все трое вбежали в лифт, на предельной скорости поднялись на верхний этаж и выскочили в большой зал храма. Впереди, метрах в тридцати, возвышался алтарь.

— Я приказал Фрэнку за ним следить... — начал было Томас на бегу, но тут над верхним краем алтаря показалась голова Кэлхуна.

— Стоять на месте!

Они остановились.

— Осторожнее, майор! — шепнул Брукс. — Большой излучатель наведен на нас!

— Знаю, — бросил ему Ардмор вполголоса и откашлялся. — Полковник Кэлхун!

— Я Великий Бог Мотаа. Вы должны говорить со мной почтительно!

— Да, разумеется, Великий Мотаа. Но скажи своему слуге, разве полковник Кэлхун — не одна из твоих ипостасей?

Кэлхун подумал.

— Пожалуй, — согласился он наконец. — Иногда мне кажется, что да. Да.

— Тогда я хочу обратиться к полковнику Кэлхуну.

Ардмор осторожно сделал несколько шагов вперед.

— Стоять на месте! — Кэлхун принял к излучателю. — Берегитесь, мои лучи настроены на белых людей!

— Осторожнее, командир, — шепнул Томас. — Он может этой штукой все вокруг разнести!

— Уж это-то я знаю! — почти беззвучно ответил Ардмор и собрался продолжать свои рискованные переговоры, но в этот момент что-то отвлекло внимание Кэлхуна.

Они увидели, как Кэлхун оглянулся, поспешно развернул тяжелый излучатель и обеими руками нажал на кнопки управления. Потом он еще раз взглянул куда-то поверх излучателя, быстро повернул несколько рукояток и снова нажал на кнопки. Почти в тот же момент что-то тяжелое обрушилось на него, и он исчез из вида.

Обежав алтарь, они увидели Кэлхуна, который беспомощно барахтался на полу под тяжестью тела какого-то коренастого смуглого человека. Это был Фрэнк Митсуи. Его безжизненные глаза напоминали стеклашки, мышцы были сведены судорогой.

Понадобились усилия четырех человек, чтобы скрутить Кэлхуна, напялить на него импровизированную смирительную рубашку и отнести в лазарет.

— Насколько я понимаю, — сказал Томас, проводя их взглядом, — он настроил излучатель так, чтобы тот убивал только белых людей. Поэтому после первого раза Фрэнк остался невредим, и пришлось менять регулировку излучателя. Это нас и спасло.

— Но не спасло Фрэнка.

— Да, ничего не поделаешь. Второй удар встретил его уже в прыжке. Вы пробовали потрогать его руки? Мгновенная коагуляция — они как крутое яйцо.

Размышлять о трагическом конце маленького Митсуи было некогда. Ардмор и все остальные поспешили вернуться в кабинет, где застали начальника штаба Кендига,

который хладнокровно принимал донесения. Ардмор потребовал, чтобы тот вкратце доложил ситуацию.

— Новость только одна, майор, — они сбросили атомную бомбу на храм в Нэшвилле. Немного промакнулись и разнесли целый квартал к югу от храма. Вы еще не назначили время, когда начинать? Уже было несколько запросов.

— Пока еще рано, но осталось совсем немного. Если у вас больше ничего для меня нет, я сейчас же дам последние указания по первому каналу.

— У меня ничего нет, сэр, можете начинать.

Когда первый канал был готов, Ардмор вдруг почувствовал, что его охватило волнение. Он откашлялся.

— Мы приступаем к действиям через двадцать минут, — начал он. — Я хочу повторить самые главные пункты плана.

За каждой из двенадцати воздушных машин-разведчиков был закреплен какой-нибудь крупный город — или, что почти то же самое, крупное скопление паназитатских войск. Воздушная атака на них должна была стать сигналом для наземного наступления. Ардмор еще не кончил говорить, а воздушные машины, за исключением одной, уже неслись в стратосфере к своим целям. Установленные на них мощные излучатели должны были нанести как можно больший ущерб военным объектам, особенно казармам и аэродромам. Священникам, почти неуязвимым для противника, предстояло одновременно атаковать его с земли при поддержке излучателей, которые стояли в каждом храме. А преследование и уничтожение живой силы было поручено «пехоте», состоявшей из прихожан.

— Передайте им приказ — огонь открывать первыми, не раздумывая, с любой дистанции. Лучемет выдерживает без перезарядки тысячу выстрелов и не может причинить вреда белому человеку. Пусть стреляют по всему, что только шевельнется! И вот еще что, — добавил он, — пусть не пугаются, когда увидят что-нибудь непонятное. Если запахло чудом, — значит, это постарались наши ребята: ведь чудеса — наша специальность! Вот и все. Удачной охоты!

Заключительное предостережение Ардмора касалось действий особой группы, состоявшей из Уилки, Грэхема,

Шира и Даунера. Уилки изобрел кое-какие специальные эффекты, в чем ему немало помогла художественная фантазия Грэхема, и сейчас четверке предстояло привести их в исполнение. Ее действия не предусматривались общим планом: Уилки и сам не знал, что из этого получится, — но Ардмор выделил им воздушную машину и предоставил полную самостоятельность.

Пока Ардмор говорил, ординарец надел на него полное облачение. Он поправил тюрбан, проверил связь со штабом по пара-радио и повернулся к Кендигу и Томасу, чтобы попрощаться. Он заметил, что Томас как-то странно глядит на него, и почувствовал, что краснеет.

— Тоже хотите в бой, Джефф?

Томас ничего не ответил.

— Я, конечно, чувствую себя свиньей. Но из нас двоих только один может ввязаться в драку, и это буду я.

— Вы не так меня поняли, командир. Не настолько уж я рвусь убивать.

— Да? Пожалуй, я тоже. И все-таки пойду драться. Фрэнк Митсуи так и не успел свести с ними счеты, я хочу сделать это за него.

Они обменялись крепким рукопожатием.

В столицу паназиатов Ардмор прилетел уже после того, как Томас дал сигнал к началу атаки, и в городе шел бой. Пилот посадил машину на крыше храма и, высадив его, сразу же отправился выполнять свое собственное задание.

Ардмор огляделся вокруг. В непосредственной близости от храма все было тихо — об этом позаботился оператор, сидевший в алтаре за большим излучателем. Когда они только еще снижались, Ардмор видел, как врезался в землю паназиатский воздушный крейсер, но не заметил, кто его сбил. Он спустился в храм.

В опустевшем зале стоял около дуоцикла какой-то человек. Он подошел и отпрапортовал:

— Сержант Брайен, сэр. Священник... то есть лейтенант Роджерс велел мне вас дожидаться.

— Очень хорошо. Пошли.

Он сел в машину. Брайен сунул пальцы в рот и пронзительно свистнул.

— Джо! — крикнул он. Из-за края алтаря появилась чья-то голова. — Я поехал, Джо.

Голова скрылась, и высокие двери храма распахнулись. Брайен сел рядом с Ардмором и спросил:

— Куда?

— Надо поискать, где самый жаркий бой. Нет, лучше туда, где побольше паназиатов.

— Это одно и то же.

Машина запрыгала по широким ступенькам храма, свернула направо и набрала скорость.

Улица упиралась в небольшой сквер, засаженный декоративным кустарником. За кустами укрывались четыре или пять фигур, одна лежала на земле. Машина замедлила ход. Ардмор услышал несколько звонких щелчков — стреляли из вихревого ружья или пистолета. Одна из фигурок, прятавшихся за кустами, дернулась и упала.

— Они вон в том доме! — крикнул Брайен ему прямо в ухо.

Ардмор отрегулировал свой посох так, чтобы он излучал узкий направленный луч, и повел лучом по фасаду дома. Щелчки прекратились. Из двери, до которой еще не успел дойти луч, выскочил азиат и побежал по улице. Ардмор изменил регулировку посоха и направил на него тонкий, яркий луч света. Как только луч достиг цели, раздался глухой низкий удар, и человек исчез — на месте, где он только что был, осталось лишь клубящееся облачко, которое скоро растворилось в воздухе.

— Господи помилуй, что это было? — спросил Брайен.

— Коллоидный взрыв. Я снял поверхностное натяжение с клеток его тела. Мы приберегали это до сегодняшнего дня.

— Но почему он взорвался?

— От внутреннего давления. Там не одна сотня килограммов. Поехали дальше.

Следующие несколько кварталов были безлюдны, только кое-где валялись трупы. Ардмор не выключал посоха и обводил лучом все здания, мимо которых они

проезжали. Воспользовавшись передышкой, он связался со штабом.

— Есть какие-нибудь сообщения, Джефф?

— Пока почти ничего, командир. Еще рано.

Они выскочили на открытое место, и только тут Ардмор сообразил, куда привез его Брайен. Это были расположенные на окраине города общежития университета — теперь здесь помещались казармы армии Империи, а находившиеся рядом стадион и поле для гольфа были превращены в аэродром.

Только здесь он впервые ясно понял, какую жалкую горсточку американцев повел в бой против неприятельской армии. Вдалеке справа растянулась жиденькая стрелковая цепь. Видно было, что азиаты несут тяжелые потери, но их были тысячи, одного их численного превосходства было достаточно, чтобы подавить американцев. Черт возьми, почему этот гарнизон не истребили с воздуха? Может быть, что-то случилось с воздушной машиной?

Он подумал, что экипаж, скорее всего, был слишком занят отражением воздушных атак и не успел заняться казармами. Нужно было, наверное, брать город за городом по одному, собрав в кулак все воздушные машины, в надежде на то, что глушение радиосвязи не позволит противнику объединить свои силы. Но менять план действий уже поздно — жребий брошен, сражение завязалось по всей стране. Остается биться до конца.

Он поспешно настраивал свой посох, чтобы попытаться изменить ход боя. Сначала он отрегулировал его на первичное ледбеттеровское излучение и, включив на полную мощность, перебил множество азиатов. Потом он решил изменить тактику и перешел на коллоидные взрывы — это не так быстро и удобно, зато сильнее действует на боевой дух противника. Световой луч он отключил, чтобы все это выглядело как можно таинственнее, и наводил посох через прицел, установленный на набалдашнике. Раз! И азиат превратился в клуб дыма. Прицел установлен верно — два! Три! Четыре! И вскоре счет жертв шел уже на десятки.

Этого азиаты не выдержали. Храбрые и опытные солдаты, они не могли устоять против того, чего не понимали. Спутав ряды, они бросились бежать к казармам. Со

стороны американцев до Ардмора донеслись радостные возгласы. Цепь поднялась из укрытий и двинулась вперед, преследуя отступавшего в панике неприятеля.

Ардмор снова вызвал штаб.

— Дайте мне первый канал!

Через несколько секунд он услышал:

— Вы на первом канале.

— Командиры, внимание! Как можно больше пользуйтесь коллоидным взрывом! Они его боятся как огня!

Повторив приказ, он отключился и приказал Брайену ехать ближе к домам. Машина въехала на тротуар и двигалась вперед, объезжая деревья. Вдруг раздался сильнейший взрыв, машина приподнялась в воздух и тяжело рухнула на бок.

Немного придя в себя, Ардмор попытался встать. Дверцу над ним заклинило, и пришлось прожигать в ней дыру с помощью посоха. Он выбрался наружу и оглянулся на Брайена.

— Вы ранены?

— Ничего страшного, — Брайен пошевелил руками и ногами. — Кажется, ключица треснула, и все.

— Держитесь за мою руку. Вылезете сами? Я не могу отпустить посох.

После нескольких неудачных попыток ему все же удалось вытащить Брайена из машины.

— Мне придется вас оставить. Лучемер при вас?

— Да, сэр.

— Хорошо. Желаю удачи.

Он бросил взгляд на оставшуюся позади воронку и подумал: «Хорошо, что был включен защитный экран».

Несколько десятков американцев осторожно продвигались между зданиями, ведя непрерывный огонь. Два выстрела достались на долю Ардмора — ведь им было приказано стрелять первыми. «Молодцы! — подумал он. — Выполняют приказ — палят по всему, что только шевельнется».

Над окраиной студенческого городка показалась низко летящая воздушная машина паназиатов. За ней тянулся шлейф тяжелого желтого тумана. Газ! Они решили отравить собственных солдат, чтобы уничтожить гор-

сточку американцев! Полоса тумана медленно оседала на землю, приближаясь к Ардмору. Внезапно он понял, что для него это так же опасно, как и для всех остальных: экран не может защитить от газа, ведь сквозь него должен проходить воздух. «Похоже, пришел мой черед», — подумал Ардмор.

Тем не менее он попытался навести свой посох на воздушную машину, но не успел: она покачнулась и рухнула на землю. «Значит, наши все-таки в воздухе — прекрасно!» Полоса газа все приближалась. Нельзя ли ее обойти? Нет. Может быть, попробовать задержать дыхание и пробежать сквозь нее? Вряд ли. И тут ответ, который он никак не мог найти, неожиданно всплыл из его подсознания. Трансмутация! Через несколько секунд он уже настроил свой посох и, водя им вокруг, проделал в смертоносном облаке широкую брешь. Он водил лучом, как шлангом для поливки, и частицы тумана превращались в безвредный, животворный кислород.

— Джефф!

— Да, командир?

— Много возни с газами?

— Порядочно. Только что...

— Неважно. Передайте всем по первому каналу — посохи нужно настроить так...

И он объяснил, как действовать против этого неосязаемого оружия.

Маленькая воздушная машина-разведчик с ревом снизилась над казармами, на мгновение зависла, а потом принялась взад и вперед утюжить над ними небо. Внезапно вокруг наступила тишина. Давно бы так; впрочем, у пилота, должно быть, хватало и других дел. Ардмор вдруг понял, что оказался в одиночестве, — пока он отбивал газовую атаку, бой передвинулся куда-то в сторону. Он огляделся в поисках какого-нибудь транспортного средства, которое можно было бы забрать, чтобы объехать город и выяснить, как идут дела. «Какая-то дурацкая война, — подумал он. — Никакого порядка, деремса одновременно повсюду. Но ничего не поделаешь, так уж получилось».

— Командир! — услышал он голос Томаса.

— Слушаю, Джефф.

— К вам направляется Уилки.

— Хорошо. Как у него получается?

— Прекрасно. Потерпите немного, увидите сами. Я видел только чуть-чуть на экране, из Канзас-Сити. Там уже все кончено.

— Хорошо.

Ардмор снова огляделся вокруг — надо же найти какой-то транспорт. Ему хотелось, чтобы к тому времени, когда прибудет Уилки, поблизости было хоть несколько паназиатов. Живых. На расстоянии квартала он увидел стоявший у тротуара брошенный моноцикл и завладел им.

Неподалеку от дворца он обнаружил множество паназиатов, и здесь бой складывался не в пользу американцев. Ардмор тут же привел в действие свой посох и был занят тем, что выискивал паназиатов и взрывал их по одному, когда появился Уилки. Над крышами зданий в конце квартала показалась невероятно огромная, непроницаемо черная человеческая фигура трехсотметровой высоты. Фигура легко перешагивала через самые высокие дома, а ее ступня занимала всю ширину улицы — это выглядело так, будто Эмпайр Стейт Билдинг сошел со своего места и пошел прогуляться. Фигура была одета в традиционное облачение слугителя Бога Мотаа и держала в руке посох.

А кроме того, она говорила. Голос ее звучал, как раскаты грома, и разносился на многие километры.

— Поднимайтесь, американцы! Ваше время пришло! Учитель грядет! Поднимайтесь на борьбу с поработителями!

«Как же они сами это выдерживают? — подумал Ардмор. — И где они — внутри фигуры или летят где-то над ней в воздушной машине?»

Фигура перешла на паназиатский язык. Ардмор не понимал слов, но примерно представлял себе, о чем идет речь. Даунер сообщал завоевателем, что час отмщения настал и что всякий, кто хочет спасти свою желтую кожу, должен бежать немедленно. Только излагал он это куда выразительнее, в подробностях, прекрасно зная слабые места их психологии.

Наводящая ужас фигура остановилась в парке перед дворцом, низко наклонилась и коснулась огромным

пальцем бегущего азиата. Тот исчез. Фигура снова выпрямилась и продолжала говорить на паназиятском языке, — но на площади уже не осталось ни одного противника.

Бой еще несколько часов то затихал, то возобновлялся, но был уже мало похож на правильные боевые действия, а напоминал скорее облаву на крыс. Одни азиаты сдавались в плен, другие кончали с собой, но большинство погибло от руки своих бывших рабов.

Томас делал подробный доклад Ардмору о том, как идут дела во всех городах страны, когда его прервал дежурный из центра связи:

— Вас срочно вызывает священник из столицы, сэр.

— Давайте.

— Майор Ардмор? — прозвучал голос священника.

— Да, я слушаю.

— Мы взяли в плен Наследного Принца.

— Ну да?!

— Да, сэр. Прошу вашего разрешения его казнить.

— Нет!

— Как вы сказали, сэр?

— Я сказал — нет! Я буду говорить с ним в вашем штабе. Смотрите, чтобы с ним ничего не случилось!

Прежде чем приказать привести к себе Наследного Принца, Ардмор сбрил бороду и переоделся в военную форму. Когда наконец паназиятский властитель предстал перед ним, он взглянул ему прямо в глаза и сказал без особых церемоний:

— Все ваши люди, которых мне удастся спасти, будут погружены на корабли и отправлены туда, откуда явились.

— Вы милосердны.

— Я полагаю, вы уже понимаете, что вас обманули и перехитрили — благодаря достижениям науки, на которые оказалась не способна ваша культура. Вы могли смести нас с лица земли в любое время — вплоть до самого последнего момента.

Лицо азиата оставалось бесстрастным. Ардмор искренне надеялся, что это только внешнее спокойствие.

— То, что я сказал о ваших людях, не относится к вам, — продолжал он. — Вас я считаю обыкновенным преступником.

Принц поднял брови.

— За то, что я вел войну?

— Нет, в этом вы, возможно, еще могли бы оправдаться. За массовое убийство, которое было совершено по вашему приказу на территории Соединенных Штатов, — за ваш «наглядный урок». Вы будете подвергнуты суду, как любой другой обыкновенный преступник, и я сильно подозреваю, что приговор будет гласить: «повесить за шею, пока не умрет». Это все. Уведите его.

— Одну минуту, прошу вас.

— Что еще?

— Вы помните шахматную задачу, которую видели в моем дворце?

— Ну и что?

— Вы не скажете мне, как решить ее в четыре хода?

— Ах, вот что! — Ардмор от души рассмеялся. — Вы очень легковверны, да? Я не знаю, как ее решить. Это был просто блеф.

И тут невозмутимое спокойствие, наконец, изменило Наследному Принцу. Суд над ним так и не состоялся. На следующее утро его нашли мертвым — он лежал, уронив голову на шахматную доску, которую попросил ему принести.

ДЕТИ МАФУСАИЛА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

— Мэри, не выйти за него замуж — это просто глупость!

Мэри Сперлинг подсчитала итог и, прежде чем ответить, подписала чек.

— У нас с ним слишком большая разница в возрасте, — сказала она и убрала чековую книжку. — И вообще, я не хочу обсуждать с тобой подобные вещи. Порой мне кажется, что ты вмешиваешься не в свои дела.

— Чепуха! Ты просто увливаешься от ответа. Тебе сейчас что-то около тридцати... а с годами ты станешь привлекательнее.

Мэри невесело усмехнулась:

— Я знаю!

— Борку Вэннингу чуть больше сорока, и он всеми уважаемый гражданин. Лови момент!

— Лови сама. А мне нужно бежать. Пока, Вэн!

— Пока, — отозвалась Вэн и долго еще, нахмурившись, смотрела на дверь, за которой исчезла Мэри.

Ей ужасно хотелось знать, почему Мэри отказывается от такого дара судьбы, как почтенный Борк Вэннинг. Не меньше интересовало ее и то, куда и зачем отправилась сейчас Мэри, но рамки приличий удерживали ее от чрезмерного вмешательства в жизнь окружающих.

Мэри, в свою очередь, желала оставить в тайне, куда она направляется. Выйдя на улицу, она вызвала свой кар из робопарка, села в него и набрала код Северного побережья. Дождавшись просвета в бесконечном потоке машин, двигавшихся по дороге, кар вырулил на полосу скоростного движения и помчался на север. Мэри откинулась на спинку сиденья.

Достигнув заданного района, машина замедлила ход и подала сигнал, требуя дополнительных инструкций. Мэри проснулась и выглянула наружу. Справа в окружавшей ее темноте еще более темным пятном выделялась ровная гладь озера Мичиган. Мэри просигналила дорожному контролю, попросив помочь перебраться на местную линию. Ее машина была немедленно переведена туда, и ей разрешили перейти на ручное управление. Она открыла отделение для перчаток.

Регистрационный номер, автоматически зафиксированный при переходе машины на неконтролируемую дорогу, был липовым.

Она свернула на боковую дорогу и, оставшись без надзора, проехала несколько миль. Затем повернула на узкую, грязную дорогу, ведущую к берегу озера, и остановилась. Здесь она выключила освещение и несколько минут прислушивалась. К югу от нее разливался морем огней Чикаго. Раздался невнятный звук, по всей видимости, писк какого-то маленького ночного обитателя леса. Сунув руку в открытое отделение, Мэри нажала потайную кнопку. Приборная панель откинулась, обнажив подсвеченные шкалы приборов, скрытых за нею. Она взглянула на их показания и убедилась в отсутствии радарной слежки. Признаков движения поблизости тоже не наблюдалось. Она вернула на место панель управления, наглухо закрыла окна и тронула машину с места.

По прибытии к озеру кар — с виду обычный скоростной «кэмден» — въехал в воду; машина отплыла от берега, а затем погрузилась, продолжая движение. Мэри выждала, пока расстояние от суши не достигло четверти мили, а глубина пятидесяти футов, и только после этого вызвала убежище.

— Пароль! — потребовал раздавшийся из динамика голос.

— Жизнь коротка...

— ...и годы летят незаметно...

— ...пока, — продолжила Мэри, — не приходят тяжелые времена.

— О'кей, Мэри, — оповестили ее уже другим, дружеским тоном. — Я запеленговал тебя.

— Томми?

— Нет. Это Сесил Хендрик. Приборы настроены?

— Да. Машина идет по пеленгу.

Через семнадцать минут кар всплыл в бассейне, занимавшем большую часть искусственной пещеры.

Когда амфибия пристала к берегу, Мэри вышла из нее, поприветствовала охрану и через туннель прошла в большой подземный зал, где уже собрались пятьдесят или шестьдесят мужчин и женщин. Она перекинулась парой слов кое с кем из них и, как только часы пробили полночь, поднялась на возвышение и обратилась к присутствующим.

— Мне, — заявила она, — сто восемьдесят три года. Есть ли в этом зале человек старше меня?

Никто не ответил. Выждав некоторое время, она продолжила:

— Тогда, по обычаю, я объявляю собрание открытым. Будем выбирать арбитра или нет?

— Продолжай, Мэри, — отозвался кто-то с места.

Так как других реплик не последовало, она подытожила:

— Отлично.

Казалось, она совершенно равнодушна к почету, оказываемому ей, да и аудитория реагировала как обычно. В зале царил атмосфера спокойствия и какой-то умиротворенности, резко контрастирующая с напряженностью обыденной жизни.

— Мы встретились как всегда, — объявила она, — чтобы обсудить проблемы нашего благополучия и благополучия наших сестер и братьев. Есть у кого-нибудь из представителей Семей заявления от имени своей Семьи? Или, быть может, кто-нибудь хочет выступить от своего имени?

Какой-то мужчина сделал ей знак, встал и заговорил:

— Я — Айра Везерэл, представляющий Семью Джонсон. Мы встречались в этом зале всего два месяца назад. У организаторов нынешней встречи были, вероятно, какие-то веские причины, чтобы через столь короткое время снова устраивать собрание. Хотелось бы знать, что это за причины.

Она кивнула и повернулась к невысокому человеку чопорного вида, сидевшему в первом ряду:

— Джастин... будьте добры.

Тот встал и церемонно поклонился. Его дурно скроенный килт* выставял напоказ костлявые ноги. Он выглядел, как поблекший от рутины гражданский чиновник, но по его темным волосам и энергичному тону можно было догадаться, что он довольно молод.

— Джастин Фут, — отрекомендовался он, отчетливо выговаривая свое имя. — Докладываю от имени организаторов встречи. Прошло одиннадцать лет с тех пор, как Семьи решились на эксперимент: попробовали предать гласности факт существования людей, продолжительность жизни которых гораздо больше, чем у обычного человека. Подтверждением служило то, что в нашей среде были люди, прожившие по две с лишним человеческие жизни...

Хотя он говорил не по бумаге, его речь звучала так, словно он читал заранее подготовленный доклад. Все знали то, о чем он повествовал, но никто не торопил его: слушателям не была свойственна нетерпеливость, столь присущая большинству людей.

— ...К решению отказаться от прежней политики сохранения нашего существования в тайне, — продолжал он, — Семьи пришли по ряду соображений. Позвольте напомнить вам причины законспирированности существования Семей.

Первые дети, родившиеся в результате браков, заключенных по рекомендации Фонда Говарда, появились в 1875 году. Их рождение никем не было отмечено, так как они ничем не отличались от обыкновенных

---

* К и л т — юбка шотландского горца. (Примеч. ред.)

новорожденных. Фонд в то время являлся благотворительной организацией...

Семнадцатого марта 1874 года Айра Джонсон, студент-медик, сидел в конторе адвокатской фирмы «Димс, Уингейт, Олден и Димс», слушая необычное предложение.

Наконец он прервал своего пожилого собеседника:

— Минуточку! Если я правильно вас понял, вы пытаетесь подкупить меня, предлагая женитьбу на одной из этих особ?

Адвокат смутился.

— Ну что вы! Это не совсем так...

— Выглядит это, во всяком случае, именно так!

— Нет-нет! Такого рода сделка противоречила бы нормам морали нашего общества. Мы — представители одной организации — просто информируем вас о том, что в случае вашего брака с одной из молодых особ, имена которых указаны в списке, лежащем перед вами, нашей приятной обязанностью будет открыть счет на имя каждого ребенка от этого брака. Сумма проставлена вот тут. Но мы вовсе не собираемся заключать с вами какой-либо письменный договор, равно как и не пытаемся принудить вас жениться. Мы просто излагаем вам некоторые условия.

Айра Джонсон нахмурился. Поерзав на стуле, он растерянно произнес:

— Но что все это значит? К чему это?

— А это уже дело организации. Могу лишь упомянуть, что ваши дедушка и бабушка дали согласие.

— Вы говорили с ними обо мне? — раздраженно буркнул Джонсон.

К своим деду и бабке он не испытывал абсолютно никакой любви. Зажившиеся на свете старики — хоть бы один из них соблаговолил умереть в подобающем возрасте! Тогда ему не пришлось бы беспокоиться о деньгах на завершение медицинского образования.

— Да, мы беседовали с ними. Но не о вас.

На этом адвокат закончил разговор и, протянув Джонсону список девушек, простился с ним.

Айра вышел из конторы с твердым намерением порвать и выбросить список на улице. Но вместо этого, придя домой, он всю ночь провел за сочинением письма своей подруге, оставшейся в его родном городке. Только седьмой вариант письма он счел удачным. Наконец-то он сумел подобрать правильные слова, которые положат конец их отношениям. Он был очень рад тому, что между ними не было ничего серьезного, иначе все выглядело бы очень скверно.

Когда он женился на одной из девушек, указанных в списке, то выяснилось одно занятное, но, в общем-то, ничем не примечательное обстоятельство: его жена, как и он сам, имела двух дедушек и двух бабушек — живых, здоровых и еще вполне работоспособных.

— ...благотворительной организацией, — продолжал Фут, — и его официально провозглашенной целью было способствование повышению уровня рождаемости среди здоровых, полноценных американцев. Это было вполне в духе того времени. Для сохранения в тайне истинных целей Фонда тогда еще не требовалось особых мер предосторожности. Достаточно было просто держать язык за зубами. Так продолжалось до тех пор, пока не настал растянувшийся между мировыми войнами период, так называемые «Безумные годы»...

Подборка газетных заголовков за период с апреля по июнь 1969 года:

МАЛЮТКА БИЛЛИ СРЫВАЕТ БАНК!

Двухлетний ребенок получает приз телевизионной компании и становится обладателем миллиона долларов. Поздравления из Белого дома.

СУД НАЛОЖИЛ АРЕСТ

НА ГОСУДАРСТВЕННУЮ СОБСТВЕННОСТЬ

Верховный суд в штате Колорадо реквизирует всю государственную собственность в штате.

**МОЛОДЕЖЬ НЬЮ-ЙОРКА ТРЕБУЕТ ПОНИЗИТЬ
ВОЗРАСТНОЙ ЦЕНЗ ДЛЯ ИЗБИРАТЕЛЕЙ**

**ПРИРОСТ НАСЕЛЕНИЯ
В США — ВОЕННАЯ ТАЙНА**

**ЖЕНЩИНА-КОНГРЕССМЕН ИЗ КАРОЛИНЫ
УВЕНЧАНА КОРОНОЙ ПОБЕДИТЕЛЬНИЦЫ
КОНКУРСА КРАСОТЫ**

*«Ценное подспорье в борьбе за президентский пост», —
говорит она перед предвыборной поездкой по стране.*

**ШТАТ АЙОВА ПОВЫШАЕТ
ИЗБИРАТЕЛЬНЫЙ ВОЗРАСТ ДО 41 ГОДА**
Беспорядки в университетском городке Де-Мойн.

**ПОЖИРАТЕЛЬ ЗЕМЛИ ЕДЕТ НА ЗАПАД:
СВЯЩЕННИК ИЗ ЧИКАГО
ЗАКУСЫВАЕТ ГЛИНЯНЫМ САНДВИЧЕМ
ВО ВРЕМЯ ПРОПОВЕДИ**
«Назад, к простоте», — вызывает он.

**СТУДЕНТЫ ЛОС-АНДЖЕЛЕССКОЙ
ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ОТКАЗЫВАЮТСЯ
ПОВИНОВАТЬСЯ АДМИНИСТРАЦИИ**
*«Плата все выше, занятий все меньше, домашних
заданий нет... Мы требуем права самостоятельно вы-
бирать преподавателей и наставников!»*

**ДЕВЯТЫЙ ГОД ПОДРЯД
РАСТЕТ ЧИСЛО САМОУБИЙСТВ**

— ...«Безумные годы». Тогдашние Поверенные сочли, и, как теперь становится абсолютно ясно, вполне справедливо, что любое меньшинство в этот период семантической дезориентации и массовой истерии не застраховано от возможности стать объектом преследований, дискриминации и даже насилия. К тому же ухудшающееся финансовое положение страны ставило под угрозу благосостояние Фонда.

Действия велись в двух направлениях: во-первых, все достояние Фонда было обращено в материальные ценности и распределено между членами Семей как их собственное имущество. Во-вторых, в качестве постоян-

ной стратегии была избрана программа так называемого «маскарада». Подыскивали средство имитировать смерть членов Семей, доживших, по понятиям окружающих, до преклонного возраста. После мнимой смерти и изменения личности они продолжали жизнь в другой части страны.

Мудрость этой политики, казавшейся кое-кому излишне осторожной, стала очевидной во времена правления Пророков. При Первом Пророке девяносто семь процентов членов Семей официально пребывали в возрасте менее пятидесяти лет. Тщательная насильственная регистрация населения, проведенная тайной полицией Пророков, сделала изменение личности весьма затруднительным мероприятием, хотя с помощью революционеров из Каббалы нам удалось провести несколько таких изменений.

Итак, благодаря везению и предусмотрительности, удалось сохранить существование Семей в тайне. Это было к лучшему — можете быть уверены, что Пророки постарались бы любыми путями заполучить секрет долголетия.

Как таковые, Семьи отстранились от участия в событиях, приведших ко Второй Американской Революции. Но многие члены Семей были членами подполья, пользовались полным доверием в Каббале и участвовали в сражении, предопределившем падение Нового Иерусалима. Последовавший период дезорганизации дал нам возможность изменить возраст тех из нас, кто за прошедшее время стал подозрительно старым. В этом весьма помогли наши братья-долгожители, которые, будучи членами Каббалы, заняли ключевые государственные посты в период Реконструкции.

На собрании Семей в 2075 году, в год принятия Общественного Договора, многие высказывались за то, что пришла пора открыто объявить о своем существовании, так как гражданские свободы были полностью восстановлены. Но большинство с этой точкой зрения в то время не согласилось... возможно потому, что сохранение конспирации стало привычкой. Но постепенное и неуклонное возрождение культуры, доброжелательности и хороших манер, разумная ориентация обу-

чения, возрастающее уважение к свободе личности и ее правам, стабильно имеющие место вот уже на протяжении пятидесяти лет, вселили в нас надежду на то, что наш час пробил и мы спокойно можем объявить о своем существовании человечеству, заняв среди людей подобающее нам место необычного, но тем не менее уважаемого меньшинства.

Кроме того, к такому шагу имелись веские причины. Все больше членов Семей стали находить «маскарад» совершенно неприемлемым образом действий в обновленном обществе. И не только потому, что человеку приходилось время от времени порывать с привычной обстановкой и знакомыми людьми и искать себе другое место, но и потому, что невыносимо жить скрытно в обществе, которое во главу угла ставит честность и откровенность. Кроме того, в результате своих исследований в области биохимии Семьи обрели знания, которые могли бы принести пользу нашим недолговечным братьям. Но нам нужна была полная свобода, чтобы обнародовать итоги наших тайных изысканий.

Новая стратегия как раз и обсуждалась на собрании. Принятие в обществе системы положительной идентификации практически свело на нет дальнейшие перспективы реализации «маскарада». При сложившихся условиях добропорядочный и мирный гражданин мог только приветствовать положительную идентификацию личности в определенных ситуациях, даже несмотря на то, что в остальном он горой встал бы на защиту права личной неприкосновенности. Поэтому мы решили не противиться. Это вызвало бы подозрение, привлекло к нам внимание и сделало бессмысленной всю идею «маскарада».

Нам по необходимости пришлось подчиниться идентификации личности. Ко времени собрания 2125 года, то есть одиннадцать лет тому назад, стало чрезвычайно трудно осуществлять изменение личности для все возрастающего числа членов Семей, внешность которых не соответствовала официальному возрасту.

Тогда мы решили пойти на риск. Мы позволили добровольцам, число которых составляло десять процентов от нашего общего количества, раскрыть правду

о себе, чтобы, прежде чем сообщить о существовании остальных членов Семей, присмотреться получше к реакции общества.

К сожалению, результаты оказались почти плачевными.

Джастин Фут умолк. В зале воцарилась мертвая тишина. Внезапно ее нарушил уверенный голос. Он принадлежал коренастому, крепкому на вид человеку, волосы которого припорошила легкая седина — явление необычное для членов Семей. Лицо незнакомца покрывал характерный загар, отличавший людей, работавших в космосе.

Мэри Сперлинг заметила этого человека еще раньше и недоумевала, кто бы это мог быть. Его открытое, живое лицо и громкий смех заинтересовали ее. Но, поскольку любой член Семей имел право присутствовать на встречах, она не особенно утруждала себя догадками.

— Валий дальше, сынок, — сказал незнакомец. — Что там у тебя еще?

Фут ответил ему с места:

— Итоги эксперимента подведет наш старший психометрист. Я лишь вводил присутствующих в курс дела.

— Ради всего!.. — воскликнул седой незнакомец. — Слушай, сынок, ты что же, битый час стоял здесь и втолковывал нам прописные истины, давным-давно известные всем?

— Мое выступление подводило необходимую базу, и потом, меня зовут не «сынок», а Джастин Фут.

Тут вмешалась Мэри Сперлинг.

— Брат, — строго сказала она незнакомцу, — прежде чем обращаться к Семьям, будь добр, представься. Прости, но я что-то никак не могу припомнить тебя.

— Прошу прощения, сестра. Меня зовут Лазарус Лонг, и говорю я от своего имени.

Мэри покачала головой.

— Я все еще не вспомнила, кто ты.

— Еще раз прошу прощения. Это «маскарадное» имя, которое я взял еще во время Первого Пророка и очень привык к нему. Мое «семейное» имя Смит... Вудро Вильсон Смит.

— Вудро Вильсон См... Сколько же тебе лет?

— Что? Ах, лет! Я уже давно не считаю. Мне... сто... нет, двести... тринадцать лет. Да, совершенно верно, двести тринадцать.

Зал замер.

— Ты слышал, как я спрашивала, есть ли среди присутствующих человек старше меня? — тихо спросила Мэри.

— Да, слышал. Но, видишь ли, сестра, ты и сама здорово справляешься. А я ведь не посещал собраний Семей больше сотни лет и поэтому побоялся, что процедура могла измениться.

— Я прошу тебя занять мое место... — Она стала спускаться с помоста.

— Нет-нет! Не нужно! — запротестовал он.

Но Мэри не обратила на это никакого внимания и уселась в зале.

Лазарус огляделся, пожал плечами и поднялся на возвышение. Сев боком на председательский стул, он объявил:

— Ну что ж, продолжим. Кто следующий?

Ральф Шульц из семьи Шульцев больше походил на банкира, чем на психометриста. Он говорил ровным, уверенным голосом, что придавало его словам дополнительную весомость.

— Я был одним из тех, кто предлагал покончить с «маскарадом». Я оказался неправ. Я верил в то, что большинство наших сограждан, воспитанных современными методами, смогут отнестись спокойно к чему угодно. Я предполагал, что небольшое число не вполне нормальных людей невзлюбит нас и, возможно, возненавидит. Я предсказывал даже, что многие будут завидовать нам: ведь все, кто радуется жизни, хотят как можно дольше жить. Но мне и в голову не приходило, что могут возникнуть какие-то серьезные неприятности. В современном обществе покончено с расовыми предрассудками, а те, кто еще верен им, стыдятся заявить об этом во всеуслышание. Я верил, что наше общество настолько терпимо, что мы сможем открыто сосуществовать с обычными людьми.

Так вот. Я ошибся!

Негры ненавидели белых и завидовали им до тех пор, пока те пользовались преимуществами своего цвета кожи. Это было здоровой, нормальной реакцией. Когда дискриминации не стало, проблема решилась сама собой, произошла культурная ассимиляция рас.

Теперь точно так же часть людей завидует нам. Мы предполагали, что эта ожидаемая реакция не будет иметь серьезного общественного резонанса, так как большинству людей станет ясна причина нашего долголетия. Ведь она — в наших генах, а не в утаиваемом чудодейственном эликсире. Мы — результат благоприятной наследственности.

Но мы принимали желаемое за действительное. Теперь, задним числом, совершенно ясно, что правильное толкование данных математического анализа дало бы совершенно другой ответ, выявило бы неуместность использованных аналогий. Я не пытаюсь оправдываться — крыть нечем. Нас ослепили собственные надежды и чаяния.

А в действительности случилось вот что: наши недовечные братья очутились в положении лисы, которая никогда не сможет добраться до винограда. Это поставило их перед дилеммой. И они решили ее, отвергнув как невероятные факты, которые мы предали гласности. Они просто не поверили нам. Их зависть обернулась ненавистью. Подсознательно они были убеждены, что мы лишаем их законного права на долговечность... насильственно, злонамеренно.

Все усиливающаяся ненависть к нам теперь превратилась в могучий поток, который сметает на своем пути все: доброжелательность, терпимость и едва возникшее братство. Эта ненависть опасна не только для тех, кто попытался влиться в общество, но и для нас — тех, кто остался законспирированным. Опасность велика и висит над нами как дамоклов меч.

Оратор резко сел.

Его слушали спокойно: невозмутимость вошла в привычку. В глубине зала поднялась женщина.

— Меня зовут Ив Барстоу. Я говорю от имени Семьи Куперов. Ральф Шульц, мне сто девятнадцать лет, и думаю, что я старше тебя. Я не обладаю твоими

математическими талантами и знанием законов человеческого поведения. Но я повидала множество людей на своем веку. Человек — существо доброжелательное, чуткое и доброе. О, разумеется, у него есть маленькие слабости, но дайте ему хоть каплю надежды на лучшее, и он забудет о них. Я не верю, что люди могут возненавидеть меня и попытаются убить только потому, что я дольше их проживу на свете. Что ты на это скажешь? Ведь ты уже ошибался однажды — не ошибся ли ты и на сей раз?

Шульц спокойно взирал на нее, разглаживая складку на своем килте.

— Ты права, Ив. Нет никаких гарантий, что я не ошибусь вновь. В этом вся беда психологии — она настолько сложна, в ней так много скрытых факторов, человеческие отношения порой так неожиданны, что даже убедительные на первый взгляд выводы выглядят подчас в свете последующих событий просто чепухой.

Он снова встал, оглядел зал и заговорил с прежней решительностью:

— На этот раз я не делаю далеко идущих выводов. Я говорю о фактах, а исходя из них, можно строить предположения с такой же степенью уверенности, как и предсказывать, что яйцо разобьется уже на полпути к полу. Но Ив права... не во всем, конечно. Каждый в отдельности взятый человек добр и терпим... и сам по себе, и в отношениях с остальными отдельно взятыми людьми. Ив не грозит опасность со стороны ее друзей и соседей, так же как и мне со стороны моих. Но зато ей могут представлять угрозу мои соседи, а мне — ее. Массовая психология — не просто результат суммирования индивидуальных психологий. Таково основное положение социальной психодинамики. И из этого правила еще не было исключений. Это закон массового поведения, закон массовой истерии. Он давно известен военным, политическим и религиозным деятелям, которые активно используют его, напуская на людей пророков и пропагандистов, вождей, актеров и главарей банд. Его использовали на практике давным-давно — за многие поколения до того, как он был выражен в математи-

ческих символах. Он действовал всегда. Действует и поныне.

Мои коллеги и я стали подозревать, что накал ненависти в обществе по отношению к нам усиливается, еще несколько лет назад. Но мы сочли, что рано бить в набат и выносить наши опасения на собрание, поскольку не располагали серьезными доказательствами. Вдобавок любое, даже самое здоровое общество имеет свою червоточину, и агрессивные намерения можно было списать на счет озлобленности не играющего серьезной роли меньшинства. Антагонистические тенденции были сначала столь незначительны, что мы даже сомневались в их существовании. Тем более что отношения в обществе так запутаны, что напоминают спагетти в кастрюле. Они существуют в абстрактном топологическом пространстве со многими измерениями (десять или двенадцать измерений — обычное дело). Поэтому описать их математически — чрезвычайно трудное дело. Сложность подобной задачи невозможно преувеличить.

Вот мы и ждали, беспокоились, изучали статистические данные, с величайшей осторожностью возводя здание нашей статистической Вселенной.

К тому времени, когда уже не оставалось места сомнениям, было слишком поздно. Социопсихологические тенденции могут зарождаться и исчезать совершенно неожиданно. Мы все еще уповали на то, что свою роль сыграют положительные факторы: работы Нельсона в области симбиотики, наши достижения в геометрии, огромная общественная заинтересованность в освоении спутников Юпитера для иммиграции. Любое событие, которое потенциально могло бы дать шансы на продление жизни или хотя бы надежду на них, положило бы конец всяким проявлениям враждебности по отношению к нам.

Но вместо этого ненависть из огонька превратилась в пламя, в бушующий неконтролируемый лесной пожар. Насколько нам известно, количество людей, зараженных агрессивными намерениями, только за последние тридцать семь дней увеличилось вдвое и неуклонно растет. Я могу лишь гадать, как далеко зайдет этот процесс и какими темпами будет развиваться.

Поэтому мы и попросили созвать очередное совещание. Беда может грянуть в любой момент...

Шульц сел; лицо его побледнело от волнения.

Ив оставила попытки продолжать спор. Не возразил и никто из присутствующих. Не только Ральф Шульц — признанный авторитет в своей области, но и все они чувствовали, что тучи сгущаются над их головами. И хотя все понимали, перед лицом какой проблемы они стоят, мнений о том, что же предпринять, было столько же, сколько людей сидело в зале. И к тому моменту, когда Лазарус поднял руку, требуя тишины, прения тянулись уже битых два часа.

— Так мы ни к чему не придем, — заключил он. — И похоже, что даже к завтрашнему вечеру. Давайте возьмем проблему целиком и обмозгуем, что тут можно сделать. Мы можем, — он начал загибать пальцы, — ничего не делать, смирнехонько сидеть и выжидать, что из этого получится.

Мы можем полностью отказаться от «маскарада», огласить правду о том, сколько нас на самом деле, и потребовать политических прав.

Мы можем оставить все по-старому и использовать нашу организацию и ее деньги для защиты наших братьев, объявивших обществу о своем существовании. Может статься, нам снова удастся включить их в «маскарад».

Мы можем покончить с конспирацией и вынудить правительство выделить нам место для устройства колонии, где мы жили бы отдельно от всех.

Или мы можем поступить еще как-нибудь иначе. Но я надеюсь, что каждый из нас теперь выберет для себя один из этих четырех вариантов. Советую сторонникам каждого из них собраться где-нибудь в определенном месте, скажем, в одном из четырех углов зала. Каждая группа выработает свой план и представит его на рассмотрение Семей. А те из вас, кто не согласен ни с одним из перечисленных вариантов, пусть соберутся в центре зала и спорят там между собой. Теперь, если нет возражений, позвольте объявить перерыв до завтрашнего вечера. Что вы на это скажете?

Никто не проронил ни слова. Присутствующие были слегка ошарашены своеобразным способом ведения собрания, который блестяще продемонстрировал им Лазарус Лонг. Они привыкли к неторопливым, долгим обсуждениям проблем до тех пор, пока одна из точек зрения не принималась единогласно. И поэтому они были немного шокированы такой спешкой.

Но Лонг был весьма энергичен, его возраст внушал к себе уважение, а его несколько старомодный выговор придавал его речам весомость слов патриарха. Поэтому никто не решился спорить.

— О'кей, — подытожил Лазарус, хлопнув в ладоши. — Итак, наша богадельня закрыта до завтра. — И он спустился с помоста.

К нему подошла Мэри Сперлинг.

— Я хотела бы поближе познакомиться с тобой, — сказала она, глядя ему в глаза.

— Конечно, сестренка, почему бы и нет.

— Ты останешься на обсуждение?

— Нет.

— В таком случае ты не мог бы проводить меня домой?

— С превеликим удовольствием. У меня как раз нет никаких неотложных дел.

— Тогда пошли.

Она провела его через туннель к подземному бассейну, соединявшемуся с озером Мичиган. Увидев ее псевдо-«кэмден», он явно удивился, но ничего не сказал, пока они не погрузились.

— Симпатичная у тебя машинка, а?

— Да.

— В ней есть что-то необычное, верно?

Мэри улыбнулась.

— Да. К тому же она еще и совершенно неожиданно взрывается, если кто-нибудь вздумает обследовать ее.

— Хорошо-о-о! — протянул Лазарус и добавил: — Мэри, а ты случайно не инженер?

— Я-то? Господи, конечно, нет! Во всяком случае не в этом веке. Если я когда-то и знала что-либо из этой области, то давным-давно забыла. Но коли тебе нравится машина, переделанная таким образом, то ее можно

получить через посредничество Семей. Нужно обратиться к...

— Не бери в голову, сестра. Мне вовсе не нужна машина. Мне просто внушают симпатию всякие штуки, которые сделаны надежно и эффективно. Эта машина сразу пришлась мне по душе.

— Понятно.

Мэри была занята тем, что прошупывала радаром окрестности. Затем, убедившись, что вокруг спокойно, бесшумно вывела машину на берег...

Когда они вошли в квартиру Мэри и уселись в гостиной, она придвинула поближе к Лазарусу сигареты и спиртное, а сама зашла в спальню и переоделась в домашний наряд, в котором выглядела миниатюрней и моложе, чем обычно. Когда она снова появилась в гостиной, Лонг встал, прикурил для нее сигарету, протянул ей и нескромно присвистнул, заметив наконец происшедшую с ней перемену.

Она улыбнулась, взяла сигарету и опустилась в большое кресло, поджав под себя ноги.

— Лазарус, ты вселяешь в меня надежду.

— Девочка, у тебя что, нет зеркала?

— Я не об этом, — нетерпеливо отмахнулась она. — Тому причиной ты сам. Я уже лет десять тому назад смирилась с мыслью, что конец не за горами, я была готова к этому, я ждала. И вот напротив меня сидишь ты... ты, который на много-много лет старше меня. И ты заставляешь меня воспрянуть духом.

Лазарус выпрямился.

— Ты ждешь смерти? Какая глупость, девочка! Да ты еще лет сто проживешь за милую душу!

Мэри устало махнула рукой.

— Мне не до шуток. Ты же прекрасно знаешь, что внешность тут ни при чем. Лазарус, я не хочу умирать!

— Я и не думал шутить, сестренка, — мягко ответил Лонг. — Поверь, ты совершенно не выглядишь кандидаткой на тот свет.

Она пожала плечами.

— Это всего лишь дело биотехники. Просто я сохраняю внешность тридцатилетней.

— Я бы сказал, что ты выглядишь еще моложе. Правда, я не знаю, конечно, всяких там новомодных

штучек. Я ведь уже говорил, что не посещал собраний более ста лет. Вообще-то, честно говоря, я все это время совсем не контактировал с Семьями.

— Вот как! А почему, если не секрет?

— Это долгая история. И довольно глупая. Одним словом, они мне просто надоели. Раньше я всегда был представителем на ежегодных встречах, но они стали слишком официальными и неинтересными — по крайней мере так мне казалось. И я отдалился от Семей. Период Междувластия я почти целиком прожил на Венере. Потом, после подписания Договора, я ненадолго вернулся на Землю. Впрочем, и тогда я прожил здесь не более двух лет. Не люблю засиживаться на одном месте.

Мэри восхищенно смотрела на него.

— О, расскажи мне о своих приключениях. Я ведь почти не бывала в космосе, только раз летала в Луна-Сити.

— Обязательно, — пообещал он. — Когда-нибудь... А пока я тешу себя надеждой, что ты все-таки поведешь мне, как ты ухитришься сохранять такую внешность. Ведь тебе, сестренка, никак не дашь твоих лет.

— Надеюсь. То есть, конечно, не дашь. А вот о том, как это делается, я почти ничего не знаю. Гормоны, симбиотика, манипуляции с железами и немного психотерапии — что-то в этом роде. Подобные меры приводят к задержке старения членов Семей, а внешние признаки можно удалить косметически. — Она помолчала. — Когда-то они считали, что напали на секрет бессмертия, на подлинный источник вечной молодости. Но это оказалось заблуждением. Старость просто откладывается... и укорачивается. За девяносто дней до конца — первое недвусмысленное предупреждение, а затем смерть от старости. — Она вздрогнула. — Конечно, многие не хотят дожидаться печального итога. Две недели на установление точного диагноза, а затем — эвтаназия.

— Вот дьявольщина! Ну нет, я с такой судьбой не смирюсь! Когда старуха с косой придет за мной, ей придется тащить меня силой, и я буду брыкаться и вырываться что есть мочи.

Мэри смущенно улыбнулась.

— Мне нравится, когда ты так говоришь, Лазарус. Я никогда не позволила бы себе вести такие разговоры с человеком младше меня. Но твой пример вселяет в меня оптимизм.

— Мэри, мы еще переживем многих из них, не волнуйся. Кстати, о собрании: я не в курсе дела, я ведь совсем недавно вернулся на Землю. Этот парень, Ральф Шульц, в самом деле знает, что говорит?

— Наверное, да. Его дед был выдающимся человеком, да и отец тоже.

— Я думал, ты знаешь самого Ральфа.

— Немного. Он один из моих внуков.

— Приятно слышать. Выглядит он намного старше тебя.

— Ральф решил, что ему больше всего приличествует внешность сорокалетнего, вот и все. Его отец был двадцать седьмым моим ребенком. Ральф должен быть — дай-ка я подсчитаю — о, по крайней мере на восемьдесят или девяносто лет моложе меня. Но, несмотря на это, он старше многих моих детей.

— Ты много сделала для Семей, Мэри.

— Они для меня тоже. Мне нравилось растить детей и полностью использовать все преимущества своих тридцати лет. Я имела все, что только могла бы пожелать. — Она вздрогнула. — Я знаю, почему я так боюсь, — я очень люблю жизнь!

— Постой! Я думал, что мой ободряющий пример и мальчишеское зубоскальство излечат тебя от подобного уныния.

— Ну... в чем-то ты мне, несомненно, помог...

— М-м-м... послушай, Мэри. А почему бы тебе не выйти замуж еще раз? И не завести новых сорванцов? Тогда у тебя не будет времени для страхов.

— Что!? Это в мои-то годы? Лазарус, да ты просто шутник!

— А что тут такого? Ты ведь моложе меня.

Она некоторое время изучающе смотрела на него.

— Лазарус, ты что, делаешь мне предложение? В таком случае попрошу выразаться яснее.

Он взволнованно вздохнул.

— Подожди, не нужно спешить. Я ведь говорил так, в общем. Я не гожусь для семейной жизни. В самом деле, всякий раз, когда я женюсь, жена буквально заболевает от отчаяния, потому что я вечно где-то скитаюсь. Нет, я совсем не то хотел сказать... Ну, я имею в виду, что ты очень хорошенькая и все такое... любой мужчина с радостью...

Тут Мэри подошла к нему и прикрыла ему губы своей ладонью. Лукаво улыбаясь, она сказала:

— Я совсем не хотела смущать тебя, кузен. Впрочем, может быть, и хотела — мужчины становятся такими забавными, когда подозревают, что их пытаются заманить в сети.

— Ну ладно, — хмуро буркнул он.

— Забудь об этом, дорогой. Лучше скажи мне, какой план они, по-твоему, изберут?

— На этой сходке?

— Да.

— Конечно же, никакой. Они не придут ни к какому решению. Мэри, комитет — это единственная известная форма жизни с сотней желудков и без малейшего намека на мозг. В конце концов кто-нибудь, у кого есть голова на плечах, заставит их принять его план. Правда, вот не могу сказать, каким он будет.

— А какой образ действий ты бы сам предпочел?

— Я? Никакой. Мэри, если мне за предыдущую пару веков и довелось твердо узнать что-то, то это следующее: ничто не вечно под луною. Войны и депрессии, пророки и общественные договоры — все проходит. Вся загвоздка в том, чтобы пережить их.

Она задумчиво кивнула.

— Ты, пожалуй, прав.

— Конечно, я прав. Только через сто лет начинаешь понимать, какая чудесная штука жизнь. — Лонг встал и потянулся. — А теперь юноша был бы не прочь чутко вздремнуть.

— Я тоже.

Квартира Мэри находилась на последнем этаже. При желании потолок можно было сделать прозрачным. Мэри отключила его непроницаемость, убрала освещение, и теперь они сидели в темноте, созерцая

панораму звездного неба. От него их отделял лишь тонкий слой невидимого пластика. Потягиваясь, Лазарус поднял голову, и взгляд его задержался на любимом созвездии.

— Странно, — удивился он, — такое впечатление, что в созвездии Ориона появилась четвертая крупная звезда.

Мэри взглянула вверх.

— Это, наверное, звездолет Второй Экспедиции к Центавру. Посмотри, движется он или нет?

— Трудно сказать без приборов.

— Пожалуй, да, — согласилась она. — Правильно сделали, что построили его в космосе.

— А иначе его было и не создать. Он слишком велик для Земли. Мэри, я могу расположиться прямо здесь? Или у тебя приготовлена другая комната?

— Твоя комната — вторая слева. Позови меня, если что-нибудь понадобится. — Она приблизилась к нему лицо и поцеловала в щеку. — Доброй ночи!

Лазарус направился в свою комнату.

На следующее утро Мэри Сперлинг проснулась в обычное время. Она встала, стараясь не шуметь, чтобы не разбудить Лазаруса. Скользя в туалетную комнату, она стала приводить себя в порядок: приняла душ, растерлась, сделала массаж и выпила тонизирующую таблетку, чтобы скомпенсировать короткий отдых. Завтрак был умеренным — она не могла позволить себе излишеств. Взбодрившись и перекусив, Мэри занялась прослушиванием вчерашних вызовов, поступивших в ее отсутствие. Она прокрутила несколько малозначительных сообщений, даже не пытаясь в них вникнуть, как вдруг узнала голос Борка Вэннинга.

— Хэлло! — прозвучало из аппарата. — Мэри, это Борг. Звонил тебе в двадцать один час. Я зайду завтра, часов в десять утра. Мы сходим искупаемся и позавтракаем где-нибудь. Если ты, конечно, не против. Пока, дорогая! Мое почтение.

— Мое почтение, — машинально повторила она.

Черт бы его побрал! Никак не может согласиться с ее отказом.

«Мэри, — сказала она себе, — ты теряешь форму! Ты в четыре раза старше, а все же до сих пор не поставила его на место! Может быть, вызвать его и отказаться? Нет, слишком поздно. Он появится с минуты на минуту. А вот и он!»

Глава 2

Перед тем как лечь спать, Лазарус снял килт и швырнул его в шкаф, в котором невидимые силы вдруг подняли его, расправили и аккуратно повесили. «Здорово сделано», — отметил про себя Лазарус. Он оглядел себя и усмехнулся: килт скрывал бластер, висевший на одном бедре, и нож, укрепленный на другом. Он знал о существовании закона, запрещавшего ношение личного оружия, но без него он чувствовал себя просто голым. Этот закон был предрассудком, плодом перестраховочного недомыслия — не было опасных предметов, были только опасные люди.

Выйдя из туалетной комнаты, он положил оружие так, чтобы оно было под рукой, и лег спать.

Проснувшись он совершенно неожиданно, причем руки его уже сжимали бластер и нож... Потом он вспомнил, где находится, и решил выяснить, что же его разбудило.

Причиной оказался звук голосов, доносившихся из гостиной. «Просто плохая звукоизоляция, — решил Лазарус, — а Мэри, должно быть, отвечает на вызовы». Значит, и ему нечего валяться в постели. Он стряхнул с себя остатки сна, встал и направился в душ. Освежив-

шись, он пристегнул своих верных помощников и отправился разыскивать хозяйку дома.

Дверь гостиной бесшумно распахнулась, и голоса стали громче. Разговор, похоже, был интересным. Гостиная имела Г-образную форму, и присутствие Лазаруса осталось незамеченным. Он затаился у двери и стал подслушивать. Стыда он не испытывал — вовремя подслушанный разговор не единожды спасал ему жизнь. Ему даже нравилось это занятие.

Мужчина убеждал:

— Мэри, я не могу понять, в чем причина! Я знаю, что нравлюсь тебе. Наш брак принесет тебе только пользу. Так почему же ты не соглашаешься?

— Я уже объясняла тебе, Борк. Все дело в возрасте.

— Это просто глупо. Чего ты ждешь? Прекрасного принца? Я, конечно, согласен, что несколько старше тебя, — но женщине и необходим зрелый мужчина, чтобы он направлял ее. Да и не так уж я стар.

Услышанного было достаточно, чтобы у Лазаруса возникла неприязнь к незнакомцу. Противный голос...

Мэри ничего не отвечала. Мужчина продолжал:

— А у меня приготовлен для тебя один сюрприз. Я бы с радостью все рассказал тебе сейчас, но... пока это государственная тайна.

— Тогда не рассказывай. Все равно ничто не может заставить меня переменить решение, Борк.

— А вот это как раз-таки и может! М-м-м... ладно, я расскажу тебе. Я знаю, что тебе можно доверять.

— Нет, Борк, прошу тебя...

— Не волнуйся, все равно через несколько дней секрет станет известен всем и каждому. Мэри... я никогда не стану слишком старым для тебя!

— Что ты имеешь в виду?

Лонгу показалось, что в ее голосе прозвучали нотки подозрительности.

— Только то, что я сказал. Мэри, открыта тайна вечной молодости!

— Что? Кем? Как? Когда?

— Ага, вот ты и заинтересовалась! А?! Ладно, не буду мучить тебя. Ты слышала об этих дряхлых чудачках, которые называют себя Семьями Говарда?

— Да, конечно, я слышала о них, — медленно проговорила она. — Ну и что из этого? По-моему, они просто обманщики.

— Не совсем так. Я знаю точно. Администрация тщательно изучает всю их похвальбу. Некоторым из них действительно более ста лет, а они все еще молоды!

— В это трудно поверить.

— Тем не менее это правда.

— А... как они это делают?

— Ха! В этом-то вся загадка. Они утверждают, что долголетие зависит от наследственности, что оно передается от предков-долгожителей. Но это все чепуха, полностью противоречащая научным данным. Администрация тщательно изучила полученную информацию, и ответ может быть только один: секрет вечной молодости действительно скрывают.

— Ты в этом уверен?

— Слушай, Мэри! Ты замечательная девушка, но даже тебе не стоит подвергать сомнению выводы лучших ученых умов. Впрочем, я не о том. А теперь — уже совершенно конфиденциально. Мы еще не завладели этим секретом, но в самом недалеком будущем он станет нашим достоянием. Мы схватим этих ребят и допросим, не привлекая внимания общественности. Мы все хорошенько выведаем у них, и тогда ни ты, ни я никогда не состаримся. Что ты на это скажешь?

Мэри ответила медленно и едва слышно:

— Конечно, было бы прекрасно, если бы все могли жить долго.

— Что? Да, я тоже так полагаю. Но как бы там ни было, мы с тобой обязательно получим вечную молодость, в чем бы она ни заключалась. Подумай о нас, дорогая. Годы и годы счастливого брака двух молодых людей. Не меньше ста лет. А может даже...

— Секундочку, Борк. Этот «секрет»... он что, не будет общедоступен?

— Видишь ли, это вопрос политический. Перенаселенность и поныне остается одной из основных проблем. Видимо, придется предоставить вечную молодость только людям, играющим в жизни общества ключевую роль, и их женам. Но ты не забивай свою чудесную

головку чужими проблемами — нас с тобой сия чаша не минует.

— Ты намекаешь, что я получу молодость, если выйду за тебя замуж?

— М-м-м... Ты все ставишь с ног на голову. Я сделаю для тебя все, что угодно — потому что люблю тебя. Но наш брак многое бы упростил. Ну скажи что ты согласна.

— Давай пока оставим эту тему. А как вы рассчитываете добиться от них признания?

Лазарус поймал себя на том, что почти видит многозначительный ответный жест Борка.

— О, у нас они заговорят!..

— Ты хочешь сказать, что вы отправите их на Окраину, если они будут упорствовать?

— На Окраину? Хм! Ты, видимо, не вполне отдаешь себе отчет в важности происходящего, Мэри. Утаивание секрета будет не просто предосудительным проступком. Это будет изменой — изменой всему человечеству. У нас есть способы! Способы, которые использовали Пророки, — если, конечно, Семьи откажутся делиться своими тайнами по доброй воле.

— Ты что! Это ведь нарушение Договора!

— Псу под хвост этот Договор! Решается вопрос жизни и смерти — неужели ты думаешь, что мы позволим ничтожному клочку бумаги встать нам поперек дороги? Что могут значить подобные мелочи, когда речь идет о жизненно важных для человечества вещах? Договор не стоит того, чтобы люди умирали из-за него. А жизнь есть жизнь. Эти... эти собаки на сене пытаются сохранить тайну только для себя. Мы не станем отступать только потому, что «так поступать нехорошо».

— Значит, ты действительно думаешь, что Совет поступит вопреки Договору? — воскликнула Мэри голосом, полным ужаса.

— Думаю? План действий выработан сегодня ночью на заседании. Мы разрешили Администратору использовать всю полноту власти.

Лонг напряженно вслушивался. Наконец Мэри вымолвила:

— Борк...

— Да, дорогая?

— Ты должен что-то предпринять. Останови их.

— Остановить? Ты сама не знаешь, что говоришь. Я не могу... да и не хочу, если бы даже и мог.

— Но ты должен. Ты должен убедить Совет. Они допускают ошибку, трагическую ошибку. Не нужно ничего предпринимать, чтобы заставить заговорить этих несчастных. Никакой тайны нет!

— Что? По-моему, ты чрезмерно возбуждена. Ты хочешь убедить меня, что твое мнение правильное, весомее мнения умнейших людей планеты. Поверь, мы знаем, что делаем. Такие методы нравятся нам не больше, чем тебе, но мы идем на них ради общего блага. Прости, что я затронул эту тему. У тебя такое доброе сердце, ты такая нежная и ранимая. За это я и люблю тебя. Давай поженимся, и не терзайся понапрасну о судьбе сугубо политического дела.

— Выйти за тебя? Никогда!

— Мэри, ты просто расстроена. Ну назови мне хоть одну вескую причину для отказа.

— Хорошо. Я тебе ее назову. Она в том, что я одна из тех людей, которых ты собираешься преследовать.

Последовала пауза.

— Мэри... по-моему, с тобой не все в порядке.

— Не в порядке? Со мной? Для своих лет я чувствую себя прекрасно. Послушай меня, болван! У меня есть внуки, которые вдвое старше тебя. При мне Первый Пророк захватил страну. При мне Гарриман запустил первую лунную ракету. Тебя еще и на свете не было — даже твои дед и бабка еще не встретились — когда я была уже зрелой замужней женщиной. А теперь ты стоишь здесь и спокойно рассказываешь, как вы собираетесь пытаться мне подобных. Выйти за тебя? Да я скорее выйду замуж за одного из своих правнуков!

Лонг переменил позу и запустил правую руку за пояс килта. Беды следовало ждать с минуты на минуту. С женщиной, подумал он, можно иметь дело только в том случае, если вразумлять ее на каждом шагу.

В голосе Борка зазвучал металл, нотки страстной влюбленности сменились властным тоном опытного руководителя.

— Успокойся, Мэри. Сядь. Я позабочусь о тебе. Но сначала выпей успокоительного. Я приглашу к тебе

лучших психиатров города — да что там города — страны! Все будет хорошо.

— Убери руки!

— Мэри...

Лазарус шагнул в комнату и направил бластер на Вэннинга.

— Что, сестренка, эта макака причиняет тебе беспокойство?

Вэннинг в растерянности переводил взгляд с Мэри на незнакомца.

— Кто вы такой? — с негодованием осведомился он наконец. — И что вы здесь делаете?

Лазарус по-прежнему обращался только к Мэри:

— Только скажи мне словечко, сестренка, и я разнесу его на куски, от которых очень легко будет избавиться.

— Нет, Лазарус. — Ее голос снова был спокоен. — Спасибо, но в этом нет необходимости. И убери, пожалуйста, бластер. Я не хочу неприятностей.

— Ладно. — Лонг нехотя опустил оружие.

— Кто вы такой? — повторил Вэннинг. — И вообще, что означает это вторжение?

— Я как раз собирался тебя спросить об этом же, дружок, — ласково отозвался Лазарус, — да только это сейчас неважно. Я, как и Мэри, один из этих чудаков, которых ты ищешь.

Теперь Вэннинг начал понимать.

— Ясно, — сказал он и оглянулся на Мэри. — Нет, это невероятно. Хотя проверить будет совсем не трудно. Да и в любом случае, будет о чем с вами поговорить. Впервые воочию наблюдаю столь ярко выраженный атавизм. — Он направился к видеофону.

— Лучше держись подальше от фона, — быстро предупредил Лазарус. Затем он обратился к Мэри: — Я не буду стрелять. Прибегну к помощи ножа.

Вэннинг застыл на полпути.

— Ваша взяла, — пошел он на попятную. — Уберите этот ваш виброкинжал. Я не буду звонить.

— Присмотрись получше — это не виброкинжал. Это настоящая закаленная сталь.

Вэннинг повернулся к Мэри.

— Я уйду. Если у тебя осталась хоть капля здравого смысла, то ты пойдешь со мной.

Она отрицательно покачала головой. Он удрученно пожал плечами и взглянул на Лонга.

— А что касается вас, сэр, то ваши грубые манеры до добра вас не доведут. Вы будете арестованы.

Лазарус многозначительно уставился поверх Вэннинга.

— Это напоминает мне один случай в Венусбурге. Там некий тип тоже хотел арестовать меня.

— Ну и что?

— Я отправил его на тот свет.

Вэннинг открыл было рот, собираясь что-то сказать. Потом внезапно развернулся и бросился к выходу так стремительно, что едва не расшиб нос о косяк. Когда входная дверь за ним захлопнулась, Лазарус отпустил реплику:

— Никогда еще не встречал такого тяжелого типа. Держу пари, что он и ест-то только тщательно протеризованной ложкой.

Мэри рассмеялась. Лазарус повернулся к ней.

— Рад, что ты наконец развеселилась.

— Я и не подозревала, что ты подслушиваешь разговор. Мне приходилось выкручиваться на ходу.

— Я не помешал?

— Нет. Я рада, что ты появился. Спасибо. Но теперь нам придется поторопиться.

— Я тоже так думаю. Он из тех, кто выполняет свои обещания. Скоро здесь будет проктор, разыскивающий меня. А быть может, и тебя заодно.

— Да. Так что нам лучше убираться отсюда.

Через несколько минут Мэри была готова, но, когда они вышли из квартиры, навстречу уже поднимался мужчина в мундире проктора.

— Мое почтение, — сказал он. — Я разыскиваю одного гражданина и гражданку Мэри Сперлинг. Вы не могли бы помочь мне?

— С удовольствием, — отозвался Лазарус. — Она живет вон там. — Он показал на дверь в дальнем конце коридора.

Когда блюститель порядка отвлекся, чтобы посмотреть в указанном направлении, Лазарус аккуратно хва-

тил его рукояткой бластера по темени и подхватил обмякшее тело. Мэри помогла Лазарусу втащить прокто-ра в квартиру. Лонг склонился над ним, обшарил обмундирование и извлек заряженный парализатор. Выстрелив в офицера, он пояснил:

— Вот так. Это усыпит его на несколько часов.

Задумчиво уставившись на форменный килт, он вдруг снял с него пояс.

— Это может нам пригодиться. Во всяком случае не помешает.

Поразмыслив, он отстегнул у блюстителя порядка служебный значок и тоже сунул в карман.

Они снова вышли из квартиры и спустились на стоянку. Когда машина тронулась, Лазарус обратил внимание, что Мэри набрала код Северного побережья.

— Куда мы направляемся? — полюбопытствовал он.

— В Убежище Семей. Больше нам скрыться негде. В любом другом месте нас быстро застукают. Но до наступления темноты нам придется где-нибудь спрятаться.

Машина шла по центральному шоссе, ведущему на север, и контролировалась лучом. Мэри, извинившись, устроилась вздремнуть. Лазарус некоторое время лениво глазел в окно на открывавшиеся ландшафты, но вскоре и сам прикорнул на сиденьи.

Сигнал тревоги и последовавшая за ним остановка машины разбудили их. Мэри проснулась и выключила сигнал.

— Все машины подлежат проверке! — донеслось до них. — Следуйте на скорости двадцать миль в час до ближайшего поста дорожного контроля! Все машины подлежат проверке! Следуйте на скорости...

Она выключила приемник.

— Это из-за нас... — заметил Лонг. — Что будем делать?

Мэри не ответила. Она выглянула наружу и принялась осматривать окрестности. Скоростное управляемое шоссе, на котором они находились, было отделено от соседней неконтролируемой дороги стальным барьером. А дорожный пост, не исключено, находился всего в миле отсюда.

Мэри переключилась на ручное управление и, лавируя между теснившимися кругом машинами, направила «кэмден» к барьеру. Вплотную пристыковавшись к нему, она осторожно завела на ограду машину, и та медленно, дюйм за дюймом, стала переползать через препятствие. Лазаруса откинуло на спинку сиденья. Наконец «кэмден» перевалил через барьер и мягко выкатился на соседнюю дорогу.

С севера к ним приближалась машина, и они стояли как раз на ее пути. Машина шла не очень быстро — не более девяноста миль в час, но водитель был ошеломлен неожиданным, откуда ни возьмись, появлением кара на совершенно пустынной дороге. Мэри была вынуждена взять влево, затем вправо и снова влево. «Кэмден» пошел юзом, его занесло, гироскопическое устройство яростно противилось стальным объятиям инерции. Мэри отчаянно боролась с рычагами управления под аккомпанимент отвратительного скрежета — это заднее колесо отчаянно пыталось восстановить сцепление с дорожным покрытием. Наконец машина выровнялась и помчалась вперед.

Лазарус расслабился, с трудом разжал стиснутые зубы и перевел дух.

— Ну и ну! — присвистнул он. — Будем надеяться, что такое больше не повторится.

Мэри с улыбкой взглянула на него.

— Что, женщины за рулем нервнируют тебя?

— Нет-нет! Ни в коем случае! Я только хотел бы попросить тебя предупреждать меня каждый раз перед тем, как должно будет случиться что-нибудь подобное.

— Я и сама не ожидала, — призналась она. Затем обеспокоенно продолжала: — Я даже не знаю, что нам делать дальше. Я собиралась спрятаться где-нибудь за городом и дожидаться сумерек. Но теперь мы обратили на себя внимание. Наверняка кто-нибудь уже сообщает о нас на пост.

— А стоит ли ждать темноты? — усомнился Лонг. — Почему бы нам не добраться до озера на этом всемогущем драндулете и не пустить его напрямик к цели?

— Не хотелось бы, — ответила Мэри. — Я и так уже порядком засветилась. Амфибии, замаскированные под автомобили, конечно, встречаются, но... если

кто-нибудь увидит, как мы погружаемся, и сообщит проктору, то это наверняка привлечет внимание ищеек. Станут вылавливать рыбку разными способами, начиная с сейсмозондирования и кончая сонарами. И одному Богу известно, чем все это закончится.

— Разве Убежище не экранировано?

— Разумеется, экранировано. Но они могут обнаружить что-нибудь подозрительное и продолжат поиски.

— Да, пожалуй, так, — задумчиво согласился Лазарус. — И, конечно, совершенно ни к чему, чтобы прокторы пронюхали об Убежище Семей. Мэри, я думаю, нам лучше бросить машину и спрятаться. — Он помедлил. — Где угодно, только не в убежище.

— Нет, мы обязательно должны попасть туда, — коротко ответила Мэри.

— Но зачем? — удивился Лазарус. — Ведь когда преследуешь лису...

— Подожди, я попытаюсь кое-что предпринять.

Лонг умолк. Теперь Мэри вела машину только одной рукой — другой она что-то делала в отделении для перчаток.

— Отвечайте, — вдруг произнес чей-то голос.

— Жизнь коротка... — начала Мэри.

Они обменялись фразами пароля.

— Слушай, — торопливо заговорила Мэри, — я попала в беду. Запеленгуйте меня.

— О'кей.

— Субмарина в бассейне?

— Да.

— Отлично. Тогда направь ее ко мне. — Она кратко объяснила, что ей нужно, оторвавшись от разговора только для того, чтобы осведомиться у Лазаруса, умеет ли он плавать. — У меня все! — бросила она в микрофон. — Но поторопливайся, мы не можем ждать долго.

— Мэри, — запротестовал ее невидимый собеседник, — ты же знаешь, что у меня нет полномочий высылать подводную лодку днем, тем более в такую ясную погоду. Ее очень легко за...

— Так пришлешь ты ее или нет?

— Я все слышал, Мэри, — вмешался кто-то третий. — Это говорит Айра Барстоу. Мы заберем вас.

— Но... — попытался возразить первый.

— Перестань, Томми! Занимайся своим делом. До встречи, Мэри!

Переговариваясь с Убежищем, Мэри свернула с местной дороги на проселочную, по которой проезжала накануне вечером. Она не сбавляла скорости и не осматривалась. Лазарус стиснул зубы и напрягся. Они миновали изъезженный ржавчиной знак «Зараженная зона. Дальнейший путь — на ваш страх и риск», на котором еще сохранились остатки символа в виде пурпурного трилистника. Лазарус взглянул на него и вздрогнул: они рисковали облучиться нейтронами или еще какой-нибудь дрянью.

Мэри остановила машину возле небольшой рощицы, у самой обочины. От озера их отделял только невысокий обрывчик. Она отстегнула предохранительные ремни, закурила и расслабилась.

— Теперь остается только ждать. Как бы Айра ни торопил их, им понадобится не менее получаса. Лазарус, как ты думаешь, кто-нибудь заметил, как мы сворачивали сюда?

— Сказать по правде, Мэри, я был слишком озабочен, чтобы оглядываться.

— Вообще-то сюда почти никто не заглядывает, кроме разве что отчаянных мальчишек...

«...и девчонок», — добавил Лонг про себя, а вслух сказал:

— При въезде я заметил предупреждение о радиоактивной зараженности. Какой, интересно, здесь уровень радиации?

— Ах, это? Ерунда. Если не собираешься обосноваться здесь навечно, то беспокоиться не о чем. Нам нужно опасаться другого. Не будь мы привязаны к коммуникатору...

В этот момент коммуникатор заработал.

— О'кей, Мэри. Мы прямо напротив вас.

— Айра, это ты? — удивилась она.

— Да, но я говорю из Убежища. Нам удалось связаться с Питом Харди. Он, по счастью, находился в доке неподалеку от Эванстона, и я направил его к вам. Поторапливайтесь!

— Хорошо, спасибо!

Мэри обернулась к Лазарусу, собираясь что-то сказать, но он схватил ее за руку и воскликнул:

— Смотри!

Всего в какой-нибудь сотне ярдов от них садился вертолет. Не успел он коснуться земли, как из него выпрыгнули трое людей в мундирах прокторов.

Мэри быстро выскочила из машины и одним движением сорвала с себя одежду. Крикнув Лазарусу: «Бежим!», она сунула руку в кабину и нажала какую-то кнопку на приборной доске, затем бросилась к озеру.

Лонг помчался за ней к обрыву, на ходу расстегивая килт. Мэри уже почти достигла края. Лазарус бежал немного медленнее: острые камни впивались в ноги. Внезапно он почувствовал резкий толчок в спину — это взлетела в воздух машина. Только взрыв и спас их. Они очутились в воде одновременно.

В люк подводной лодки можно было пролезть только поодиночке. Лазарус сначала попытался в первую очередь просунуть в него Мэри. Она вырвалась, и он решил дать ей пощечину, чтобы привести в чувство. Но в воде пощечина оказалась слишком неубедительным аргументом. Несколько секунд ему пришлось провести под водой, и он уже начал подумывать о том, что неплохо было бы научиться не дышать вообще. «Чем я, собственно, хуже рыбок?» — мелькнула мысль. В этот момент внешний люк отошел в сторону, и он поспешил вплыть внутрь шлюза.

Через одиннадцать томительных секунд вода из шлюза была откачана, и у него появилась возможность заняться проверкой бластера.

Мэри торопливо растолковывала капитану:

— Пит, за нами погоня. Три разъяренных проктора. Машина взлетела в воздух прямо у них под носом. Они вряд ли видели, что мы прыгнули в озеро, но если кто-нибудь остался жив или только ранен, то он сообщит, что нам некуда было деться, кроме как броситься в озеро. Необходимо сматываться отсюда как можно скорее, пока они не начали поиски с воздуха.

— Исход этих гонок может оказаться не в нашу пользу, — заметил Пит Харди, берясь за управление. — Даже если они дадут нам фору, начав искать с воздуха путем визуального наблюдения, нам все равно необхо-

димо успеть уйти за пределы досягаемости их приборов раньше, чем они смогут засечь нас. Боюсь, что нам это не удастся.

Но маленькая субмарина продолжала прибавлять ход. Мэри раздумывала, стоит ли вызывать Убежище прямо с лодки. Оценив степень риска, она решила, что не стоит. Подобный шаг резко увеличил бы шансы службы безопасности в обнаружении цели. Поэтому она взяла себя в руки и стала ожидать исхода бегства, удобно расположившись в огромном кресле, вполне вместившем бы и двоих. Питер Харди уводил лодку в глубину. Погрузившись почти на самое дно, он определился по курсу и теперь вел лодку вслепую, так как почти вся аппаратура была отключена в целях безопасности.

Когда лодка достигла наконец внутреннего бассейна Убежища, Мэри приняла окончательное решение отказаться от каких бы то ни было средств технической связи. Даже от экранированного оборудования Убежища. Она намеревалась предпринять попытку связаться с другими членами Семей телепатически. Телепаты были одинаково редким явлением как среди обычных людей, так и среди здоровых членов Семей. Но из-за того, что генетический фонд Семей был ограничен, по наследству передавалось не только долголетие, но и отклонения неблагоприятного характера. Процент людей физически и умственно неполноценных в Семьях был относительно велик. Совет генетического контроля вплотную занимался проблемой, с одной стороны, избавления от дурной наследственности, а с другой стороны — параллельного сохранения большей продолжительности жизни. В обозримом будущем путей радикального решения этой задачи видно не было, а пока Семьям приходилось расплачиваться за долголетие высоким процентом неполноценных особей. Но почти пять процентов этих несчастных обладали телепатическими способностями.

Мэри сразу направилась в приют Убежища, где нашли себе пристанище некоторые из сенситивов. Лазарус вошел туда следом.

— Где малыш Стефен? — осведомилась Мэри у заведующей. — Он мне нужен.

— Тише, тише, — шикнула та на нее. — Сейчас у них тихий час. К нему нельзя.

— Дженис, мне необходимо повидаться с ним, — настаивала Мэри, — дело не терпит отлагательства. Я должна передать сообщение Семьям — сразу всем.

Заведующая мягко положила ей руки на плечи.

— Идите-ка лучше в рубку. Детей нельзя беспокоить, когда вздумается. Я не могу этого позволить.

— Дженис, ну пожалуйста! Сейчас нельзя воспользоваться ничем, кроме телепатии. Вы же знаете, я бы не стала беспокоить вас без крайней необходимости. Проводите меня к Стефену.

— Ничего путного от вашего визита все равно не будет. У него сегодня плохое настроение.

— В таком случае отведите меня к самому сильному телепату, который в состоянии передавать. Скорее, Дженис, возможно, от этого зависит наше спасение.

— Вас послали члены Совета?

— Нет! Прошу вас, на проволочки нет времени!

Заведующая все еще колебалась. Лазарус начал было вспоминать, когда он в последний раз ударил женщину. Но та наконец решилась.

— Ладно, попробуйте с Билли, хотя я против. И помните: его нельзя утомлять.

Сохраняя на лице негодование, она повела их по коридору мимо длинного ряда одинаковых дверей и, распахнув одну из них, пропустила посетителей в палату. Лазарус взглянул на то, что лежало на кровати, и отвернулся.

Заведующая пошла к столику и вернулась со шприцем.

— Он приходит в себя только под действием наркотиков? — спросил Лазарус.

— Нет, — холодно ответила заведующая, — просто ему нужно стимулирующее средство, чтобы он обратил на вас внимание. — Она сделала укол в руку огромной фигуре, лежавшей на кровати. — Приступайте, — разрешила она Мэри и отошла, недовольно поджав губы.

Безвольно покоившаяся туша зашевелилась, глаза ожили, оглядывая комнату, и остановились на Мэри. Существо ослабло.

— Тетя Мэри! — пролепетало оно. — О-о! Ты принесла что-нибудь маленькому Билли?

— Нет, — ласково ответила Мэри. — В следующий раз, малыш. Тетя Мэри очень торопится. Так что в следующий раз. Я приготовлю тебе сюрприз. Хорошо?

— Хорошо, — послушно повторило существо.

— Вот и умница. — Мэри протянула руку и погладила его по голове. Лазарус снова отвернулся. — А сейчас, Билли, малыш, сделай своей тете Мэри одолжение. Большое-пребольшое одолжение.

— Хорошо, тетя.

— Ты можешь связаться со своими друзьями?

— Конечно.

— Со всеми?

— Угу. Но они очень редко говорят...

— Позови их.

Воцарилось молчание, и после кратковременной паузы Билли сообщил:

— Они слышат меня.

— Прекрасно! Теперь, Билли, будь внимателен: срочное предупреждение всем Семьям! Говорит Старшая Мэри Сперлинг. Решением Совета Администратору дано право арестовывать любого члена Семей. Совет издал указ, предписывающий Администратору воспользоваться всей полнотой вверенной ему власти. Мне известно, что они, невзирая на Договор, готовы на любые меры, чтобы вытянуть из нас так называемый секрет долголетия, вплоть до применения пыток, разработанных инквизиторами Пророков. — У нее дрогнул голос. Она сделала паузу и постаралась успокоиться. — Торопитесь! Вы должны немедленно разыскать тех, кто объявил о своем существовании, предупредить и укрыть их. Возможно, в нашем распоряжении остались считанные минуты!

Лазарус коснулся ее руки и что-то шепнул на ухо. Она кивнула и продолжала:

— Если кто-нибудь из братьев уже арестован, спасите его любым способом! Не апеллируйте к статьям Договора — это пустая трата времени. Не пытайтесь искать справедливости... спасайте их! А теперь — действуйте!

Она замолчала и, немного погодя, спросила усталым ласковым голосом:

— Как ты думаешь, Билли, они слышали нас?

— Конечно.

— Они передали это своим?

— Ага. Все, кроме Джимми Лошади. Он сердит на меня, — доверительно сообщил Билли.

— Джимми? Где он живет?

— В Монреале, — вмешалась заведующая. — Но там есть еще два телепата, так что ваше послание дошло до них. Вы закончили?

— Да... — с сомнением в голосе ответила Мэри. — Но, может быть, для верности попробовать еще раз?

— Нет!

— Но Дженис...

— Я не позволю. Охотно верю, что это очень важно, но теперь Билли нужно ввести укрепляющее. Прошу вас выйти.

Лазарус тронул Мэри за руку.

— Пошли. Попало сообщение, куда следует, или нет — ты сделала все, что могла. Ты молодчина!

Мэри отправилась с докладом к Постоянному Секретарю. Лазарус на время расстался с ней. У него тоже было неотложное дело. Он отправился на поиски кого-нибудь не слишком занятого, чтобы попросить об одной услуге. Первыми, на кого он наткнулся, оказались охранники у входа в бассейн.

— Привет, — начал он.

— Привет, — отозвался один из них. — Кого-нибудь ищите?

Охранник с удивлением оглядел обнаженного Лазаруса и отвел глаза. Носить одежду или ходить нагишом — личное дело каждого.

— Да, вроде того, — подтвердил Лазарус. — Слушай, паренек, ты не подскажешь, где мне разжиться хоть каким-нибудь завалящим килтом?

— Конечно, — вежливо ответил охранник. — Дик, я сейчас!

Он отвел Лазаруса в отделение для холостяков, выдал одежду, помог высушить сумку и ее содержимое. Насчет развешанного по бокам Лазаруса арсенала он даже не заикнулся. Поведение Старших его не

касалось, тем более что многие из них оберегали право личной неприкосновенности гораздо ревнивее, чем большинство людей. Он видел, что тетушка Мэри выходила из лодки тоже обнаженной, но не был этим шокирован, поскольку слышал доклад Пита Айре Барстоу о том, что пассажиры были взяты на борт под водой. Охранник, конечно, не мог взять в толк, почему человек, нырнувший в озеро, не скинул заодно и железки, но тем не менее не позволил себе пренебречь приличиями.

— Вам нужно еще что-нибудь? — осведомился он. — Обувь не жмет?

— Все в порядке, сынок. Спасибо.

Лазарус расправил помятый килт. Тот был ему слегка великоват, но вполне удобен. И вообще, голышом приятно ходить разве что на Венере. А он никогда не питал почтения к тамошним порядкам. «Черт возьми, человеку просто необходимо быть одетым. Как-то спокойнее себя чувствуешь», — подумал он.

— Еще раз спасибо. Кстати, а как тебя зовут?

— Эдмунд Харди, из Семьи Фут.

— Вот как? А по какой линии?

— Чарлз Харди и Эвелин Фут. Эдвард Харди — Алиса Джонсон и Теренс Бриггс — Элеонор Везерэл. Оливер...

— Довольно. Я так и думал. Ты один из моих прапраправнуков.

— Вот как? Интересно, — оживился Харди. — Выходит, мы родственники примерно в шестнадцатом колене. Простите, а вас как зовут?

— Лазарус Лонг.

Харди покачал головой.

— Видимо, это ошибка. Вы не из моей Семьи.

— Тогда попробуй заменить на Вудро Вильсон Смит. Когда-то я начинал с этого имени.

— Вот оно что! Тогда конечно. Но я думал, что вы уже... э-э-э...

— Умер, что-ли? Ну нет!

— Нет-нет... Я не то хотел сказать, — стушевался Харди, покраснев, а затем смущенно произнес: — Я очень раз познакомиться с вами, Прадед. Я давно хотел толком разузнать, что же произошло с Семьей на собрании в 2012 году.

— Тебя тогда еще на свете не было, Эд, — сердито заметил Лазарус. — И не надо величать меня прадедом.

— Простите, сэр, то есть я хотел сказать, простите, Лазарус. Не могу ли я еще что-нибудь сделать для вас?

— Мне не хотелось бы быть навязчивым, но... Где бы мне перехватить что-нибудь на завтрак? С утра все как-то руки не доходили.

— Ну разумеется.

Харди отвел Лазаруса в столовую, приготовил завтрак, сварил кофе для него и своего напарника, оставшегося на посту. Когда он ушел, Лазарус вожаделенно уставился на снесь: аппетитно пахнувшие сосиски, яйца, джем, горячие гренки, кофе со сливками — все это тянуло на добрых три тысячи калорий. Он всегда исходил из того, что заправиться поплотнее вовсе не повредит, поскольку никто не ведает, когда ему представится случай поесть в следующий раз.

Насытившись, он откинулся на спинку кресла и немного ослабил пояс. После непродолжительного отдыха он собрал грязную посуду, сунул ее в моечную машину и отправился искать радио, чтобы узнать последние новости. Поиски увенчались успехом в библиотеке. Она была совсем пустой, если не считать одинокого человека, который на вид был одних с Лазарусом лет. Но этим сходство и исчерпывалось. Незнакомец был значительно худощавее, черты лица его — мягче, а волосы свободно спадали на плечи, в отличие от жесткой непокорной шевелюры Лазаруса. Человек крутил ручку настройки, глядя на шкалу.

Лонг громко кашлянул и поздоровался:

— Добрый день!

Незнакомец поднял голову и воскликнул:

— О, простите! Я задумался. Чем могу быть полезен?

— Я хотел бы узнать новости. Хорошо бы включить экран.

— Никаких проблем. — Человек встал и включил проекционную аппаратуру. — Вас интересует что-нибудь конкретное?

— Я хотел узнать, — сказал Лазарус, — нет ли о нас — я имею в виду Семьи — каких-либо новостей?

— Я и сам пытаюсь их поймать. Может, лучше воспользоваться автонастройкой и подождать?

— О'кей, — согласился Лазарус и подошел к приемнику. — Какое слово ключевое?

— «Мафусаил».

Лазарус нажал кнопку. Послышались писк и шорохи, указатель заскользил по шкале и наконец остановился с триумфальным щелчком.

«Новости дня! — раздалось из динамика. — Единственная служба новостей на Среднем Западе, получающая информацию от всех ведущих информационных агентств. Свой лунный видеоканал. Собственные корреспонденты во всей Солнечной системе. Из первых рук — тут же обо всем! Линкольн, штат Небраска: ученый разоблачает долгожителей! Доктор Уитвел Оскарсен, заслуженный президент Брайанского Лицея в отставке, требует пересмотра статуса группы граждан, именующих себя Семьями Говарда. Доказано, говорит он, что эти люди разрешили проблему долголетия и продления человеческой жизни, возможно, до бесконечности. Это весьма похвально — честь и слава им за такое достижение. Но их отговорки, что причина долголетия коренится в наследственности, — сущая чепуха, как с точки зрения здравого смысла, так и с научной. Наши современные знания в области генетики позволяют нам утверждать со всей ответственностью, что эти люди просто пытаются утаить от общества свое открытие, пользуясь между тем втихомолку его плодами.

Это идет вразрез с нашими обычаями не делать научные знания монопольным достоянием какой-либо одной группы лиц. Когда же речь идет о человеческой жизни, утаивание сведений становится просто предательством. Как гражданин, я призываю Администрацию действовать решительно. Хочу напомнить, что даже умнейшие люди, разработавшие Договор и наметившие основные принципы нашей жизни, не могли в те времена усмотреть подобной ситуации. Законы создает человек, следовательно, закон не может быть безошибочным. То, что всякое правило имеет исключение — непреложно, как дважды два четыре. И перед лицом...»

Лонг нажал кнопку.

— Ну что, довольно слушать этого типа?

— Да, я уже сыт им по горло, — вздохнул незнакомец. — Нечасто приходится выслушивать такой бога-

тый набор трескучих фраз. Это удивляет меня: доктор Оскарсен известен как серьезный ученый.

— Значит, он изменился за последнее время, — изрек Лазарус, снова включая приемник. — Теперь он, похоже, считает, что законы следует устанавливать согласно его мнению.

Приемник немного потрещал, звякнул и снова заговорил: «Новости дня...»

— Он, часом, не собирается пичкать нас этой ерундой до скончания веков? — поморщился Лазарус.

— Подозреваю, что так, — откликнулся незнакомец.

А бесстрастный голос продолжал:

«Энсенада, Бая Калифорния. Сегодня Джеффер и Люси Джефферсон потребовали специальной защиты у проктора, утверждая, что в их дом ворвалась группа граждан, угрожала им насилием и предприняла ряд других противозаконных действий. Джефферсоны являются, по их собственным словам, представителями пресловутых Семей Говарда. Они считают, что инцидент вспыхнул исключительно на этой почве. Начальник районной полиции заявил, что никаких доказательств случившегося они не представили и что он просто принимает данное требование к сведению. Вечером состоится собрание жителей города, на котором...»

Незнакомец повернулся к Лазарусу.

— Брат, неужели я не ослышался? Ведь это первый случай насилия за последние двадцать лет... а они сообщают об этом так спокойно, будто информируют о каких-нибудь неполадках в системе контроля погоды.

— Не совсем, — задумчиво произнес Лазарус. — Чересчур выразительна информация, с которой была произнесена фраза о «пресловутых Семьях».

— Это верно. Но сдается мне, за всю передачу не прозвучало ни слова с индексом эмоциональности выше полутора. А ведь в новостях разрешается использовать и выражения с индексом две целых ноль десятых.

— Ты психометрист?

— О нет. Простите, я забыл представиться. Меня зовут Эндрю Джексон Либби.

— Лазарус Лонг.

— Я знаю. Я видел вас вчера вечером на собрании.

— Либби, Либби... — несколько раз повторил Лонг. — Кажется, среди Семей такой фамилии нет. И в то же время что-то очень знакомое.

— Мой случай отчасти напоминает ваш.

— Ты что, сменил имя во время Междувластия?

— И да и нет. Я родился после Второй Революции. Но мои родители были вовлечены в Новый Крестовый Поход и, порвав с Семьями, изменили мое имя. Только став взрослым, я узнал, что являюсь членом Семей.

— Что ты говоришь! Это интересно. Как же они тебя нашли? Хотя, может быть, тебе не хочется рассказывать...

— Видите ли, я служил в Космическом Флоте, и один из моих начальников...

— Точно! Точно! Я вспомнил, что ты раньше работал в космосе. Ты — Либби Калькулятор.

Либби застенчиво улыбнулся.

— Меня действительно так называли.

— Да-да. Последний корабль, который я пилотировал, был оборудован твоим парагравитационным выпрямителем. А в рубке управления пользовались твоим дифференциалом для управления двигателями. Я позаимствовал у тебя идею, но ее воплощение разработал самостоятельно.

Либби, казалось, ничуть не обиделся. Напротив, он даже просиял.

— Вы интересуетесь символической логикой?

— Только с практической точки зрения. Кстати, я внес в твой принцип одно усовершенствование, основанное на отличии обратных альтернатив в тринадцатом приближении. Вот как это выглядит: предположим, что мы находимся в пределах поля плотностью «х» с нормалью градиента n -го порядка по отношению к направлению. Если необходимо проложить правильный курс к точке А, то здесь нужно воспользоваться вектором РО, применяя автоматическую селекцию всего прыжка, затем...

Мало-помалу они перешли на язык терминов, понятный только людям, работавшим в космосе. Приемник тем временем продолжал свой поиск. Трижды он набредал на каналы вещания, но Либби каждый раз, не слушая, нажимал кнопку отказа.

— Теперь понятно, — сказал он наконец. — Я тоже подумывал о подобном, но потом пришел к выводу, что это экономически невыгодно — слишком уж дорого. Ваш же вариант решения обойдется дешевле.

— Ты так считаешь?

— Да это же очевидно! Ваше устройство содержит только шестьдесят два узла, если брать стандартные блоки. Значит, максимально возможное... — Либби ментально подсчитал в уме, — число операций не превышает пять тысяч двести одиннадцать, в то время как мое...

Лазарус прервал его.

— Энди, — участливо осведомился он, — ты не страдаешь иногда мигренью?

Либби снова застенчиво улыбнулся.

— В моих способностях нет ничего ненормального, — возразил он. — Теоретически такие возможности может развить в себе каждый.

— Да уж, конечно, — согласился Лазарус. — А змею и подавно пара пустяков научить танцевать, стоит только ухитриться надеть ей бальные туфельки. Не обижайся, я очень рад, что познакомился с тобой. Я слышал о тебе еще тогда, когда ты был неоперившимся юнцом. Ты ведь служил в Космическом Строительном Комплексе, не так ли?

Либби кивнул.

— Земля-Марс. Третий участок.

— Вот-вот. Значит, тот парень мне не соврал. Торговец из Драйуотера. Я ведь знал еще твоего деда. Старый лысый петух.

— Таким он и был, — улыбнулся Либби.

— Еще бы! Как раз с ним я и сцепился на встрече 2012 года. За словом в карман он не лез... — Лазарус даже поежился. — Интересно, Энди... мне только сейчас пришло в голову... никогда не жаловался на память, а теперь мне кажется, что я с трудом восстанавливаю ход событий. Особенно первой сотни лет.

— Это математически неизбежно, — заявил Либби.

— В самом деле?

— Жизненный опыт становится все богаче, а корреляция запоминаемого — это бесконечный процесс. Если бы люди жили до тысячи лет, то пришлось бы

разработать новый способ запоминания, чтобы всегда идти в ногу со временем. Иначе человек по уши увяз бы в бесполезных воспоминаниях, не будучи в состоянии оценить их с точки зрения полезности. Результат — помешательство или слабоумие.

— Вот как? — встревожился Лазарус. — Тогда нужно поскорее заняться этим вплотную.

— О, это вполне разрешимая проблема.

— Давай как-нибудь займемся ею. Просто чтобы не быть застигнутым врасплох.

Приемник снова обратил на себя внимание, на сей раз резким звуком и ярким светом вспыхнувшего экрана. На нем появился текст:

«Слушайте последние известия! Внимание! Высший Совет принял решение временно приостановить действие Договора. В связи с создавшимся чрезвычайным положением, не предусмотренным Общественным Договором, экстренно созданный Совет Действия объявил сегодня о том, что Администратору дано право задерживать и допрашивать любого из членов так называемых Семей Говарда. Допрашивать с помощью всех средств, которые он сочтет необходимым применить! Администратор распорядился, чтобы следующее его заявление было передано всеми официальными средствами информации (я цитирую): «Приостановление гражданских свобод, гарантированных Договором, касается только лиц, принадлежащих к группе, известной как Семьи Говарда. Представители властей теперь имеют право, сообразуясь с обстоятельствами, задерживать вышеуказанных лиц и доставлять их в распоряжение Совета Действия. Причем гражданам рекомендуется терпимо относиться к некоторым неудобствам, с которыми эти акции могут быть сопряжены. Ваше право на неприкосновенность будет соблюдаться по возможности полностью; ваше право передвижения, не исключено, будет временно отменено, однако, заверяю вас, все издержки будут впоследствии полностью покрыты за счет правительства».

А теперь, друзья и граждане, что же все это означает? Для вас, для вас и для вас тоже? Сейчас «Новости

дня» передадут выступление вашего любимого комментатора Альберта Рейфснайдера.

— Говорит Рейфснайдер. Приветствую вас, граждане! Никаких оснований для беспокойства нет. Введение чрезвычайного положения будет куда менее ощутимо для рядовых свободных граждан, чем легкое изменение давления для гигантских машин, управляющих погодой. Можете не волноваться! Расслабьтесь! Оказывайте содействие прокторам по мере надобности и возвращайтесь к своим личным делам. Если вам что-то покажется неправильным, не чините препятствий властям, апеллируя к законности, а оказывайте им содействие.

Вот что значит для вас это заявление сегодня. Что же оно будет означать завтра и послезавтра? Оно будет означать, что ваши верные слуги предприняли вынужденную попытку сделать вашим достоянием секрет долгой и счастливой жизни! Пока особенно не обольщайтесь надеждами... но, признаюсь, мне лично все происходящее напоминает утро нового дня. Да, да, совершенно верно, очень напоминает! Ревностно охраняемый эгоистичным меньшинством секрет вскоре станет...»

Лазарус, вопросительно подняв бровь, взглянул на Либби, затем выключил приемник.

— Вот пример того, — прокомментировал Либби, — что в передачах новостей называют «беспристрастным изложением фактов».

Лазарус достал из сумки сигарету, прикурил. Только после этого он ответил:

— Не бери в голову, Энди. Бывают времена худые и времена хорошие. Сейчас, похоже, наступают тяжелые. Люди снова вышли на тропу войны... на сей раз начнется охота на нас.

Глава 3

Пещера, известная как Убежище Семей, к концу дня была заполнена до отказа. Члены Семей продолжали прибывать из Иллинойса и Индианы по подземным туннелям. С наступлением темноты у входа в подземный бассейн началось настоящее столпотворение: спортивные субмарины, машины-амфибии, подобные той, которой пользовалась Мэри, обычные машины, приспособленные для передвижения под водой. Все они были битком набиты беженцами, часть из которых чуть не задохнулась в пути, проведя на глубине значительное время в томительном ожидании своей очереди проникнуть в Убежище.

Зал заседаний оказался слишком мал для того, чтобы вместить всех. Постоянный штат Убежища освободил самое большое помещение — столовую — и убрал перегородки, отделявшие ее от зала.

В полночь Лазарус забрался на временные подмости.

— О'кей, — возвестил он. — Теперь давайте-ка утрясемся. Те, что стоят впереди, пусть сядут, чтобы задним было видно. Итак, я родился в 1912 году. Есть кто-нибудь старше?

Он выдержал паузу, затем продолжил:

— Можете выдвигать кандидатуры в председатели... Давайте, давайте активнее!

Были предложены три кандидатуры, но, прежде чем успели выставить четвертую, последний из названных поднялся.

— Аксель Джонсон из Семьи Джонсонов. Я прошу снять мою кандидатуру и предлагаю остальным последовать моему примеру. Лазарус в прошлый раз отлично справился с делом, рассеяв туман, в котором мы чуть не заблудились. Пускай он и сегодня продолжит. Сейчас не время соблюдать формальности.

Остальные кандидаты тоже взяли самоотвод. Других никто не предлагал. Тогда Лазарус сказал:

— О'кей, раз вы пришли к такому мнению. До начала прений я бы предложил выслушать сообщение Главного Поверенного. Есть возражения? Зак, сцапали кого-нибудь из наших?

Заккуру Барстоу не было нужды представляться, поэтому он сразу ответил:

— Я говорю от имени Поверенных. Наш отчет еще не полностью готов, но у нас пока нет сведений, что кто-нибудь из членов Семей арестован. Из 9285 членов Семей, объявивших о своем существовании, 9106 уже сообщили, что находятся в укромных местах. Это было десять минут назад, когда я покинул пост связи. Они укрылись или в других Убежищах Семей, или в домах не известных обществу членов, или в других местах. Предупреждение Мэри Сперлинг оказалось удивительно эффективным, учитывая то исключительно короткое время, которое прошло с момента его передачи до момента, когда был обнародован документ Совета Действия. Тем не менее мы находимся в неведении о судьбе ста семидесяти девяти братьев. Надеюсь, они дадут о себе знать в ближайшее время, во всяком случае большая часть из них. А другие, скорее всего, просто не имеют возможности вступить с нами в контакт...

— Ближе к делу, Зак, — нетерпеливо прервал его Лазарус. — Каковы шансы, что все они доберутся до укрытий целыми и невредимыми?

— Никаких.

— Как это понимать?

— Уже известно, что трое под своими официально объявленными именами находятся в пассажирских кораблях на полпути между Луной и Землей. Другие же, о которых мы ничего не знаем, вероятно, находятся в подобном положении.

— У меня вопрос! — Взъерошенный человек встал и протянул руку в направлении Главного Поверенного. — Всем ли членам Семей, подвергающимся сейчас опасности быть задержанными, сделана гипнотическая блокада?

— Нет. Но ведь нам и нечего было...

— Я хочу знать, по чьей вине допущен прокол!

— Заткнись! — взревел Лазарус. — Ты нарушаешь порядок ведения собрания. Здесь никого не судят, и у нас нет времени брызгать слюной по пустякам. Давай дальше, Зак!

— Хорошо. Но отчасти я могу ответить на заданный вопрос: все отлично знают, что предложение хранить наши тайны с помощью гипнотической блокады было провалено на собрании, проголосовавшем за смягчение «маскарада». И я припоминаю, что брат, который сейчас так возмущается, высказывался против проведения блокады.

— Неправда! Я настаиваю...

— Заткнешься ты или нет? — Лазарус в ярости уставился на возмутителя спокойствия, затем присмотрелся к нему повнимательнее. — Слушай, дружище, да ведь ты — наглядное свидетельство тому, что Фонду следовало бы работать над закреплением в наследовании лучших мозгов, а не продолжительности жизни. — Лазарус обвел толпу взглядом. — Каждый получит слово, но только в порядке очереди, установленной председателем. Если этот тип еще раз вякнет, я скормлю ему его же собственные зубы. Устраивает вас такой председатель, а?

По залу прошелестел шепот как одобрения, так и осуждения, но вслух никто не возразил. Заккур Барстоу продолжал:

— По совету Ральфа Шульца, Поверенные в течение последних трех месяцев постарались, чтобы все заявившие о своем существовании члены Семей получили гипноблокаду. И мы почти преуспели в этом.

— Давай без обиняков, Зак, — снова перебил его Лазарус, — в безопасности мы или нет?

— Нет! По меньшей мере двое из наших кузенов, которые наверняка будут арестованы, не получили блокады.

Лазарус пожал плечами.

— Тогда, пожалуй, все. Братцы, игра проиграна. Всего один укол сыворотки правды в руку — и нашему «маскараду» конец. Это в корне меняет ситуацию, во всяком случае изменит ее через несколько часов. Какие есть мнения насчет того, что нам предпринять?

В рубке управления трансконтинентальной ракеты «Уоллаби», направлявшейся в южное полушарие, вдруг загудел телеком, и — щелк! — из него, словно язык, высунулся край листка бумаги с сообщением. Второй пилот протянул руку и вытащил послание.

Он прочитал его, затем перечитал еще раз.

— Шкипер, настройтесь на худшее!

— Что, неприятности?

— Вот, ознакомьтесь!

Прочитав сообщение, капитан удрученно присвистнул:

— Дьявольщина! Я в жизни никогда никого не арестовывал. Да, пожалуй, и не видел своими глазами, как это делается. С чего же мы начнем?

— Преклоняюсь перед вашим авторитетом командира.

— Да что ты говоришь! — с издевкой отозвался капитан. — В таком случае, в порядке преклонения, можешь отправляться и выполнять приказ об аресте.

— Что? Я вовсе не это имел в виду. Ведь именно вы наделены здесь полномочиями представлять власть. А я уж лучше подменю вас у коммуникатора.

— Ты, видно, не так меня понял. В качестве представителя власти я приказываю тебе произвести арест. Иди и выполняй.

— Минуточку! Эл, но в моем контракте ничего не сказано...

— Выполняй приказание!

— Есть, сэр!

Второй пилот отправился в хвостовой отсек. Корабль уже вошел в атмосферу и теперь снижался по пологой траектории. Второй пилот мог свободно идти. Про себя он подумал о том, как, интересно, выглядел бы арест в невесомости. Ловить задерживаемого сачком для бабочек? Он определил пассажира по номеру кресла и коснулся его руки.

— Простите, сэр. Произошла досадная ошибка. Позвольте взглянуть на ваш билет?

— Конечно, пожалуйста.

— Вы не будете против, если мы с вами пройдем в служебное помещение? Там гораздо спокойнее, к тому же мы оба сможем сесть и во всем разобраться.

— Пожалуйста, пожалуйста.

Когда они вошли в служебную каюту, старший офицер попросил пассажира присесть, затем как бы спохватился:

— Какая глупость! Я забыл в рубке пассажирский список. — Он повернулся и вышел.

Как только дверь скользнула на место, пассажир услышал неожиданный щелчок. Под влиянием внезапно пробудившихся подозрений он попробовал открыть дверь. Она была заперта.

В Мельбурне за ним явились два проктора. Пока они вели его через космопорт, он слышал насмешливые и весьма недоброжелательные замечания зевак: «Наконец-то сцапали одного из "юнцов"!» — «Неужто и впрямь? Честно говоря, он совсем не выглядит старым». — «Эй, почему нынче обезьяньи семенники?» — «Не пьялся, Герберт». — «А почему бы и нет? Они еще и не такого заслуживают!»

Арестованного доставили в офис Старшего Провоста, который с деланной любезностью предложил ему сесть.

— Ну что ж, сэр, — сообщил с едва уловимым местным акцентом Провост, — если вы не окажете сопротивления, позволив сделать всего один укол в руку...

— С какой целью?

— Я убежден, что вы лояльный гражданин и изо всех сил стремитесь оказывать содействие властям. Никакого вреда вам не причинят.

— Это к делу не относится. Я настаиваю на том, чтобы мне объяснили причину задержания. Я гражданин Соединенных Штатов.

— Не спорю, но Федерация имеет свою юрисдикцию в каждом из входящих в нее государств, а я в данный момент как раз действую от имени Федерации. Так что, будьте добры, закатайте рукав.

— Я отказываюсь подчиняться. Я настаиваю на уважении к моим гражданским правам.

— Подержите-ка его, ребята.

Чтобы выполнить распоряжение, понадобились четверо. Но еще до того, как игла коснулась руки задержанного, тот вдруг стиснул зубы, и его лицо исказилось гримасой внезапной боли. После этого пленник перестал вырываться и сидел неподвижно, а блюстители порядка ждали, пока подействует наркотик. Наконец Провост мягко приподнял веко пленника и заключил:

— Думаю, он готов. Весит он не более шестидесяти килограммов, так что пробрать его должно довольно быстро. Где у нас перечень вопросов?

Помощник протянул ему вопросник, и Провост начал:

— Гораций Фут, вы меня слышите?

Губы человека шевельнулись. Казалось, он собирается заговорить. Рот его открылся, и вдруг на грудь ему хлынула струя крови.

Провост взревел и, запрокинув голову задержанного, быстро осмотрел его лицо.

— Хирурга! Он откусил себе язык!

Капитан приписанного к Луна-Сити челнока «Лунная Дорожка» хмыкнул, прочтя депешу, только что врученную ему.

— Что еще за детские игры! — Он взглянул на своего второго заместителя. — Ну-ка, ну-ка, сударь, объясните мне!

Второй заместитель сосредоточенно разглядывал пятно на потолке. Кипя негодованием, капитан вытянул руку с депешей и стал читать вслух:

— «...меры предосторожности, гарантирующие, что задержанный не сможет причинить себе никакого вре-

да. Вам предлагается привести его в бессознательное состояние, не производя при этом действий, способных заронить у него подозрение о характере ваших намерений». — Капитан опустил листок. — Что они там все, с ума посходили? Я что, губернатор Окраины, что ли? Да что они там о себе возомнили? Указывать мне, что мне на моем корабле делать с моими пассажирами! Да я никогда... хоть режь меня! Никогда! Нет такого закона, чтобы заставить меня... Верно ведь? Эй, сударь!

Второй заместитель продолжал молча изучать потолок.

Капитан перестал расхаживать взад-вперед.

— Стюард! Стюард! Черт возьми, почему этого человека никогда не бывает на месте, когда он нужен?!

— Я здесь, капитан!

— Очень вовремя!

— Я все время находился рядом, сэр.

— Не спорьте со мной! Вот здесь... Словом, действуйте! — Он вручил стюарду депешу и вышел.

Корабельный механик под наблюдением стюарда и врача произвел незначительные изменения в системе кондиционирования воздуха одной из кают. Два беспокойных пассажира тут же избавились от всех своих тревог под действием небольшой дозы усыпляющего газа.

— Еще одно сообщение, сэр.

— Положите его на стол, — устало бросил Администратор Форд.

— Да, еще советник Борк Вэннинг шлет свои поздравления и просит об интервью.

— Передайте ему, что я очень сожалею, но сейчас слишком занят.

— Он настоятельно просит о встрече с вами, сэр.

Администратор Форд с вызовом ответил:

— В таком случае можете передать ему, что в этом кабинете достопочтенный мистер Вэннинг пока еще не вправе наводить свои порядки!

Секретарь промолчал. Тогда Администратор устало коснулся лба кончиками пальцев и медленно продолжил:

— Впрочем, Джерри, не говорите ему этого. Будьте дипломатом... Только ни в коем случае не впускайте его.

— Хорошо, сэр.

Оставшись один, Администратор взял сообщение. Глаза его скользнули по официальному выступлению, дате и входящему номеру.

«Краткий отчет о беседе с временно объявленным вне закона гражданином Артуром Сперлингом. Полный текст беседы прилагается. Условия беседы: указанное лицо говорило под действием стандартной дозы неоскополамина, незадолго до того получив неустановленную дозу усыпляющего газа. Противоядие...»

Ну как бы отучить подчиненных от этого словесного поноса! Неужели в душах всех гражданских служащих гнездится эта болезненная страсть к краснбайству? Его взгляд снова заскользил по строчкам.

«...заявил, что его действительно зовут Артур Сперлинг и что он принадлежит к Семье Фут, а затем сообщил, что ему сто тридцать семь лет (на вид указанному лицу сорок пять, плюс-минус четыре года; медицинское заключение прилагается). Объект подтвердил, что является членом Семей Говарда. Он указал, что общее количество членов Семей превышает сто тысяч человек. Его попросили точнее определить количество, так как правильным ответом было бы около десяти тысяч. Но он настаивал на первоначальной цифре».

Администратор остановился и еще раз перечитал эту часть отчета. Затем он пробежал глазами остальной текст, выискивая в нем самое главное.

«...упорно настаивал на том, что его долгожительство является результатом наследственности и что других причин нет. Объект сообщил, что для сохранения молодой внешности были действительно применены искусственные методы, но твердо стоял на своем в том, что долголетие его наследственное, а не приобретенное. В ответ на предложенную версию о том, что родители могли в раннем детстве без его ведома как-то воздействовать на него искусственно с целью увеличения продолжительности жизни, согласился, что это не исключено. При настоятельных вопросах об именах

лиц, которые, возможно, занимались подобными операциями, объект вернулся к первоначальному заявлению, что таковой методики не существует.

Он назвал имена (при тестировании на произвольные ассоциации) и даже несколько адресов почти двухсот членов своей группы, которые в наших материалах в качестве таковых ранее зафиксированы не были (перечень имен прилагается). Затем у объекта наступил полный упадок сил, и он впал в совершенную апатию, из которой его не могли вывести никакие стимуляторы, отвечающие его биологическим возможностям (см. медицинское заключение).

Выводы, сделанные на основании приблизительного анализа по методу Келли — Холмса: объект не располагает знаниями и не верит в Искомое. Не помнит, чтобы Искомое применялось по отношению к нему, но, очевидно, заблуждается. Следовательно, об Искомом знает только узкий круг лиц — не более двадцати человек. Член этой руководящей группы будет выявлен с помощью метода тройного исключения достаточно легко. (Возможность обнаружения группы рассчитана исходя из двух допущений: во-первых, топологическое социальное пространство весьма обширно и включает в себя физическое пространство Западной Федерации; во-вторых, между выявленными субъектами и искомой группой существует по меньшей мере одна связующая нить. Первое допущение подтверждается статистическим анализом перечня названных объектом имен членов Семей Говарда, пока не объявивших о своем существовании. Тот же анализ свидетельствует, что названное объектом число лиц, входящих в Семьи, соответствует действительности. Предположение же, при наличии отрицательных допущений, что руководящая группа, обладающая Искомым, имеет возможность применять его, не вступая ни с кем в контакт, просто абсурдно).

Предполагаемое время обнаружения: 71 плюс-минус 20 часов. К такому выводу пришли специалисты, занимающиеся данным делом. Расчет времени будет... »

Форд захлопнул отчет и швырнул его на кучу бумаг, громоздившуюся у него на столе рядом со старомодным пультом. Идиоты! Не узнать отрицательного ре-

зультата, когда он под самым носом!.. И они еще называют себя психографами!

Он закрыл лицо в приступе внезапно нахлынувшей усталости и отчаяния.

Лазарус постучал по столу рукояткой бластера.

— Не прерывайте оратора! — гаркнул он и уже спокойно добавил: — Продолжай, но только покороче. Бертрам Харди коротко кивнул.

— Еще раз повторяю: эти мухи, назойливо выющиеся вокруг нас, не опираются на законы, которые нам, членам Семей, стоило бы уважать. Поэтому следует бороться с ними исподтишка, коварно и вероломно, а когда наше положение упрочится, заявить о себе с позиции силы! Мы больше не обязаны заботиться об их благополучии, ведь охотник не предупреждает криком свою жертву об опасности. Мы...

Из задних рядов донесся чей-то возглас. Лазарус снова постучал, призывая к порядку, и попытался рассмотреть возмутителя спокойствия. Харди упрямо продолжал:

— Так называемая человеческая раса раскололась надвое, теперь мы все понимаем это. С одной стороны — *Ното vivens*, то есть мы; с другой — *Ното moriturus*! Их век, как век динозавров, саблезубых тигров и бизонов, прошел. Нам не пристало больше скрещивать свою живую кровь с их кровью, как не пристало бы, например, жить с обезьянами. И я говорю вам: давайте временно примиримся с ними, подсунем им любую ложь, пообещаем, что мы с головой окунем их в океан вечности и молодости, — но все это только для того, чтобы выиграть время; чтобы тогда, когда две наши расы сойдутся в последней битве, — что неизбежно — победа оказалась за нами, на нашей стороне!

Никто не зааплодировал, но Лазарус видел, что на многих лицах отражается неуверенность. Хотя слова Бертрама Харди шли вразрез с привычным им образом мыслей, к которому они привыкли за много лет, в его словах, казалось, звучала сама судьба. Сам Лазарус в

судьбу не верил. Он верил... впрочем, какая разница? Ему вдруг сильно захотелось узнать, как будет выглядеть брат Бертрам со сломанными руками.

Поднялась Ив Барстоу.

— Если это и есть то, что Бертрам понимает под выживанием наиболее приспособленных, — жестко сказала она, — то я лучше уйду на Окраину и буду жить там с антиобщественными лицами. Тем не менее он предложил нам план. А я хочу предложить вам другой, поскольку идеи Бертрама мне не по душе. И вообще, я не соглашусь ни с какой тактикой, согласно которой должна буду жить за счет наших недолговечных соседей. Более того, теперь мне совершенно ясно, что даже само наше существование, существование людей, обладающих даром долгой жизни, убийственно действует на наших сородичей. Наше долголетие, наши более богатые возможности заставляют их считать даже самые лучшие устремления скоротечными и напрасными — любые усилия, кроме тех, что направлены на борьбу с надвигающейся смертью. Само наше присутствие в этом мире истощает их силы, рушит все их представления, наполняет обычного человека паническим ужасом смерти.

Я предлагаю следующее. Давайте заявим о своем существовании, расскажем им всю правду и потребуем нашей доли земли. Пусть нам выделяют какой-нибудь уголок, где мы могли бы жить отдельно от всех. Если наши бедные братья захотят обнести его высокой стеной, как та, что окружает Окраину, — что ж, может быть, нам действительно лучше не встречаться с ними лицом к лицу.

Редкие возгласы сомнения были почти полностью заглушены шумом одобрения.

Встал Ральф Шульц.

— Не подвергая сомнению осуществимость плана Ив в целом, хочу предупредить вас, что человеческое общество не пойдет с такой легкостью на предложенную нами изоляцию. До тех пор пока мы останемся на этой планете, они не смогут выкинуть мысль о нас из головы. Современные средства...

— В таком случае нам следует перебраться на другую планету, — перебила его Ив.

— На какую? — вскипел Бертрам Харди. — На Венеру, что ли? Тогда я предпочел бы жить в парилке бани. Марс? Голый и бесплодный.

— Мы возродим его, — настаивала она.

— Уверяю тебя, ни моего, ни твоего века на это не хватит. Нет, дорогая Ив, твоя решительность, конечно, похвальна, но все это бессмысленно. В Солнечной системе есть только одна планета, пригодная для жизни, — как раз на ней мы сейчас и находимся.

Слова Бертрама Харди пробудили мимолетную мысль в голове Лазаруса Лонга. Но она тут же ускользнула прочь. Что-то... что-то такое, что он слышал всего один или два дня назад... а может быть, и раньше? Мысль была каким-то образом связана с его первым полетом в космос, а он состоялся более века назад. Гром и молния! Эти шутки, которые шутит с ним память, когда-нибудь сведут его с ума.

И вдруг его озарило: межзвездный корабль! Звездолет, который почти готов к полету и висит между Землей и Луной.

— Друзья, — медленно произнес он, — прежде чем мы начнем обсуждать идею переезда на другую планету, давайте рассмотрим возможные варианты. — Он подождал, пока к его словам не обратилось внимание всех присутствующих. — Вам когда-нибудь приходило в голову, что не все планеты вращаются вокруг Солнца?

— Лазарус... ты это серьезно? — опешил Заккур Барстоу.

— Как никогда.

— Не очень-то похоже. Может быть, стоит высказаться яснее?

— Пожалуйста. — Лазарус обвел взглядом толпу. — Там, в небе, болтается космический корабль, в котором полно места и который построен специально для того, чтобы совершать полеты к звездам. Почему бы нам не воспользоваться им и не прогуляться в поисках подходящих владений?

Первым обрел дар речи Бертрам Харди.

— Я никак не пойму: то ли нашего председателя опять осенила блестящая идея, то ли он издевается над нами, однако, если он говорил серьезно, то я отвечу ему. Мой аргумент против возрождения Марса станет

в десять раз убедительнее, если его соотнести с межзвездным полетом. Я так понимаю, что безнадежные кретины, которые собираются лететь в этом корабле, намерены закончить перелет примерно через столетие — тогда, возможно, их внуки обнаружат что-нибудь подходящее. В любом случае меня это не интересует. Я не собираюсь провести столетие в консервной банке, да и вряд ли проживу столько.

— Погоди-ка, — прервал оратора Лазарус. — Где Энди Либби?

— Я здесь, — отозвался Либби.

— Выйди-ка сюда, Калькулятор, и ответь нам: ты участвовал в создании нового корабля на Центавре?

— Нет. Ни этого, ни первого.

Лазарус обратился к залу:

— Тогда все ясно. Если Калькулятор не копался в двигателе корабля, то, следовательно, звездолет не столь быстроходен, как мог бы быть. Советую тебе побыстрее заняться этим вопросом, сынок. Кстати, похоже, пригодится наше решение этой проблемы.

— Лазарус, не думаете ли вы...

— А разве теоретически это невозможно?

— Вы сами знаете, что возможно, но...

— Тогда пусть репа, которая торчит у тебя на плечах, и займется этой задачей.

— Ну... ну ладно. — Либби даже порозовел от волнения.

— Секундочку, Лазарус. — Это опять был Заккур Барстоу. — Твое предложение меня заинтриговало. Мы, несомненно, должны всесторонне обсудить его, не позволяя брату Бертраму путать нас тем, что оно ему не нравится. Даже если брату Либби не удастся найти способ увеличить ускорение, — а я, по правде говоря, полагаю, что так оно, скорее всего, и будет, ибо понимаю кое-что в механике полей, — даже при таком раскладе столетие не путает меня. С помощью анабиоза и посменного управления кораблем мы сможем добиться того, что большинство из нас доживет до конца перелета. Вполне...

— А что заставляет тебя считать, — не унимался Бертрам Харди, — что нам вообще разрешат воспользоваться кораблем?

— Берт, — холодно процедил Лазарус, — если тебе не терпится почирикать, то сперва нужно попросить слова у председателя. Ведь ты даже не делегат своей Семьи. Учти, это последнее предупреждение.

— Так вот, я и говорю, — продолжал Барстоу, — очень логично, что долгожители будут осваивать звезды. Мистически настроенный человек счел бы, что именно такое предназначение нам написано на роду. — Он немного подумал. — А что касается звездолета, который имел в виду Лазарус, то, возможно, они и не отдадут его нам... но ведь Семьи богаты. Если нам нужен корабль — или корабли, — то мы вполне можем построить их. Думаю, разумнее всего рассчитывать на такой исход дела, поскольку, похоже, альтернативы у нас нет. Может быть, это единственное решение возникшей перед нами проблемы, другим логически вытекающим выходом из которой, не исключено, является полное уничтожение Семей.

Барстоу произнес последние слова мягко и медленно, с глубокой печалью. Собравшихся будто сковал мороз. Большинство из них настолько не были готовы к подобному обороту судьбы, что все происходившее казалось им почти нереальным. Им доселе даже не приходило в голову, что не исключена ситуация, при которой не удастся найти решение, удовлетворяющее недолговечное большинство. То, что Главный Поверенный с болью в голосе заявил о своих опасениях по поводу возможного истребления Семей, допустив, что их могут начать травить как зверей, вызвало перед каждым из собравшихся призрак гибели, о которой он боялся и думать.

— Что ж, — кратко заметил Лазарус, когда тишина стала гнетущей, — перед тем как подробно обсудить этот вариант действий, давайте выслушаем и другие предложения. Пожалуйста, прошу высказываться.

В это время сквозь толпу протиснулся мужчина и тихонько обратился к Заккуру Барстоу, на лице которого тут же отразилась крайняя степень удивления. Заккур поднялся на помостки, подошел к Лазарусу и что-то шепнул ему на ухо. Реакция того на сообщение была аналогичной. Барстоу торопливо вышел из зала.

Лазарус обвел взглядом толпу.

— Давайте устроим перерыв, — предложил он. — Даю вам время обдумать ваши предложения... Заодно можете немного размяться и покурить. — Он потянулся к сумке.

— Что случилось? — спросил кто-то.

Лазарус закурил и глубоко затянулся. Выпустив дым, он произнес:

— Подождем — увидим. Пока не знаю. Но по крайней мере с полдюжины планов из тех, что были сегодня предложены, теперь отпадают. Ситуация снова изменилась. Насколько — сказать не могу.

— Что вы имеете в виду?

— Ну... протянул Лазарус, — похоже на то, что сам Администратор Федерации только что пожелал переговорить с Заком Барстоу. Он назвал его по имени... и связался с Убежищем по секретной линии связи Семей.

— Что? Не может быть!

— Точно, сынок. И тем не менее...

Глава 4

По пути в комнату связи Заккур Барстоу пытался взять себя в руки.

А на другом конце видефона старался унять волнение достопочтенный Слэйтон Форд. Он не обманывался в отношении себя. Продолжительная и блестящая служебная карьера, увенчанная годами, проведенными на посту Администратора Совета и Блустителя Договора Западной Федерации, дала Форду возможность должным образом оценить свои выдающиеся способности и богатейший опыт; ни один обычный человек не смог бы превзойти его ни на каких переговорах.

Но сейчас положение было иным.

Какова природа человека, который перевалил уже за два отмеренных обычному смертному срока? Более того, человека, опыт сознательной жизни которого вчетверо, а то и впятеро обширнее того, каким располагал Слэйтон Форд. Администратор подумал, что даже его собственные мнения и взгляды с годами менялись: тот мальчик или юноша, которым он когда-то был, разительно отличался от него теперешнего. Так каков же этот Заккур Барстоу? Предположительно он являлся самым способным, самым влиятельным человеком группы, все члены которой обладали на данный момент

большим совокупным опытом, чем Форд даже мог себе представить. Так как же он мог предугадать точку зрения такого человека, его оценку событий, намерения, образ мышления, его возможности?

Форд был уверен только в одном: он никогда не продал бы Манхэттен за двадцать четыре доллара и ящик виски, равно как и не собирался продавать первородство человека за секрет какого-то там снадобья.

На экране появилось лицо Барстоу, и Форд принялся изучать его. Приятное лицо... и сильное... такого не запугаешь. К тому же он выглядит очень молодо — Господи, да на вид он моложе самого Форда! Администратор почему-то представлял себе собеседника суровым и непреклонным старцем. Обманувшись в своих ожиданиях, он почувствовал, что напряжение спало. Форд тихо справился:

— Вы гражданин Заккур Барстоу?

— Да, господин Администратор.

— Вы руководитель Семей Говарда?

— Я всего-навсего нынешний Поверенный в делах нашего Фонда. И скорее пекусь о благополучии наших братьев, нежели руковожу ими.

Форд начисто отмел это объяснение.

— Я полагаю, что ваш статус сопряжен и с руководством. Не могу же я вести переговоры с сотней тысяч человек!

Барстоу даже не моргнул. Он тут же отметил про себя, что администрации известно количество членов Семей, и учел это обстоятельство. Он уже оправился от потрясения, вызванного тем, что тайна Убежища Семей больше не была секретом, и тем еще более огорчительным фактом, что Администратор знал, как подключаться к их закрытым системам связи. Это могло означать только следующее: один или несколько членов Семей были задержаны и принуждены говорить.

Власти, без всякого сомнения, уже знали все маломальски значимое о Семьях, поэтому блефовать было бесполезно. В то же время не следовало и выдавать добровольно какую-либо информацию, ибо администрация наверняка не располагала еще ею во всей полноте.

Барстоу отреагировал почти мгновенно.

— Что вы хотели обсудить со мной, сэр?

— Политику администрации по отношению к вам. А также ваше благоденствие и благоденствие ваших со-родичей.

Барстоу пожал плечами.

— А что тут обсуждать? Действие Договора приостановлено, и вы уполномочены поступать с нами по собственному усмотрению, чтобы вырвать у нас тайну, которой на самом деле не существует. В этом положении нам ничего не остается, кроме как надеяться на милосердие.

— Не надо! — Администратор раздраженно отмахнулся. — Не играйте со мной в прятки. Перед нами стоит проблема — передо мной и перед вами. Давайте же взглянем правде в глаза и попытаемся прийти к взаимопониманию. Согласны?

Барстоу медленно ответил:

— Я искренне верю в ваше стремление к взаимопониманию, но ведь эта проблема построена на ложной предпосылке, что мы — Семьи Говарда — знаем, как продлить человеческую жизнь. Уверяю вас, мы не знаем этого.

— А если бы я вам признался, что мои иллюзии на сей счет уже развеяны?

— М-м-м... хотелось бы надеяться. Тогда непонятно, как ваша позиция увязывается с преследованием моего народа? Ведь на нас охотятся буквально как на крыс.

Форд криво усмехнулся.

— Знаете одну старую-престарую притчу о теологе, которого попросили увязать доктрину о милости Божьей с доктриной проклятия новорожденных? «Всевышний, — объяснил тот, — находит в назидательных целях необходимым вершить напоказ такие дела, которые полностью отвергает в глубине души Своей».

Барстоу неожиданно для самого себя улыбнулся.

— Я уловил аналогию. Это действительно так?

— Думаю, что да.

— Так... Значит, вы вызвали меня не просто для того, чтобы огласить приговор?

— Нет. Надеюсь, что нет. Вы в курсе политических событий? Впрочем, конечно же, положение обязывает вас быть в курсе.

Барстоу кивнул, и тогда Форд продолжил...

Администрация Форда продержалась после подписания Договора дольше всех прочих; лично он пережил четыре Совета. Тем не менее его положение в настоящее время стало настолько шатким, что он даже не мог рискнуть поставить вопрос о вотуме доверия, во всяком случае после возникновения проблемы Семей Говарда. Его, несомненно, поддержало бы не обычное большинство, а незначительное меньшинство. Если бы он пошел против решения Совета и настоял на вотуме доверия, то тут же оказался бы не у дел, а его место занял бы лидер из нынешнего меньшинства...

— Вы понимаете меня? Мне или нужно оставаться у руля, чтобы мало-мальски гуманно решить проблему, или я могу отправляться на все четыре стороны, предоставив моему преемнику возможность разбираться во всем самому.

— Но ведь не станете же вы просить у меня совета?

— Нет-нет! С этим и так все ясно. Я уже принял решение. Совет Действия так или иначе был бы создан — неважно кем, мною или мистером Вэннингом — поэтому-то я и решил поддержать это дело. Вопрос вот в чем: согласны вы помогать мне или нет?

Барстоу колебался, прокручивая в памяти политическую карьеру Форда. Ранний период долгого правления Форда был настоящим золотым веком государственности. Мудрый и практичный человек, Форд превратил в действующие правила принципы человеческой свободы, выработанные Новаком и облеченные в язык Договора. Это было время доброй воли и процветания, прогресса цивилизации, который казался необратимым.

Тем не менее наступила реакция, и Барстоу не хуже, чем Форд, понимал ее причины. Как только люди начинают сосредоточивать свое внимание исключительно на одной стороне дела в ущерб всему остальному, это означает, что подготовлена почва для процветания всякого рода демагогов, бездельников и честолюбцев. Семьи Говарда, сами того не ведая, вызвали кризис

общественной морали, от которого сами теперь и страдали, — им не следовало несколько лет назад давать людям возможность узнать о своем существовании. То, что никакого секрета долголетия на самом деле не было, теперь не имело значения. Весть о нем разлагающе действовала на общество — в этом коренилось главное зло.

Форд, судя по всему, прекрасно разбирался в происходившем.

— Мы будем помогать вам, — вдруг заявил Барстоу.

— Отлично! Что вы предлагаете?

Барстоу покусал нижнюю губу.

— Нет ли у вас возможности отменить это пагубное решение — приостановку действия Договора?

Форд покачал головой.

— Слишком поздно.

— Даже в том случае, если вы выступите перед публикой и заявите гражданам — лицом к лицу, — что никакого...

Форд прервал его:

— Я буду убран со своего поста раньше, чем успею договорить до конца. Кроме того, постарайтесь понять меня правильно, Заккур Барстоу: абсолютно не имеет значения то, что мне лично симпатичны вы и ваши люди. Дело не в вас, а в той раковой опухоли, которая разъедает общество, — бороться нужно с ней. Может быть, я слегка перегнул палку, это верно... но назад пути нет. Я должен довести начатое до логического конца.

По крайней мере в одном отношении Барстоу был мудрым человеком: он допускал, что другой человек может иметь противоположные взгляды и не быть при этом негодяем. Тем не менее он запротестовал:

— Но моих людей преследуют!

— Ваши люди, — возразил Форд, — составляют лишь небольшую долю десятой части процента от общего числа людей, а ведь необходимо найти решение, приемлемое для всех! Я связался с вами, чтобы узнать, можете ли вы предложить такое всеобъемлющее решение. Можете или нет?

— Я не совсем уверен, — медленно ответил Барстоу. — Предположим, я соглашусь, что вам следует и далее продолжать творить беззаконие — арестовывать и допрашивать людей преступными методами, — скорее всего, тут у меня выбора нет...

— Выбора нет ни у вас, ни у меня, — нахмурился Форд. — Однако даю слово: хоть я и не волен в своих действиях, я приложу максимум усилий, чтобы все делалось как можно более гуманным способом.

— Благодарю вас! Вы почти убедили меня в бесполезности вашего появления перед аудиторией, но Администратор имеет в своем распоряжении мощные средства информации. Нельзя ли воспользоваться ими, чтобы организовать кампанию по разъяснению людям того, что никакого секрета нет?

Форд хмыкнул.

— А вы сами подумайте, сработает это или нет?

Барстоу вздохнул.

— Пожалуй, не сработает.

— Уверяю вас, даже в случае успеха такой кампании проблема отнюдь не исчезнет. Ведь люди — в том числе мои самые преданные помощники — привержены идее источника молодости потому, что иначе их удел — терзаться горькими мыслями о бренности всего сущего. Вы знаете, что для них будет означать истина, неприкрытая правда?

— Продолжайте.

— Я мирился со смертью лишь потому, что считал ее Великим Демократом, беспристрастно вершившим свой приговор всем. А теперь вдруг выясняется, что и у смерти есть свои любимчики. Заккур Барстоу, хоть на миг попытайтесь понять зависть обычного человека — жестокую зависть, ну, скажем, пятидесятилетнего при виде одного из вас. Всего пять десятков лет, из них — двадцать лет взросления, и только к тридцати он становится приличным специалистом. Каких-либо успехов он добивается, когда ему уже далеко за сорок, и менее десяти лет живет действительно на всю катушку. — Форд придвинулся к экрану и заговорил с необыкновенной печалью: — И вот тогда, когда он чего-то достиг, приблизился к заветной цели, что он получает? Глаза начинают подводить его, молодой задор больше не

бурлит в жилах, сердце и легкие уже не те, что раньше. Он еще не стар... но уже чувствует первый холодок в груди. Он знает, что его ждет. Он знает. Знает!

Раньше это было неизбежно, и каждый человек свыкался с мыслью об этой неизбежности. Вдруг появляетесь вы, — горько продолжал Форд, — Вы — живой укор его немощи, вы — живая насмешка над ним в глазах его детей. Он не осмеливается загадывать на будущее, вы же радостно начинаете строить планы, которые лишь через пятьдесят лет будут реализованы — да что там! — через сто лет. Неважно, какого совершенства он достиг в жизни: вы догоните, перегоните, переживете его. И его немощь вызывает у вас жалость. Так разве удивительно, что он ненавидит вас?

Барстоу устало поднял голову.

— Скажите, вы тоже ненавидите меня, Слэйтон Форд?

— Нет. Нет, я не могу заставить себя ненавидеть кого бы то ни было. Но я могу сказать чистосердечно, — вдруг добавил Форд, — если бы секрет существовал на самом деле, я вытянул бы его из вас, пусть для этого мне пришлось бы резать вас на куски!

— Да, я понимаю. — Барстоу понурился, задумавшись. — Но ведь мы — Семьи Говарда — почти ничего не можем исправить. Не нами затевался этот опыт — все было сделано за нас. Правда, кое-что мы можем предложить.

— Да?

Барстоу объяснил.

Форд отрицательно покачал головой.

— Медицинская сторона вашего предложения выглядит вполне осуществимой, и я ничуть не сомневаюсь, что ваш генетический потенциал, даже будучи наполовину разбавленным, в состоянии значительно продлить обычную человеческую жизнь. Но даже если женщины и согласятся на искусственное оплодотворение, в чем я отнюдь не уверен, для наших мужчин это будет равносильно психологической смерти. Последует взрыв отчаяния и ненависти, который расколет человеческую расу и уничтожит ее. Неважно, что вы движимы благими намерениями: подрыв жизненных устоев

человечества безболезненно не пройдет. Мы не можем разводить людей, как животных. Они не пойдут на это.

— Вы правы, — согласился Барстоу. — Но это, к сожалению, единственное, что мы можем предложить.

— Пожалуй, я должен был бы поблагодарить вас, но не хочу и не буду. Теперь давайте рассуждать с практической точки зрения. По отдельности все вы — долгожители — весьма почтенные, симпатичные люди. В целом же вы опасны, как носители чумы. Поэтому вас следует подвергнуть карантину.

Барстоу кивнул.

— Я и мои братья тоже пришли к такому заключению.

Форд, казалось, вздохнул с облегчением.

— Я рад, что вы разумно смотрите на вещи.

— К сожалению, больше ничего не остается. Так каков же выход? Изолированная колония? Какое-нибудь отдаленное место, которое станет нашей Окраиной? Мадагаскар? Или мы можем занять Британские острова, застроить их и оттуда продвигаться в Европу, по мере ослабления радиоактивности?

Форд покачал головой.

— Исключено. В этом случае решение проблемы ляжет на плечи моих внуков. А к тому времени ваше превосходство возрастет настолько, что вы сможете одержать над ними верх. Нет, Заккур Барстоу, вы и ваш народ должны покинуть эту планету!

— Вот и оправдались мои худшие опасения, — холодно произнес Барстоу. — И куда же нам отправляться?

— В вашем распоряжении вся Солнечная система. Выбирайте. Куда угодно.

— Но куда? Венера не подарок, да нам вряд ли и разрешат поселиться там. Ведь венерианцы больше не подчиняются приказам Земли. Решение об этом было принято еще в 2020 году. Верно, они принимают иногда отдельных иммигрантов согласно Конвенции Четырех Планет, но пустят ли они сто тысяч человек, которых Земля считает слишком опасным держать у себя?.. Сомневаюсь.

— Я тоже. Лучше, видимо, избрать другую планету.

— И какую же? В Солнечной системе больше нет планет, где возможно было бы существование людей. Чтобы сделать мало-мальски пригодными для обитания даже подходящие из них, пришлось бы затратить колоссальные суммы, приложить сверхчеловеческие усилия и задействовать лучшую современную технику.

— Попробуйте. Мы поможем вам не скупясь.

— Нисколько не сомневаюсь. Но, в конце концов, разве это лучшее решение, чем предоставление нам резервации на Земле? Или вы всерьез готовы пойти на прекращение космических сообщений?

Форд вдруг выпрямился в кресле.

— О! Я, кажется, понимаю вас. Я не сразу уловил суть, но давайте-ка рассмотрим и эту идею. Почему бы и нет? Лучше вовсе прекратить космические полеты, чем позволить ситуации перерасти в открытую войну. К тому же один раз подобное имело место.

— Да, когда венерианцы сбросили иго своих инопланетных владык. Однако потом космические сообщения возобновились, и Луна-Сити был отстроен заново, а теперь в космосе в десять раз больше кораблей, чем раньше. Можете вы остановить этот процесс? Можете вы повлиять на него так, чтобы он уже не вырывался из-под контроля?

Форд обдумал эти слова. Не в его силах было прекратить космические сообщения, да тут и никакая власть не сумела бы. А что если наложить запрет на посещение одной планеты — той, на которой будут жить эти престарелые? Поможет ли это? Одно поколение, два, три... какая разница? Древняя Япония пыталась поступить когда-то подобным образом, но иноземные дьяволы все равно приплыли к ее берегам. Культуры невозможно удерживать в изоляции друг от друга долгое время. А когда они в конце концов вступают в соприкосновение, сильный тут же вытесняет слабого. Это естественный закон.

Постоянный и эффективный карантин был, по всей вероятности, невозможен. В таком случае выход один — исключительно неприглядный. Но Форд был решительным человеком и всегда находил в себе силы делать то, что считал необходимым. Он принялся строить планы, совсем позабыв о присутствии Барстоу на другом кон-

це линии. Как только он укажет Главному Провосту местонахождение штаба Семей Говарда, последний будет захвачен в течение часа, в худшем случае — двух... если только у них нет каких-либо исключительно эффективных средств обороны. Как бы там ни было, это всего лишь вопрос времени. От арестованных в штабе можно будет узнать о местонахождении тех, кто еще не идентифицирован, обнаружить их и задержать. При удачном стечении обстоятельств все члены Семей до единого будут схвачены в течение двадцати четырех — сорока восьми часов.

Для себя он пока не решил только одного вопроса: ликвидировать их или стерилизовать. Радикально и необратимо снимал проблему любой из этих шагов; третьего было просто не дано. Но какая мера гуманнее?

Форд знал, что на этом его карьера кончится. Он лишится власти и будет изгнан с позором, возможно, даже выслан на Окраину, но все это его мало заботило. Он был настолько целеустремленным человеком, что всегда и непременно ставил общественный долг выше собственной выгоды.

Барстоу не мог прочесть мыслей Форда, но чувствовал, что тот принял какое-то решение, и постарался представить, чем это решение чревато для него и для его людей. Кажется, настал час, решил он, пойти с единственного козыря.

— Господин Администратор...

— Да? О, простите, я задумался. — Форд изобразил смущение, маскируя свои истинные чувства. На самом деле он испытал шок, осознав себя сидящим в кресле лицом к лицу с человеком, которого самолично только что приговорил к смерти, поэтому он поспешил спрятаться в панцирь ни к чему не обязывающей вежливости: — Благодарю вас, Заккур Барстоу, за содержательный и весьма интересный разговор. Очень жаль, что...

— Господин Администратор!

— Слушаю вас.

— У меня есть предложение. А что если вы удалите нас за пределы Солнечной системы?

— Что? — Форд даже заморгал. — Вы это серьезно?

Барстоу быстро заговорил. Он старался в лучшем виде преподнести Администратору полусырой еще план Лазаруса Лонга, импровизируя по мере того, как углублялся в тонкости, продираясь сквозь препятствия, преуменьшая недостатки и преувеличивая преимущества.

— Это может сработать, — наконец заключил Форд. — Есть, конечно, трудности, о которых вы не упомянули: политические нюансы и страшная нехватка времени. И все же это может сработать. — Он поднялся. — Возвращайтесь к своим людям. Пока ничего им не говорите. Я свяжусь с вами позднее.

Барстоу медленно отправился назад, размышляя о том, что следует сообщить собранию. Они потребуют от него полного отчета. И теоретически он не имел права отказывать им. Но Барстоу был очень склонен к тому, чтобы сотрудничать с Администратором до тех пор, пока есть надежда на благоприятный исход. Наконец решившись, он повернул к своему кабинету и послал за Лазарусом.

— Привет, Зак, — войдя, сказал Лазарус. — Ну, как поговорили?

— И хорошо и плохо, — ответил Барстоу. Он кратко и исчерпывающе точно передал содержание беседы. — Ты не мог бы вернуться в зал и сказать им что-нибудь, чтобы они успокоились?

— М-м-м... думаю, да.

— Тогда сделай это и возвращайся.

Собравшимся вовсе не понравился вариант, изложенный Лазарусом. Они не хотели сидеть спокойно и не собирались расходиться.

— Где Заккур?

— Мы хотим послушать, что он скажет!

— К чему вся эта мистификация?

Лазарус выбрался и только этим утихомирил их.

— Выслушайте меня, проклятые идиоты! Зак все расскажет вам, когда будет готов. Не надо торопить его и подталкивать под руку. Он знает, что делает.

Из заднего ряда поднялся мужчина и заявил:

— Я возвращаюсь домой!

— Пожалуйста, — ласково отозвался Лазарус. — Можете не обращать на меня внимания. Но пора бы вам понять своими куриными мозгами, что все вы объявлены вне закона. И сейчас между вами и прокторами стоит только способность Зака заговаривать зубы Администратору. Так что как знаете... Собрание окончено.

— Слушай, Зак, — говорил Лазарус уже через несколько минут, — давай объяснимся. Я понимаю, что Форд, используя данную ему власть, постарается помочь нам забиться в большой корабль и слинять отсюда. Так ведь?

— Он, собственно, вынужден сделать это.

— Хм... На практике ему придется осуществлять это так, что он хитростью старается вытянуть из нас секрет долголетия, — то есть он будет вести двойную игру с Советом. Правильно?

— Я еще не обдумывал всего этого. Я только...

— Но ведь так, верно?

— Ну... да, пожалуй.

— О'кей. Теперь вопрос в том, достаточно ли наш приятель Форд умен, чтобы понять, во что он ввязывается, и достаточно ли он надежен, чтобы довести дело до конца.

Барстоу припомнил все, что знал о Форде, и прибавил к этому свои впечатления от разговора с ним.

— Да, — решил он, — он прекрасно разбирается в ситуации и достаточно тверд, чтобы встретиться с трудностями лицом к лицу.

— Теперь о тебе, дружище. Сам-то ты осилишь все это? — В голосе Лазаруса звучали осуждающие нотки.

— Я? Что ты имеешь в виду?

— Ты ведь собираешься вести двойную игру и со своими тоже, не так ли? Хватит ли у тебя присутствия духа, чтобы не пойти на попятную, когда дело пойдет слишком далеко?

— Я не понимаю тебя, Лазарус, — обеспокоенно сказал Барстоу. — Я не собираюсь никого обманывать, по крайней мере никого из членов Семей.

— Лучше еще раз загляни в свои карты, — безжалостно заявил Лазарус. — Твоя задача — обеспечить, чтобы каждый мужчина, женщина, ребенок приняли участие в этом исходе. Неужели ты собираешься про-

дать идею каждому из них в отдельности и добиться ее одобрения у ста тысяч человек? Единогласно? Чушь, да такую толпу невозможно заставить даже просвистеть в лад «Янки Дуддль».

— Но им просто придется согласиться, — запротестовал Барстоу. — У них нет выбора. Либо мы эмигрируем, либо на нас станут охотиться, как на диких зверей, пока не уничтожат. Я абсолютно уверен, что Форд намерен нам подыграть. И он это сделает.

— Тогда почему же ты не идешь на собрание и не говоришь им этого? Почему ты послал меня утихомирить их?

Барстоу устало потер рукой глаза.

— Сам не знаю.

— Тогда я тебе скажу почему, — продолжал Лазарус. — Ты и пятками соображаешь лучше, чем они макушками. Ты послал меня к ним рассказывать басни, потому что прекрасно знал: правда не годится. Если бы ты сказал им, что у них один выбор — стать мертвецами или беглецами — кое-кто мог запаниковать, и кое-кто — заупрямиться. А кое-кто из тех, кто похож больше на старушенций в килтах, мог бы отправиться восвояси и пытаться настаивать на правах, гарантированных ему Договором. И он бы сразу сорвал нам всю игру еще до того, как понял, что правительство не собирается валять дурака. Верно ведь?

Барстоу пожал плечами и невесело рассмеялся:

— Ты прав. Я поступил так неосознанно, но ты абсолютно прав.

— Нет, ты все прикинул заранее, — уверил его Лазарус. — Ты все верно решил, Зак. Я доверяю способностям твоих пяток, именно поэтому я с вами. Вы с Фордом, похоже, намереваетесь натянуть нос всем парням с этой планеты. Так вот, я и спрашиваю тебя: хватит ли у тебя мужества действовать до конца?

Глава 5

Члены Семей сбились в группы, увлеченные жаркими дискуссиями.

— Не понимаю, — говорил Резидент-архивариус кучке взбудораженных людей, окруживших его. — Главный Поверенный никогда раньше не вмешивался в мои дела. А тут он ворвался в мой кабинет, вслед за ним влетел этот самый Лазарус, и Барстоу приказал мне выйти.

— Что же он сказал? — спросил один из слушателей.

— Ну, я спросил: «Могу чем-либо служить, брат Барстоу?» А он отвечает: «Да, можешь. Выметайся отсюда и прихвати с собой своих девиц». И, представляете, ни единого вежливого слова!

— Нашел на что жаловаться! — насмешливо фыркнул кто-то у него за спиной. Это был Сесил Хендрик из Семьи Джонсон, старший инженер связи. — Мне нанес визит Лазарус Лонг, и он был еще куда менее приветлив.

— В самом деле?

— Заходит он в комнату связи и заявляет мне, что хочет сесть за мой пульт, — мол, это приказ Заккура. Я ответил, что никому, кроме операторов, не позволяю

прикасаться к чему-либо в рубке, да и вообще, кто он такой? Так знаете, что он сделал? Не поверите: он достал свой бластер и направил на меня!

— Не может быть!

— Может, оказывается. Говорю вам, этот человек опасен. Его надо отправить на психолечение. Я буду не я, если он не ходячий атавизм.

С экрана на Администратора смотрело лицо Лазаруса Лонга.

— Ну как, все записали? — спросил он.

Форд нажал кнопку выключателя факсимильной связи на своем столе.

— Да, у меня все, — подтвердил он.

— О'кей. Тогда я отключаюсь.

Как только экран погас, Форд произнес в микрофон внутренней связи:

— Главному Провосту явиться ко мне немедленно!

Шеф гражданской безопасности не заставил себя долго ждать. На его лице раздражение боролось с привычкой к дисциплинированности. Этот вечер и так был одним из самых беспокойных на его веку, а тут еще Старик заставляет являться лично. Какого же черта тогда иметь видеофоны, спрашивал он себя и недоумевал, зачем он вообще взялся за эту полицейскую службу. Он решил в отместку боссу быть сугубо официальным и подчеркнуто подобострастно приветствовал его.

— Вы посылали за мной, сэр?

Форд не обратил на это никакого внимания.

— Да, спасибо. Вот. — Он нажал на клавишу. Из факсимильатора выскочила кассета с пленкой. — Это полный список Семей Говарда. Арестуйте их.

— Есть, сэр.

Шеф полиции Федерации уставился на кассету, раздумывая, стоит ли спрашивать Администратора о том, как она к нему попала. Ведь пленка появилась у Форда, явно миновав ведомство гражданской безопасности. Неужели Старик имеет свою секретную службу, о которой он даже не подозревает?

— Список алфавитный, но разбит по географическому признаку, — продолжал Администратор. — После того как размножите запись, пришлите... нет, принесите мне оригинал обратно. Допросы с психообработкой можно прекратить, — добавил он. — Просто арестуйте их и изолируйте. Дальнейшие инструкции получите позже.

Главный Провост решил, что сейчас не время проявлять любопытство.

— Есть, сэр! — Он отдал честь и вышел.

Форд снова повернулся к пульту и затребовал к себе главу бюро земельных ресурсов и транспортного контроля. Поразмыслив, он вызвал также шефа бюро рационального потребления.

А в Убежище Семей тем временем заседали Поверенные; Барстоу отсутствовал.

— Не нравится мне это, — возмущался Эндрю Везерэл. — Сначала я спокойно воспринял то, что Заккур решил повременить с отчетом членам Семей. Я думал, он хочет поговорить с нами. Я был уверен, что он посоветуется. Как ты это расцениваешь, Филипп?

Филипп Харди пожевал губу.

— Не знаю... У Заккура своя голова на плечах... но мне тоже кажется, что ему следовало бы потолковать с нами. Он беседовал с тобой, Джастин?

— Нет, не беседовал, — холодно ответил Джастин Фут.

— Так что же нам делать? Не можем же мы насильно привести его сюда и потребовать отчета, если не собираемся отстранять его от дел. Раз он уклоняется от встреч с нами, то Бог ему судья.

Они все еще обсуждали эту проблему, когда нагрянули прокторы.

Лазарус не удивился происходящему и адекватно истолковал события, не выказав и тени беспокойства, так как располагал информацией, которой не имели его братья. Он приготовился подчиниться аресту тихо и благородно — показать пример остальным. Но старые привычки сильны, и Лазарус решил оттянуть неизбеж-

ное хоть на несколько суток, нырнув в ближайший мужской туалет.

Это был тупик. Он взглянул на вентиляционную шахту: нет, слишком узка. Раздумывая, что делать дальше, он полез в сумку за сигаретами, и тут его рука нащупала странный предмет. Он вытащил его. Это была бляха, которую он «позаимствовал» у проктора в Чикаго...

Когда один из прокторов, обшаривавших Убежище, сунул голову в уборную, он увидел там своего «коллегу».

— Никого, — возвестил Лазарус. — Я проверил.

— Как ты ухитрился оказаться здесь раньше меня, черт возьми?

— С фланга. Туннелем со Стоуни-Айленда, а потом по вентиляционным шахтам. — По мнению Лазаруса, обыкновенный коп не должен был знать о том, что никакого туннеля со стороны Стоуни-Айленда в природе не существует. — Сигарет нет?

— Что? Сейчас не время перекуривать.

— Ерунда, — хмыкнул Лазарус. — Мой легат отстал на целую милю.

— Ну это твой, — заметил проктор, — а мой-то идет следом.

— Вот как? Что же, отлично... Мне нужно предупредить его кое о чем.

Лазарус хотел было пройти мимо проктора, но тот стоял у него на пути, с удивлением разглядывая килт Лазаруса, вывернутый наизнанку. Голубая подкладка килта служила отличной имитацией форменной одежды проктора, но только издали.

— Так из какого ты, говоришь, отделения? — повысил голос проктор.

— Из того самого, — ухмыльнулся Лазарус и отвел ему мощный удар в солнечное сплетение.

Наставник Лазаруса в вопросах рукопашной борьбы всегда говорил, что удар в солнечное сплетение гораздо вернее, чем удар в челюсть, — от него почти невозможно уклониться. Сам он погиб во время дорожных забастовок в 1966 году, но его искусство продолжало жить.

Надев форменное обмундирование проктора и обвязавшись связкой парализующих бомб, Лазарус почувствовал себя настоящим копом. К тому же новый килт сидел на нем гораздо лучше.

Коридор направо вел в Святилище и заканчивался тупиком, поэтому он предпочел левый, даже несмотря на то, что там мог нос к носу столкнуться с легатом своего «благодетеля».

Коридор привел его в зал, битком набитый членами Семей, окруженными прокторами. Не обращая внимания на своих, Лазарус сразу нашел запыхавшегося старшего офицера.

— Сэр, — доложил он, молодцевато отдавая честь, — там что-то вроде госпиталя. Нам потребуется пятьдесят или шестьдесят пар носилок.

— Не подходите ко мне с этим, пошлите своего легата. У меня и так дел по горло.

Лазарус почти не слышал его слов: он встретился глазами с Мэри Сперлинг, стоявшей в толпе. Она взглянула на него и отвернулась. Опомнившись, он ответил:

— Сейчас связаться с ним невозможно, сэр. Он далеко.

— Тогда пойди и сам вызови подразделение первой помощи.

— Есть, сэр.

Лазарус удалился, слегка щеголяя выправкой и заложив большие пальцы за пояс килта. Он уже отошел довольно далеко и был почти на выходе из туннеля, ведущего к Уокигэнскому берегу, когда услышал позади себя крики. За ним вдогонку мчались два проктора.

Лазарус остановился под аркой на перекрестке туннелей и подождал, пока они не подошли поближе.

— Что случилось? — как ни в чем не бывало спросил он.

— Легат... — начал один.

Больше он ничего произнести не успел: в воздухе мелькнула парализующая бомба и шлепнулась у самых его ног. Лицо проктора выразило было растущее изумление, но начавшее действовать излучение погасило все его эмоции. Второй проктор рухнул поперек первого.

Лазарус постоял немного за выступом арки, сосчитав до пятнадцати.

— Первый двигатель — пошел, второй двигатель — пошел, третий двигатель — пошел! — прибавил он для верности, чтобы удостовериться в надежности парализующего эффекта и самому не подвергнуться облучению.

Бросая бомбу, он не успел вовремя юркнуть в укрытие, и теперь его ногу слегка покалывало.

Кроме двоих, лежавших поблизости, кругом никого не было. Оглядевшись, Лазарус двинулся дальше. Возможно, блюстители порядка не располагали описанием его внешности, а может быть, его вообще никто не собирался задерживать. В одном он был уверен абсолютно: если кто и выдал его, то, уж конечно, это была не Мэри Сперлинг.

Чтобы выйти под открытое небо, ему потребовалась еще пара парализующих бомб и пара сотен слов отъявленного вранья. Как только он оказался снаружи и убедился в отсутствии слежки, бляха и оставшиеся бомбы отправились в сумку, а перевязь исчезла в кустарнике.

Первым делом Лазарус разыскал магазин одежды в Уокингэне. Усевшись в примерочной кабине, он набрал на пульте видеокаталога код килтов. На экране проплыли образцы всевозможных юбок, и ему с трудом удавалось не прислушиваться к вкрадчивому голосу агента по рекламе до тех пор, пока перед его глазами не оказался килт, который абсолютно не походил на форменный и не был голубого цвета. Только тогда он остановил видеокаталог и сделал заказ, нажав кнопку. Лазарус ввел в машину данные о своих размерах, посмотрел на цену и сунул в щель кредитную карточку. Пока изделие подгонялось под его размер, он отдыхал, покуривая сигарету.

Через десять минут Лазарус швырнул килт проктора в утилизатор, находившийся тут же в кабине, и вышел аккуратно и красиво одетый. Он более ста лет не бывал в Уокингэне, но все же без особых хлопот нашел отель средней руки, где никто не задавал лишних вопросов, заказал у стойки регистратора номер и на семь часов погрузился в глубокий сон...

Позавтракав в номере, Лазарус рассеянно прослушал последние известия. Более или менее его интересовало то, что относилось к Семьям. Но интерес этот

был несколько отвлеченным: проблемы его сородичей стали отходить для него на второй план. Он подумал, что было ошибкой снова вступать в контакт с Семьями, — он располагал в последнее время прекрасными документами, которые не дали бы возможности полиции связать его со всей этой историей.

Его внимание привлекло сообщение: «...включая Закура Барстоу, считающегося их вождем. Арестованных доставили в резервацию в Оклахоме, расположенную неподалеку от развалин города на дороге Оклахома — Орлеан, в двадцати пяти милях к югу от Гарримановского мемориального парка. Главный Провост назвал это место Малой Окраиной и распорядился, чтобы все воздушные транспортные средства облетали его стороной. В настоящее время Администратор еще не сделал никакого официального заявления, но из достоверного источника в правительственных кругах известно, что массовые аресты были предприняты с целью ускорить расследование, в ходе которого администрация рассчитывает получить «секрет Семей Говарда» — методику бесконечного продления жизни. Решительная акция по задержанию и перевозке всех членов объявленной вне закона группы должна сломить, по замыслу властей, сопротивление ее лидеров, отказавшихся удовлетворить законные требования общества. Это еще раз напомним им, что гражданские права, которыми наделен каждый добропорядочный гражданин, не следует использовать в качестве ширмы, за которой скрывается намерение нанести обществу непоправимый вред.

Движимое и недвижимое имущество членов этой преступной организации объявлено временно арестованным и поступило в распоряжение Министра хозяйства. На все время заключения указанных лиц их имущество будет находиться в ведении помощников Министра...»

Лазарус выключил приемник. «Проклятье! — подумал он. — Хотя что толку жалеть о том, чего нельзя исправить». Конечно, он и сам должен был быть арестован, но ему удалось бежать. Это факт. И положение Семей несколько не улучшится, если он тоже сдастся. Кроме того, он ничем не был обязан Семьям, ни единой малостью.

Только к лучшему, что они арестованы все одновременно и сразу помещены под стражу. Если бы их начали выкуривать по одному, то могло случиться все, что угодно, вплоть до погромов и линчевания. Лазарус не раз имел возможность убедиться, что даже в самых цивилизованных натурах подспудно заложена склонность к судам Линча и насилию. Зная это, он и посоветовал Барстоу, во избежание кровопролития, собрать вместе всех долгожителей. К тому же, Заку и Администратору просто необходимо было поступить подобным образом, если они действительно собирались претворять в жизнь свой план.

Итак, дело зашло уже довольно далеко, а он все еще цел и невредим.

«Интересно, — подумал он, — как поживает Зак и как расценивает его исчезновение». Лазарус попытался представить, что на этот счет думает Мэри Сперлинг, — для нее, наверное, было ударом, когда он появился в облике проктора. Ему вдруг захотелось встретиться с ней и все объяснить. Не то чтобы для него имело большое значение, что думает о нем любой из них... Скоро все они окажутся за много световых лет отсюда... или их не станет...

Он повернулся к фону и вызвал почтовое отделение.

— Капитан Аарон Шеффилд, — представился он и назвал свой почтовый индекс. — Последний раз регистрировался в почтовом узле Порт-Годдарда. Не будете ли вы столь любезны переслать мою корреспонденцию... — Он наклонился пониже и назвал кодовый номер своей гостиницы.

— Пожалуйста, — отозвался служащий. — Сейчас же сделаем, капитан.

— Благодарю вас.

Почте потребуется часа два, чтобы связаться с ним и переадресовать его корреспонденцию, прикинул он. Да с полчаса на доставку, да на всякий случай можно смело набросить еще три раза по полчаса на то на се. Вполне можно подождать здесь... ведь погоня осталась далеко позади. Но, с другой стороны, какая нужда засиживаться в Уокингэне? Как только перешлют почту, он возьмет билет и...

Но куда?.. Он перебрал в уме вереницу возможностей и в конце концов осознал, что во всей Солнечной системе ему совершенно не хочется ничего делать. Это немного беспокоило его. Как-то раз он слышал, что потеря интереса к жизни — а он очень склонен был верить этому — была показателем того, что переломный момент наступил: борьба между ассимиляцией и диссимиляцией достигла решающего этапа, за которым наступает старость. Внезапно он позавидовал обычным людям, не долгожителям. Они, по крайней мере, могли доставить хлопоты своим детям. Сыновняя преданность не культивировалась среди Семей — такого рода отношения довольно сложно поддерживать на протяжении ста или более лет. А дружбу было принято считать недолговечной и преходящей. Лазарусу, например, совершенно не хотелось никого видеть.

Минуточку, а тот парень, который остался на Венере? Тот, который знал так много песенок и который в подпитии становился таким смешным? Можно отправиться навестить его. Путешествие на Венеру может стать хорошей встряской, несмотря на то что он всегда недолголюбил эту планету.

И тут Лазарус испытал настоящее потрясение, вспомнив, что не видел этого парня уже... сколько же? Во всяком случае, тот наверняка давным-давно покоем в могиле.

Либби был прав, подумал он, говоря о необходимости поиска для долгожителей нового типа ассоциативных воспоминаний. Оставалось только надеяться, что парень вовремя возьмется за дело и принесет ему ответ раньше, чем Лазарусу придется все считать уже на пальцах. Он раздумывал над этим еще минуту или две и только потом сообразил, что как будто бы не собирается больше встречаться с Либби.

Пришла почта, не содержавшая ничего важного. Это его не удивило — он и не ожидал никаких личных писем. Кассеты с рекламой отправились в утилизатор. Он перечитал только одно послание, в котором ремонтная корпорация «Пан-Терра» уведомляла его, что ремонт принадлежавшего ему универсального корабля «Ай Спай» закончен и что судно, полностью готовое к запуску, переведено на стоянку в ангар. Как и было

оговорено, компания отремонтировала все, за исключением астронавигационного оборудования, — по-прежнему ли капитан настаивает на этом пункте контракта?

Лазарус решил, что заберет судно немного позже и отправится на нем в космос. Это было лучше, чем торчать на Земле и изнывать от скуки...

На оплату счета и поиск машины ушло не более двадцати минут. Он поднялся в воздух и направил аппарат к Порт-Годдарду, во избежание проверки держась на самом низком уровне, обычно отводимом под местные линии. Не то чтобы он сознательно избегал полиции — вряд ли у нее имелись основания искать некоего капитана Шеффилда — просто недоверие к властям вошло у него в привычку, а Порт-Годдард находился не так уж далеко.

Пролетая над восточной частью территории Канзаса, Лазарус внезапно решил приземлиться. Он специально выбрал маленький городишко, чтобы там не оказалось своего проктора.

Отойдя подальше от посадочной площадки, он нашел будку фона, зашел и некоторое время стоял в раздумье. Как ему выйти на верховного руководителя Федерации? Если он просто вызовет Башню Новака и попросит связать его с Администратором Фордом, то его сразу же переключат на Департамент Общественной Безопасности, где ему будет задано множество пренеприятнейших вопросов. Это абсолютно точно.

Избежать этого можно только одним способом — самому вызвать Департамент Безопасности и как угодно добиться, чтобы его соединили с Главным Провостом. Последующие его действия будут целиком и полностью зависеть от складывающихся обстоятельств.

— Департамент Общественной Безопасности, — ответил голос. — Что вам угодно, гражданин?

— Дело чрезвычайной важности, — отрезал Лазарус высокомерно-нетерпеливым тоном. — Говорит капитан Шеффилд. Дайте мне шефа. — В его голосе вовсе не звучало приказа — повиновение просто подразумевалось само собой.

— Какого рода у вас дело?

— Я же сказал, что я капитан Шеффилд! — На сей раз в интонации Лазаруса отчетливо слышались ноты плохо скрываемого раздражения.

Последовала короткая пауза.

— Я свяжу вас с кабинетом Первого Заместителя, — неуверенно произнес голос.

Неожиданно ожил экран фона.

— Я слушаю вас, — сказал Первый Заместитель, внимательно разглядывая Лазаруса.

— Дайте мне срочно шефа.

— А в чем дело?

— Боже милостивый! Приятель, дайте мне шефа! Я капитан Шеффилд.

Не следует винить Первого Заместителя в том, что он связал Лазаруса с начальником. За последние двадцать четыре часа он не спал ни минуты, и за это время произошло столько событий, что он просто не в состоянии был правильно на все реагировать.

Когда на экране появился Главный Провост, Лазарус заговорил первым:

— О, наконец-то! Никогда мне еще не приходилось преодолевать столько инстанций. Дайте мне Старика, и пошевеливайтесь! Включите свою внутреннюю сеть!

— Какого черта вам надо? Кто вы такой?

— Послушайте, дружище, — произнес Лазарус голосом, выдававшим крайнюю степень изнеможения, — если бы меня не вынуждали к тому чрезвычайные обстоятельства, я не стал бы пробиваться через ваш чертов наглухо заколоченный департамент. Подключите меня к Старiku. Это касается Семей Говарда!

Шеф полиции тут же насторожился:

— Докладывайте!

— Послушайте, — устало проговорил Лазарус, — я, конечно, понимаю, что вам очень хотелось бы заглянуть Старiku через плечо, но сейчас не время для проволочек. Если вы не поможете мне и заставите битых два часа излагать неотложное дело, я пойду на это. Но тогда Старiku захочется узнать, почему вы заставили меня докладывать вам, а не ему. И, клянусь, я расскажу ему все как на духу.

Главный Провост решил подключить этого типа к трехсторонней связи: если Старик не отключит шутни-

ка через три секунды, будет ясно, что он сыграл правильно и поступил верно. Если же Старик не захочет говорить, то всегда можно сослаться на неправильное соединение. И Провост связал Лазаруса с Администратором.

Администратор Форд был поражен, увидев на экране Лазаруса.

— Вы! — воскликнул он. — Но как вам удалось? Или Заккур Барстоу...

— Заблокируйте ваш видеофон, — перебил его Лазарус.

Главный Провост глазом моргнуть не успел, как его экран потух и исчез звук. Ага, значит, Старик все-таки имеет собственных тайных агентов, не связанных с Департаментом... Интересно... Это следует учесть.

Лазарус быстро и честно объяснил Форду, как ему удалось бежать, и добавил:

— Надеюсь, вы понимаете, что я мог бы с легкостью скрыться и исчезнуть навсегда. Мне и сейчас ничто не мешает сделать это. Но прежде я хотел бы узнать, в силе ли еще ваша договоренность с Заккуром Барстоу о предоставлении Семьям возможности эмигрировать?

— Да, в силе.

— А вы не пытались прикинуть, как переправить сто тысяч человек на «Новые рубежи» без значительных затрат и взяток? Ведь вы же не можете положиться на своих подчиненных?

— Я знаю. К сожалению, надежных людей найти нелегко.

— Перед вами как раз тот человек, который вам нужен. Ситуация такова, что я единственный находящийся на свободе человек, которому вы оба можете доверять. А теперь слушайте...

Через восемь минут Форд говорил, медленно кивая головой:

— Да, пожалуй, это может сработать. Вполне может. Во всяком случае, начинайте подготовку. В Порт-Годдарде вас будет ждать доверенность.

— А вам удастся сделать так, чтобы она была от подставного лица? Не могу же я предъявлять доверенность от вашего имени. Это вызовет любопытство.

— Не нужно считать меня глупее, чем я есть, к тому времени, когда она попадет к вам, это будет обычный банковский перевод.

— Прошу прощения. Теперь: как я могу связаться с вами в случае необходимости?

— Ах да... Лучше всего вот этот код. — Форд медленно произнес номер. — По нему вы попадете прямо в мой кабинет. Нет, не записывайте его. Лучше запомнить.

— Как мне связаться с Заккуром Барстоу?

— Вызовите меня, а я уж что-нибудь придумаю. С ним можно связаться только по сети спецсвязи, с помощью сенситива.

— Э-э-э... Все равно я не смогу всюду таскать свой сенситив. Ну ладно, привет, я отключаюсь.

— Желаю удачи!

Лазарус вышел из кабины и, стараясь не выказывать спешки, направился к машине. Он понятия не имел, достаточно ли у полиции возможностей, чтобы проследить по цепочке вызов к Администратору. Для страховки он решил действовать так, как будто копы уже вычислили его. Не исключено, что ближайший проктор гонится за ним по пятам и ему пора смываться, предварительно запутав следы.

Он стартовал и направился на запад, оставаясь на неконтролируемом местном уровне до тех пор, пока не вошел в тучи, закрывавшие весь западный горизонт. Развернувшись, он ринулся в Канзас-Сити, стараясь не превышать дозволенной скорости и держась так низко, как только позволяли правила. В Канзас-Сити он оставил машину в бюро возврата и нанял наземное такси, которое по контролируемому шоссе доставило его в Джоуплин. Там он сел на реактивный самолет из Сент-Луиса, не покупая билета заранее, что гарантировало невозможность проследить его маршрут до тех пор, пока бортовые документы не окажутся на Западном побережье. Уняв беспокойство, он всю дорогу строил планы.

Сто тысяч человек, каждый из которых весит сто пятьдесят — нет, пусть сто шестьдесят — фунтов, итого около восьми тысяч тонн... «Ай Спай», конечно, мог бы поднять такой груз с ускорением в одно «g», но тогда большой корабль станет очень неповоротлив. Впрочем, речи об этом вообще быть не может: живые

люди неизбежно превратятся в мертвый груз, вздумай они воспользоваться услугами его корабля.

Итак, нужен транспорт.

Купить пассажирский корабль, достаточно вместительный, чтобы переправить Семьи с Земли на «Новые Рубежи», зависшие на орбите, было бы нетрудно. Пассажирская служба Четырех Планет с радостью загнала бы такой корабль кому угодно за вполне умеренную цену. При нынешнем состоянии дел в космическом пассажирском сообщении компаниям приходится снижать накладные расходы за счет продажи старых, не пользующихся популярностью кораблей.

Но пассажирский корабль не годился: официальные службы стали бы проявлять интерес к тому, зачем ему понадобился такой корабль, да — и это было самым главным — он и не справился бы с его управлением в одиночку. Согласно новому Договору о безопасности в космосе, пассажирские корабли оборудовались только ручным управлением, потому что якобы ни одно автоматическое устройство не могло заменить человеческий мозг в аварийных ситуациях.

Следовательно, нужен был грузовой корабль.

Лазарус знал, где его взять. Несмотря на все усилия землян сделать Луну самообеспечивающейся колонией, Луна-Сити до сих пор импортировала значительно больше, чем экспортировала.

На Земле такое положение закончилось бы тем, что обратно пошли бы порожние корабли. В космосе же, особенно на Луне, подчас дешевле было оставлять порожняк у себя в качестве металлолома, чем жечь топливо на прогулки пустых грузовиков.

Сойдя с аэробуса в Годдард-Сити, Лазарус отправился к взлетному полю, оплатил счета и вступил во владение «Ай Спай», тут же заполнив бланк запроса для вылета на Луну в самое ближайшее время. Стоянка была просрочена уже двое суток, но Лазаруса это не смущало. Он просто зашел в диспетчерскую и заявил, что готов оплатить все задолженности и даже кое-что накинуть сверху, если ему разрешат стартовать немедленно. Через двадцать минут его оповестили, что он может отправляться сегодня вечером.

Оставшиеся до старта несколько часов он провел, преодолевая различные препоны и выправляя бумаги, необходимые для полета. Прежде всего он обратил в наличные сумму, доверенность на которую прислал ему Форд. Лазарус поначалу намеревался использовать часть денег на то, чтобы задобрить кого надо, как это он уже проделал, переплатив за стоянку. Но вскоре с удивлением обнаружил, что не может, просто не в состоянии осуществить эту операцию. Два века борьбы за существование научили его искусству давать взятку столь же мягко и ненавязчиво, как делают предложение неприступной даме. И вдруг, совершенно неожиданно, он получил возможность убедиться, что гражданская добродетель и порядочность — вовсе не выдумки моралистов: сотрудники космопорта Годдард, казалось, никогда не слышали о существовании такой вещи, как «дача на лапу», равно как и о том, что при оформлении разного рода документов обычно используется принцип «не подмажешь — не поедешь». Его просто восхитила их неподкупность, хотя он и не был истинным ценителем подобных человеческих достоинств. В самом деле, вместо того чтобы заполнять целый день никому не нужные бланки, он мог бы прекрасно провести время где-нибудь в веселом местечке.

Лазарус даже позволил сделать себе инъекцию, хотя, в принципе, мог бы сбежать на «Ай Спай» и принести справку о прививке, сделанной ему неделю назад, по прибытии из космоса.

Несмотря на все проволоочки, за двадцать минут до старта он уже был за пультом управления своего корабля. Карманы его оттопыривались от изобилия всяких бумаг с печатями, а желудок, напротив, казался, съежился оттого, что за целый день в него плюхнулось только несколько жалких сандвичей. Он рассчитал S-образную траекторию Гомана, по которой собирался взлететь, и ввел данные в автопилот. Все огоньки на пульте перед ним были зелеными, за исключением одного, который должен загореться, когда диспетчер начнет отсчет. Он ждал, а душу его наполняла та счастливая тревога, та теплота, которая всегда предшествовала старту.

Тут его осенило. Он вытянулся в противоперегрузочных ремнях. Затем ослабил нагрудный ремень, достал свой экземпляр инструкции «Пилот околоземных трасс и возможные опасности в космосе» и задумался.

«Новые Рубежи» пребывали на круговой орбите с периодом обращения ровно двадцать четыре часа, находясь точно над меридианом 106 градусов западной долготы при наклонении ноль к земной оси, приблизительно на расстоянии двадцати шести тысяч миль от центра Земли.

Почему бы не нанести туда визит, коли он все равно окажется в открытом космосе?

«Ай Спай» с наполненными баками и совершенно незагруженный имел в запасе достаточно горючего. В принципе, конечно, космопорт был извещен, что он направляется в Луна-Сити, а не на межзвездный корабль... но при том, что Луна в нынешней фазе лежала почти в том же направлении, на Земле вряд ли заметят столь ничтожное отклонение от курса. Некоторое время спустя, естественно, будет произведен анализ записей его корабля, — тогда Лазарус получит строгое предупреждение, а возможно, на время лишится лицензии на управление кораблем. Но будущие неприятности не очень-то беспокоили Лазаруса... Овчинка стоила выделки.

Тем временем он уже вводил новые данные в баллистический калькулятор. В «Пилоте околоземных трасс» он справился только об элементах орбиты. Все остальное Лазарус мог бы сделать и во сне, ведь такие маневры для любого мало-мальски опытного пилота были сущей чепухой. Траекторию же в двадцать четыре часа даже каждый новичок знал наизусть. Он ввел результаты вычисления в автопилот. Закончив расчеты за три минуты до взлета, снова привязался и расслабился. Именно в этот момент на него навалилась перегрузка.

После того как корабль перешел в свободный полет, Лазарус проверил свое местонахождение и вектор направления. Удовлетворенный, он заблокировал пульт, установил устройство оповещения о встрече с другими кораблями и уснул.

Глава 6

Сигнал тревоги разбудил его часа через четыре. Один-единственный взгляд на экран все объяснил: прямо перед ним простирался гигантский корпус цилиндрической формы. Это были «Новые рубежи». Лазарус выключил радар и пошел на сближение, перейдя на ручное управление и пренебрегая баллистическим калькулятором. Не успел он закончить маневр, как включилось коммуникационное устройство. Он нажал кнопку автоматического искателя. Через несколько секунд засветился экран, на котором появилось лицо человека.

— Вызывает корабль «Новые Рубежи». Сообщите данные о вашем судне.

— Частный корабль «Ай Спай», капитан Шеффилд. Прошу передать мои искренние пожелания благополучия вашему начальнику. Не будет ли мне позволено ступить на борт вашего корабля с небольшим визитом?

Посетители на «Новых Рубежах» были кстати. Строительство корабля закончилось, осталось лишь сдать его приемочной комиссии. Целая армия монтажников, которые собирали его, уже отбыла на Землю, и теперь на борту находились только представители Фонда Джордана да полдюжины инженеров корпорации. Эта горстка уставших друг от друга людей была буквально измуче-

на вынужденным бездельем; они страшно боялись, что придется остаться на корабле дольше положенного срока и в результате позже вернуться к незатейливым земным утехам. Посетитель же обещал приятное разнообразие.

В переходной камере гигантского корабля, к шлюзу которого намеренно прилепился «Ай Спай», Лазаруса встретил Главный инженер, фактически выполнявший функции капитана на стадии строительства «Новых Рубежей». Он представился и предложил Лазарусу совершить небольшую прогулку по его детищу. Они проплыли мила бесконечных коридоров; заглянули в лаборатории, кладовые, библиотеки, в которых хранились сотни тысяч катушек с записями; осмотрели целые акры гидропонных оранжерей для выращивания овощей и растений, восстанавливающих кислород; посетили удобные, просторные, можно сказать, роскошные каюты для экипажа численностью в девять тысяч человек.

— Экспедиция на «Авангарде» была слишком малочисленной, — объяснил инженер-капитан. — Социодинамики считают, что наша колония вполне сможет репродуцировать современный уровень материальной культуры.

— Очень сомнительно, — ответил Лазарус. — Разве на свете всего девять тысяч профессий?

— О, конечно же, нет! Экипаж предполагается сформировать из специалистов всех основных направлений науки и искусства. Уже потом, в процессе развития колоний, можно будет с помощью справочных библиотек совершенствоваться в любой области — в чем угодно, от бальных танцев до ткачества. Основная идея именно такова. Ко мне это прямого отношения не имеет, но предмет, без сомнения, весьма любопытный для тех, кто интересуется подобными проблемами.

— А вы не боитесь лететь? — спросил Лазарус.

Его экскурсовод, казалось, был потрясен.

— Я? Вы всерьез полагаете, что я тоже собираюсь лететь на этой штуке? Милостивый государь, перед вами инженер, а не какой-нибудь ополоумевший идиот.

— Прошу прощения.

— Разумеется, я вовсе не против космических путешествий, но только тогда, когда они преследуют какую-либо разумную цель. Например, в Луна-Сити я был столько раз, что и трудно сосчитать, а однажды посетил даже Венеру. Не думаете же вы, что человек, построивший «Мэйфлауер», должен еще и плавать на нем? На мой взгляд, от сумасшествия, которое угрожает всем членам экипажа поголовно в скором времени после отлета, эту шайку кретинов спасет лишь то, что все они уже и так не в своем уме.

Лазарус решил сменить тему разговора и предложил продолжить осмотр корабля.

Они не стали задерживаться ни в двигательном отсеке, ни в бронированном помещении гигантского атомного конвертера, поскольку Лазарус узнал, что они полностью автоматизированы. Абсолютное отсутствие в машинах движущихся частей, ставшее возможным благодаря развитию парастатики, делало их внутреннее устройство интересным, но не более того. С этим вполне можно было подождать. Зато Лазарусу очень хотелось взглянуть на контрольную рубку. В ней-то он и задержался, подробно расспрашивая о тонкостях управления. Вскоре его экскурсовод явно заскучал и продолжал объяснения только из вежливости.

В конце концов Лазарус отстал от него, но вовсе не потому, что боялся утомить гостеприимного хозяина, а потому, что посчитал полученную информацию вполне достаточной для того, чтобы рискнуть самому взяться за управление кораблем.

До возвращения на свое суденышко он успел узнать еще две важные вещи. Во-первых, через девять дней дежурная группа намеревалась провести уик-энд на Земле, после которого планировалась приемка корабля комиссией. Следовательно, в течение трех дней корабль будет пуст, останется разве что один радист. Чтобы не вызвать подозрений, Лазарус не решился слишком назойливо выведывать детали. Судя по всему, охрану звездолета организовывать не собирались, — с таким же успехом можно было бы охранять Миссисипи.

Лазарус разнюхал, как проникнуть в корабль снаружи без посторонней помощи. Эти сведения он почерпнул при наблюдении за почтовой ракетой.

В Луна-Сити Джозеф Макфи, представитель корпорации «Диана Терминал», дочернего предприятия «Грузовые Линии Диана», тепло приветствовал Лазаруса.

— Прошу вас, капитан, входите, входите. Присаживайтесь. Что будете пить? — ворковал он, уже наливая не облагавшийся налогом напиток от головной боли, который получал на вакуумной перегонной установке собственного изготовления. — Сколько лет, сколько зим... Да, и не упомнишь, когда мы в последний раз встречались. Интересно, откуда вас занесло в наши края на сей раз? Что новенького на свете?

— Из Порт-Годдарда, — небрежно бросил Лазарус и с ходу рассказал ему анекдот о том, какой ответ выдал один шкипер одной важной персоне.

Макфи не растерялся и парировал его выпад анекдотом о старой деве в невесомости. Лазарус сделал вид, что слышит его впервые. За анекдотами последовала политика, и Макфи тут же ознакомил Лазаруса с «единственно возможным», по его мнению, решением европейского вопроса, основанным на предпосылке, что принципы Договора не могут распространяться на культуры, не достигшие определенного уровня индустриализации. Идея принадлежала самому Макфи.

Лазарус не стал возражать, равно как и соглашаться. Он знал, что в делах с Макфи не следовало гнать лошадей. В нужных местах он кивал, выпивал подносимые стаканчики с адской смесью и ждал подходящего момента, чтобы перейти непосредственно к делу.

— Джо, а как у нас нынче с кораблями? Продается что-нибудь?

— Вам нужен кораблик? Я просто немею от радости. Сейчас у меня этой рухляди больше, чем когда бы то ни было. За последние десять лет подобного затишья не припомню. Так вам нужен корабль или нет? Могу уступить отличную посудину за умеренную цену.

— Может, да, а может, и нет. Это зависит от того, что вы мне предложите.

— Только скажите, в чем вы нуждаетесь, и я тут же достану. Такого спада в торговле еще не бывало. В некоторые дни вообще не дают в кредит, — Макфи нахмурился, — и знаете почему? Все из-за этих Семей Говарда. Никто не хочет рисковать деньгами до тех пор, пока не наступит развязка. Разве может человек строить планы, если неизвестно, строить их на десять лет или на все сто? Попомните мои слова: если Администрация все-таки ухитрится выжать секрет из этих ребятишек, в капитальных вложениях начнется небывалый бум. Если же нет... тогда долгосрочные вложения не будут стоить ни гроша и начнется жизнь по принципу «е-е-й-веселись»; начнется суший бедлам, по сравнению с которым Реконструкция покажется вечеринкой за чаем. — Он снова нахмурился. — Так какой вам нужен корабль?

— Конечно же, хороший. Мне нужен корабль, способный летать, а не груда ржавого металлолома.

Макфи перестал хмуриться, брови его поднялись.

— Вот как? Какого же рода колымага вам нужна?

— Точно не знаю. Вы не выкроите времечко, чтобы осмотреть их вместе со мной?

Они оделись, покинули купол через Северный Туннель и отправились на корабельную стоянку, передвигаясь, вследствие низкой гравитации, длинными затыжными прыжками.

Лазарус приметил два корабля, которые обладали нужной ему грузоподъемностью и достаточной вместимостью. Один из них был танкером и явно обошелся бы подешевле, но быстрый подсчет в уме показал, что судну недостает палубного пространства, чтобы поднять в воздух сотню тысяч пассажиров. Другой корабль был более ранней постройки, с капризными поршневыми приводами двигателей, зато он предназначался для перевозки самых разных грузов. Грузоподъемность его даже превышала потребную, но то, что пассажиры весили меньше, чем был способен нести корабль, было к лучшему — увеличивалась его маневренность, а в критической ситуации это могло иметь решающее значение.

Что же до двигателей, то с ними он совладеет — ему приходилось возиться и не с такой рухлядью.

Лазарус оговорил с Макфи условия продажи, немного поторговался с ним — вовсе не потому, что хотел сэкономить, а дабы не возбуждать подозрений безропотным согласием. В конце концов они заключили сложную сделку, в результате которой Макфи купил «Ай Спай» для себя, а Лазарус передавал ему документы на полное право владения яхтой, причем кораблик был полностью оплачен и не заложен. Взамен Макфи выдал ему платежное поручительство, согласно которому Лазарус становился законным владельцем корабля-грузовика, оплатив его стоимость тем же самым поручительством Макфи и добавив знную сумму наличными. Макфи в итоге сделки получал право на ссуду в Центральном Расчетном Банке Луна-Сити, наличные и «Ай Спай».

Это была не совсем взятка. Лазарус просто воспользовался тем, что знал о давней мечте Макфи занять собственный корабль и о том, что тот считал «Ай Спай» идеальным вариантом для себя. На нем он всегда мог отправиться куда угодно по делам бизнеса или для развлечения. Лазарус был уверен: Макфи наверняка не станет распространяться о покупке, во всяком случае до тех пор, пока не будет выплачена сумма по закладной. Чтобы слегка заморочить голову хитрому дельцу и отвести возможные подозрения, он посоветовал тому попристальнее следить за торговлей табачными изделиями... В результате Макфи остался в твердом убеждении, что новое загадочное предприятие капитана Шеффилда было каким-то образом связано с Венерой, единственным достойным рынком сбыта подобного рода товаров.

Лазарус получил возможность взлететь только через четыре дня, наполненных беготней по инстанциям, подношением ценных подарков и платежами за простой. Но вот наконец он, теперь уже владелец и полноправный хозяин «Города Чилликота», провожал взглядом огни Луна-Сити. Про себя он переименовал корабль в «Чили» — в честь своего любимого блюда, которое ему давненько уже не доводилось отвеживать: крупные красные бобы, много едкого молотого перца

чили, кусочки мяса... настоящего мяса, а не той синтетической дряни, которую нынешние юнцы именуют «мясом». При одном воспоминании об этом блюде рот его переполнялся слюной.

Так мало осталось в жизни привлекательного...

Приблизившись к Земле, он вызвал службу контроля и запросил стояночную орбиту, поскольку не хотел сажать «Чили». Это было бы напрасной тратой горючего и привлекло бы внимание. Он вполне мог выйти на орбиту без разрешения, но тогда возрастал риск, что его увидят, пока он будет отсутствовать, отметят и проверят, приняв за покинутый корабль. От греха подальше стоило все сделать легально.

Ему дали орбиту, Лазарус вышел на нее и стабилизировал корабль. Затем он настроил идентификационный луч на свою собственную комбинацию, проверил радар корабля — отзовется ли тот на его сигнал — и отправился на Землю, сев на своей миниатюрной шлюпке на небольшое взлетное поле в Порт-Годдарде. На сей раз все необходимые бумаги были с ним. Позволив опломбировать шлюпку прямо на месте посадки, он избежал таможенного контроля и быстро прошел все формальности. Единственное, что было нужно, — это найти ближайшую будку фона и связаться с Заком и Фордом, — а уж потом, если останется время, поискать местечко, где можно отведать настоящего чили. Он не пытался связаться с Администратором из космоса, потому что такое соединение требовало ретрансляции, а оператор на станции наплевал бы на права и свободы беседующих, услышав в разговоре упоминание о Семьях Говарда.

Администратор сразу же ответил на его вызов, хотя там, где находилась Башня Новака, сейчас был поздний вечер. По темным крутам под глазами Форда, Лазарус понял, что тот практически не встает из-за рабочего стола.

— Привет, — сказал Лазарус. — Лучше всего сразу подключить Зака к трехсторонней связи. Я должен кое-что сообщить вам обоим.

— Это вы, — мрачно протянул Форд. — А я было подумал, что вы бросили это дело. Где вас носило?

— Я покупал корабль, — ответил Лазарус. — Вам это должно быть известно. Включайте Барстоу.

Форд нахмурился, но повернулся к пульту. Изображение на экране разделилось на две половины, в одной из которых возникло лицо Барстоу. Казалось, он удивился, увидев Лазаруса, и почти не испытал облегчения.

Лазарус быстро заговорил:

— В чем дело, дружище? Разве Администратор не сказал тебе, чем я занят?

— Сказал, — согласился Барстоу, — но ведь мы не знали, где ты. Прошло столько времени, а о тебе ни слуху ни духу... Поэтому мы решили, что никогда больше не увидим тебя.

— Какая чушь! — возмутился Лазарус. — Ты же прекрасно знаешь, что я не способен на вероломство. Короче говоря, я здесь, и вот что я успел сделать... — Он рассказал им о «Чили» и о своем визите на «Новые Рубежи». — Я так себе все это представляю: в эти выходные, пока «Новые Рубежи» останутся пустыми, я посажу «Чили» на зоне, мы быстро погрузимся на борт, отправимся к звездолету, захватим его и стартуем. Господин Администратор, нам потребуется большая помощь с вашей стороны. Прокторам придется отвернуться, чтобы не видеть того, как я сажаю корабль и как мы в него грузимся. Затем нам придется каким-то образом проскочить под носом у патрульной космической службы. Хорошо бы, чтобы возле «Новых Рубежей» не болталось ни одного корабля, который мог бы прийти на помощь, потому что, если в рубке связи останется вахтенный, он сможет послать сигнал бедствия раньше, чем мы доберемся до него.

— Я кое-что предусмотрел, — кисло сообщил Форд. — Я предвидел, что вам потребуется отвлечь охрану, чтобы получить хоть какой-то шанс на успех. Но весь план — это в лучшем случае фантастика.

— Ничего фантастического в нем нет, — возразил Лазарус, — если только вы согласны использовать свои чрезвычайные полномочия в самый последний момент.

— Допустим, что так. Но мы не можем ждать еще четыре дня.

— Почему?

— Ситуация этого уже не позволяет.

— Да, я тоже в ужасном положении, — вставил Барстоу.

Лазарус перевел взгляд с одного на другого.

— Что такое? В чем дело?

Форд и Барстоу пришли к выводу, что обрекли себя на выполнение заведомо невыполнимой задачи. Они ввязались в сложный трехсторонний обман, в ходе которого должны были по-разному представлять положение вещей Семьям, публике и Совету Федерации. В каждом случае возникали свои особые и совершенно непреодолимые трудности.

Форду не на кого было положиться. Даже самый надежный его помощник мог быть заражен идеей несуществующего источника молодости. Убедиться в обратном у него не было никакой возможности, поскольку тем самым ставился под удар весь заговор. Помимо всего прочего Форду еще приходилось постоянно убеждать Совет в том, что принятые им меры самые эффективные и наиболее полно отвечают чаяниям Совета.

Дополнительным источником проблем служила необходимость публиковать ежедневные информационные сводки, чтобы убедить граждан в том, что их правительство решительно настроено добыть для них «секрет бессмертия». И с каждым днем эти сводки должны были быть все подробнее, а содержавшаяся в них ложь — все более изощренной. Люди проявляли все большее беспокойство по мере того, как шло время. Налет цивилизованности мало-помалу спадал с них — они становились неуправляемой толпой.

И Совет чувствовал давление масс. Дважды Форду удавалось устраивать голосование. Во второй раз его спасли только два голоса.

— Мне не выиграть еще одного голосования. Мы должны шевелиться.

Затруднения Барстоу были несколько иного порядка, но они также не вселяли оптимизма. Ему никак нельзя было обойтись без доверенных лиц, поскольку перед ним стояла задача подготовить сотни тысяч людей к исходу. И чтобы исчезнуть быстро и без шума, помощников следовало отбирать заранее и наверняка. Тем не менее даже им он не решился бы сказать правду раньше времени, потому что среди них могли

оказаться глупцы и упрямцы... а ведь вполне достаточно одного дурака, чтобы погубить все предприятие — стоило лишь словечко шепнуть прокторам...

Ему пришлось бы искать лидеров, которым он мог доверять, убеждать их и надеяться, что они сумеют увлечь остальных. Ему нужно было около тысячи таких «пастырей» для уверенности в том, что в нужный момент люди пойдут за ним. Но само число доверенных лиц было столь велико, что по закону больших чисел следовало ожидать прокола хотя бы в одном случае.

Хуже того, ему нужны были верные люди и для более тонкого дела. Они с Фордом выработали план, довольно шаткий, но позволяющий выиграть хоть какое-то время. Разглашая мизерными дозами сведения о том, как отсрочить симптомы приближающейся старости, они делали вид, что сумма всех этих приемов и есть «секрет». Барстоу нужна была помощь химиков, гормонотерапевтов, специалистов по симбиотике и метаболизму, а также многих других сведущих людей из членов Семей. Их, в свою очередь, на случай допроса в полиции должны были подготовить самые опытные психотехники, чтобы даже под влиянием сыворотки правды они смогли выдавать обман за действительность. Гипнотическое внушение и блокада, необходимые для этого, требовали куда больших усилий от специалистов, чем обычный блок молчания. До сих пор методика срабатывала... и неплохо. Но противоречий, которые с каждым днем росли словно снежный ком, все труднее было избегать.

Барстоу больше не мог справляться с грузом нагромождавшихся хлопот. Основная масса членов Семей, находившаяся в неведении относительно истинной подоплеку происходившего, все больше выходила из-под контроля — и даже быстрее, чем граждане Федерации. Они были страшно недовольны тем, что с ними происходило; они ждали от лиц, облеченных властью, незамедлительных действий по их освобождению.

Влияние Барстоу на Семьи таяло столь же быстро, как и влияние Форда на Совет.

— Так что о четырех днях не может быть и речи, — заключил Форд. — Самое большое — двенадцать ча-

сов. В крайнем случае — двадцать четыре. Совет собирается завтра в полдень.

Барстоу был обеспокоен.

— Я не уверен, что мне удастся подготовить за такое короткое время людей. Могут возникнуть трудности при погрузке.

— Не беспокойтесь об этом, — отрезал Форд.

— Почему?

— А потому, — резко ответил Форд, — что те, которые останутся, — умрут, если им повезет.

Барстоу промолчал, отведя глаза в сторону. Наконец-то один из них выразил вслух мысль о том, что затеянное ими не какой-нибудь безобидный политический ход, а отчаянная и почти безнадежная попытка избежать массового убийства... и что Форд занимает позиции и по ту, и по эту сторону баррикад.

— Ладно, — вмешался Лазарус, — раз вы обо всем договорились, давайте действовать. Я могу посадить «Чили» в... — Он задумался и, припомнив положение корабля на орбите, прикинул, сколько времени ему потребуется, чтобы добраться до него, и сколько, чтобы спуститься. — ...Ну, скажем, в двадцать два по Гринвичу. Добавим еще час для верности. Как насчет семнадцати часов пополудни завтра по оклахомскому времени? Собственно говоря, это уже сегодня.

Его собеседники явно были обрадованы.

— Вполне подходит, — одобрил Барстоу. — Постараюсь подготовить людей наилучшим образом.

— Хорошо, — согласился Форд. — Если это минимальный срок, то можно все устроить. — Он на мгновение задумался. — Барстоу, я удалю из зоны одновременно всех прокторов и весь правительственный персонал, так что вы останетесь одни. Как только захлопнутся ворота, вы можете раскрыть своим людям карты.

— Хорошо, я сделаю все, что в моих силах.

— Еще нужно что-нибудь обсудить? — спросил Лазарус. — Ах да... Зак, нам нужно заранее выбрать место для стоянки, а то я могу загубить дюзовым огнем множество невинных душ.

— Верно. Тогда заходите с запада. Я зажгу стандартный пиросигнал. Годится?

— Нет, не годится, — отрезал Форд. — Ему понадобится направляющий луч.

— Ерунда, — отмахнулся Лазарус. — Я могу посадить корабль хоть на вершину памятника Вашингтону.

— Только не на этот раз. Приготовьтесь к погодным сюрпризам.

Приблизившись к «Чили», Лазарус послал из шлюпки сигнал. «Чили» отозвался — к его великой радости, поскольку он ни на грош не доверял аппаратуре, которую сам не перебрал по винтику, а длительные поиски корабля были бы сейчас весьма некстати.

Лазарус прикинул приблизительное направление, включил тягу, пролетел немного, затормозил... и оказался у цели даже на три минуты раньше намеченного. Он завел шлюпку в корабль, выскочил и устремился в рубку. Спуск вниз, вхождение в стратосферу и облет двух третей поверхности земного шара заняли у него ровно столько времени, сколько он запланировал. Часть сэкономленных минут он использовал на то, чтобы смягчить совершаемые кораблем маневры: изношенные двигатели не стоило лишний раз перегружать. В тропосфере он начал снижение. Корпус судна разогрелся, но температура пока была приемлема. Только теперь он понял, что подразумевал Форд, намекая на погоду. Оклахома и половина Техаса оказались затянутыми темными непроницаемыми тучами. Лазарус был удивлен и в то же время доволен. Он вспомнил о временах, когда погода была явлением стихийным, а не управляемым. С его точки зрения, жизнь вообще утратила изрядную долю своей прелести с тех пор, как ученые научились укрощать стихию. И он надеялся, что погода их новой планеты, если только они доберутся до нее, будет обладать дивным строптивым нравом.

Вскоре он влетел в тучи, и ему стало не до размышлений. Несмотря на свою основательную конструкцию, корабль стонал и жаловался. Форд, вероятно, заказал такую кутерьму на момент начала операции, — а для этого интеграторы должны были все время иметь под рукой область низкого давления.

Где-то в эфире разорвался оператор контроля, адресуя свое возмущение Лазарусу. Он отключил коммутатор и все внимание сосредоточил на посадочном радаре и на призрачных изображениях на своем экране, одновременно сравнивая данные на нем с показаниями инерционного датчика. Корабль пролетел над многомильным шрамом на поверхности Земли — руинами Роуд-Сити. Когда Лазарус видел его в последний раз, это был бурлящий жизнью мегаполис. Среди механических чудовищ, созданных людьми, подумал он, эти динозавры без особых хлопот взяли бы первый приз.

Лазарус повел корабль на посадку; когда опоры коснулись земли и заскрежетали по ней, он выключил двигатели. Медленно распахнулись гигантские грузовые люки, и косые струи дождя ворвались в трюмы корабля.

Элеонор Джонсон съежилась, полусогнувшись, преодолевая порывы бури, и постаралась поплотнее укутать полый плаща ребенка, которого несла на руках. Когда разразилась буря, ребенок начал плакать, и его непрерывающийся плач ужасно действовал ей на нервы. Теперь малыш затих, но от этого она только сильнее забеспокоилась.

Элеонор сама плакала, хотя старалась скрыть слезы. За свои двадцать семь лет она не видела такой непогоды. Буря казалась ей олицетворением всего того, что перевернуло ее жизнь, оторвало от родного дома, лишило уютного домашнего очага, чистенькой кухни, плиты, на которой она могла готовить, ни у кого не спрашивая разрешения, — буря была словно грозным ликом того несчастья, которое вышибло ее из привычной жизненной колеи. Ее арестовали, как какую-нибудь полоумную, и после множества унижительных процедур поместили сюда, в холодную глинистую оклахомскую пустошь.

Да будет! Явь это или сон? Разве может такое случиться на самом деле? Может быть, она вообще еще не родила и все это только один из дурных снов

беременности? Но слишком уж холоден был дождь, гром просто оглушал, — она обязательно проснулась бы, будь это сон. Тогда и то, что сказал им Главный Поверенный, тоже явь, должно быть явью. Ведь она собственными глазами видела приземлившийся корабль, видела, как ярко билось пламя под его дюзами, освещающая местность далеко вокруг. Сейчас его силуэт был неразличим, но толпа вокруг нее медленно двигалась вперед, значит, корабль где-то впереди. Она находилась в самых дальних рядах, и, видно, ей придется входить на борт одной из последних.

Попасть туда было необходимо: Старший Заккур Барстоу с глубокой печалью в голосе поведал им, что ждет тех, кто не успеет погрузиться. Она верила ему и тем не менее никак не могла до конца смириться с мыслью о существовании заостеневших в ненависти людей, жаждущих крови таких безобидных и беззащитных существ, как она и ее чудесный малыш.

Ее охватил панический ужас: а вдруг к тому времени, когда она подойдет к кораблю, там уже не останется места? Она еще крепче прижала к себе младенца и так судорожно стиснула его, что он снова заплакал.

Какая-то женщина из толпы пробилась поближе к ней и заговорила:

— Ты, наверное, устала? Может, я пока понесу ребенка?

— Нет-нет, благодарю вас, со мной все в порядке.

Молния осветила лицо женщины, и Элеонор Джонсон узнала Старшую Мэри Сперлинг.

Теплота голоса Старшей привела ее в чувство. Теперь она знала, что ей делать. Если корабль окажется переполнен и больше не сможет принять на борт ни одного человека, она передаст ребенка вперед, по рукам, над головами толпы. Ей не откажут в этом, ведь не может же на корабле не найтись места для такой крохи!

Ее повлекло вперед. Толпа снова двинулась.

Когда Барстоу понял, что погрузка кончится через несколько минут, он покинул свой пост у одного из

грузовых люков и быстро, как только мог, помчался к будке связи, оскальзываясь на раскисшей земле. Следовало предупредить Администратора о готовности к старту. Это было необходимым звеном в плане Форда. Барстоу пришлось несколько раз дернуть на себя дверь, чтобы открылась, и он ворвался внутрь. Набрав секретную комбинацию, которая должна была связать его прямо с Администратором, он нажал кнопку.

Ему ответили сразу же, но лицо, появившееся на экране, не было лицом Форда.

— Где Администратор? Мне нужно срочно переговорить с ним!

И тут он узнал этого человека. Лицо его было хорошо известно широкой публике — Борк Вэннинг, лидер оппозиции в Совете.

— Вы разговариваете с Администратором, — заявил Вэннинг и холодно усмехнулся. — С новым Администратором. А теперь ответьте, кто вы такой, черт возьми, и какого дьявола вам нужно.

Барстоу возблагодарил всех богов, и нынешних, и прошлых, за то, что остался неузнанным. Он одним движением отключил фон и опрометью бросился вон из будки.

Два грузовых люка уже были закрыты. Последние беглецы поднимались на корабль через два остальных.

Барстоу руганью и проклятиями подгонял отстающих, последним поднялся на борт и, шатаясь от усталости, бросился в рубку.

— Поднимайте корабль! — задыхаясь, крикнул он Лазарусу. — Скорее!

— К чему весь этот шум? — удивился Лазарус. Тем не менее поторопился закрыть и загерметизировать люки. Затем он включил сирену предупреждения, подождал еще десять секунд... и врубил двигатели.

Через шесть минут Лазарус как ни в чем ни бывало заметил:

— Надеюсь, все улеглось. Если нет, то кое-кто получил небольшие повреждения. Так что вы хотели мне сказать?

Барстоу поведал о своей неудачной попытке связаться с Фордом. Лазарус удивленно заморгал и просвистел несколько тактов из «Фазана на луку».

— У меня такое впечатление, что мы слегка выбились из графика. Очень на то похоже.

Он замолчал и углубился в показания приборов, одним глазом наблюдая за баллистическим калькулятором, другим — за экраном радара.

Глава 7

Лазарус не мог ни на минуту отвлечься от управления «Чили» — требовалось все его внимание и искусство, чтобы привести судно в правильное положение по отношению к «Новым Рубежам». Из-за перегрузки двигателей корабль вел себя словно норовистый конек. Но Лазарус справился. Магнитные якоря угодили в нужные места, герметичные переборки соединили шлюзы. Хлопок, ударивший по барабанным перепонкам пассажиров «Чили», означал, что уравнилось давление внутри двух кораблей. Лазарус нырнул в люк на полу рубки, быстро и ловко подтянулся на руках к переходной камере и обнаружил, что из пассажирского шлюза «Новых Рубежей» на него взирает шкипер-инженер.

Тот присмотрелся и произнес:

— Опять вы? Но почему вы не ответили на наш вызов? Сюда нельзя причаливать без особого разрешения — это частная собственность. Что все это значит?

— Это значит, — объяснил Лазарус, — что вам и вашим ребятам придется отчалить на Землю на несколько дней раньше срока — на нашем корабле.

— Что за околесицу вы несете?

— Приятель, — мягко сказал Лазарус и в его руке заплясал бластер, — мне очень не хочется причинять тебе вред, раз уж ты был так любезен со мной... но мне придется пойти на это, если вы не возьмете ноги в руки и не смаетесь отсюда в темпе вальса.

Инженер не верил своим глазам. За его спиной уже собрались несколько его помощников. Один из них круто развернулся, намереваясь скрыться. Лазарус, не раздумывая, выстрелил ему в ногу, понизив мощность бластера до минимума. Тот дернулся и затих.

— Придется вам позаботиться о нем, — заметил Лазарус.

Инцидент решил все. Шкипер вызывал своих людей по системе оповещения, а Лазарус считал их по мере появления... Двадцать девять — число, которое он сразу же запомнил еще во время своего первого визита сюда. Он отрядил двоих надежных парней присматривать за экипажем «Новых Рубежей», а сам осмотрел раненого.

— Да ты целехонек, дружище, — наконец констатировал он и обернулся к шкиперу-инженеру. — Как только переберетесь на наш корабль, смажьте ему ногу противорадиационной мазью. Аптечка находится справа от пульта в рубке.

— Но это же разбой! Вам это не сойдет с рук просто так!

— Может статься, — задумчиво согласился Лазарус. — Но я почему-то рассчитываю на обратное. — Он переключил свое внимание на высадку беглецов. — Эй, там! Пошевеливайтесь! Не можем же мы возиться целый день!

«Чили» медленно пустел. Можно было пользоваться только одним люком. Давление взбурдаженной толпы подстегивало передних, и люди влетали в гигантский корабль, как рассерженные пчелы в улей.

Большинству из них доселе было неизвестно состояние невесомости. Поэтому, попадая на просторы коридоров и залов «Новых Рубежей», они беспомощно падали, совершенно дезориентированные. Лазарус пытался навести порядок тем, что хватал людей, казавшихся более или менее привычными к невесомости, и отряжал помогать потерявшим равновесие, оттаскивая их подальше от переходной камеры, — чтобы очистить

плацдарм для оставшихся многих тысяч. Когда набралось уже около дюжины таких помощников, из переходного люка появился Барстоу. Лазарус сграбастал его и тут же поставил следить за порядком.

— Делай все, чтобы они не останавливались. Как угодно, но делай. Мне нужно пойти в рубку. Если тебе попадется Энди Либби, пошли его ко мне.

Из потока людей выбрался человек и приблизился к Барстоу.

— Какой-то корабль пытается пришвартоваться к нашему. Я видел его в иллюминатор.

— Где? — всполошился Лазарус.

Человек был явно несведущ по части наименований деталей корабля и космических терминов, но в конце концов ухитрился все объяснить.

— Я скоро вернусь, — сказал Лазарус Барстоу. — Только следите, чтобы не было пробок. И присматривайте, чтобы никто из этих пташек — я имею в виду наших любезных хозяев — не упорхнул.

Он сунул бластер в кобуру и стал протискиваться в люк против людского потока.

Выход номер три, похоже, и был именно тем, о котором говорил человек. В крышке люка имелось отверстие, закрытое бронестеклом. Заглянув в него, Лазарус вместо звезд увидел освещенное пространство. К люку пришвартовался какой-то корабль.

Его команда либо не пыталась проникнуть в «Чили», либо просто не знала, как это сделать. Люк не запирался изнутри, поскольку надобности в том не было. Он с легкостью должен открыться с любой стороны, как только уравнивается давление изнутри и снаружи, о чем и свидетельствовал датчик, расположенный возле люка.

Лазарус был заинтригован.

Оставалось строить догадки, был ли это корабль патрульной службы, боевой крейсер или что-либо еще. В любом случае он появился весьма некстати. Но почему же тогда они не открыли люк и не вошли? Лазарус боролся с искушением запереться изнутри, заблокировать все остальные выходы, закончить погрузку и попытаться улететь.

Но тут в нем заговорило любопытство его хвостатых предков. Он просто не мог не попытаться разобраться в том, чего не понимал. Поэтому он пошел на компромисс: накинул задвижку, которая не позволяла теперь открыть люк снаружи, и осторожно приник к смотровому отверстию...

И обнаружил, что смотрит прямо на Слэйтона Форда.

Лазарус отшатнулся, открыл задвижку и нажал ручку, открывая люк. При этом он затаился сбоку, напрягшись и сжимая бластер в одной руке, а нож — в другой.

Появился человек. Убедившись, что это был именно Форд, Лазарус захлопнул дверцу люка и набросил задвижку. При этом он ни на миг не отводил дула бластера от неожиданного гостя.

— А теперь извольте объяснить, что все это значит? — потребовал он. — Что вам здесь нужно? Кто еще с вами? Патруль?

— Нет, я один.

— Что?

— Я хочу отправиться с вами... если только вы возьмете меня с собой.

Лазарус взглянул на Администратора и не нашелся что ответить. Он снова приник к окошечку и оглядел внутренности миниатюрной яхты. Походило на то, что Форд говорил правду, поскольку там никого не было видно. Но Лазарус больше всего удивился не этому.

Перед ним был не космический корабль. У него отсутствовал шлюз, вместо которого в наличии имелся просто заурядный люк, позволявший разве что перебраться на большой корабль. Лазарус сейчас заглядывал прямо в кабину суденышка. Оно выглядело как... да, точно, это была «Джойбот Джуниор» — прогулочная стратояхта, годная лишь для перелетов в стратосфере из одного пункта в другой или, на худой конец, для визитов на спутники — при том условии, что там кораблик сможет дозаправиться для обратного полета.

Запаса топлива на борту не было. Опытный пилот, возможно, сумел бы посадить яхту без горючего и уцелеть при этом, если только он способен был методом Скипа — М'Лоу несколько раз ввести и вывести ее из атмосферы, не допуская при этом перегрева обшив-

ки... но сам Лазарус никогда не стал бы испытывать судьбу. Нет уж! Он повернулся к Форду.

— А вдруг мы откажем вам? Как вы рассчитывали вернуться назад?

— А я на это и не рассчитывал, — просто ответил Форд.

— М-м-м... Ладно, выкладывайте, что там стряслось, только вкратце — у нас нет времени.

Форд сжег за собой все мосты. Отстраненный от власти несколько часов назад, он отдавал себе отчет в том, что, как только правда всплывет наружу, его ждет пожизненная ссылка на Окраину, — да и то только в том случае, если его не разорвет на куски взбешенная толпа или не сделает кретином допрос с пристрастием. Побег Семей был той каплей, которая переполнила чашу терпения оппозиции и лишила Форда возможности контролировать ситуацию. Совет не внял его объяснениям. Форд пытался выдать бурю и удаление прокторов из резервации за попытку душевно сломить Семей, но выглядело все это не очень убедительно. Его приказы патрульным кораблям держаться подальше от «Новых Рубежей» никем не связывались с делом Семей Говарда, однако явное отсутствие мотива в этих приказах было отмечено оппозицией и обращено против Администратора. Они хватались за любую зацепку, которая позволила бы уличить его: например, один из вопросов, заданных ему на Совете, касался суммы, выплаченной из чрезвычайного фонда некоему капитану Аарону Шеффилду. Действительно ли эти деньги были истрачены с пользой для общества?

Глаза Лазаруса расширились.

— Вы хотите сказать, что они уже шли за мной по пятам?

— Не совсем. Иначе бы мы сейчас с вами не разговаривали. Но они были довольно близко. Думаю, им оказали поддержку очень многие из моих помощников.

— Скорее всего. Тем не менее мы добились своего, так что жалеть не о чем. Как только последний из наших перейдет на большой корабль, а последний из вахтенных на этот, мы немедленно стартуем.

Лазарус развернулся, намереваясь уйти.

— Так значит, вы собираетесь взять меня с собой?

— Разумеется.

Сначала Лазарус собирался отправить Форда на «Чили» назад. Переменить решение его заставило не чувство признательности, а просто уважение. Форд, получив отставку, тут же отправился в космопорт Хаксли, расположенный к северу от Башни Новака, получил разрешение на полет к спутнику отдыха «Монте-Карло», а вместо этого вылетел к «Новым Рубежам». Лазарусу это понравилось. Для игры ва-банк требовались незаурядная отвага и сильный характер — качества, как правило, отсутствующие у большинства людей. Не присаживайся напоследок, не оглядывайся — смело рвись вперед!

— Естественно, вы летите с нами, — еще раз просто повторил он. — Люди вашего типа, Слэйтон, мне импонируют.

«Чили» опустел уже наполовину, однако у переходного шлюза по-прежнему теснились толпы возбужденных людей. Лазарус с усилием прокладывал себе дорогу, стараясь не задевать женщин и детей и в то же время пытаясь прорываться с максимальной скоростью. Он протиснулся в «Новые Рубежи» вместе с Фордом, который крепко держался за его пояс. Оказавшись внутри звездолета, Лазарус столкнулся лицом к лицу с Барстоу.

Барстоу таращил глаза через его плечо.

— Да, это действительно он, — подтвердил Лазарус. — Не пялься так откровенно — это неприлично. Он летит с нами. Ты не видел Либби?

— Я здесь, Лазарус, — Либби отделился от толпы и приблизился к ним с изяществом привычного к невестомости ветерана. К его запястью был привязан небольшой пакетик.

— Отлично. Будь все время под рукой. Зак, сколько еще времени потребует перегрузка?

— Один Господь ведает. Их очень трудно сосчитать. Думаю, что-нибудь около часа.

— Постарайся закончить быстрее. Если бы ты по обе стороны люка поставил плечистых парней, те могли бы подстегнуть продвижение. Нам позарез надо управиться чуточку быстрее, чем это в силах человеческих. Я отправляюсь в рубку. Как только все погрузятся, а

вахта будет отправлена на «Чили», сразу же известите меня. Энди! Слэйтон! Пошли!

— Лазарус...

— Потом, Энди. Мы успеем всласть наговориться, когда придем.

Лазарус прихватил с собой Слэйтона потому, что не знал, как с ним быть, и не сомневался, что пока лучше держать его где-нибудь подальше от посторонних глаз. Потом, быть может, изыщется благовидный предлог, который позволит объявить о присутствии Форда на борту. До сих пор, кажется, никто не обратил на него внимания, но как только водворится порядок, наличие на корабле этой хорошо известной фигуры сразу же вызовет законное недоумение.

Рубка находилась примерно в полумиле от входного люка. Лазарус знал, что туда ведет хорошо оборудованный коридор, но искать его не было времени. Он просто пошел по первому попавшемуся туннелю, который уходил прямо вперед. Как только они выбрались из толчеи, скорость их передвижения заметно возросла, несмотря на то что Форд справлялся с невесомостью с меньшей сноровкой, чем два его спутника.

Когда они добрались до рубки, Лазарусу пришлось некоторое время затратить на изложение Либби простых, но несколько необычных принципов управления кораблем. Либби страшно заинтересовался и с головой ушел в овладение хитростями межзвездной навигации.

Лазарус обернулся к Форду.

— Ну а как вы, Слэйтон? Второй пилот нам отнюдь не помешает.

Форд отрицательно покачал головой.

— Я внимательно слушал ваши объяснения, но мне никогда не овладеть этими премудростями. Я не пилот.

— Что? Тогда как же вы добрались сюда?

— О, конечно, лицензия у меня есть, но мне все недосуг было попрактиковаться. У меня всегда был собственный пилот. И мне уже много лет не доводилось рассчитывать траекторию.

Лазарус окинул его изучающим взглядом.

— И все же вы рискнули выйти на орбиту? Не имея даже запаса горючего?

— Конечно, а что мне оставалось делать?

— Понятно... Примерно так же коты учатся плавать. Что ж, тоже метод.

Он повернулся к Либби и хотел было что-то ему сказать, но тут из динамика прозвучал голос Барстоу:

— Лазарус! Готовность пять минут! Предупреждаю!

Лазарус нашел микрофон, нажал на светящуюся кнопку под ним и ответил:

— О'кей, Зак! Пять минут. — Затем проворчал: — Дьявольщина! А ведь я еще даже не выбрал курс. Что ты думаешь насчет этого, Энди? Может, для начала просто рванем подальше от Земли, чтобы стряхнуть погоню с хвоста, а потом выберем направление? Как вы считаете, Слэйтон? Ведь патрульные корабли уже наверняка имеют приказ?

— Нет, Лазарус, нет! — запротестовал Либби.

— А что такое, почему нет?

— Мы должны лететь прямо к Солнцу.

— К Солнцу? Ради святого Петра, с какой стати?

— Да ведь я еще у шлюза пытался вам все растолковать. Это из-за моего межзвездного двигателя, который вы просили изобрести.

— Энди, но ведь его у нас нет.

— Отчего же? Вот. — Либби показал пакетик, привязанный к запястью.

Лазарус развернул его.

Сварганенная из пестрого набора деталей и похожая скорее на продукт какой-нибудь школьной мастерской, чем на вещь, вышедшую из рук опытного инженера, шутовина, которую Либби громко называл «межзвездным двигателем», подверглась тщательному осмотру Лазаруса. В блестящей, уставленной сложнейшими приборами рубке изобретение Либби выглядело трогательно неуклюжим и до смехотворного неуместным.

Лазарус ткнул в устройство пальцем.

— Что это такое? — ухмыльнулся он. — Твоя модель?

— Нет, нет. Это он. Межзвездный двигатель.

Лазарус с жалостью взглянул на младшего товарища.

— Сынок, — ласково проворковал он, — а ты по пути не подрастерял ли из головы несколько гаечек?

— Нет, нет, нет! — с горячностью воскликнул Либби. — Я вовсе не сошел с ума. Это совершенно новый принцип. Именно поэтому я и хочу, чтобы вы направили корабль к Солнцу. Если эта штука сработает, то лучше всего она будет действовать там, где наивысшее световое давление.

— А если она откажет, — спросил Лазарус, — что тогда от нас останется? Пятна на Солнце?

— Нам ни к чему лететь прямо на Солнце. Просто мы сейчас вылетим в его сторону, а когда приблизимся, у меня уже будет достаточно данных и я дам вам нужную траекторию. Я хочу пролететь мимо Солнца по отлогой гиперболе в глубь орбиты Меркурия, в максимальной близости от солнечной фотосферы. А поскольку я не знаю, какое приближение к Солнцу способен выдержать корабль, я пока не могу сделать необходимые расчеты. Позже данные появятся, и у нас будет время учесть их.

Лазарус снова взглянул на неуклюжее сплетение деталей.

— Энди... если ты настаиваешь, что с головой у тебя все в порядке, то я готов попробовать. Пристегивайтесь оба. — Он пристегнулся сам и вызвал Барстоу: — Как у вас там, Зак?

— Готовы!

— Тогда держитесь крепче!

Лазарус нажал светящуюся кнопку на левой стороне пульта, и рев сирены огласил чрево корабля. Другой рукой он нажал вторую кнопку. Экран, находившийся перед ним, стал прозрачным, и... словно кто-то вдруг опрокинул ушат звезд в черную бездну. Форд онемел от изумления.

Лазарус внимательно изучал картину неба. Почти на двадцать градусов полусфера была затенена краем ночного полушария Земли.

— Начнем потихоньку выбираться за тень, Энди. Придется наращивать ускорение исподволь.

Он начал с четверти «g» — ускорения, вполне достаточного для того, чтобы пассажиры немного встряхнулись и стали осторожнее, постепенно довел его до половины, а затем и до полного «g». В результате сложных манипуляций «Новые Рубежи» мало-помалу

ложились на нужный курс, и в конце концов тень планеты осталась позади.

Земля вдруг коренным образом изменилась: она ослепительно засияла, как только стало видно Солнце.

— Я хочу обойти ее по тысячемильной траектории, Либби, — напряженно произнес Лазарус, — при двух «g». Дай-ка мне временной вектор.

Либби на мгновение задумался и тут же выдал необходимую информацию. Лазарус вновь включил сигнал и увеличил ускорение до двух «g». Ему очень хотелось довести его до максимума, но с такими пассажирами лучше было не рисковать. Для них даже два «g» в течение продолжительного времени могли оказаться чрезмерными. Любой патрульный корабль, высланный им наперерез, способен будет развить куда большее ускорение, и его тренированный экипаж перенесет нагрузки с легкостью. Но весь план беглецов давно уже зависит от случая... Кроме того, напомнил он себе, патрульный корабль не сможет наращивать скорость столь же долго, как они, — запас горючего на судах этого типа был сравнительно невелик.

«Новые Рубежи» не имели таких старомодных «достоинств», как баки или топливо. Конвертер корабля тут же превращал в чистую лучевую энергию любое вещество, которое в него попадало. Годилось абсолютно все: метеориты, космическая пыль, захваченные силовыми ттрами блуждающие атомы, любые предметы из самого корабля, мусор, мертвые тела, пыль с палубы — все, что угодно. Распадаясь, каждый грамм вещества выделял девятьсот миллионов триллионов эргов.

Сверкающий серп Земли постепенно прибывал и наливался, сползая к левому краю полусферического экрана, в то время как Солнце оставалось по-прежнему строго в центре. Минут через десять, когда они максимально приблизились к земной поверхности и серп на экране разросся до полукруга, вдруг заработала космическая связь:

— «Новые Рубежи»! — произнес чей-то энергичный голос. — Возвращайтесь на орбиту и гасите скорость! Это приказ службы космического контроля.

Лазарус отключился.

— Как бы там ни было, — спокойно заметил он, — если они даже и погонятся за нами, я уверен, что им не понравится преследовать нас до самого Солнца. Энди, теперь путь свободен, и нам, кажется, пора скорректировать курс. Ты сам сделаешь расчеты или будешь давать мне данные?

— Я сам все рассчитаю, — ответил Либби.

Он уже обнаружил, что со всеми системами корабля, необходимыми для астронавигации, можно связаться с обоих кресел. Пользуясь этим и анализируя непрерывный поток данных на приборах в рубке, он мог теперь вплотную заняться расчетом гиперболы, по которой следовало обогнуть Солнце. Сначала он намеревался прибегнуть к помощи баллистического калькулятора, но тот не оправдал его надежд: такой модификации Либби еще не встречал; в ней совершенно отсутствовали движущиеся части, даже на панели управления. Поэтому он не стал попусту терять время и воспользовался своим феноменальным даром обращаться с числами. Хотя в мозгу Либби тоже не было движущихся частей, он как-то больше привык доверять именно ему.

Лазарус решил проверить, насколько велика их популярность. Он снова включил космическую связь и обнаружил, что там по-прежнему отдаются крикливые приказы, только звучат они чуть-чуть отдаленнее. Теперь его имя уже склонялось в эфире — одно из множества его имен. Это навело его на мысль о ребятах, отправленных на «Чили»: они, похоже, не мешкая, вызвали космический патруль. Лазарус печально покачал головой, услышав, что лицензия некоего капитана Шеффилда отныне считается аннулированной. Он включил космическую связь, нашел частоты, на которых переговаривались корабли патруля... и вновь отключился, поскольку их переговоры были закодированы.

Лазарус пробормотал что-то вроде «Против лома нет приема» и обратился к другому источнику информации. Показания радара дальнего действия и парагравитационного детектора свидетельствовали о том, что неподалеку от них находятся несколько кораблей, но сам по себе этот факт ни о чем не говорил, поскольку так близко от Земли всегда висело много аппаратов. Лаза-

русу сразу не удалось определить, какие из них являются безобидными грузовиками, торопившимися избавиться от своего мирного груза, а какие — вооруженными крейсерами патруля, готовившимися взять их на abordаж, но он знал, что «Новые Рубежи» располагают в этом плане гораздо большими возможностями, чем любой другой корабль. Например, полусферический экран в рубке позволял пилоту видеть и то, что находилось впереди, и то, что позади. Он также вполне мог работать как гигантский экран радара, отчетливо показывая очертания любого тела, появившегося поблизости. Но и это еще не все. Умная электроника преобразовывала импульсы радара в картины, привычные человеческому глазу, и на экране возникало изображение интересующего объекта.

Лазарус окинул взглядом контрольную панель слева от себя и постарался припомнить все, что рассказывали ему об этом, затем нажал несколько кнопок.

Звезды и даже само Солнце на экране потускнели и стали почти невидимыми. Зато появилось около дюжины новых сверкающих точек.

Он дал аппаратуре задание определить угловое смещение каждой из них. Яркие точки вдруг превратились в вишнево-красные маленькие кометы с розовыми хвостами — все, кроме одной, которая осталась белой и не смещалась. Лазарус некоторое время анализировал полученную картину и в конце концов решил, что они никогда не пересекутся с курсом их звездолета. Потом он вплотную занялся изучением судна, которое оставалось на экране неподвижным.

Цвет его изображения потускнел сначала до фиолетового, а потом до сине-зеленого. Лазарус немного подумал, переключил несколько кнопок и по возобновившемуся белому свечению понял, что пока все в порядке. Удовлетворенный, он проделал те же манипуляции с кормовым изображением.

— Лазарус...

— Да, Энди?

— Тебе не помешает, если я начну давать коррекцию?

— Ничуть. Я просто осматриваю окрестности. И если этот волшебный фонарь меня не обманывает, то они немного опоздали с началом погони.

— Отлично. Тогда вот данные...

— Слушай, может, ты сам введешь их? Возьми управление на себя, а я тем временем перехвачу кофе и бутербродов. Кстати, а ты как насчет перекусить?

Либби с отсутствующим видом кивнул — он уже начал корректировку курса. Неожиданно нарушил молчание Форд — кажется, это были его первые слова за время полета:

— Давайте я попробую раздобыть какой-нибудь снеди. Мне это только доставит удовольствие. — Кажется, он изо всех сил старался быть полезным.

— М-м-м... могут быть неприятности, Слэйтон. Независимо от того, как успел поработать с людьми Зак, большинство из них наверняка все еще произносят ваше имя в бранном контексте. Я свяжусь с камбузом и попрошу кого-нибудь.

— Меня наверняка не узнают в этой суматохе, — возразил Форд. — Кроме того, я всегда могу объяснить, что послан с важным поручением.

— О'кей... если вы, конечно, в состоянии шевелиться при двух «g».

Форд тяжело выбрался из противоперегрузочного кресла.

— Я вполне могу ходить. С чем вам сделать бутерброды?

— Неплохо бы с солониной, да только это наверняка окажется какая-нибудь синтетическая дрянь. Сварганьте с сыром на черном хлебе и намажьте горчицей, если раздобудете. И приготовьте с галлон кофе. Тебе чего принести, Энди?

— Мне-то? Да что угодно.

Форд направился было к выходу, с трудом переставляя ноги под гнетом удвоенного веса, но остановился и добавил:

— Кстати, если бы вы подсказали мне, куда идти, я сэкономил бы кучу времени.

— Дружище, — ответил Лазарус, — если этот корабль не набит до краев пищей, то все мы совершили

ужаснейшую ошибку. Порыскайте кругом. Наверняка что-нибудь найдете.

Ближе, ближе и ближе к Солнцу. Скорость увеличилась на шестьдесят четыре фута в секунду. Вперед и еще вперед на протяжении пятнадцати бесконечных часов удвоенной силы тяжести. За это время они пролетели семнадцать миллионов миль и достигли огромной скорости — шестисот миль в секунду. Но сухая цифра мало что говорит воображению; лучше представить: один удар сердца — и совершенно путешествие из Нью-Йорка в Чикаго, которое даже на стратоплане занимает полчаса.

Барстоу пришлось нелегко. Все остальные, пока корабль набирал ускорение, безнадежно пытались заснуть, тяжело дыша и стараясь улесться так, чтобы уменьшить изнуряющее воздействие перегрузки. Заккур же двигало чувство ответственности за других. Он продолжал ходить, хотя казалось, что на шее у него висит, пригибая его к полу, груз в триста пятьдесят фунтов...

В принципе, он ничем никому не мог помочь. Он просто устало ковылял из одного отсека в другой и осведомлялся о самочувствии. Ничего, абсолютно ничего нельзя было сделать, чтобы облегчить страдания людей. Они лежали там, где нашли место, — мужчины, женщины и дети, скученные, словно стадо. Им негде было удобно пристроиться, поскольку корабль не предназначался для такого количества пассажиров.

Единственное, устало размышлял Барстоу, что спасает сейчас положение, — это свалившиеся на них несчастья, которые не дают им возможности думать ни о чем остальном. Они слишком потрясены, чтобы доставлять беспокойство. Позднее, он был уверен, начнутся сомнения, стоило ли бежать таким образом, будут встревоженные расспросы, почему на борту находится Форд, о непонятных и не всегда предсказуемых действиях Лазаруса, о его, Заккура, собственной противоречивой роли. Это будет позднее. Но не сейчас.

Ему и в самом деле, подумал он с неохотой, следует начинать пропагандистскую кампанию до того, как сгустятся тучи. Но если он не успеет... а он и не успеет, если будет сидеть сложа руки, тогда... тогда все будет кончено. Да, это точно.

Он увидел перед собой лестницу, стиснул зубы и полез на следующую палубу. Пробираясь между лежащими людьми, он чуть не наступил на женщину, которая прижимала к себе ребенка. Барстоу заметил, что ребенок мокрый и грязный, и собрался сказать матери, чтобы та привела его в порядок, поскольку она вроде бы не спала. Но потом опомнился, сообразив, что ближайшая чистая пеленка теперь находится на расстоянии многих миллионов миль от них. Впрочем, на следующей палубе могло храниться десять тысяч пеленок, но сейчас она казалась ему такой же недосягаемой, как и родная планета.

Он пробрался мимо женщины, так ничего и не сказав. Элеонор Джонсон даже не заметила его. После первого чувства глубокого облегчения, которое она испытала, оказавшись в безопасности на корабле вместе с ребенком, она предоставила полную возможность обо всем беспокоиться старшим, а сама впала в глубокую апатию под действием эмоционального шока и перегрузки. Когда на них навалилась эта ужасная тяжесть, ребенок заплакал, а потом затих, подозрительно затих. Она с усилием приложила ухо к его грудке, чтобы убедиться, что сердечко бьется. Убедившись, что он жив, она снова впала в оцепенение.

Через пятнадцать часов, за четыре часа до пересечения орбиты Венеры, Либби убрал тягу. Теперь корабль летел со скоростью, которая увеличивалась только благодаря нарастающему притяжению Солнца.

Лазаруса разбудила невесомость. Он взглянул на кресло второго пилота и осведомился:

— Идем по курсу?

— Все точно.

Лазарус бросил на Либби пристальный взгляд.

— О'кей, я уже в норме. Передохни, парень, тебе нужно чуток соснуть. Давай-давай, а то ты уже выглядишь, как использованное полотенце.

— Ничего, я посижу тут и отдохну.

— Черта с два! Ведь ты не спал даже тогда, когда я вел корабль. Если ты сейчас останешься здесь, то наверняка будешь по-прежнему следить за приборами и вычислять. Так что давай-ка! Слэйтон, гоните его прочь!

Либби смущенно улыбнулся и вышел.

Все помещения, которые попадались ему на пути, были забиты плававшими в воздухе телами. В конце концов ему все же удалось найти свободное местечко, привязать ремень к настенной скобе и заснуть.

Можно было бы ожидать, что невесомость станет для всех большим облегчением, однако этого не произошло. Довольными оказались только те, кто и раньше бывал в космосе, — примерно один процент всех обитателей корабля. Болезнь невесомости, как и морская болезнь, кажется басней только не подверженным ей. Разве что Данте было бы по плечу описать картину этого недомогания десятков тысяч человек одновременно. На борту, конечно же, где-то имелись средства от тошноты, но их еще нужно было найти. Так что новое состояние только усугубило страдания людей.

Барстоу, сам когда-то прошедший через муки адаптации к невесомости, плыл к рубке, по пути утешая наиболее несчастных.

Добравшись до цели, он попросил Лазаруса:

— Им очень плохо. Не могли бы вы придать кораблю вращение, чтобы они немного пришли в себя? Это очень помогло бы.

— Зато маневрировать будет сложнее. Не могу. Прости, Зак, но для их жизни гораздо важнее маневренный корабль, чем умиротворенные завтраки в желудках. От морской болезни еще никто не умирал... хотя многие сейчас о подобной участи и мечтают.

Корабль продолжал лететь к Солнцу, наращивая скорость под действием его притяжения. Способные к передвижению помогали тем, кто чувствовал себя совсем скверно.

Либби спал счастливым и глубоким сном младенца, доступным только свывшимся с невесомостью людям. С момента ареста Семей он практически не смыкал глаз — его деятельный ум был занят решением проблемы межзвездного двигателя. Огромный корабль совершил легкий разворот, но это не разбудило его. Заняв

новое положение, корабль вдруг огласился звуком предстартовой сирены. Либби проснулся мгновенно. Он сориентировался, расположился у переборки от стороны кормы и стал ждать; вес почти сразу же навалился на него — на сей раз ускорение было троекратным, и Либби понял, что сложилась чрезвычайная ситуация. В поисках местечка для себя он удалился от рубки почти на четверть мили, и теперь ему придется преодолевать эту злосчастную четверть при утроенной нагрузке. Он с трудом поднялся на ноги и начал нелегкий путь. По дороге он безжалостно распекал себя за то, что дал Лазарусу уговорить себя уйти из рубки.

Либби успел пройти небольшое расстояние, — конечно, даже на это потребовались героические усилия, равные восхождению на верхний этаж десятиэтажного здания с человеком на каждом плече, — когда вдруг вернулось состояние невесомости. Остаток пути он преодолел подобно лососю, плывущему на нерест, и вскоре оказался в рубке.

— Что случилось?

Лазарус с горечью ответил:

— Пришлось изменить вектор, Энди.

Слэйтон Форд безмолвствовал, но вид у него был обеспокоенный.

— Я понял. Но почему?

Либби уже пристегивался к креслу второго пилота, попутно изучая астронавигационные данные.

— Красные огни на экране.

Лазарус указал на дисплей, называя координаты и соответствующие векторы.

Либби задумчиво кивнул.

— Корабль Космического Флота. На таких траекториях коммерческих кораблей не бывает. Это миноносец.

— Я именно так и решил. С тобой советоваться времени не было. Дорога была каждая секунда, чтобы наверняка оторваться от него.

— Да, это было необходимо. — Либби встревожился: — А я-то думал, что вмешательство Флота уже исключено.

— Это не наш корабль, — вставил Слэйтон Форд. — Он не может быть нашим — независимо от того, ка-

кие отдавались приказы с тех пор, как я... как я покинул Землю. Скорее всего, венерианский.

— Пожалуй, — согласился Лазарус. — Скорее всего. Ваш приятель, новый Администратор, наверное, обратился за помощью к венерианцам и получил ее; так сказать, дружеский жест межпланетной доброй воли.

Либби почти не слушал их. Он изучал показания приборов, обрабатывая их на машине, установленной в его собственной голове.

— Лазарус, эта новая орбита не слишком-то хороша.

— Я знаю, — печально согласился Лазарус. — Но я был вынужден... и мы увильнули в единственно возможном направлении, которое у нас оставалось — к Солнцу.

— По-моему, слишком близко к нему.

По астрономическим меркам Солнце не такая уж большая звезда, да и не такая уж горячая. У человека же на этот счет своя точка зрения: он вполне может получить солнечный удар с фатальным исходом в тропиках, находящихся в девяносто двух миллионах миль от Солнца, и, греясь под его лучами, не в состоянии даже долго смотреть на него. А на расстоянии в два с половиной миллиона миль Солнце палит с силой, в четырнадцать сотен раз превышающей мощь жгучего потока, низвергающегося на Долину Смерти, Сахару или Аден. Такой силы излучение уже нельзя назвать теплом или светом. Это смерть, более верная, чем от луча бластера. Солнце — это водородная бомба естественного происхождения. И «Новые Рубежи» сейчас приближались к смертоносному пределу.

Внутри корабля было жарко. От убийственной радиации пассажиров защищали толстые, прочные стены корабля, но температура воздуха неуклонно повышалась. Люди только что избавились от тягот невесомости, а теперь страдали от жары, прислушиваясь к неумолчному потрескиванию переборок. И нигде не сыскать спасительного уголка. Корабль и вращался вокруг собственной оси, и разгонялся одновременно. Никто никогда не предполагал, что это будет именно так. Кроме того, вращение вокруг своей оси и ускорение сделали «низом» место где-то на стыке передней и задней части корпуса. Крутился корабль для того, чтобы корпус его

не перегревался в лучах Солнца и излучение равномерно распределялось по всей площади обшивки. Ускорение тоже было вызвано необходимостью — отчаянной надеждой проскочить мимо Солнца на максимальном расстоянии и как можно быстрее, чтобы находиться в перигелии наикратчайшее время.

Жара царила и в рубке. Даже Лазарус, приверженец идеи одежды, не выдержал и скинул свой килт, оставшись в чем мать родила и тем уподобившись венерианцам. К металлическим поверхностям невозможно было прикоснуться. На огромном экране большой черный круг указывал то место, где должен был находиться сверкающий солнечный диск. Датчики автоматически отключались, не выдержав перегрузки.

Лазарус повторил последние слова Либби:

— Тридцать семь минут до перигелия. Мы не выдержим этого, Либби. Корабль не выдержит.

— Я знаю. Я никогда и не собирался приближаться к нему настолько.

— Еще бы, конечно, не собирался. Может быть, мне следовало отказаться от маневра в надежде на благополучный исход минной атаки? Да, конечно... — Под гнетом мыслей о том, что могло бы быть, если... Лазарус сгорбился и вдруг произнес: — Сынок, сдается мне, пришла пора попробовать твою штуковину. — Он ткнул пальцем в неуклюжее произведение Либби. — Ты ведь говорил, что тебе нужно всего-навсего присоединить один проводок.

— А он тут только один и есть. Его нужно пристыковать к любой части массы, которая должна быть перемещена. Только я пока не знаю наверняка, будет ли двигатель действовать, — признался Либби. — И проверить это нет никакой возможности.

— А что если ничего не получится?

— Тогда остаются три возможности, — хладнокровно ответил Либби. — Во-первых, может вообще ничего не произойти.

— В таком случае мы изжаримся.

— Во-вторых, мы вместе с кораблем перестанем существовать в качестве материальных объектов.

— То есть погибнем. Только без предварительных мучений.

— Скорее всего, да. Я не знаю определенно, что из себя представляет смерть. В-третьих, если мои предположения верны, мы начнем удаляться от Солнца со скоростью, чуть ниже световой.

Лазарус снова взглянул на устройство и провел ладонью по взмокшим плечам.

— Становится все жарче. Энди, давай, присоединяй его, и с Богом!

Энди принялся за дело.

— Давай-давай, — подбодрил его Лазарус. — Нажимай на кнопку, переключай рычажок, врубай рубильник, — одним словом, запускай свой агрегат.

— А я уже включил его, — произнес Либби. — Взгляните на Солнце.

— Что? Ого!

Огромный темный круг на экране, отмечавший положение Солнца, быстро уменьшался. Через несколько мгновений он сократился вдвое, через двадцать секунд — вчетверо.

— Сработало, — тихо произнес Лазарус. — Взгляните, Слэйтон! Будь я бабуином краснозадый — оно сработало!

— Я так и думал, что все будет в порядке, — скромно сказал Либби. — Должно было сработать.

— Хм... Может, для тебя это и было очевидным, Энди. Но только не для меня. С какой скоростью мы теперь движемся?

— Относительно чего?

— Э-э-э... относительно Солнца.

— Я еще не успел вычислить, но думаю, что почти со световой. Ведь превысить-то ее мы не можем.

— А почему? Если не оглядываться на теорию?

— Мы по-прежнему видим... — Либби указал на звездный экран.

— Это точно, — протянул Лазарус. — Эй, а ведь этого быть не должно. Я совсем забыл про эффект Доплера.

Либби, казалось, растерялся, а потом улыбнулся.

— Именно его мы и наблюдаем. Если смотреть со стороны Солнца, мы видим короткие волны, растянутые до видимой длины. Если смотреть вперед, мы видим

что-то вроде радиоволновых колебаний, сокращенных до видимого диапазона.

— А что между ними?

— Лазарус, перестаньте донимать меня. Я уверен, что вы и сами запросто смогли бы рассчитать относительные векторы.

— Нет уж, сам рассчитывай, — твердо сказал Лазарус. — А я буду просто сидеть сложа руки и восхищаться. Верно, Слэйтон?

— Да, да, конечно.

Либби вежливо улыбнулся.

— Мы, кстати, можем себе позволить прекратить подачу топлива к основному двигателю. — Он включил предупреждение, а затем отключил конвертер. — А теперь мы и вовсе можем вернуться к нормальному состоянию. — Он начал отсоединять свое устройство.

— Постой, Либби! — поспешно вмешался Лазарус. — Мы ведь даже не пересекли орбиту Меркурия. Зачем же жать на тормоза?

— Это нас не остановит. Мы уже набрали скорость и будем по-прежнему ее сохранять.

Лазарус задумчиво потер щеку.

— В принципе с тобой нельзя не согласиться. Первый закон динамики. Но с этой псевдоскоростью я ни в чем больше не уверен. Мы получили ее ни за что, ни про что и ничем за нее не платили — не затратили энергии, я имею в виду. А теперь, когда ты отсоединил свой двигатель, не исчезнет ли скорость опять?

— Не думаю, — ответил Либби. — Наша скорость вовсе не какая-то там «псевдо». Она абсолютно реальна, как и любая другая скорость. Просто вы применяете антропоморфную логику там, где она неуместна. Не думаете же вы, что мы можем мгновенно вернуться к более низкому гравитационному потенциалу, с которого начали, верно?

— Под «начали» ты имеешь в виду тот момент, когда был подсоединен твой провод? Конечно же, нет, ведь мы с тех пор движемся.

— И будем двигаться и дальше. Наш приобретенный гравитационный потенциал энергии не менее реален, чем нынешняя кинетическая энергия скорости. Они существуют.

Лазарус был озадачен. Объяснения Либби явно не удовлетворяли его.

— Допустим, ты поймал меня, Энди. Но, что ни говори, а мы-таки откуда-то взяли энергию. Откуда? Еще в школе меня учили почитать знамя, голосовать на выборах и свято верить в закон сохранения энергии. А теперь ты, похоже, посягаешь на него. Или нет?

— О, об этом можно не беспокоиться, — заявил Либби. — Так называемый закон сохранения энергии был просто рабочей гипотезой, недоказанной и недоказуемой, используемой для объяснения только известной части явлений. Он действует лишь в рамках старой динамической концепции строения мира. А если учитывать всю полноту реальности, то «нарушение» этого закона ничуть не более удивительно, чем наличие у функции дискретности, которую нужно просто заметить и описать. Именно это я и сделал. Я увидел прерывность в математической модели тех взаимоотношений массы и энергии, которые называются инерцией. И применил ее. Тут меня подстерегала единственная опасность: никогда нельзя быть окончательно убежденным в том, что модель соответствует действительности до тех пор, пока эмпирически не испытываешь ее.

— Да-да, конечно... Пока не откусишь, не распробуешь... Но, Энди, я так до сих пор и не понял, что же послужило причиной? — Он повернулся к Форду. — А вы, Слэйтон?

Форд отрицательно покачал головой.

— Нет. Я бы очень хотел понять, но боюсь, что мне это недоступно.

— Видимо, как и мне. Так что же, Энди?

Теперь уже Либби выглядел озадаченным.

— Но, Лазарус, причинность — всего лишь абстракция, слабо отражающая реальное положение дел. Явление просто существует. А причинность — это постулат старомодной донаучной философии.

— Я так и думал, — медленно отозвался Лазарус, — что я старомоден.

Либби никак не отреагировал. Он молча отсоединил свой аппарат.

Темный диск продолжал убывать... Когда он уменьшился до одной шестой первоначального диаметра, эк-

ран вдруг осветился. Датчики корабля снова начали передавать реальное изображение, так как расстояние до Солнца стало достаточно большим.

Лазарус попытался в уме подсчитать кинетическую энергию корабля: одна вторая квадрата скорости света (чуть-чуть меньше, поправился он), помноженного на гигантскую массу «Новых Рубежей». Ответ не удовлетворял его, как ни относиться к объяснениям Либби.

Глава 8

— Сначала о деле, — сказал Барстоу. — Я так же интересуюсь некоторыми научными аспектами создавшейся ситуации, как и любой из вас, но тем не менее нам необходимо многое сделать. Мы с самого начала должны установить распорядок жизни на корабле. Поэтому давайте пока оставим физику и математику и перейдем к организационным вопросам.

Он совещался не с Поверенными, а со своими помощниками, с людьми, которые сделали возможным их побег, — с Ральфом Шульцем, Ив Барстоу, Мэри Сперлинг, Джастином Футом, Клайвом Джонсоном и дюжиной других.

Лазарус и Либби тоже присутствовали здесь. Лазарус отрядил Слэйтона Форда охранять рубку, распорядившись, чтобы тот гнал прочь всех незваных посетителей и никому не позволял дотрагиваться до пульта управления. Это была выдуманная Лазарусом работа, которая входила в «прописанный» им Форду курс трудотерапии. Настроение бывшего Администратора ему совсем не нравилось. Форд, казалось, целиком ушел в себя. Он отвечал, когда его о чем-либо спрашивали, но и только. Это очень беспокоило Лазаруса.

— Нам нужен руководитель, — продолжал Барстоу, — человек, который на время будет наделен самыми широкими полномочиями, правом отдавать приказы и следить за их неукоснительным выполнением. Ему придется принимать решения, мобилизовывать нас, давать поручения и распределять обязанности, — одним словом, налаживать нормальный корабельный быт. Пост ответственный, поэтому я предлагаю избрать этого человека путем всеобщего голосования. С выборами, однако, можно повременить, а вот наведение порядка не терпит отлагательств. Мы нерационально тратим пищу, а корабль к тому же так зага... Ну, я сегодня пытался воспользоваться туалетом... Жаль, что вы этого не видели.

— Заккур...

— Да, Ив?

— Мне кажется, мы должны поручить это все Поверенным. У нас ведь нет никакой власти, мы просто группа, созданная в чрезвычайных обстоятельствах для организации эвакуации, и наша миссия завершена.

— Ахрруп-ф-ф... — прочистил горло Джастин Фут. Голос его был сух и формален, равно как и выражение лица. — Я не совсем согласен с тем, что сейчас сказала наша сестра. Поверенные не вполне знакомы с положением вещей на корабле, и мы потеряем много времени зря, если сейчас начнем вводить их в курс дела, чтобы они могли начать работать с полной отдачей. Более того, я сам — один из Поверенных, и могу сказать, что как организованная группа мы юридически неправомочны, ибо формально больше не существуем.

— Как же это так, Джастин? — заинтересовался Лазарус.

— А вот как: Совет Поверенных занимался делами Фонда, который был органично вплетен в гражданскую жизнь всего общества. Он никогда не являлся органом власти. Единственным делом Поверенных было осуществление посреднических функций в отношениях между Семьями и остальными социальными слоями. Теперь, когда связь между Семьями и обществом окончательно разорвана, Совет Поверенных должен перестать существовать. Он стал достоянием истории. Что касается остального, то все старые социальные связи разрушены, и мы

на этом корабле — просто неуправляемая масса людей. И это наше собрание имеет столько же прав — или не имеет права — взять на себя ответственность за организацию нового общества, как и любая партийная группа.

Лазарус засмеялся и захлопал в ладоши.

— Джастин! — воскликнул он. — Давненько мне не приходилось слыживать такого ловкого жонглирования словами. Давайте-ка как-нибудь уединимся и порассуждаем о солипсизме.

Джастин Фут был уязвлен.

— Очевидно... — начал он.

— Нет, нет! Ни слова больше. Вы меня убедили, так не надо же разубеждать. Если дела обстоят подобным образом — что ж, давайте не будем терять время и займемся выборами начальника. Как насчет тебя, Зак? По-моему, ты самый подходящий кандидат.

Барстоу отрицательно покачал головой.

— Я знаю свои возможности. Я инженер, а не политический деятель. Делами Семей я занимался скорее как любитель. А нам нужен специалист в области управления обществом.

Когда присутствующие убедились, что Барстоу действительно берет самоотвод, они стали предлагать другие кандидатуры и обсуждать их. В такой большой группе людей, как Семей, было много специалистов в области политических наук, немало и таких, кто служил в государственных учреждениях и пользовался там авторитетом.

Лазарус слушал. Четырех кандидатов он знал лично. Наконец он отвел в сторону Ив Барстоу и стал о чем-то шептаться с ней. Сначала она удивилась, потом задумалась и наконец кивнула.

Ив попросила слова.

— Я хочу выдвинуть кандидатуру, — начала она, по своему обыкновению, мягко, — которая, возможно, просто не пришла вам в голову, но, тем не менее человек этот по сравнению со всеми остальными заслуживает предпочтения по характеру, образованию, опыту, для того чтобы успешно руководить. Гражданским Администратором этого корабля я предлагаю избрать Слэйтона Форда.

Собравшиеся были настолько поражены, что наступила мертвая тишина. Затем все начали говорить одновременно.

— Может, Ив сошла с ума?

— Форд на Земле!

— Нет, нет, он не там, я видел его — он здесь, на нашем корабле!

— Но это невозможно! Его? Семьи никогда не поймут на это!

— Он все равно не из наших!

Ив терпеливо ждала, пока все выговорятся.

— Я понимаю: мое предложение выглядит ошеломляющим; и я предвижу трудности, которые могут возникнуть в связи с этим. Но подумайте о положительных сторонах такого назначения. Мы все знаем о прекрасной репутации Форда и знаем, что он из себя представляет на деле. Форд настоящий гений в области управления — с этим вряд ли кто-либо не согласится. Учтите, что разработать принципы жизни на нашем сверхпереполненном корабле будет необычайно трудно, и потребуются действительно талантливый человек, чтобы навести порядок в этом хаосе.

Ее слова произвели сильное впечатление на присутствующих, поскольку Форд, несомненно, был явлением исключительным в истории. Заслуги его как государственного деятеля были общепризнаны. Современные историки считали, что именно ему удалось спасти Западную Федерацию, по крайней мере дважды, во времена особенно тяжелых кризисов развития. Смещение Форда было вызвано не его просчетами, а безвыходной общественной ситуацией.

— Ив, — сказал Заккур Барстоу, — я согласен с тобой насчет Форда и буду только рад, если он возьмется руководить нами. Но как быть с остальными, с отсутствующими здесь членами Семей? Для них Администратор Форд олицетворяет собой преследования и страдания, которые всем пришлось вынести. Я думаю, это обстоятельство делает его кандидатуру нежелательной.

Ив была мягка, но настойчива.

— Мне так не кажется. Мы уже сошлись на том, что придется организовывать кампанию по разъясне-

нию людям истинного значения некоторых событий, происшедших в последние дни. Так почему бы нам не подготовить ее так, чтобы заодно и убедить людей в самопожертвовании Форда ради нас? Ведь это на самом деле так.

— М-м-м... да, это так. Конечно, нельзя сказать, что он принес себя в жертву ради нас, но я вполне убежден, что нас спасло только его самопожертвование. Но, независимо от того, сможем ли мы убедить остальных принять его кандидатуру и к тому же исполнять его приказы... Да он же теперь для большинства людей что-то вроде дьявола... Нет, не уверен. Думаю, нам необходима квалифицированная консультация. Как ты считаешь, Ральф? Можем мы это устроить?

Ральф Шульц поколебался.

— Справедливость любого допущения не имеет ничего общего с его психодинамическим эффектом. И выражение «Правда в конце концов победит» просто высокопарная глупость. История доказывает обратное. Тот факт, что Форд — жертва, не имеет никакого отношения к чисто техническим вопросам, которые вы поставили передо мной. — Он на мгновение задумался. — Но само предположение *per se* * имеет некоторые сентиментально-драматические аспекты, которые делают его пригодным для пропагандистского использования, даже несмотря на существующее сильное противодействие. Да-да, думаю, это может иметь успех.

— А сколько времени потребуется?

— М-м-м... социальное пространство, в котором будет происходить запланированная акция, одновременно и «тесное», и «жаркое», если выражаться на нашем профессиональном жаргоне. Я мог бы постараться добиться высокого положительного k-фактора благодаря цепной реакции, если вся затея в целом имеет смысл. Но наша ситуация — беспрецедентная, и я не знаю, какие мнения гуляют по кораблю. Если вы все-таки решитесь на кампанию, то я мог бы заготовить и распустить несколько слухов, чтобы подправить репутацию Форда. Затем, через двенадцать часов я подбросил бы легенду о том, что Форд в самом деле на борту

---

* Само по себе (лат.). (Примеч. пер.)

и что он с самого начала собирался покинуть общество людей и бежать с нами.

— Э-э-э... Ральф, я же точно знаю, что это не так.

— А вы уверены, Заккур?

— Нет, но...

— Вот видите! Правда о его собственных соображениях известна лишь ему самому и Господу. Мы же можем только строить догадки. Но динамическая сила предположения является совершенно другим делом. Заккур, когда слухи дойдут до вас в третий или четвертый раз, вы сами начнете сомневаться. — Психометрист замолчал и уставился в пространство невидящими глазами. Он еще раз спрашивал совета у своей интуиции, отточенной до блеска почти столетним изучением тонкостей человеческого поведения. — Да, это должно сработать. Если вы все согласны, то мы сможем сделать публичное заявление уже через двадцать четыре часа.

— К делу! — призвал кто-то.

Через несколько минут Барстоу попросил Лазаруса пригласить на собрание Форда. Лазарус не стал объяснять тому, зачем требуется его присутствие.

Форд зашел в каюту как человек, ожидающий суда и уверенный, что добра ему здесь ничто не сулит. Поведение его выдавало полное отсутствие надежды, частично подавляемое силой воли. Глаза его были печальны.

Лазарус уже успел привыкнуть к тоске в этих глазах за долгие часы, проведенные с Фордом в рубке. В них застыло выражение, которое Лазарусу приходилось уже не раз видеть в жизни. Это был взгляд приговоренного, которому больше не на что было надеяться; взгляд затравленного человека, окончательно решившегося на самоубийство; взгляд зверя, захваченного стальной пружиной капкана и уставшего бороться с ней, — все эти взгляды несли на себе печать безысходной муки и уверенности в близости конца.

У Форда в глазах читалось то же самое.

Лазарус заметил, что состояние тоски у Администратора прогрессирует, и это озадачило его. Все сто тысяч человек на корабле находились в одинаково опасной ситуации, и Форд рисковал ничуть не меньше остальных. А ведь сознание опасности обычно оживляет человека, а не угнетает. Так почему же в глазах Форда нарастала смертная тоска?

В конце концов Лазарус пришел к выводу, что это следствие состояния, предшествующего самоубийству. Тупик. Но почему? Лазарус долго обдумывал причины во время своих дежурств в рубке и наконец сумел, к собственному удовлетворению, уловить логику подобных переживаний. Там, на Земле, Форд был важной персоной среди себе подобных, влачащих недолговечную жизнь людей. И чувство привилегированности делало его почти невосприимчивым к чувствам уязвленного скоротечностью своего века человечества, узнавшего о существовании долгожителей. А теперь он — всего-навсего мотылек-однодневка среди расы мафусаилов.

Форд не обладал ни опытом старших, ни честолюбием младших; он чувствовал себя чужим и тем и другим — одним словом, деклассированным парией. Справедливо или нет, но он ощущал себя бесполезным пенсионером, которого содержат только из милости...

Для такого человека, как Форд, который привык к деловой активности, подобное положение было совершенно невыносимо. И именно гордость и сила характера толкали его на самоубийство.

Придя на совещание, Форд сразу же отыскал глазами Заккура Барстоу.

— Вы посылали за мной, сэр?

— Да, господин Администратор.

Барстоу кратко изложил ситуацию и меру той ответственности, которую они собирались возложить на него, Форда.

— Вас никто не заставляет, — закончил он, — но, если вы согласны служить нам, мы были бы очень рады этому. Так как?

На сердце у Лазаруса сразу стало легче, как только он заметил, что тоска на лице Форда сменилась изумлением.

— Вы говорите серьезно? — с расстановкой спросил Форд. — Не шутите?

— Да Бог с вами!

Форд отозвался не сразу, а когда заговорил, то сначала попросил разрешения сесть.

Ему нашли место. Он тяжело опустился в кресло и закрыл лицо руками. В конце концов он поднял голову и твердо сказал:

— Если такова ваша воля, то я сделаю все, что в моих силах.

Кроме гражданского Администратора, экипажу корабля требовался и капитан. До сих пор капитаном фактически являлся Лазарус, но он, как только Барстоу предложил ему эту должность официально, стал отнекиваться:

— Нет уж! Только не я. Лучше я проведу время, играя в картишки. Кто вам подойдет, так это Либби. Серьезный, ответственный, бывший офицер Космического Флота — как раз то, что нужно.

Все посмотрели на Либби, и он покраснел.

— Ну что вы, в самом деле! — запротестовал он. — Мне действительно приходилось иногда командовать кораблем во время службы, но мне это всегда было не по душе. По натуре я скорее подчиненный, чем начальник. Я не чувствую себя способным командовать кораблем.

— На мой взгляд, сейчас тебе не отвертеться, — настаивал Лазарус. — Ведь это именно ты изобрел усилитель, и ты единственный, кто в нем разбирается. Кажется, тебе нашлась работенка, сынок.

— Это же совсем разные вещи, — взмолился Либби. — Я предпочел бы быть просто астронавигатором, поскольку это отвечает моим возможностям. Но только служить я хотел бы под чьим-нибудь руководством.

В глубине души Лазарус был доволен тем, как мгновенно Слэйтон Форд взял дело в свои руки. Приговоренный к смерти исчез, перед собравшимися снова предстал руководитель.

— Здесь не играет никакой роли то, что думаете вы сами, командир Либби. Каждый из нас должен делать то, на что он способен. Я, например, согласился руководить социальной и гражданской сферами жизни. Я этому обучен. Но я не могу командовать кораблем. Меня к этому не готовили. А вас учили. И вы обязаны согласиться.

Либби совсем побагровел и, заикаясь, произнес:

— Я бы внял вашим доводам, если бы был единственным космонавтом на борту. Но ведь их здесь сотни, к тому же наверняка десятки из них обладают способностями к управлению и куда более обширным опытом работы в космосе, чем я. Если как следует поискать, то обязательно найдется подходящий человек.

— А что вы скажете, Лазарус? — спросил Форд.

— Пожалуй, в словах Энди есть резон. Капитан либо вдохнет жизнь в корабль, либо этого не произойдет. Такие случаи тоже бывали. Если Либби чувствует, что командир из него выйдет никудышный, то, может, надо действительно поискать кого-нибудь другого.

Джастин Фут прихватил с собой миниатюрное запоминающее устройство, в котором хранились сведения обо всех обитателях корабля. Но в каюте отсутствовал подходящий экран, на котором можно было бы просмотреть списки. Тем не менее память присутствующих позволила им назвать множество имен. В конце концов они сошлись на кандидатуре Руфуса Кинга по прозвищу Свирепый.

Либби объяснил новому командиру нюансы управления, возникающие в связи с применением привода светового давления.

— Предел досягаемости для нашего корабля определяется группой параболоидов с осями, перпендикулярными к нашему нынешнему курсу. Отсюда следует, что ускорение, достигаемое с помощью основных двигателей корабля, всегда надо складывать так, чтобы величина нашего нынешнего вектора движения при околосветовой скорости оставалась постоянной. Для этого потребуется, чтобы корабль медленно набирал

скорость во время всего маневрового ускорения. Это не слишком трудно, поскольку велика разница величин нашего нынешнего и маневрового векторов. Грубо говоря, все это можно представить как ускорение под прямым углом к курсу.

— Да-да, я понимаю, — кивнул капитан Кинг, — но почему вы считаете, что суммарные векторы всегда должны быть равны нынешнему нашему вектору?

— Почему должны? В их подгонке нет необходимости, если капитан считает иначе, — несколько оторопев, ответил Либби. — Только манипуляции, которые уменьшат конечный вектор нашей нынешней скорости, вызовут снижение скорости корабля, ограничивая при этом пределы досягаемости и продлевая время полета на целые поколения, даже века.

— Конечно, конечно! Я разбираюсь в основах баллистики, мистер. Но почему вы отвергаете второй путь? Почему бы не увеличить скорость корабля? Разве я не могу ускорять корабль строго по нынешнему курсу?

Либби, казалось, забеспокоился.

— Подобное решение капитана фактически будет являться попыткой превысить скорость света. Считается, что это невозможно...

— Именно к этому я и клоню. «Считается». Я всегда задавался вопросом, так ли это. Кажется, настало время выяснить.

Либби колебался, чувство долга боролось в нем с соблазном.

— Если бы наш корабль был исследовательским, капитан, я бы с удовольствием провел эксперимент. Я не могу в полной мере представить себе все последствия преодоления светового барьера, но мне кажется, что мы окажемся полностью отрезанными от электромагнитного спектра по отношению к прочим материальным телам. Как же мы будем определяться?

Либби беспокоился не по пустякам. Пускаясь в теоретические рассуждения, он не забывал, что и сейчас-то они ведут корабль только благодаря электронным приборам. Для невооруженного глаза полушарие позади них представлялось абсолютно черным; даже самые короткие волны уже растянулись до длин, не воспринимаемых человеческим глазом. Впереди звезды еще бы-

ли видны, но их видимое «свечение» состояло из колебаний предельной длины, которые были сокращены для глаз невообразимой скоростью корабля. Темные «радиозвезды» сияли ярче, звезды с радиоспектром победнее были почти неразличимы. Знакомые созвездия изменились до неузнаваемости. Линии Фаунхофера не просто сместились к фиолетовому краю спектра — они пересекли его, стали невидимыми, а их место заняли небывалые эффекты непонятной физической природы.

— Хм... — бросил Кинг. — Я понимаю, что вы имеете в виду. Но мне хотелось бы все же попробовать, и черт меня побери, если я не рискну. Только, само собой, больше никто на борту не должен знать об этом. Подготовьте мне сведения о курсах к звездам типа «Ж», лежащих в пределах этой вашей сферы. Рассчитайте данные до ближайших. Ну, скажем, в радиусе десяти световых лет для начала.

— Да, сэр. Я проверил все звезды на этом расстоянии. Среди них нет ни одной, относящейся к типу «Ж».

— Вот как? Оказывается, здесь довольно пустынно. Что же делать?

— На расстоянии в одиннадцать световых лет от нас находится тау Кита.

— Типа «Ж-5»? Это нам подходит.

— Конечно, сэр. Но есть и звезда солнечного типа, «Ж-2», номер по каталогу ЗД-9817. Правда, она удалена от нас на двадцать два световых года.

Капитан Кинг стал задумчиво грызть костяшку указательного пальца.

— Видимо, придется предоставить решать Совету Старших. Какой выигрыш в субъективном времени мы получим?

— Не знаю, сэр.

— Да? Так рассчитайте! Или дайте мне цифры, и я сам рассчитаю. Я, конечно, не такой классный математик, как вы, но, по-моему, тут любой кадет мог бы справиться. Ведь уравнения довольно просты.

— Так точно, сэр. Но у меня нет данных, которые можно было бы подставить в уравнение... потому что мы пока не в состоянии измерить скорость корабля. Фиолетовое смещение использовать невозможно — нам неизвестно значение новых линий. Боюсь, придет-

ся подождать до тех пор, пока мы не выработаем новых методов расчета.

Кинг вздохнул.

— Знаете, мистер, я порой начинаю жалеть, что взялся за дело. А что вы сами на этот счет думаете? Долго нам лететь? Или недолго?

— Э-э-э... скорее долго, сэр. Годы.

— Ну что ж. Мне приходилось летать и на худших посудилах. В шахматы играете?

— Играю, сэр. — Либби не стал упоминать о том, что он давным-давно забросил игру из-за отсутствия достойных противников.

— Кажется, у нас будет предостаточно времени для игры. Д-два на д-четыре.

— Конь на б-три.

— А вы оригинально играете. Ход за мной. А сейчас, мне кажется, лучше пойти и предложить им «Ж-2», хотя до нее и дольше лететь... И, пожалуй, стоит предупредить Форда, что пора начинать чем-то заниматься и поднимать людей. Не то скоро все почувствуют себя как в гробу.

— Так точно, сэр. Прошу прощения, я не упоминал еще о времени торможения. Оно займет почти один земной год субъективного времени при торможении в одно «g», пока мы не вернемся к обычным межзвездным скоростям.

— Что? Но ведь с вашим ускорителем мы и тормозить будем столько же, сколько разгонялись.

Либби отрицательно покачал головой.

— Никак нет, сэр. Торможение с помощью привода светового давления безразлично к предыдущему курсу и скорости. Если вы вдруг лишитесь инерции поблизости от звезды, ее световое давление швырнет вас назад и вы как пробка из бутылки полетите в обратном направлении. Кинетическая энергия исчезает, как только исчезает инерция.

— А-а... — протянул Кинг. — Тогда остается признать, что насчет сроков вы были правы. Пока я еще не способен спорить с вами. Я все еще не вполне разобрался с этим вашим устройством. Кое-чего я в нем не понимаю.

— Что касается меня, — серьезно ответил Либби, — то я и сам многого пока не понимаю.

Корабль вышел за пределы земной орбиты через десять минут после того, как Либби подключил свое устройство. Пока они с Лазарусом обсуждали астрофизические аспекты путешествия с околосветовой скоростью, корабль домчался до орбиты Марса, что заняло менее четверти часа. Орбита Юпитера была еще далеко, когда Барстоу созвал совещание. На то, чтобы собрать всех участников на переполненном корабле, потребовался целый час. И к тому моменту, когда Барстоу попросил тишины, они ушли за пределы Сатурна уже на миллиард миль. С момента старта с Земли прошло всего полтора часа.

Дальше расстояния становились больше. До Урана они долетели, еще не закончив обсуждения. Все сошлись на кандидатуре Форда, и он согласился занять пост Администратора еще до того, как корабль добрался до Нептуна.

Кинга избрали капитаном. Он обошел весь корабль в сопровождении Лазаруса и уже советовался со своим астронавигатором, когда корабль пересек орбиту Плутона, отстоящую от Солнца почти на четыре миллиарда миль. Прошло около шести часов с того момента, как солнечный свет выбросил их в пространство.

Они еще не выбрались из Солнечной системы, хотя ничто не стояло уже между ними и звездами. Разве что зимовки комет и берлоги гипотетических планет нарушали унылое однообразие пространства, в котором Солнце считалось номинальным владыкой, но на деле уже слагало свои полномочия. Ближайшие звезды находились во многих световых годах отсюда.

«Новые Рубежи», окутанные тьмой, холодом и призрачным звездным сиянием, неслись со скоростью, которая почти сравнялась со скоростью света.

Дальше, дальше и еще дальше... в бездонные глубины космоса, где мировые линии почти выпрямлены, не затронутые гравитационными искажениями. И с каждым днем, каждым месяцем... каждым годом... стремительный полет все надежнее разлучал беглецов с остальным человечеством.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 1

Корабль продолжал свой путь в пустыне вечной ночи один-одинешенек, и каждый новый световой год практически ничем не отличался от предыдущего. Внутри корабля Семьи ухитрились создать какое-то подобие привычной жизни.

«Новые Рубежи» имели почти цилиндрическую форму. Когда корабль не находился в режиме ускорения, он вращался вокруг продольной оси, чем обеспечивался эффект псевдогравитации, максимально проявляющийся вблизи оболочки корабля. Каюты, которые располагались по периметру у самого корпуса, были жилыми, а внутренние помещения, где гравитация значительно ослабевала, служили кладовыми и подсобными. Промежуточные помещения были отведены под мастерские и гидропонные оранжереи. Рубка, конвертер и основные двигатели располагались вдоль главной оси корабля. От обычного межпланетного корабля «Новые Рубежи» отличали прежде всего гигантские размеры. По существу это был целый город, рассчитанный на размещение в нем со всеми удобствами двадцати тысяч человек, что позволило бы первоначальному экипажу из десяти тысяч человек увеличиться вдвое к моменту прилета на Проксиму Центавра.

Но как бы велик ни был корабль, сто тысяч человек чувствовали себя в нем слишком тесно.

Они мирились с этим ровно столько, сколько потребовалось на то, чтобы подготовиться к массовому анабиозу. Путем превращения комнат отдыха на нижних уровнях в кладовые была высвобождена дополнительная площадь. Ведь для человека в анабиозе необходим только один процент того пространства, которое требуется бодрствующему человеку. В конце концов на корабле стало достаточно просторно для тех, кто не захотел воспользоваться услугами морозильных камер. Сначала добровольно изъявивших желание пройти через погружение было не очень-то много — долгожители боялись смерти именно из-за того, что потенциально могли жить необычайно долго. И многим из них замораживание казалось очень похожим на Вечный Покой. Но постепенно большие неудобства, связанные с чрезмерной скученностью, да еще угнетающее однообразие полета, который казался бесконечным, достаточно быстро изменили их намерения и обеспечили анабиозные камеры стабильным притоком желающих проспать большую часть пути. Настал момент, когда камеры едва успевали справляться с наплывом желающих впасть в состояние холодного сна.

Оставшиеся бодрствовать занимались только самой необходимой работой: обслуживали механизмы корабля, гидропонные установки, вспомогательное оборудование, а самое главное, — ухаживали за теми, кто спал. Биомеханики со временем разработали сложные процедуры, которые позволяли предохранять тела спящих от вредных влияний силы тяжести, колебаний температуры и других негативных воздействий. При этом обязательно учитывался возраст погружаемого в анабиоз, вес его тела, пол и многое другое. Благодаря использованию внутренних помещений, где сила тяжести была меньше, перегрузки, вызванные ускорением — а они могли привести к пролежням и синякам — сводились до минимума.

Все, что было связано с уходом за спящими, приходилось делать вручную: переворачивать их, массировать, следить за уровнем сахара в крови, контро-

лизовать сердечную деятельность, производить замеры и процедуры, направленные на предотвращение перехода чрезвычайно замедленных процессов в организме в необратимые. Корабль был оборудован всего лишь несколькими анабиозными камерами, а соответствующая аппаратура, с помощью которой обычно осуществляется контроль за состоянием спящих, и вовсе отсутствовала. Поэтому забота о десятках тысяч погруженных в анабиоз легла на плечи бодрствующих членов Семей.

Элеонор Джонсон встретила свою подругу Нэнси Везерэл в столовой номер девять, которую называли клубом те, кто обычно в ней собирался. Большинство завсегдатаев ее были молоды и шумны. Единственным пожилым человеком, часто заходившим сюда, был Лазарус. Шум не раздражал его. Он даже доставлял ему удовольствие.

Элеонор кинулась к подруге и поцеловала ее в щеку.

— Нэнси! Так ты уже проснулась? Как я рада тебя видеть!

Нэнси высвободилась из ее объятий.

— Привет, милая. Осторожно, ты разольешь мой кофе.

— Как, разве ты не рада встрече со мной?

— Конечно, рада. Но ты забываешь о том, что, с моей точки зрения, мы виделись только вчера. К тому же я еще окончательно не пришла в себя.

— Когда ты проснулась, Нэнси?

— Часа два назад. Как твой ребенок?

— О, замечательно! — Элеонор просветлела. — Ты его просто не узнаешь: последний год мальчишка рос как на дрожжах и уже достает мне до плеча. Он все больше становится похож на своего отца.

Нэнси поспешила переменить тему разговора. Друзья Элеонор старались не упоминать о ее погибшем муже.

— А чем ты занималась, пока я спала? По-прежнему возилась с малышами?

— Да, или, скорее, нет. Я опекаю ту возрастную группу, в которую входит мой Хьюберт. Он сейчас в начальной школе.

— А почему бы тебе не бросить эту канитель и не поспать несколько месяцев, Элеонор? Если ты все время будешь бодрствовать, то скоро состаришься.

— Нет, что ты! — возразила Элеонор. — Не раньше, чем Хьюберт вырастет и станет самостоятельным.

— Не будь такой сентиментальной. Половина спящих — женщины, у которых есть маленькие дети. И я ничуть не осуждаю их. Да что далеко ходить! Для меня, например, полет длился всего семь месяцев. Остальное время я могла бы провести хоть вверх ногами.

Но Элеонор трудно было переубедить.

— Нет уж, спасибо. Может, тебе это и нравится, однако у меня есть свое мнение по этому поводу.

Лазарус сидел неподалеку от них, расправляясь с синтетическим бифштексом.

— Просто она боится отстать от жизни, и я ее понимаю — сам такой.

Нэнси отступила.

— Тогда заводи еще одного ребенка, Элеонор. Это освободит тебя от скучных обязанностей.

— Для этого нужны по меньшей мере двое, — заметила Элеонор.

— Думаю, с этим все очень просто. Вот, например, Лазарус. Из него получится отличный отец.

Элеонор зарделась. На лице Лазаруса, покрытом коричневым загаром, тоже проступила краска.

— Кстати говоря, — заметила Элеонор, — я уже как-то осмелилась сделать ему подобное предложение, но не нашла должного понимания.

Нэнси фыркнула в кофе и окинула своих собеседников оценивающим взглядом.

— Прошу прощения. Я не знала.

— Ничего, ничего, — успокоила ее Элеонор. — Это просто потому, что я — одна из его внучек в четвертом колене.

— Но... — Нэнси боролась с искушением нарушить столь чтимое ею правило не вмешиваться в чужую личную жизнь. — Но, Господи, ведь это даже не

считалось бы кровосмешением. Так в чем же причина? Или мне лучше не лезть не в свое дело?

— Да, пожалуй, — поддержала ее сомнения Элеонор.

Лазарус смущенно поерзал на стуле и сказал:

— Рискую показаться вам старомодным, однако должен заметить, что в основном свои принципы я приобрел еще в молодости, давным-давно. Не знаю уж, как там насчет генетики, но мне было бы не по себе, женись я на собственной правнучке.

Нэнси, похоже, удивилась.

— Ну уж, вы и в самом деле старомодны! — воскликнула она и добавила: — Может быть, это просто застенчивость? Меня здорово подмывает предложить вам себя и узнать, так ли это.

Лазарус с изумлением уставился на нее.

— Ну что ж, попробуйте. Думаю, мне удастся вас приятно удивить.

Нэнси окинула его холодным взглядом.

— М-м-м... — в замешательстве протянула она.

Лазарус старался не отводить глаза, но в конце концов не выдержал и опустил их.

— Милые дамы, прошу извинить меня, — нервно произнес он, — к сожалению, мне пора.

Элеонор ласково дотронулась до его руки:

— Не уходите, Лазарус. Поймите, Нэнси — кошка по натуре и не в ладах сама с собой. Лучше расскажите ей о плане высадки.

— Что-что? Разве мы собираемся куда-нибудь высаживаться? Куда же? Куда?

Лазарус, которому было просто необходимо поддержать свое реноме, стал рассказывать.

Звезда солнечного типа «Ж-2», к которой они направили корабль несколько лет назад, теперь находилась на расстоянии около светового года от них, а точнее — в семи световых месяцах. С помощью параинтерферметрических методов исследования уже можно было с уверенностью утверждать, что звезда ЗД-9817 имела свою планетную систему.

Через месяц, когда ЗД-9817 окажется в половине светового года, корабль перестанет вращаться и целый год затратит на торможение, с тем, чтобы приблизиться

к ней уже не на межзвездной, а на межпланетной скорости. Тем временем будет проведено исследование планет с целью найти ту, которая окажется пригодной для жизни. Поиск будет быстрым и очень простым, так как устроить их могут только планеты, отражающие свет наподобие Венеры или Земли; тусклые планеты типа Нептуна или Плутона их не интересуют, а раскаленные миры вроде Меркурия — тем более.

Если в системе не окажется планеты земного типа, они должны будут снова приблизиться к звезде, чтобы та отшвырнула их световым давлением и они смогли продолжить поиски дома для себя. Только на этот раз им не придется торопиться с выбором курса, поскольку никто не будет их преследовать.

Лазарус пояснил, что «Новые Рубежи» садиться на поверхность планеты не будут — корабль слишком громоздок и его раздавил бы собственный вес. Если пригодное местечко будет все-таки обнаружено, корабль ляжет на околопланетную орбиту и с него на поверхность будут высланы исследовательские партии в шлюпках.

Как только позволили приличия, Лазарус оставил женщин и направился в лабораторию, в которой Семьи продолжали свои работы в области обмена веществ и геронтологии. Он надеялся, что встретит там Мэри Сперлинг. Пикировка с Нэнси Везерэл заставила его особенно остро ощутить нужду в ее обществе. Если бы ему пришлось когда-нибудь жениться еще раз, подумал он, то самой подходящей партией ему, пожалуй, стала бы Мэри. Не то чтобы он всерьез помышлял о браке, просто он чувствовал, что союз между ним и Мэри был бы овеян причудливым ароматом лаванды и старых кружев.

Мэри Сперлинг, не согласившись на псевдосон в анабиозе, обратила свой страх смерти в активную деятельность, став добровольной лаборанткой, и принимала участие в исследованиях, связанных с продолжительностью жизни. Она не была биологом по образованию, но у нее были ловкие пальцы и светлая голова. За долгие годы путешествия она стала отличной ассистенткой доктора Гордона Харди, руководителя исследований.

Лазарус застал ее за работой с бессмертной тканью куриного сердца, которую сотрудники лаборатории ласково называли «Миссис Орлуша». Орлуша была старше любого из членов Семей, кроме разве что Лазаруса. Этот растущий кусок натуральной ткани Семьи получили из института Рокфеллера еще в двадцатом веке. Уже тогда ткань росла и развивалась. Предшественникам доктора Харди удавалось сохранить ткань жизнедеятельной на протяжении более двух столетий, используя методику Каррела — Линдберга — О'Шога. Орлуша по-прежнему процветала.

Гордон Харди настоял, чтобы ему позволили взять ткань и аппаратуру, которая поддерживала в ней жизнь, в резервацию после ареста. Точно такую же стойкость он проявил и при погрузке на «Чили». Орлуша отлично приспособилась к условиям существования на «Новых Рубежах». Сейчас она весила около шестидесяти фунтов — слепая, глухая, безмозглая, но по-прежнему живая.

— Привет, — поздоровалась Мэри. — Не подходит пока: контейнер открыт.

Лазарус наблюдал за тем, как она отсекает лишнюю плоть.

— Мэри, — любопытствовал он, — а почему эта дурочка все живет и живет?

— Ты неверно сформулировал вопрос, — ответила она, не глядя на него. — Правильнее было бы спросить: с чего бы это ей умирать? Почему бы ей не жить вечно?

— Чтоб она сдохла к чертям собачьим! — раздался вдруг позади нее голос доктора Харди. — Тогда бы мы смогли произвести вскрытие и выяснить, отчего она сдохла.

— Вам никогда не узнать причины смерти Орлуши, шеф, — ответила Мэри, по-прежнему не отрываясь от своего занятия. — Тут все дело в железах, а у нее их нет.

— Ого-го! А вам-то откуда это известно?

— Женская интуиция. Вы ведь тоже ничего не знаете наверняка?

— Ничего, абсолютно ничего! Именно поэтому я иду впереди вашей интуиции и вас.

— Очень даже может быть, — отозвалась Мэри лукаво. — Однако вы забываете о том, что мой возраст позволяет мне помнить вас практически *ab ovo* *.

— Типично женский аргумент. Милая моя, этот кусок мышц кудахтал и откладывал яйца, когда никого из нас еще на свете не было, но ему тоже ничего не известно. — Он погрозил Мэри пальцем. — Лазарус, знаете, я с удовольствием обменял бы сей гнусный препарат на пару карпов, самца и самку.

— А почему именно на карпов? — спросил Лазарус.

— Потому что, похоже, карпы не умирают. Их вылавливают, съедают, они могут сдохнуть с голоду, заразиться какой-нибудь дрянью, но, насколько мне известно, они не умирают от старости.

— Интересно, чем это можно объяснить?

— Вот это-то я и пытался выяснить перед тем, как мы очертя голову ринулись в это проклятое сафари. У них необычная кишечная флора. Возможно, она оказывает какое-то влияние. Однако, сдается мне, причина кроется в том, что они никогда не перестают расти.

Мэри что-то невнятно пробормотала. Харди иронично заметил:

— Опять вы там бормочете! Еще одно озарение?

— Я только сказала «амебы не умирают». Вы же сами всегда говорили, что живущая ныне амеба жила и... пятьдесят миллионов лет назад или около того. А ведь они не растут бесконечно и, само собой, не имеют никакой кишечной флоры.

— Кишка тонка! — сказал Лазарус и подмигнул.

— Ну и выражения у вас, Лазарус!

— То, что я утверждал, — истинная правда. Они просто делятся и продолжают жить. И вообще, кишки или не кишки, но структурная параллель тут может существовать. Как тут не прийти в отчаяние из-за отсутствия экспериментальных особей! Кстати, Лазарус, я очень рад, что вы заглянули к нам, и хочу попросить вас об одном одолжении.

— Ради бога. Сейчас я в хорошем настроении.

— Вы сами представляете собой интереснейший случай. Вам это, наверное, известно. Вы не подходите

---

* «С яйца» (лат.) — с самого начала. (Примеч. ред.)

ни под одну из наших теорий, вы опровергаете их. Отправлять такое тело в конвертер просто грех. Не скрою, я очень хотел бы получить возможность исследовать его.

Лазарус фыркнул.

— Я всецело в вашем распоряжении, дружище. Только не забудьте предупредить вашего преемника — вы-то сами вряд ли доживете до того времени. И, если хотите, можем побиться об заклад, что в моем теле вообще никому никогда не придется рыться!

Планета, к которой они в конце концов направили корабль, оправдала их надежды: она оказалась молодой, зеленой, исключительно похожей на Землю. Да и вся планетарная система звезды ЗД-9817 напоминала Солнечную: небольшие земного типа планеты около светила и огромные юпитероподобные гиганты на периферии. Космологи никогда не могли смириться с фактом существования Солнечной системы. Они много спорили о различных гипотезах ее происхождения, но проблема возникновения планет около Солнца оставалась открытой. Их наличие было нонсенсом. И тем не менее сейчас перед людьми предстала еще одна подобная система, как бы для того, чтобы продемонстрировать, что явления, представляющиеся парадоксальными, зачастую на самом деле являются нормой.

Результаты телескопического обследования планеты, проведенного с низкой орбиты, оказались вдохновляющими и одновременно огорчительными: была обнаружена... жизнь, разумная жизнь, цивилизация.

Видны были города. Громадные сооружения странного вида и непонятного назначения различались даже из космоса.

Тот факт, что место занято, означал, по всей видимости, возобновление печальных скитаний беглецов. Однако создавалось впечатление, что аборигены не заселили всего пространства планеты. На обширных континентах наверняка найдется уголок для небольшой колонии землян. Если только их примут...

— Честно говоря, — признался капитан Кинг, — я не ожидал обнаружить ничего подобного. Ну разве что первобытных аборигенов и, конечно, хищных животных,

В глубине души я всегда считал по-настоящему цивилизованными только представителей рода человеческого. Нам придется быть очень и очень осторожными.

Кинг сформировал исследовательский отряд во главе с Лазарусом. Ему довелось уже убедиться в практической сметке Лазаруса и в его инстинкте самосохранения.

Кинг хотел было сам возглавить группу, но понятие о долге капитана заставило его в конце концов отказаться от этой затеи. Зато Слэйтону Форду ничто не препятствовало присоединиться к исследователям. Лазарус назначил его и Ральфа Шульца своими заместителями.

В отряд вошли специалисты разных профилей: биохимик, геолог, эколог, стереограф, несколько психологов и социологов для изучения аборигенов, в том числе даже один авторитетный специалист по структурной теории коммуникаций, Маккелви, — его задачей было выявление возможностей общения с местным населением.

Кинг отказался выдать им оружие.

— Предприятие рискованное, — откровенно предупредил он Лазаруса. — Любое применение силы, даже вызванное необходимостью самозащиты, неминуемо настроит аборигенов враждебно. Мы не должны этого допустить. Вы послы, а не воины. Не забывайте об этом.

Лазарус сходил к себе в каюту, вернулся и вручил Кингу бластер. При этом он, само собой, не стал афишировать то, что к его бедру под килтом пристегнут другой.

Кинг уже собирался отдать приказ грузиться в шлюпку и приступить к выполнению задания, как вдруг появилась Дженис Шмидт, заведующая яслями Семей, в которых содержались дети с врожденными уродствами. Она пробралась к шлюпке и заявила, что хочет переговорить с капитаном.

Только профессиональная сиделка и могла в подобный момент добиться внимания капитана: ее настойчивость столкнулась с непоколебимостью Кинга, и в результате короткой стычки победа осталась за ней.

Кинг усталился на нее.

— Что все это значит?

— Капитан, я должна поговорить с вами об одном из моих питомцев.

— Сестра, ваше поведение переходит все границы. Идите и ждите меня в моем кабинете, а заодно пригласите главврача.

Она подбоченилась.

— Нет, я прошу уделить мне внимание. Этот отряд собирается высаживаться на планету, не так ли? Я должна вам кое-что сказать, прежде чем он отправится туда.

Кинг хотел было выругаться, но передумал и сказал только:

— Постарайтесь покороче.

Дженис и не собиралась говорить длинную речь. Она лишь хотела сообщить, что одним из ее подопечных является некий Хэнс Везерэл, молодой человек лет девяноста, благодаря гиперактивности щитовидной железы выглядевший как подросток. Он был слабоумным, но не идиотом; всегда апатичный по причине нервно-мышечной недостаточности, Хэнс был настолько слаб, что даже не мог есть самостоятельно. Однако природа наделила его повышенной телепатической чувствительностью.

Он заявил Дженис, что знает буквально все о планете, вокруг которой они вращаются. Его друзья с этой планеты рассказали ему о ней, и они ждут его в гости...

Высадка десанта была отложена до тех пор, пока Кинг и Лазарус не проверят полученную информацию.

Хэнс Везерэл, судя по всему, не видел ничего особенного в приключившейся с ним истории. То небольшое из его рассказа, что поддавалось проверке, не противоречило имеющимся данным. Хэнс никак не мог взять в толк, чего от него хотят, когда просят поточнее охарактеризовать «друзей».

«О, это просто люди, — отвечал он, про себя, видимо, поражаясь бестолковости вопроса. — Почти такие же, как у нас дома. Хорошие люди, ходят на работу, учатся в школе, посещают церковь. У них бывают дети, и они развлекаются. Они вам понравятся».

Со всей определенностью он мог сказать одно: его ждут друзья, поэтому он должен лететь с отрядом.

Некоторое время спустя Лазарус явно неодобрительно наблюдал за тем, как в шлюпку грузят Хэнса Везерэла, Дженис Шмидт и носилки Хэнса.

По возвращении первой экспедиции с поверхности планеты Лазарус очень долго разговаривал с Кингом с глазу на глаз, а в это время тщательно анализировались и сопоставлялись доклады специалистов.

— Она удивительно похожа на Землю, шкипер, аж тоска берет. И одновременно отличается от Земли настолько, что это сводит с ума. Ну... это все равно что смотреться в зеркало и видеть отражение с тремя глазами, но без носа. Выбывает из колен.

— А как насчет аборигенов?

— Я к этому как раз и веду. Сначала мы быстро облетели дневную сторону, чтобы просто сориентироваться в обстановке. Ничего такого, чего мы не видели в телескоп, мы не заметили. Потом я направил шлюпку вниз, к месту, которое указал Хэнс, — на равнине, неподалеку от одного из городов. Лично я никогда не стал бы садиться в таком месте, я лучше бы затихарился где-нибудь в кустах и огляделся. Но вы сами велели мне следовать всем указаниям Хэнса.

— В принципе никто не запрещал вам действовать по своему усмотрению и разумению, — заметил Кинг.

— Да-да. Как бы то ни было, мы сели. Пока техники брали пробы воздуха и почвы, вокруг шлюпки собралась целая толпа. Они... впрочем, вы видели стереографии.

— Да. Поразительно человекоподобные создания.

— О небо! Человекоподобные! Да они настоящие люди. Хоть и не земляне, но все-таки люди. — Лазарус, казалось, был очень встревожен. — Что-то меня это смущает.

Кинг не стал спорить с ним. На снимках были запечатлены двуногие существа от семи до восьми футов ростом, двусторонне симметричные, явно обладающие внутренним скелетом, с отчетливо выделяющейся головой и самыми обыкновенными глазами. Эти-то глаза как раз и были их самой человеческой и притягательной чертой — огромные, глубокие, с трагическим

выражением. Примерно такие глаза бывают у сенбернаров.

Глаза аборигенов вызывали наиболее теплые эмоции. Остальные черты их лица не отличались привлекательностью. Кинг взглянул на неправильной формы беззубые рты с раздвоенными верхними губами и отвернулся. Про себя он подумал, что ему придется долго, очень долго привыкать к этим созданиям, прежде чем их облик станет вызывать у него симпатию.

— Дальше, — бросил он Лазарусу.

— Мы открыли люк, и я выбрался наружу, сначала один. Руки мои были пусты, и я старался выглядеть как можно более мирным и дружелюбным. Трое туземцев вышли вперед: я бы даже сказал, не просто вышли, а прямо-таки кинулись. Но никакого интереса к моей особе они не проявили. Казалось, они ждут кого-то другого. Тогда я приказал вынести Хэнса.

Шкипер, вы не поверите. Они засуетились над Хэнсом так, будто это был их родной брат, вернувшийся после долгого отсутствия. Нет, даже не так. Это скорее было похоже на триумфальное возвращение короля. С остальными членами экипажа они обращались весьма вежливо, но явно отдавали предпочтение Хэнсу. — Лазарус поколебался. — Шкипер, вы верите в перевоплощение?

— Не очень. Но отношусь к данной идее достаточно спокойно. Я как-то читал отчет комитета Фроулинга.

— Мысль об этом мне бы и в голову не пришла, но как иначе объяснить прием, который они оказали Хэнсу?

— Не знаю. Ладно, продолжайте. Как вы считаете, имеется у нас возможность высадиться здесь и основать колонию?

— В этом нет ни малейшего сомнения, — ответил Лазарус. — Понимаете, Хэнс действительно может разговаривать с ними, только телепатически. Он сообщил мне, что боги дали нам право поселиться здесь, и теперь туземцы всю трудятся над подготовкой к приему.

— Что?

— Да, именно. Они с нетерпением ждут нас.

— Ого! Это радует меня.

— Неужели?

Кинг заметил, что лицо Лазаруса радости отнюдь не выражает.

— Ведь вы сами сделали во всех отношениях благоприятный для нас доклад. Отчего же у вас такой кислый вид?

— Не знаю. Но я, честно говоря, предпочел бы обживать незаселенную планету. Шкипер, ничего хорошего за просто так не получишь.

Глава 2

Джокайра — или, как произносят некоторые, Хакейра — предоставила в распоряжение колонии целый город.

Такая удивительная щедрость, а также то, что почти все члены Семей Говарда ощутили насущную необходимость почувствовать земную твердь под ногами и свежий воздух в груди, значительно ускорили переселение с корабля на планету. Поначалу предполагалось, что это мероприятие займет около года и что спящие в анабиозе будут разбужены только тогда, когда у поселенцев появится возможность ухода за ними в период реабилитации. Но, как оказалось, единственным сдерживающим фактором явилась небольшая грузоподъемность шлюпок. Перевозить на Джокайру теперь можно было и бодрствовавших, и разбуженных от ледяного сна. На планете имелись все условия для размещения ста тысяч человек.

Джокайрийский город, предоставленный в распоряжение колонистов, естественно, не предназначался для проживания в нем людей. Ведь обитатели планеты не были во всем подобны землянам, и их жизненные потребности во многом различались, не говоря уже о культурных запросах. Архитектура джокайрийцев, на-

пример, совершенно не походила на привычную людям. Но любой город — это прежде всего система обеспечения определенных нужд: крова над головой, гигиены, связи. Разумные существа, обитающие в разнородных условиях, способны дать бесчисленное множество вариантов решения проблемы обустройства совместного проживания. Что же касается созданий теплокровных, дышащих кислородом, человекоподобных, то творения их рук, как бы экзотично они ни выглядели, в конечном счете должны были быть пригодными для использования их землянами.

В некотором отношении город выглядел сошедшим с полотна земного художника-сюрреалиста. Но ведь и на родной планете люди жили и в иглу, и в травяных хижинах, и даже в автоматизированных берлогах, под толщей антарктических льдов. Поэтому колонисты с радостью поселились в Джокайрийском городе и тут же начали перестраивать его по своим меркам.

За работу взялись с энтузиазмом, хотя сделать предстояло многое. В наличии имелись здания, защищенные от непогоды, и искусственные пещеры, которые, независимо от их прямого назначения, вполне могли быть приспособлены и для человеческих нужд — сна, отдыха, хранения припасов, производства необходимого. Сооружения действительно походили на пещеры, поскольку Джокайрийцы при строительстве основательно зарывались в землю. Что ж, люди при определенных обстоятельствах довольно быстро превращались в троглодитов даже в Нью-Йорке.

С чистой водой для питья и приготовления пищи проблем не было — она поступала по трубам. С мытьем дело обстояло сложнее. В городе отсутствовала единая система канализации. Джокайрийцы не мылись водой — их гигиенические запросы сильно отличались от людских и заключались в иных процедурах... Поэтому решено было приступить к устройству временного эквивалента корабельной канализации, учитывающей местные условия. Конечно, первоначально сточные сооружения могли обеспечить самые скромные запросы, и ванны должны были еще долго оставаться роскошью — до тех пор, пока мощности водоснабжения и канализа-

ции не вырастут раз в десять. Но ведь ванны и не являлись первостепенной необходимостью...

Однако эти хлопоты отодвинула на задний план проблема установки гидропонных ферм, поскольку, пока не было уверенности в бесперебойном обеспечении питанием, нельзя было выводить из анабиоза спящее большинство. Горячие головы, жаждавшие иметь все сразу, предлагали забрать с «Новых Рубежей» все гидропонное оборудование до последнего винтика, переправить его на планету, собрать и запустить, питаясь тем временем запасами консервированных продуктов. Более осторожные настаивали на демонтаже только одной фермы и производстве продуктов питания на корабле. Они упирали на то, что неизвестный грибок или вирус чужого мира может поразить земные культуры, и тогда угроза голода станет неизбежной.

Осмотрительное меньшинство, возглавляемое Фордом и Барстоу при поддержке Кинга, в конце концов одержало победу. Отключили и осушили лишь одну корабельную гидропонную ферму. Оборудование ее разобрали на части, которые можно было погрузить в шлюпки.

Эта ферма, однако, так и не достигла поверхности планеты. Местные сельскохозяйственные культуры оказались пригодными для употребления в пищу, и Джокайрийцы буквально навязывали их людям. Тогда было принято решение приступить к выращиванию земных культур на джокайрийской почве, что позволило бы пополнить местный ассортимент продуктов. Джокайрийцы вмешались в агротехническую затею колонистов и взяли дело в свои руки. Прирожденные фермеры — на их плодородной планете не было нужды в синтетических продуктах — они, казалось, были даже рады оказать услугу своим гостям.

Как только наладилось дело с организацией питания, Форд перевел свой штаб в город. Кинг же остался руководить на корабле. Спящих размораживали и отправляли на планету по мере расширения возможностей обеспечения их всем необходимым и возникновения нужды в их руках. Несмотря на то что острота проблем с пищей, водой и жильем была снята, работы был

непечатый край, даже при ориентации на максимально урезанный уровень удобств.

Две культуры весьма разнились между собой. Джокайрийцы всегда были готовы оказать любую помощь, но осуществляемые землянами работы подчас вызывали у них сильное недоумение. Аборигены, например, судя по всему, никогда не испытывали потребности в уединении — здания в их городах не имели внутренних перегородок без особой строительной нужды в том, и устойчивость конструкций обеспечивалась по преимуществу колоннами или опорами. Джокайрийцы недоумевали, зачем земляне столь упорно делают прекрасные просторные здания на тесные клетушки и коридоры. Им напрочь чужда была мысль об интимности некоторых сторон жизни.

Скорее всего — этого в точности установить так и не удалось, поскольку общение оставалось поверхностным — аборигены сочли, что уединение имело для землян какое-то религиозное значение. Для строительства перегородок они доставали тонкие листы какого-то материала, однако работать с ним оказалось под силу только им самим. Этот материал обладал свойствами, которые довели земных инженеров почти до нервного истощения. На него абсолютно ничем нельзя было воздействовать. Даже реакции, которые разрушали используемый в строительстве ядерных реакторов фторопласт, оказались тут бессильными. Алмазные пилы крошились, он выдерживал любые высокие температуры, а холод не заставлял его трескаться. Он совершенно не пропускал света, звука и излучений. Сопrotивляемость материала невозможно было измерить, поскольку для этого его надо было разрушить. И тем не менее джокайрийцы обрабатывали его вручную, придавали ему нужную форму и подвергали сварке.

Земным инженерам пришлось смириться с явлением, доселе считавшимся невозможным. С точки зрения развития науки и техники джокайрийцы были не менее цивилизованны, чем земляне. Но они шли вперед другим путем. Глубинные различия между культурами заключались не только в технологии. От земного разительно отличалось мышление джокайрийцев, система их ценностей была иной, структура их общества и

строение языка отражали чуждые людям стороны жизни и были им совершенно непонятны.

Оливер Джонсон, специалист по семантике, отвечающий за налаживание общения, обнаружил, что его задача сильно упрощается благодаря такому каналу связи, как Хэнс Везерэл.

— Конечно, — объяснял он Слэйтону Форду и Лазарусу, — Хэнс далеко не гений, он просто не совсем идиот. Из-за этого запас слов, который я получал с его помощью, довольно ограничен. Он не все способен понять сам. Но сейчас я уже приступил к разработке словаря основных терминов и понятий, с которого можно будет начинать подробное изучение языка.

— А разве такого словаря достаточно? — спросил Форд. — Я слышал, что с помощью запаса в восемьсот слов можно выразить практически любую идею.

— В этом есть доля правды, — улыбнулся Джонсон. — Около тысячи слов достаточно, чтобы объяснить в любой ситуации. Я отобрал около семисот терминов, служебных и вспомогательных слов, чтобы на их основе смоделировать пригодное для наших целей подобие языка. Но анализ смысловых тонкостей и оттенков значений придется пока отложить, поскольку наше понимание их культуры находится на низком уровне. А с помощью словаря расхожих словечек невозможно обсуждать абстрактные темы.

— Чушь, — хмыкнул Лазарус. — Семисот слов хватит за глаза. Лично я, например, не собираюсь объясняться им в любви или обсуждать с ними поэзию.

Это мнение казалось справедливым. Многие земляне за две недели освоили Джокайрийский словарь и теперь болтали с аборигенами так бойко, как будто говорили на чужом языке с пеленок. Все земляне еще в школах приобрели определенные навыки в области мнемоники и семантики. Небольшой словарь разговорного языка они освоили очень быстро, поскольку имели возможность часто общаться с его носителями. Естественно, не обошлось без возмущенных выступлений твердолобых, страдающих провинциальными замашками; с их точки зрения, именно местные жители должны были учить английский.

Джокайрийцы и не пытались овладеть языком землян. Ни один из них не проявил к нему хотя бы маломальского интереса. Впрочем, не много удивительного в том, что миллиону туземцев ни к чему было изучать речь не столь уж многочисленных чужаков. К тому же раздвоенная верхняя губа джокайрийцев не позволяла им правильно произносить звуки «м» и «б», в то время как гортанные, свистящие, зубные звуки и щелчки, которыми изобиловал их собственный язык, люди воспроизводили с легкостью.

Лазарус был вынужден изменить свое первоначально недоброжелательное отношение к джокайрийцам. Со временем, когда их внешность перестала казаться шокирующей, туземцы не могли не вызывать симпатии. Они были такими гостеприимными, такими щедрыми, такими дружелюбными, так стремились доставить удовольствие! Особую привязанность Лазарус испытывал к джокайрийцу по имени Криил Сарлуу, выполнявшему роль посредника между аборигенами и землянами. Среди своих соотечественников Сарлуу занимал положение, которое грубо можно было обозначить как «отец», «священник», «вождь» племени или семьи. Как-то раз он пригласил Лазаруса к себе в гости в джокайрийский город, расположенный неподалеку от земной колонии.

— Мои люди будут рады посмотреть на тебя и почувствовать запах твоей шкуры, — сказал он. — Твое появление станет счастливым событием. Боги будут довольны.

Сарлуу, казалось, не мог произнести ни одной фразы, чтобы не помянуть своих богов. Лазарусу, впрочем, не было до этого дела. К чужим верованиям он относился равнодушно и терпимо.

— Я приду, Сарлуу, старина. Для меня это тоже будет большой радостью.

Сарлуу повез гостя в обычном для Джокайры экипаже — бесколесной повозке, похожей на глубокую тарелку. Двигалась она бесшумно и очень быстро, летя над землей и иногда касаясь ее и скользя по поверхности. Лазарус съезжился на полу аппарата, а Сарлуу все прибавлял и прибавлял скорость до тех пор, пока от встречного ветра у Лазаруса не начали слезиться глаза.

— Сарлуу, — стараясь перекрычать шум ветра, спросил Лазарус, — а как работает эта машина? За счет чего она передвигается?

— Боги вдыхают жизнь в... — Сарлуу употребил слово, отсутствующее в словаре, — и тем самым вынуждают ее переменить место.

Лазарус начал было интересоваться деталями, но скоро прекратил расспросы. В ответах Сарлуу сквозило что-то знакомое, и наконец Лазарус вспомнил, что именно. Однажды ему уже довелось быть в сходном положении, когда один из обитателей венерианских болот попросил его объяснить устройство дизельного двигателя старенького вездехода. Лазарус тогда вовсе не собирался намеренно наводить тень на плетень, но его возможности были скованы ограниченностью словарного запаса.

Тем не менее всегда можно найти выход...

— Сарлуу, я хотел бы взглянуть на рисунки того, что происходит внутри, — настойчиво заявил Лазарус, указывая на машину. — У вас есть рисунки?

— Рисунки есть, — признался Сарлуу. — Они в храме. Ты не можешь войти в храм.

Его огромные глаза печально смотрели на Лазаруса, и тот начал почти физически ощущать жалость к себе со стороны джокайрийского вождя, который, казалось, скорбел о том, что его друг обделен великой милостью. Лазарус поспешно сменил тему разговора.

Но воспоминание о венерианцах навело его на мысль о еще одной загадке. Болотные жители, отрезанные от окружающего мира непроницаемым облачным слоем Венеры, не верили в астрономию. Прибытие землян заставило их пересмотреть свои взгляды на строение мира, но новые воззрения не стали более близкими к истине. Лазарус подумал, что интересно было бы узнать мнение туземцев о гостях из космоса. Они не сильно поразились, столкнувшись с фактом появления пришельцев. Или он заблуждается?

— Сарлуу, — спросил он, — а ты знаешь, откуда прилетели я и мои друзья?

— Я знаю, — ответил Сарлуу. — Вы пришли с отдаленного солнца — настолько отдаленного, что

пройдет много лет, пока свет проделает такой длинный путь.

Лазарус был удивлен.

— А кто тебе это сказал?

— Боги сказали нам. И твой брат Либби рассказывал об этом.

Лазарус готов был побиться о заклад, что боги и не думали говорить что-либо по этому поводу, пока Либби все сам не объяснил Криилу Сарлуу, однако решил не спорить. Он хотел узнать у Сарлуу, был ли тот удивлен прибытием гостей из космоса, но потом сообразил, что ни одного джокайрийского слова, эквивалентного понятиям «удивляться» или «поражаться», не знает. Он все еще пытался облечь свою мысль в другую форму, когда Сарлуу заговорил вновь:

— Отцы моего народа летали в небесах, как вы, но это было до прихода богов. Боги же в своей мудрости велели нам оставаться.

«И это тоже, — подумал Лазарус, — чистейшей воды ложь, черт побери». Не было ни малейших признаков того, что джокайрийцы когда-либо покидали пределы родной планеты.

В жилище Сарлуу в тот вечер Лазарусу пришлось вытерпеть процедуру, через которую, как он решил, доводится проходить любому почетному гостю. Видимо, по замыслу хозяев, она должна была развлечь его. Он сидел на корточках возле Сарлуу, на небольшом возвышении посреди просторного помещения, служившего, похоже, кают-компанией клану Криила, и битых два часа слушал вой, который, по всей видимости, считался здесь пением. Лазарус подумывал о том, что, если даже прищемить хвосты пятидесяти бродячим псам, и то получится лучшая музыка, но старался не ударить в грязь лицом, стойко претерпевая навязанный ему ритуал.

Он вспомнил, как Либби настаивал на предположении, что очень популярный среди джокайрийцев хорошей вой действительно является музыкой и что люди могут научиться получать от него удовольствие, если обнаружат скрытую логику в чередовании пауз.

Лазарусу с трудом верилось в это.

Но он вынужден был признать, что Либби лучше, чем кто-либо, понимал джокайрийцев. Либби находил их прекрасными, очень тонкими математиками. Во всяком случае в этом они ничуть не уступали ему самому с его необузданным талантом. Землянам казалась чрезвычайно сложной даже их арифметика. Число — любое число, большое или маленькое — было для аборигенов единым целым и воспринималось как единое целое, а не как совокупность меньших чисел. Это относилось и к иррациональным, и к переменным величинам.

Было настоящим счастьем, размышляя Лазарус, что Либби мог выступать в качестве математического переводчика между джокайрийцами и Семьями. В противном случае им не удалось бы приобрести столько новых технических знаний, которыми исправно снабжали их хозяева планеты.

«Интересно, — подумал он, — почему джокайрийцы совершенно не интересуются земной технологией, которую им предлагают в обмен?»

Наконец завывания прекратились, и Лазарус отключился от своих раздумий. Принесли пищу. Семья Криила приступила к еде с теми же энтузиазмом и энергией, которые сопутствовали всем их делам. «Достоинства, — решил Лазарус, — вот чего им не хватает». Огромная чаша, до краев заполненная какой-то аморфной жижей, была поставлена перед Криилом Сарлуу. С дюжину Криилов тут же столпились вокруг нее и начали черпать еду руками, не обращая внимания на своего вождя. Но Сарлуу оплеухами расчистил себе дорогу к чаше и запустил в нее руку. Он выгреб целую пригоршню массы, ладонями скатал из нее шарик и протянул его Лазарусу.

Лазарус по натуре не был брезглив, но ему пришлось напомнить себе, во-первых, что пища джокайрийцев годилась и для людей и, во-вторых, что он не узнает от них ничего интересного до тех пор, пока не заставит себя проглотить предложенное «лакомство».

Он откусил большой кусок. М-м-м... не так уж и плохо, скорее безвкусно и клейко, без определенного запаха. Приятного мало, но проглотить можно. С мрачной решимостью не уронить достоинства человеческой

расы Лазарус продолжал есть, пообещав себе закусить по-настоящему по возвращении домой.

Когда он почувствовал, что очередной кусок приведет к непоправимому несчастью с желудком и к дипломатическому конфузу, он вдруг сообразил, как ему выкрутиться. Опустив руку в общий котел, он набрал большую пригоршню массы, скатал шар и предложил его Сарлуу.

Это было сделано по наитию; теперь до самого конца трапезы Лазарус неустанно кормил Сарлуу. Прожорливости хозяина оставалось только удивляться.

После еды они заснули. Лазарус улегся со всей семьей. Спать все гурьбой завалились там же, где и ели, без всяких кроватей — просто рухнули вповалку на пол, словно палые листья на дорожке или щенки в питомнике. К своему удивлению Лазарус спал очень крепко и проснулся лишь тогда, когда на лице его заплясали солнечные блики. Сарлуу еще спал и совсем по-человечески храпел. Лазарус обнаружил, что один из маленьких джокайрийцев клубочком свернулся рядом, доверчиво положив ему голову на живот.

Он услышал шорох у себя за спиной, потом кто-то дотронулся до его бедра. Он осторожно обернулся и увидел, что другой джокайреныш — малыш по земным меркам лет шести — вытащил его бластер из кобуры и с любопытством рассматривал прицел.

Быстро, но осторожно Лазарус отобрал смертоносную игрушку у малыша, который неохотно расстался с ней. Осмотрев оружие, Лазарус с облегчением убедился, что защелка предохранителя опущена, и вернул бластер в кобуру. Тут он заметил, что малыш собирается заплакать.

— Т-ш-ш, — прошептал Лазарус, — а то еще разбудишь своего папашу. Иди сюда...

Он взял ребенка на руки и стал баюкать. Джокайреныш прижался к нему, закрыл глазенки и почти сразу же уснул.

Лазарус взглянул на спящего малыша.

— Ты довольно симпатичный бесенок, — добродушно пробормотал он. — Я вполне мог бы привязать-

ся к тебе. Вот только к вашему запаху мне никак не привыкнуть...

Некоторые эпизоды взаимоотношений двух рас были бы даже забавны, если бы не таили в себе потенциальную угрозу, как, например, случай с Хьюбертом, сынишкой Элеонор Джонсон. Этот незадачливый карапуз отличался неумным любопытством. Однажды он наблюдал за двумя техниками, землянином и джокайрийцем, которые приспособили источник питания местного производства под нужды земного оборудования. Ребенок, по-видимому, забавлял джокайрийца, и он, в порыве дружеского расположения, подхватил малыша на руки.

Хьюберт ударился в рев.

Мать, которая всегда старалась находиться где-нибудь неподалеку от своего чада, тут же бросилась на выручку. Намерения у нее были самые кровожадные, но, к счастью, сказалась нехватка сил и навыков; высокий абориген остался цел и невредим, но ситуация сложилась крайне щекотливая.

Администратору Форду и Оливеру Джонсону стоило огромных усилий объяснить суть случившегося обескураженным джокайрийцам. К счастью, туземцы скорее были огорчены, нежели жаждали мщения.

Затем Форд вызвал Элеонор Джонсон.

— По вашей милости вся колония была поставлена под удар...

— Но я...

— Тихо! Если бы вы сами не избаловали своего сына, он вел бы себя, как следует. Если бы вы не были глупой гусыней, вы бы догадались, что руки надо держать при себе, а не распускать их. Мальчик посещает занятия по развитию, и вы просто не имеете права держать его постоянно у своей юбки. Запомните: если с вашей стороны еще хоть раз будут замечены малейшие признаки враждебности по отношению к местному населению, я подвергну вас нескольким годам принудительного анабиоза. А теперь убирайтесь!

Почти столь же сурово Форду пришлось обойтись и с Дженис Шмидт. Интерес, который джокайрийцы проявили к Хэнсу Везерэлу, вскоре распространился и на всех остальных телепатов-уродов. Аборигены, похоже, впадали в состояние просто-таки тихого экстаза от того, что кто-то может общаться с ними непосредственно. Криил Сарлуу довел до сведения Форда, что он очень хотел бы поместить телепатов в пустующем здании бывшего храма, отдельно от других дефективных, чтобы джокайрийцы получили возможность ухаживать за ними. Просьба более походила на требование.

Дженис Шмидт с трудом поддавалась на настоятельные уговоры Форда пойти в этом вопросе навстречу джокайрийцам. Свою настойчивость он мотивировал тем, что они очень много сделали для землян. И вскоре джокайрийские сиделки приступили к своим обязанностям под ревнивым присмотром Дженис.

Оказалось, что у телепатов, умственное развитие которых хоть немного превосходило полуидиотизм Хэнса Везерэла, быстро начинают развиваться острые и тяжелые психозы, связанные с присутствием джокайрийских сиделок.

Форду пришлось расхлебывать и это. Дженис Шмидт была куда более энергичной и здравомыслящей особой, чем Элеонор Джонсон. Чтобы сохранить мир и покой, Форд был вынужден пригрозить Дженис, что ее могут вообще отстранить от ухода за ее возлюбленными «детками». Криил Сарлуу, глубоко огорченный и, можно сказать, потрясенный до глубины души, согласился на компромисс, в результате которого присмотр за уродами с более высоким уровнем развития продолжали осуществлять люди, а джокайрийцы стали ухаживать только за законченными крестинами.

Но самые большие затруднения были вызваны... фамилиями.

У каждого джокайрийца были имя и фамилия. Фамилий было немного, как и у членов Семей. Фамилия аборигена указывала одновременно и на его принадлежность к определенному племени, и на храм, который он посещал.

Криил Сарлуу как-то затронул этот вопрос в разговоре с Фордом.

— Верховный Отец Станных Братьев, — обратился он. — Настало время тебе и твоим детям выбрать фамилии.

Естественно, Сарлуу говорил на родном языке, поэтому при переводе некоторые понятия теряли свою адекватность вкладываемому в них смыслу.

Форд уже привык к особенностям общения с джокайрийцами.

— Сарлуу, брат и друг, — ответил он, — я слышу твои слова, но не понимаю. Говори, прошу тебя, более полно.

Сарлуу начал заново:

— Станный Брат, времена года приходят и уходят, но рано или поздно наступает сезон созревания. Боги говорят нам, что вы, Станные Братья, в своем развитии достигли момента, когда вам пристало выбрать себе племя и храм. Я пришел к тебе с тем, чтобы договориться о приготовлениях (церемониях), на которых каждый из вас выберет себе фамилию. Я передаю тебе все это от имени богов. А от себя позволю добавить, что я буду счастлив, если ты, брат мой Форд, предпочтешь для себя храм Криила.

Форд некоторое время молчал, напряженно пытаясь вникнуть в смысл услышанного.

— Я счастлив взаимно, что ты предлагаешь мне свою фамилию. Но у моих людей уже есть их собственные фамилии.

Сарлуу отверг этот довод, чмокнув губами.

— Их нынешние фамилии — пустые слова и ничего более. А теперь они должны выбрать для себя настоящие, указывающие на определенный храм и имя бога, которому им предстоит поклоняться. Ведь дети растут и постепенно взрослеют.

Форд решил, что без советчиков ему не обойтись.

— Ты предлагаешь нам сделать это немедленно?

— Не сегодня, конечно, но в ближайшее время.

Форд вызвал Заккура Барстоу, Оливера Джонсона, Лазаруса Лонга, Ральфа Шульца и передал им содержание беседы. Джонсон прокрутил запись и попытался точнее установить значение слов. Он подготовил несколько возможных вариантов перевода, но так и не смог пролить свет на суть проблемы.

— Похоже, — высказался Лазарус, — нам предлагают или примкнуть к их церкви, или выметаться.

— Точно, — согласился Заккур Барстоу. — Тут, пожалуй, все ясно. Я думаю, большой беды не будет, если мы согласимся с их предложением. Ведь очень немногие из наших страдают какими-нибудь религиозными предрассудками, которые помешали бы им напоказ поклоняться местным богам во благо всей колонии.

— Наверное, вы правы, — согласился Форд. — Я, например, не имею ничего против того, чтобы прибавить к своему имени фамилию Криил и принять участие в их обрядах во имя безоблачного сосуществования. — Вдруг он нахмурился. — Но я бы не хотел стать свидетелем того, как наша культура растворяется в их культуре.

— Пусть у вас не болит голова на сей счет, — уверил его Ральф Шульц. — Независимо от того, что мы сделаем для их улагодворения, культурная ассимиляция в любом случае исключена. Мы совершенно не похожи на них, и я только сейчас начинаю понимать, насколько глубоки различия между нами.

— Да, — вставил Лазарус, — именно насколько.

Форд повернулся к нему:

— Что вы хотите сказать? Вас что-то беспокоит?

— Да нет. Просто я, — ответил Лазарус, — не разделяю вашего оптимизма.

В конце концов они сошлись на том, что сначала обряд посвящения должен пройти один человек и обо всем поведать остальным. Лазарус требовал, чтобы эту честь предоставили ему по праву старейшего; Шульц настаивал, чтобы послали его, как специалиста по таким делам. Но Форд переспорил всех, заявив, что это его прямая обязанность как ответственного руководителя.

Лазарус проводил его до дверей храма, в котором планировалось проведение церемонии. Форд был совершенно обнажен, как и всякий джокайриец. Лазарус же, поскольку обряд не допускал присутствия посторонних в святилище, остался в своем килте. Многие колонисты, за долгие годы полета истосковавшиеся по солнцу, предпочитали ходить нагишом там, где позволяли приличия. Не пользовались практически одеждой и

джокайрийцы. Но Лазарус всегда был одет. И даже не потому, что его моральные устои не позволяли ему этого, а из тех соображений, что на голом человеке бластер выглядел бы более чем странно.

Криил Сарлуу поприветствовал их и повел Форда в храм.

Лазарус крикнул вслед:

— Не вешай нос, старина!

Потом он стал ждать. Он закурил сигарету, докурил ее и отбросил окурки. Походил взад-вперед. Он понятия не имел, сколько ему предстоит маяться. Неопределенность усугубляла томительность ожидания; процедура, казалось, тянулась слишком долго.

В конце концов двери распахнулись и из них повалила толпа аборигенов. Они казались чем-то озабоченными и, увидев Лазаруса, старались миновать его стороной. Наконец огромный вход опустел и на пороге появилась фигура человека. Он выбежал из храма и опрометью бросился вдоль по улице.

Лазарус узнал Форда.

Форд не остановился, пробегая мимо Лазаруса. Он слепо мчался вперед. Через несколько шагов он споткнулся и упал. Лазарус поспешил к нему.

Форд не делал попыток встать. Он лежал ничком, лицом вниз, и плечи его содрогались от неудержимых рыданий.

Лазарус присел возле него на корточки и потряс его.

— Слэйтон! — позвал он. — Что случилось? Что с вами?

Форд поднял голову, взглянул на него мокрыми от слез глазами, полными ужаса, и на мгновение перестал всхлипывать. Говорить он не мог, но, кажется, узнал Лазаруса. Он протянул руки, прижался к нему и разрыдался еще сильнее, чем прежде.

Лазарус высвободился и отвесил Форду увесистую пощечину.

— Перестаньте! — приказал он. — Лучше расскажите, в чем дело!

Голова Форда дернулась от удара, он перестал всхлипывать, но по-прежнему не мог выговорить ни слова. Взгляд его был затуманен.

На них легла чья-то тень. Лазарус обернулся и схватил бластер. В нескольких ярдах от них стоял Крийл Сарлуу, не делая попыток приблизиться. И вовсе не из-за оружия — он никогда раньше его не видел и не мог знать, что это такое.

— Это ты!.. — прорычал Лазарус. — Какого... Что вы с ним сделали? — Потом он сообразил, что Сарлуу его не понимает, и перешел на понятный язык: — Что случилось с моим братом Фордом?

— Забери его, — ответил Сарлуу. Губы его дрожали. — Это очень плохо. Это очень-очень плохо.

— Как будто я сам не вижу! — буркнул Лазарус, не удосужившись перевести свои слова на джокайрийский.

Глава 3

Безотлагательно было созвано совещание в прежнем составе, за исключением председателя. Лазарус рассказал о том, что произошло. Шульц доложил о состоянии Форда.

— Медики пока не нашли причины недуга. С уверенностью можно сказать только то, что Администратор страдает от возникшего по неизвестной причине острейшего психоза. До сих пор нам не удалось вступить с ним в контакт.

— А он вообще-то говорит хоть что-нибудь? — осведомился Барстоу.

— Всего лишь одно или два слова, да и то самые простейшие. Например, насчет еды или питья. А любая попытка выяснить причины потрясения вызывает у него мгновенные приступы истерики.

— И вы не можете поставить диагноз?

— Если вы хотите услышать мое собственное мнение, выраженное доступными словами, то я бы сказал, что он перепуган до смерти. Но... — добавил Шульц, — я и раньше сталкивался с синдромами страха. Однако никогда прежде не видел ничего подобного.

— А я видел, — вдруг сказал Лазарус.

— Вы? Где? При каких обстоятельствах?

— Однажды, лет двести назад, — начал рассказывать Лазарус, — когда я был еще мальчишкой, я поймал взрослого койота и запер в сарае. Я почему-то тешил себя надеждой, что смогу выучить его и сделать из него охотничьего пса. У меня ничего не получилось. Так вот, сейчас Форд ведет себя точно так же, как тот койот.

Наступило тягостное молчание. Первым заговорил Шульц:

— Я не совсем понял, что вы этим хотели сказать. В чем тут аналогия?

— В общем-то, — медленно ответил Лазарус, — это всего-навсего предположение. Единственный, кто знает истинную причину случившегося, — сам Слэйтон, но он не может говорить. На мой взгляд, все мы совершили грубейшую ошибку, неверно оценив этих самых джокайрийцев. Мы считали их почти людьми только потому, что они похожи на нас внешне и почти столь же цивилизованны. На самом же деле они вовсе не люди. Они... домашние животные... Минуточку, — добавил он. — Не спешите. Я знаю, о чем вы подумали. На этой планете есть и люди. Они живут в храмах, и джокайрийцы называют их богами. И это действительно боги!

Никто не проронил ни слова, и Лазарус продолжал:

— Мне понятны ваши сомнения. Поймите, я не собираюсь пачкать вам мозги и просто выкладываю то, что пришло мне в голову. Я уверен в одном: в этих храмах кто-то обитает, и этот кто-то настолько могуществен, что его можно назвать богом. Кем бы ни были эти существа, именно они являются доминирующей на этой планете расой — ее людьми! Для них все остальные — и джоки, и мы — просто животные, дикие или ручные. Мы ошиблись, посчитав, что местная религия просто предрассудок. Это далеко не так.

— Ты полагаешь, что именно в этом кроется ключ к разгадке происшедшего с Фордом? — медленно произнес Барстоу.

— Да, полагаю. Он встретился с одним из них, с тем, кого зовут Криилом, и это свело его с ума.

— Я так понимаю, — подытожил Шульц, — что, согласно вашей гипотезе, всякий человек, оказавшийся в их... в их присутствии... станет психически больным?

— Не совсем так, — ответил Лазарус. — Больше всего меня путает то, что я могу и не сойти с ума!

В тот же день джокайрийцы прекратили всякие контакты с землянами. Это было очень кстати, ибо непременно произошли бы акты насилия. Над городом навис страх перед неизвестным, которое было страшнее смерти, не имело определенного лица, но сама встреча с которым могла превратить в безвольное, бездумное животное. Теперь никто уже не видел в джокайрийцах безобидных и отзывчивых друзей, несмотря на их несомненное расположение к землянам и значительные научные достижения. Они стали казаться марионетками, подсадными утками, состоящими на службе у своих незримых могущественных владык, обитающих в «храмах».

Голосования не потребовалось. С единодушием толпы, стремящейся выбраться из горящего здания, все земляне преисполнились желания как можно скорее покинуть ужасное место. Заккур Барстоу принял командование.

— Свяжись с Кингом. Пусть высылают сразу все шлюпки. Мы постараемся быстренько убраться отсюда. — Он обеспокоенно провел рукой по волосам. — Сколько человек максимум можно погрузить на шлюпку? Сколько времени займет эвакуация?

Лазарус что-то пробормотал в ответ.

— Что ты сказал?

— Я сказал, что это не вопрос времени. Вопрос в том, дадут ли нам возможность улететь. Эти существа в храмах, похоже, нуждаются в новых домашних животных — то есть в нас!

Лазарус пригодился бы в качестве пилота шлюпки, но сейчас важнее был его талант управлять толпой. Заккур Барстоу предложил ему сколотить группу, выполняющую роль дружины. Вдруг Лазарус взглянул куда-то за его плечо и воскликнул:

— Ого! Взгляни-ка, Зак! Кажется, концерт окончен.

Заккур быстро обернулся и увидел, что к ним, с величавым достоинством пересекая широкий зал, приближается Криил Сарлуу. Дороги ему никто не преградил. Скоро стало ясно, почему. Заккур пошел было навстречу, чтобы приветствовать его, но обнаружил, что не может приблизиться к Сарлуу ближе, чем на десять футов. Никакой видимой преграды не было. Просто он не мог подойти.

— Приветствую тебя, несчастный брат, — начал Сарлуу.

— Приветствую тебя, Криил Сарлуу.

— Боги сказали: ваш народ никогда не станет цивилизованным. Ты и твои братья должны покинуть этот мир.

Лазарус с облегчением вздохнул.

— Мы и так улетаем, Криил Сарлуу, — печально ответил Заккур.

— Боги требуют, чтобы вы ушли. Пусть ко мне подойдет брат Либби.

Заккур послал за Либби и снова вернулся к Сарлуу. Джокайриец, однако, хранил молчание. Казалось, он просто не замечает их присутствия. Они ждали.

Появился Либби. Сарлуу завел с ним долгий разговор. И Барстоу, и Лазарус находились рядом с беседующими и видели, как движутся их губы, но ничего не слышали. Лазарус находил все это очень подозрительным. «Лопни мои глаза, — думал он, — я и сам в состоянии проделать подобный трюк несколькими способами, будь у меня соответствующее оборудование, но, похоже, ни один из этих приемов здесь не используется, да и аппаратуры никакой не заметно».

Безмолвный разговор кончился. Сарлуу удалился не прощаясь. Либби обернулся к остальным и заговорил. Теперь его голос был слышен.

— Сарлуу сообщил, — начал он, недоуменно подняв брови, — что мы должны отправиться на планету... э-э-э... расположенную более чем в тридцати двух световых годах отсюда. Так решили боги. — Он замолчал и прикусил губу.

— Не будем теряться в догадках на этот счет, — предложил Лазарус. — Хорошо, что они вообще позволяют нам улететь. Сдается мне, они запросто могли бы

смешать нас с землей. А уж как только мы окажемся в космосе, мы сами выберем направление.

— Наверное, так. Правда, меня озадачивает, что он назвал точное время нашего отлета — через три часа.

— Но это совершенно невозможно! — запротестовал Барстоу. — Исключено! У нас не хватит шлюпок, чтобы так быстро перебраться на корабль!

Лазарус промолчал. Он теперь предпочитал не иметь собственного мнения.

Заккур быстро убедился в несправедливости своих слов. Умудренный же богатым жизненным опытом Лазарус был готов ко всему — и не ошибся. Поторапливая своих собратьев на поле, где шла посадка в шлюпки, он вдруг почувствовал, что отрывается от земли. Он пытался бороться с невидимой силой, ноги и руки его не встречали никакого сопротивления, но земля по-прежнему удалялась. Он закрыл глаза, досчитал до десяти и снова открыл их. Теперь он уже парил примерно в двух милях над землей.

Под ним, кружась над городом словно летучие мыши, взмывали в небо бесчисленные точки и пятна, матово-черные на фоне освещенной земли. Некоторые из них летели неподалеку и при ближайшем рассмотрении оказались людьми, землянами, членами Семей.

Линия горизонта стиралась, поверхность планеты постепенно приобретала сферические очертания, небеса темнели. Но дыхание по-прежнему было свободным, а кровеносные сосуды и не думали лопаться.

Около «Новых Рубежей» уже зависли целые грозди людей, похожие на роящихся вокруг матки пчел. Оказавшись внутри корабля, Лазарус позволил себе наконец перевести дух. «Фью-ю-ю! — просвистел он про себя. — Начало пока довольно приличное — прокатили с ветерком!»

Либби разыскал капитана Кинга сразу же, как только унял дрожь в коленях. Он передал ему послание Сарлуу.

Кинг был в нерешительности.

— Даже не знаю, — сказал он. — Вам известно о туземцах больше, чем мне, поскольку я практически не ступал на поверхность планеты. Но, между нами, у меня не укладывается в голове то, как они вернули

пассажиров на корабль. Это самое замечательное вознесение из всех, которые мне приходилось видеть.

— Могу добавить, сэр, что ощущения при подъеме были самые удивительные, — без тени юмора признался Либби. — Лично я предпочел бы прыжок на лыжах с трамплина. Хорошо еще, что люки были открыты по вашему приказу.

— Я тут ни при чем, — с выражением заметил Кинг. — Их открыли за меня.

Они отправились в рубку, намереваясь как можно скорее убраться подальше от планеты, с которой их изгнали. Курс и направление решено было избрать позже.

— Кстати, та планета, о которой говорил Сарлуу, — вспомнил Кинг, — она принадлежит к системе звезды типа «Ж»?

— Да, — подтвердил Либби, — землеподобная планета, вращающаяся вокруг звезды типа Солнца. У меня есть ее координаты, и можно определить ее по каталогу. Но лучше забыть о ней — она слишком далеко.

— Что ж...

Кинг включил звездный экран. Несколько мгновений ни один из них не мог вымолвить ни слова. Картина небесных тел говорила сама за себя. Без каких-либо указаний Кинга, без прикосновения чьих-либо рук к пульту управления «Новые Рубежи» легли на заданный неведомым штурманом курс, направляясь в открытый космос словно по собственной воле.

— Я не могу сказать ничего вразумительного, — признался Либби несколько часов спустя группе, состоявшей из Кинга, Заккура Барстоу и Лазаруса Лонга. — Пока мы не перешли на субсветовую скорость, я мог еще что-то определить: наш курс, например, позволял предположить, что мы летим к звезде, о которой по воле своих богов сообщил нам Криил Сарлуу. Но ускорение увеличилось, и звезда не стало видно. Теперь у меня нет никакой возможности уточнить наше положение в пространстве и направление полета.

— Не горячись, Энди, — успокоил его Лазарус. — Прикинь примерно.

— Ну... если наш путь прямой — если! — у меня нет возможности установить это доподлинно... то, ско-

рее всего, мы направляемся в район звезды ПК-3722, о которой говорил Криил Сарлуу.

— Охо-хо! — выдохнул Лазарус и повернулся к Кингу. — А вы пытались тормозить?

— Да, — коротко ответил Кинг. — Пульт управления мертв.

— М-м-м... Энди, когда мы окажемся там?

Либби беспомощно пожал плечами.

— Мне не хватает данных, чтобы высчитать это. Как можно определить время, если не от чего оттолкнуться в расчетах?

Пространство и время, единые и неразделимые... Либби еще долго размышлял над решением проблемы, после того как все разошлись. Во всяком случае в его распоряжении было пространство самого корабля и, следовательно, корабельное время. Часы на звездолетике тикали, жужжали — они шли; люди то и дело испытывали чувство голода и удовлетворяли его; они уставали, отдыхали. Радиоактивные элементы распадались, физико-химические процессы стремились к состояниям большей энтропии, его собственное сознание субъективно вело отсчет времени.

Но Семьи лишились главного — возможности ориентироваться по звездам. Если верить глазам и показаниям корабельных приборов, то они потеряли связь с остальной Вселенной.

Впрочем, какой Вселенной?

Никакой Вселенной не было. Она исчезла.

Двигались они или нет? Что значит «двигаться» там, где нет ориентиров?

И все-таки эффект псевдогравитации, вызванный вращением корабля, существовал. «Вращением относительно чего? — думал Либби. — А что если пространство обладает собственным строением, своеобразной чистой, абсолютной, безотносительной плотью — чем-то вроде давным-давно разоблаченного и забытого «эфира», который не сумели обнаружить в ходе классических опытов Майкельсона — Морли и на этом основании отвергли даже самую возможность его существования, а следовательно, и существования скоростей выше скорости света? Но действительно ли корабль превысил скорость света? Не стал ли он подобием

гроба с призраками на борту в качестве пассажиров, несущимся неизвестно куда и неизвестно когда?»

Либби вдруг почувствовал слабый зуд под лопаткой, он почесался, его левая нога затекла, он почувствовал, что проголодался, — если это и была смерть, решил Либби, то она ничем не отличается от жизни.

Внутренне успокоившись, он вышел из рубки и направился в столовую, на ходу обдумывая проблему создания новой математической доктрины, позволявшей объяснить те диковинные явления, с которыми ему пришлось столкнуться. Загадочность того, как гипотетические боги Джокайры телепортировали Семьи с планеты на корабль, не давала покоя его воображению. Вряд ли стоило надеяться когда-нибудь получить данные, точные данные; самое большее, что мог тут сделать любой честный исследователь, одержимый приверженностью к истине, — это констатировать факт и отметить, что пока он не объясним. Факт имел место: ведь он сам совсем недавно находился на поверхности планеты в тот момент, и до сих пор помощники Шульца выбиваются из сил, пытаясь с помощью стимуляторов привести в норму тех, кто, пережив этот ужасный подъем, испытал слишком глубокое потрясение.

У Либби не было рациональных объяснений происшедшего, поскольку данных для анализа у него не было, но он постарался выбросить бесплодные домыслы из головы. Сейчас ему больше хотелось заняться воспроизведением картины мироздания во всем объеме ее сложности и основными проблемами физики полей.

Если не считать пристрастия к математике, во всем остальном Либби был обычным человеком. И шумную атмосферу «клуба», столовой N 9, он предпочитал поиним, нежели Лазарус, причинам. Его успокаивала компания людей моложе его возрастом. Лазарус был единственным старшим, с которым он чувствовал себя легко.

В «клубе» он узнал, что время трапезы откладывается из-за суматохи, вызванной внезапным отлетом. Но Лазарус и множество знакомых находились в столовой, и Либби решил посидеть с ними. Нэнси Везерэл подвинулась и высвободила для него местечко.

— Вот кого я как раз хотела видеть, — сказала она. — От Лазаруса, судя по всему, толку не добьешься. Так куда же мы все-таки летим? И когда прибудем на место?

Либби попытался разъяснить ситуацию. Нэнси сморщила носик.

— Хорошенькое дельце, нечего сказать! Что ж, видимо, бедняжке Нэнси снова придется надевать хомут.

— Что вы имеете в виду?

— А вам когда-нибудь приходилось ухаживать за спящими? Нет, конечно, нет. Это очень надоедает. Без конца переворачивай их, сгибай им руки, разгибай ноги, поворачивай им головы, закрывай резервуар — прямо конвейер. Я так устала от человеческих тел, что уже готова принять обет безбрачия.

— Не стоит принимать скоропалительных решений, — посоветовал Лазарус.

— А тебе-то какое дело, старый обманщик?

Элеонор Джонсон прервала шутливую перебранку:

— А я рада, что мы снова на корабле. Эти подобострастные скользкие джокайрийцы... ух!

Нэнси пожала плечами.

— Это предрассудки, Элеонор. Джоки вообще-то ничего, хотя и по-своему. Конечно, они не совсем такие, как мы, но ведь и собаки на нас не похожи. Не будешь же ты из-за этого плохо относиться к собакам, верно?

— Вот что они такое, — печально протянул Лазарус. — Собаки...

— Что?

— Я не хочу сказать, что они собаки в прямом смысле — они даже внешне ничем не напоминают собак. Кроме того, джокайрийцы развиты ничуть не менее нас, а кое в чем превосходят. Но они все равно собаки. Эти, которых они называют богами, просто их хозяева, их владельцы. А нас они приручить не смогли, поэтому и вышвырнули за порог.

Либби подумал о необъяснимом телекинезе, к которому джокайрийцы — или их хозяева — прибегли.

— Интересно, — задумчиво сказал он, — как бы это выглядело, если бы они смогли одомашнить нас? Они научили бы нас множеству удивительных вещей...

— Забудь об этом, — резко сказал Лазарус. — Человеку не пристало быть чьей-либо собственностью.

— А что же пристало человеку?

— Человек должен оставаться самим собой... и всегда быть на высоте. — Лазарус поднялся. — Мне пора.

Либби тоже собрался уходить, но Нэнси остановила его.

— Подожди. Я хочу задать тебе несколько вопросов. А какой сейчас год, если считать по земному летоисчислению?

Либби хотел было ответить, но запнулся и задумался. Наконец он выдал:

— Я не знаю, что ответить. С таким же успехом вы могли спросить меня, как высоко расположен верх.

— Возможно, я неверно сформулировала вопрос, — согласилась Нэнси. — Я не слишком хорошо разбираюсь в физике, но помню, что время — понятие относительное и что одновременность — термин, имеющий смысл только по отношению к точкам, расположенным достаточно близко друг от друга. Но все равно я хотела бы кое-что узнать. Мы летели гораздо быстрее и улетели гораздо дальше, чем когда бы то ни было, верно? Так вот, замедлили ли свой ход наши часы или что-нибудь в этом роде?

У Либби был тот озадаченный вид, который появляется у всех физиков и математиков, когда обычные люди пытаются говорить с ними о тонкостях их профессии.

— Вы имеете в виду парадокс, известный как сокращение Лоренца — Фицджеральда. Извините меня, но говорить об этом словами — значит говорить чепуху.

— Почему? — настаивала она.

— Потому что... ну, потому что словами этого не объяснишь. Формулы, используемые для описания явления, в данном случае условно названного парадоксом, заведомо учитывают, что наблюдатель сам становится частью явления.

Обычно здравый смысл исходит из того, что мы в состоянии оставаться в стороне от происходящего и наблюдать за ним. Математика же отвергает даже самую возможность такого рода отстранения. Любой наблю-

датель является частью целого, и он не может перестать быть его частью.

— Ну а все-таки? Вдруг это у него получится? Допустим, что нам прямо сейчас удалось бы увидеть Землю?..

— Ну вот, опять... — вздохнул несчастный Либби. — Я попытался объяснить все словами и тем самым только усугубил путаницу. Невозможно измерить время в прямом смысле слова, если два события разобщены в континууме. Единственное, что можно измерить, — это интервал.

— Ладно, каков же интервал? Позади столько времени и пространства...

— Нет, нет, нет! Это вовсе не то. Интервал — это... в общем, интервал. Я могу написать формулы, описывающие его, но словами его не определишь. Послушайте, Нэнси, вы в состоянии записать словами партитуру симфонии для оркестра?

— Нет. Впрочем, может быть, это и реально, но заняло бы в тысячу раз больше времени.

— А музыканты все равно не могли бы играть до тех пор, пока вы не обратили бы все это в нотные знаки. Вот что я имел в виду, — продолжал Либби, — когда сказал, что язык тут не годится. Однажды я уже столкнулся с подобной трудностью. Меня попросили описать словами принцип действия межзвездного привода и объяснить почему, хотя привод работает за счет исчезновения инерции, мы — люди, находящиеся внутри корабля, — исчезновения инерции не ощущаем? Словами тут ничего не растолкуешь. Ведь инерция — это не просто свойство материальных тел, это абстрактное понятие, используемое при математическом моделировании физической картины мироздания. Фу-у... Тупик какой-то.

Нэнси слегка растерялась, но продолжала настаивать на своем:

— Все равно мой вопрос имеет смысл, даже если я сформулировала его неверно. И нечего отбояриваться от меня. Допустим, мы сейчас повернем назад и направимся к Земле — то есть совершим тот же путь, но только в обратном направлении, и тем самым удвоим

корабельное время. И так, какой год будет на Земле, когда мы доберемся до нее?

— Там будет... Сейчас, минуточку.

Мозг Либби почти автоматически начал работать над невероятной сложной проблемой соотношения ускорений, интервалов, векторов движения. Согретый внутренним сиянием математического озарения, он уже почти получил ответ, как вдруг вся проблема распалась на куски и стала неразрешимой. Он внезапно осознал, что решений бесконечное множество, и все в равной степени вероятны.

Это казалось невозможным. В реальности, а не в фантастическом мире математики такая ситуация была бы абсурдной. Ответ на вопрос Нэнси должен существовать только один.

Может ли быть так, что фундамент стройного здания теории относительности на самом деле зиждется на абсурде? Или вся загвоздка в том, что физически невозможно повторить путь между звездами в обратном направлении?

— Мне придется немного поразмыслить над вашим вопросом, — поспешно сказал Либби и сорвался с места прежде, чем Нэнси успела остановить его.

Раздумывая в одиночестве ничуть не приблизили его к решению проблемы. И причина коренилась вовсе не в сбое его математических способностей. Он знал, что в состоянии разработать математическое обеспечение для группы фактов любой степени сложности. Затруднение и заключалось именно в недостаточности фактов. До тех пор, пока кто-нибудь не преодолеет межзвездное расстояние с околосветовой скоростью и не вернется на планету, с которой стартовал, остается только гадать на кофейной гуще.

Либби поймал себя на том, что вспоминает о плато Озарк — своих родных местах; с тоской подумал он и о милых его сердцу холмах. По-прежнему ли они зеленые? По-прежнему ли дым осенью стелется между деревьями? Он с огорчением констатировал, что и этим вопросам суждено остаться без ответа.

Либби попытался подавить в себе приступ ностальгических настроений. Последний раз подобная волна тоски по родине нахлынула на него давным-давно —

во время выхода в открытый космос, когда он еще служил в Космическом Строительном Корпусе.

Чувство сомнения и неуверенности, чувство потерянности и ностальгии распространилось по всему кораблю. На первом этапе путешествия Семьи были преисполнены надежд, как первые переселенцы, пересекающие прерии в крытых повозках. Теперь же они направлялись в никуда. И содержание, и смысл прожитого дня сводились к тому лишь, что он сменялся на следующий. Их долгая жизнь стала бременем и потеряла всякую значимость.

Айра Говард, состояние которого легло в основу Фонда Говарда, родился в 1825 году и умер в 1873 от старости. Он продавал продукты золотоискателям в Сан-Франциско, подвизался в роли маркитанта во время Гражданской войны и мало-помалу приумножил свои доходы.

Говард страшно боялся смерти. Он нанял лучших врачей своего времени, чтобы те продлили ему жизнь. Прогрессирующие процессы старения настигли его в том возрасте, когда большинство мужчин считаются еще молодыми. Медицина оказалась бессильна перед лицом этого явления. Тем не менее его завещание гласило, что деньги должны пойти на «дело продления человеческой жизни». Распорядители Фонда не смогли придумать ничего лучшего для исполнения предсмертной воли Говарда, как приступить к поиску людей, наследственность которых свидетельствовала о predisположенности к продолжительной жизни. Потенциальных долгожителей поощряли к бракам с себе подобными. Этот метод предвосхитил приемы Бербанка и основывался, не исключено, на блистательных работах Грегора Менделя.

Мэри Сперлинг отложила книгу, увидев, что в комнату вошел Лазарус. Тот взял книгу в руки.

— Что читаем, сестренка? Экклезиаст. Хм... А я и не предполагал, что ты набожна. — И он вслух начал читать: — «А тот, кто хотя бы прожил две тысячи лет и не наслаждался добром, не все ли пойдет в одно место?» Довольно мрачная книга, Мэри. Неужели тут не сыскать местечка повеселее? Даже у Проповедника? Ну, например, вот это. — Его глаза скользнули по строчкам, — «Кто находится между живыми, тому есть еще надежда...» Или... м-м-м, да здесь не так-то легко найти оптимистические строчки. Ну-ка, попробуем тут. «И удаляй печаль от сердца твоего, и уклоняй злое от тела твоего, потому что детство и юность — суета». Это совсем по мне; вот уж не хотел бы снова вернуться в молодость, даже предложи мне плату за сверхсрочную жизнь.

— А я хотела бы.

— Что тебя гнетет? Я прихожу сюда и застаю тебя за чтением самой грустной из всех библейских книг, в которой речь идет о смерти и погребениях. Что с тобой?

Она устало провела рукой по глазам.

— Лазарус, я старею. О чем же мне еще думать?

— Ты-то? Да ты цветешь, как роза!

Она взглянула на него. Она знала, что он лжет: зеркало уже давно показывало ей седину в волосах и неумолимые морщины. Каждой клеточкой тела она ощущала наступление старости. И все-таки... Лазарус был старше ее, хотя она знала, немного разбираясь в биологии благодаря участию в исследованиях продолжительности жизни, что он давно исчерпал отпущенный ему срок существования. Когда он родился, программа реализовывалась только в третьем поколении, и неустойчивые в генетическом плане линии полностью еще не были отбракованы, разве что произошло какое-то дикое, практически невозможное соединение генов.

Но он стоял перед ней во плоти и в здравии.

— Лазарус, — осведомилась она, — сколько ты собираешься прожить?

— Я? Что за странный вопрос! Я сразу же вспомнил парня, которому я его как-то задал. Разумеется, насчет себя, а не его. Тебе не приходилось слышать о докторе Хьюго Пинеро?

— Пинеро, Пинеро... Ах да! «Шарлатан Пинеро».

— Мэри, он не был шарлатаном. Он действительно им не был, кроме шуток. Он совершенно точно мог предсказать дату и время смерти каждого человека.

— Но... Ладно, продолжай. Что же он тебе предрек?

— Минуточку. Я хочу, чтобы ты поверила, что он не обманщик. Его предсказания сбывались минута в минуту. Если бы он не умер, то страховые компании отправились бы к черту. Это было еще до твоего рождения, но я знаком со всей этой историей лично. Пинеро обследовал меня, и результат, казалось, озадачил его. Тогда он обследовал меня вторично. А потом просто вернул мне деньги.

— Что же он сказал?

— Я не смог добиться от него ни единого слова. Он просто стоял и переводил взгляд с меня на свою машину и обратно, а потом нахмурился и выпроводил меня. Поэтому мне трудно ответить на твой вопрос.

— А что ты сам думаешь насчет своей смерти, Лазарус? Неужели ты в самом деле надеешься жить вечно?

— Мэри, — отозвался Лазарус, — я не собираюсь умирать. Я просто не думаю об этом, вот и все.

Наступило молчание. Наконец она произнесла:

— Лазарус, я не хочу умирать. Но какой смысл в наших долгих мытарствах? Боюсь, мы не становимся мудрее с возрастом. Может быть, наша пора пришла, а мы по инерции тянем лямку? Задерживаемся в яслях, когда должны были бы уйти дальше? Вдруг наш удел — умереть, чтобы возродиться вновь?

— Кабы знать, — посетовал Лазарус, — Да и вряд ли выпадет на нашу долю случай узнать... Но будь я проклят, если вижу смысл в постоянных раздумьях об этом. И тебе не советую ломать голову. Я предлагаю одно: держаться за эту жизнь столько, сколько хватит сил, и стараться узнать как можно больше. Может статься, накопленные знания и мудрость проявятся в следующей жизни; пускай даже это будет и чужая жизнь. При любом исходе я люблю жизнь, и она вполне удовлетворяет меня. Мэри, милая, не терзай

себя понапрасну. Проклинай, не проклинай превратности судьбы — иной нам все равно не дано.

Мало-помалу на корабле установился столь же монотонный распорядок жизни, как и во время первого перелета. Большинство членов Семей прибегли к анабиозу, остальные присматривали за ними, ухаживали за оранжереями, следили за порядком на корабле. Среди спящих на сей раз был и Слэйтон Форд; анабиоз считался последним средством при лечении тяжелых функциональных психозов.

Полет к звезде ПК-3722 занял семнадцать месяцев и три дня по бортовому времени.

Экипаж корабля пребывал в вынужденном бездействии. За несколько часов до достижения конечной цели путешествия на экране в рубке вдруг возникли очертания звезд, и корабль быстро затормозил, перейдя на межпланетную скорость. Никто не заметил признаков торможения. Какие бы таинственные силы ни управляли полетом, им были одинаково подвластны объекты любой массы. «Новые Рубежи» скользнули на орбиту симпатичной зеленой планеты, отстоящей от своего солнца примерно на сто миллионов миль. Вскоре Либби доложил капитану, что они находятся на стационарной орбите.

Капитан Кинг осторожно дотронулся до приборов управления, которые не отзывались на прикосновения с момента отлета. На сей раз корабль вздрогнул. Невидимый пилот оставил их.

Либби решил, что эта аллегория здесь неуместна. Их полет, несомненно, был запланирован, но вовсе не обязательно предполагать, что кто-то или что-то сопровождало их сюда. Либби подозревал, что джокайрийские боги представляют себе мироздание в виде совокупности predetermined явлений. То есть их отправка, с точки зрения богов, была фактом еще до знакомства с людьми. Вот только словами, как и всегда, здесь оказалось трудно что-либо объяснить. Грубо говоря, по его теории «космической кривой», для них была выделена одна из мировых линий, которая выводила из обычного

пространства, а затем снова вводила в него. Когда корабль добрался до конца «кривой», он просто вернулся в нормальное пространство, и приборы и установки снова начали действовать.

Либби попытался объяснить свою точку зрения Лазарусу и капитану, но те мало что поняли. С доказательствами у него было негусто, к тому же он не располагал достаточным временем, чтобы придать своим взглядам стройную математическую форму. Поэтому его теория не могла удовлетворить ни их, ни его самого.

Ни капитану, ни Лазарусу не удалось улучшить минутку и как следует обдумать происшедшее. На экране внутренней связи появилось лицо Барстоу.

— Капитан! — позвал он. — Не могли бы вы подойти к кормовому люку номер семь? У нас посетители!

Барстоу преувеличивал. Посетитель был только один. Человечек походил на мальчишку в шутовском наряде кролика. Очертаниями тела он больше напомнил Лазарусу человека, чем джокайрийцы, однако, судя по всему, не принадлежал к классу млекопитающих. Одежда на нем отсутствовала; правда, обнаженным его назвать было нельзя, поскольку его детское тельце покрывал короткий, нежный, золотистый мех. Его яркие глаза светились разумом и глядели весело.

Кинг был слишком изумлен, чтобы рассмотреть такие подробности. В его сознании прозвучал голос, нет, скорее, возникла мысль:

— ...Следовательно, вы руководитель группы... — «говорил» гость, — добро пожаловать в наш мир... мы ждали вас.. наши предупредили нас о вашем приходе...

Направленная телепатия...

Цивилизация настолько развитая, настолько чуждая враждебности, настолько доверчивая и дружелюбная, что могла позволить себе роскошь делиться мыслями с другими... и не только мыслями... Эти создания были столь доброжелательны и щедры, что предложили людям пристанище на своей собственной планете.

Кингу эта ситуация показалась очень похожей на ту, которая складывалась на Джокайре, и сейчас он ломал голову, пытаясь догадаться, где же на сей раз будет зарыта собака.

Посланец, казалось, читал его мысли:

— ...загляни нам в души... мы не таим против вас зла... мы разделяем с вами любовь к жизни и любим жизнь, пребывающую в вас...

— Мы благодарим вас, — громко и официальным тоном произнес Кинг. — Мы должны посоветоваться.

Он повернулся к Барстоу и хотел было обратиться к нему, но тут заметил, что посланец исчез.

— Куда он ушел? — спросил Лазарус капитан.

— Что? А я откуда знаю?

— Но вы же стояли у самого люка?

— Я проверял показания приборов. Если верить им, то снаружи к люку никто не причаливал. Я еще удивился и подумал, что с ними не все в порядке. Как же он пробрался на корабль? Где его судно?

— Как он ушел?

— Только не мимо меня.

— Заккур, он ведь вошел через этот люк?

— Не знаю.

— Но вышел-то наверняка через него?

— Нет, — возразил Лазарус. — Этот люк был закрыт. Пломбы по-прежнему на месте.

Кинг осмотрел пломбы.

— Но ведь не мог же он пройти сквозь...

— Не смотрите так на меня, — сказал Лазарус. — Я вовсе не суеверен. Куда, по-вашему, девается телевизионное изображение, когда прибор выключают?

Лазарус удалился, насвистывая себе под нос какую-то мелодию. Кинг никак не мог вспомнить, что это за мотив.

Песенка, слова которой Лазарус вслух петь не стал, начиналась так:

Вечерком на крыше дома
Я видел маленького гнома...

Глава 4

В неожиданном гостеприимстве обитателей планеты подвоха как будто не было.

Маленькие существа, — земляне прозвали их между собой человечками — казалось, действительно были рады людям и старались помочь им, чем могли. Им без труда удалось убедить пришельцев в своих лучших побуждениях, поскольку никаких препятствий в общении, как это было с джокайрийцами, не существовало. Человечки могли внушить людям даже самые потаенные свои мысли, но сами улавливали лишь мысли, обращенные непосредственно к ним. Казалось, они то ли не могут, то ли не хотят воспринимать информацию, им не адресованную. Поэтому телепатическая связь с ними подчинялась столь же эффективному контролю, как и обычная речь. Между собой земляне общались по-прежнему с помощью слов. Телепатические способности человечков им не передались.

Планета ПК-3722 походила на Землю больше, чем Джокайра. По размерам она превосходила Землю, притяжение на ней было слабее, что свидетельствовало, видимо, о меньшей удельной плотности планетных недр. Это предположение косвенно подтверждалось

практически полным отсутствием металлов в культуре человечков.

Планета вращалась по строгой, почти круговой орбите, у нее не было дикого наклона земной оси, причем афелий отличался от перигелия всего на один процент. Смена времен года отсутствовала.

Не было у нее и огромного, тяжелого спутника, подобного земной Луне, который мог вызывать океанические приливы и нарушать изостатический баланс земной поверхности. Холмы планеты были пологими, ветры мягкими, моря спокойными. К полному разочарованию Лазаруса его надежды на необузданный нрав погоды не оправдались. Здесь господствовал климат, в существовании которого в Калифорнии тщетно пытались уверить остальное человечество ее патриоты.

Обитатели же этой планеты действительно жили в таком климате.

Они указали людям место для высадки. Это был широкий песчаный пляж, полого спускающийся к морю. За кромкой невысокого берега начинались бесконечные луга, миля за милей тянувшиеся до самого горизонта. Однообразие картины сглаживали лишь островки деревьев и кустарника. От пейзажа веяло нарочитой аккуратностью, наводившей на мысли о специально распланированном парке. Однако явные признаки чьего-либо вмешательства отсутствовали.

Именно здесь, как заявили членам первой исследовательской группы, им и предстояло жить.

Земляне быстро привыкли к тому, что человечки всегда оказывались там, где требовалась какая-либо помощь. Причем они никогда не стремились столь назойливо быть полезными во всем, как джокайрийцы. Скорее они напоминали старых друзей, всегда готовых протянуть руку помощи. Тот человек, который сопровождал первых исследователей, огорошил Лазаруса и Барстоу тем, что случайно упомянул о якобы имевшей место встрече с ними на корабле. Поскольку оттенок его шерстки был темно-красноватым, а не золотистым, Барстоу решил про себя, что либо произошло какое-то недоразумение, либо эти существа способны менять окраску. Лазарус тоже воздержался от высказываний вслух на сей счет.

Барстоу спросил сопровождавшего, есть ли у его народа какое-либо мнение по поводу места строительства зданий. Вопрос этот очень волновал его, поскольку при облете планеты они нигде не заметили никаких построек. Было похоже на то, что аборигены живут под землей. В данном случае ему хотелось избежать действий, которые местные власти могли воспринять негативно.

Он говорил вслух, обращаясь к проводнику. Это была лучшая гарантия того, что тот воспримет адресованную ему мысль.

В ответе, посланном человечком, Барстоу уловил ноты удивления.

— ...вам нарушать гармонию прекрасных мест? К чему вам формировать строения?..

— Здания нам нужны для самых разных целей, — начал объяснять Барстоу. — Они требуются нам и как укрытия на день, и как помещения для сна на ночь. В них мы собираемся выращивать пищу и готовить ее. — Он хотел было попытаться растолковать, что из себя представляют гидропонная оранжерея, склад, кухня и тому подобное, но потом понадеялся на способность «слушателя» читать мысли. — Здания нужны нам и для многого другого — для размещения лабораторий, мастерских, помещений для аппаратов, с помощью которых мы связываемся друг с другом, — короче говоря, почти для всего на свете.

— ...будьте терпеливы со мной... — пришла к нему мысль, — ведь я так мало знаю о ваших путях... Скажите мне, неужели вы предпочитаете спать вот на таких?

Проводник указал рукой на космические шлюпки землян, возвышавшиеся над пологим берегом. Мысль, которую он использовал для определения шлюпок, была эмоционально окрашена — у Лазаруса в сознании вспыхнуло ощущение какого-то мертвого, сдавленного пространства, тюрьмы, в которой он не так давно был заперт, чего-то вроде тесной вонючей будки общественного видеофона.

— Таков наш обычай.

Человечек наклонился и дотронулся до травы.

— ...разве на этом плохо спать?

Лазарус про себя согласился с ним. Земля была покрыта мягким, упругим ковром растительности, похожей на траву, но куда более нежной, ровной и густой. Лазарус снял сандалии и позволил ступням насладиться ее прохладой.

— ...что касается пищи... — продолжал человек, — зачем с трудом добывать то, что добрая земля дает просто так?... Пойдемте со мной...

Он повел землян через лут к рощице невысоких деревьев, склонившихся к журчащему ручейку. Их листья оказались плодами неправильной формы, размером с человеческую ладонь и толщиной примерно в дюйм. Человек оторвал один из них и с видимым удовольствием стал есть.

Лазарус тоже сорвал плод и внимательно его разглядел. Плод легко крошился в руках, словно хорошо пропеченный пирог. Мякоть была маслянисто-желтой, упругой, но рассыпчатой, и издавала сильный приятный аромат, напоминающий запах манго.

— Лазарус, не вздумай есть! — предостерег его Барстоу. — Они еще не исследованы.

— ...он гармонирует с вашим телом...

Лазарус понюхал плод.

— Ладно, пусть я буду подопытным кроликом, Зак.

— Ну что ж, — пожал плечами Барстоу, — я тебя предупредил. Спорить с тобой бесполезно.

Лазарус надкусил экзотический фрукт. Вкус его был удивительно приятным, а мякоть достаточно упругой, чтобы дать работу зубам. Пережеванный кусок благополучно добрался до желудка Лазаруса и обосновался там.

Барстоу запретил остальным пробовать фрукты до тех пор, пока окончательно не станет ясно, что Лазарусу они не причинили вреда. Самоотверженный экспериментатор тут же воспользовался своим привилегированным положением, чтобы наестся как следует, и это, считал он, была лучшая его трапеза за много-много лет.

— ...сообщите, пожалуйста, чем вы обычно питаетесь... — попросил маленький приятель.

Барстоу начал было объяснять, но его остановила следующая мысль человека:

— ...все вы... думайте об этом... — На какое-то время мыслепередача прервалась, затем пронеслось: — ...достаточно... мои жены позаботятся об этом...

Лазарус не был уверен, что понятие означало именно «жен», во всяком случае явно имелись в виду какие-то родственные отношения. До сих пор еще не было выяснено, являются человечки двуполыми или нет.

В эту ночь Лазарус спал под открытым небом и успокаивающий свет звезд постепенно изгонял из его души остатки вызванной перелетом клаустрофобии. Очертания созвездий отсюда узнать было нелегко, но ему показалось, что он нашел хрустальную лазурь Веги и оранжевый глазок Антареса. Неизменным даже здесь оставался лишь Млечный Путь, величаво пересекавший небосвод туманной аркой. Лазарус попытался отыскать Солнце, однако скоро оставил свою затею. Их разделяли ныне многие световые годы. Надо бы потрясти Энди, сонно подумал он, рассчитать координаты Солнца и взглянуть на него в телескоп. Но тут же заснул, не успев даже задаться вопросом, зачем ему все это нужно.

Поскольку на первых порах вполне можно было обойтись ночью без укрытий, доставку Семей на планету осуществили в кратчайший срок. Пока оборудовали колонию, людей располагали прямо на траве, как во время пикника. Сначала их стол был ограничен продуктами, привезенными с корабля; однако, отметив, что Лазарус чувствовал себя по-прежнему прекрасно после проведенных над собой гастрономических опытов, колонисты постепенно изменили предвзятое отношение к местной пище и перешли на нее полностью, изредка для разнообразия пополняя ассортимент земными продуктами.

Вскоре после окончательного переселения Семей на планету, прогуливаясь в некотором отдалении от лагеря, Лазарус повстречал одного из человечков. Абориген поприветствовал Лазаруса, как и остальные его сородичи, он говорил с налетом доверительности, как бы на правах давнего знакомого, — привел его к рощице невысоких деревьев чуть в стороне от базы и предложил отведать их плоды.

Лазарус не был особенно голоден, но неожиданно для себя почувствовал, что не имеет права отказаться.

Сорвав плод и надкусив его, он чуть не подавился от изумления... картофельное пюре с томатным соусом!

— ...мы правильно уловили?... — донесся до него безмолвный вопрос.

— Черт! — воскликнул Лазарус. — Не знаю, что вы собирались сотворить, но получилось у вас отлично.

В мозг его ворвалась волна удовлетворения:

— ...попробуй со следующего дерева...

Лазарус так и сделал — осторожно, но с большой охотой. Аромат плода напомнил ему запах свежее выпеченного ржаного хлеба, сдобренного настоящим сливочным маслом, но в этот букет вкрался еще и привкус мороженого. Он уже почти не удивился, когда плоды с третьего дерева позволили ему ощутить во рту вкус жареного мяса с грибами.

— ...мы использовали в основном твои впечатления... — пояснил ему сопровождающий, — они оказались гораздо сильнее, чем ощущения любой из твоих жен...

Лазарус не стал объяснять, что он не женат. Человек добавил:

— ...у нас не было времени воплотить формы и цвета, указанные вашими мыслями... они многое значат для вас?

Лазарус поспешил уверить его, что в данном случае это ни к чему.

Когда он вернулся на базу и поделился впечатлениями от прогулки, ему пришлось очень долго убеждать товарищей в том, что его слова не розыгрыш.

Одним из тех, кому пошла на пользу беззаботная жизнь в сказочной стране изобилия и праздности, был Слэйтон Форд. Он очнулся после анабиоза практически оправившимся от нервного потрясения. У него остался только один болезненный симптом: он никак не мог восстановить в памяти события, произошедшие в Джокайрийском храме. Ральф Шульц решил, что это нормальная реакция здорового организма на перегрузку психики, и признал пациента полностью излечившимся. Теперь Форд казался еще более молодым и счастливым, чем до болезни. Он не стал претендовать ни на

какие официальные должности — кстати, их осталось кот наплакал. Семьи пребывали в состоянии блаженной анархии, пользуясь всем, что в изобилии давала им благословенная планета. Тем не менее к Форду колонисты по-прежнему обращались с добавлением титула и относились к нему как к одному из Старших. У него часто спрашивали совета, с его мнением считались так же, как с мнением Заккура Барстоу, Лазаруса и капитана Кинга. Члены Семей не придавали большого значения возрасту: близкие друзья могли иметь столетнюю разницу в годах. Они в течение многих лет имели возможность наблюдать деятельность Администратора и теперь продолжали относиться к нему как к старшему, хотя двум третям из них он годился в сыновья.

Бесконечный пикник затянулся на недели и месяцы. После продолжительного затворничества в стенах корабля, когда приходилось лишь спать или работать, почти никто не смог воспротивиться искушению предаться беззаботному отдыху, к тому же пока ничто не мешало людям наслаждаться долгожданным покоем. Пищи было вдоволь — пищи, которую не нужно добывать и готовить и которая росла повсеместно. Вода в ручьях была прохладная и чистая. Что касается одежды, то они могли иметь ее сколько заблагорассудится, но потребность в ней вызывалась здесь соображениями скорее эстетического порядка, нежели утилитарного. Райский климат делал ношение этого «средства защиты от ненастья» столь же нелепым, как, например, купание во фраке. Не расстались с одеждой только самые непреклонные ее приверженцы. Для большинства же вполне хватало браслетов, ожерелий и цветов в волосах, тем более что такой «наряд» не требовал переодевания перед купанием в море.

Лазарус по-прежнему носил килт.

Уровень культуры и просвещенности человечков трудно было оценить сразу, поскольку их образ жизни вызывал у землян недоумение. Из-за отсутствия наглядных атрибутов высокого технического развития — больших зданий, сложных средств передвижения, крупных энергостанций — их легко было принять за детей природы, беззаботно живущих в райском саду

Но, как известно, над водой обычно возвышается только одна восьмая часть айсберга.

Знания человечков в области физики были гораздо более обширными, чем у колонистов. Они с живым интересом осмотрели корабельные шлюпки, то и дело озадачивая своих гидов вопросами, почему то-то или то-то сделано так, а не вот так. И предлагаемое ими решение технических проблем, как правило, оказывалось куда более простым и оригинальным, чем в громоздкой земной технике, — это в тех случаях, когда изумленные инженеры были в состоянии понять объяснения аборигенов.

Человечки прекрасно разбирались в любых машинах и механизмах, хотя сами не пользовались их услугами. Ясно было, что для связи они им не нужны, да и для передвижения тоже — сначала, правда, причина эта была неясна — и вообще их потребность в технике практически сводилась к нулю. Ну а, если им все же никак было не обойтись без механического устройства, они с легкостью изобретали его, материализовывая идею, использовали устройство по назначению и сразу же уничтожали, действуя на всех этих этапах настолько оперативно и согласованно, что людей поражала подобная скоординированность.

Но больше всего удивляло их знание биологии. Человечки были просто волшебниками в обращении с живыми объектами. Например, им ничего не стоило вывести растения с плодами, полностью дублирующими не только вкусовые, но и питательные свойства привычных землянам продуктов, — и все это за считанные дни. Решение такой задачи было для них совершенно заурядным делом, с которым мог справиться любой их биотехник. Им это давалось куда легче, чем какому-нибудь земному цветоводу выведение цветка с новым цветом и формой. Однако методы селекционной работы человечков коренным образом отличались от известных землянам. Если кто-нибудь просил их объяснить, как они это делают, — а их спрашивали, и неоднократно, — они утверждали, что просто «думают», каким должно стать растение по их замыслу. Что бы они ни имели в виду, но факт был налицо: они брали молодой росток и, не прикасаясь к нему и не оказывая

на него никаких других, доступных наблюдению человека воздействий, за несколько часов заставляли его превращаться во взрослое дерево и цвести, причем получалось совсем другое растение с отличными от исходного признаками.

Но самое разительное отличие людей от аборигенов коренилось даже не в уровне научного развития. Существовало несходство, имевшее совершенно принципиальный характер.

Они не были индивидуальными существами.

Ни один из аборигенов не являлся носителем отдельной индивидуальности. Их индивидуумы состояли из нескольких тел. У них были групповые «души». Основным звеном их общества были телепатические единые группы, объединяющие множество членов. Количество тел и интеллектов, составлявших одну индивидуальность, доходило до девяноста и никогда не бывало менее тридцати.

Колонисты начали понимать многое из того, что сначала им казалось совершенно необъяснимым, только уяснив себе реальное положение дел в жизнеустройстве человечков. Были веские основания подозревать, что туземцы, в свою очередь, также нашли землян весьма странными и загадочными. Они ведь наверняка предполагали, что все остальные разумные существа устроены по их образу и подобию. И внезапное осознание непохожести людей на них самих поначалу вызвало у человечков ужас, а несколько дней спустя они оставили поселение землян.

В конце концов в лагерь пришел посланец, пожелавший говорить с Барстоу.

— ...мы сожалеем о том, что избегали вас... поторопившись, мы приняли вашу беду за дефект... мы хотим помочь вам... мы предлагаем научить вас быть такими же, как мы...

Барстоу не знал, как отреагировать на столь щедрое предложение.

— Мы благодарим вас за желание помочь нам, — наконец сказал он. — Но то, как мы живем, это не беда наша, а образ жизни. Наши пути — не ваши пути. И, я думаю, нам никогда не постичь ваших путей.

И мысль, дошедшая до него, была очень обеспокоенной:

— ...мы уже избавили многих обитателей неба от их вечной борьбы... но, если вы не желаете нашей помощи, мы не собираемся навязывать ее силой...

Посланец удалился, оставив Заккура Барстоу в глубокой задумчивости. Кто знает, засомневался Барстоу, не поторопился ли он с ответом, не удосужившись посоветоваться со Старшими. Ведь, скажем, телепатия являлась таким даром, которым не стоило пренебрегать. Возможно, человечки могли бы научить их этому искусству, не лишив при этом человеческой индивидуальности. Но то, что он знал о телепатах из числа членов Семей, оставляло мало надежд на это. Среди них не было ни одного умственно полноценного, многие из них были полными идиотами — одним словом, овладение телепатией отнюдь не казалось таким уж безобидным делом.

Впрочем, это можно обсудить и позже. Торопиться некуда.

«Торопиться некуда» — это выражение стало девизом всего населения колонии. Не было никаких трудностей, круг необходимых занятий свелся до минимума, а неотложные дела вообще исчезли как таковые. Солнце приятно нежило своим теплом, дни лениво шествовали друг за другом. Члены Семей, благодаря своей наследственности, имели склонность заглядывать вперед. Теперь они мало-помалу стали загадывать на вечность. Время утратило свое значение. Даже исследования по продолжительности жизни, которые безостановочно велись на протяжении всей истории существования Семей, постепенно сошли на нет. Гордон Харди забросил свои эксперименты ради того, чтобы побольше узнать от человечков о сути жизненных процессов на планете. Овладение этими новыми знаниями оказалось нелегким делом, и Харди долгие часы проводил, переваривая полученную информацию. Вскоре он заметил, хоть и не придавал тому должного значения, что большую часть времени проводит в раздумьях, а приступы трудовой активности становятся все более редкими.

Одна из вещей, которую он узнал, дала ему новую пищу для мучительных размышлений: человечки в некотором роде победили смерть.

Поскольку каждое их «эго» существовало во множестве тел, смерть одного из тел не влекла за собой смерти «эго». Все воспоминания и весь опыт, накопленный данным телом, с его смертью не исчезали безвозвратно. Физическая потеря возмещалась приемом в группу нового члена из молодых. Но групповое «эго» умереть не могло, разве что были бы уничтожены все тела, из которых оно состояло. Таким образом, существование индивидуумов в обществе человечков было непрерывным, фактически вечным.

Их «молодежь» до «свадьбы», или вступления в группу, располагала самыми зачаточными, инстинктивными навыками разумного поведения и, похоже, совсем не осознавала себя. Старшие ожидали от них в отношении умственной деятельности не больше, чем люди от зародыша в утробе матери. На попечении каждой из «эго»-групп всегда находилось много этих несамостоятельных особей, за которыми ухаживали, как за любимыми собачками или беспомощными детьми, хотя часто «новички» не отличались по возрасту от старших.

Лазарус устал от райской жизни раньше, чем большинство его братьев.

— Так дальше продолжаться не может, — пожаловался он Либби, валявшемуся рядом с ним на травке.

— Вас что-то тревожит?

— Ничего конкретного. — Лазарус установил свой нож острием на сгибе локтя, крутанул другой рукой и понаблюдал за тем, как нож воткнулся в мягкий дерн. — Просто все это напоминает мне хороший зоопарк. И будущее нам светит точь-в-точь такое же, как его обитателям. — Он горестно крикнул и добавил: — Прямо какая-то Страна Забвения!

— Ну а все же, что конкретно вас беспокоит?

— Ничего. Именно это-то меня и настораживает. Если откровенно, Энди, ты ничего подозрительного не видишь в том, что мы оказались на подобном пастбище?

Либби застенчиво улыбнулся:

— Нет. Наверное, это у меня от природы. Ведь я родился среди таких же лугов. У нас обычно рассуждали просто: «Коли дождик не каплет, так и крыша не течет, а уж коли дождь, так ничего с этим не поделаешь». Сдается мне, по такому принципу тоже можно жить. Что же вам не нравится?

— Знаешь, — бледно-голубые глаза Лазаруса уставились вдаль, он на время перестал играть в ножички, — однажды, когда я был еще молод, оказался я как-то в южных морях...

— На Гавайях?

— Нет, гораздо южнее. Понятия не имею, как это место называется теперь... Трудно мне тогда пришлось, очень трудно. Я был вынужден даже продать свой секстант и очень скоро уже вполне мог сойти за туземца. Я полностью уподобился местным дикарям, и такая житуха стала казаться мне вполне сносной. Но в один прекрасный момент мне довелось взглянуть на себя в зеркало... — Лазарус тяжело вздохнул. — Так вот, я очертя голову кинулся прочь оттуда и с трудом нашел себе место на шаланде, груженной сырыми кожами. Ты понимаешь, как отчаянно я стремился вырваться из этой идиллии?

Либби ничего не ответил.

— Как ты проводишь время? — не унимался Лазарус.

— Я-то? Как всегда. Размышляю о математике. Пытаюсь разработать принцип межзвездных перелетов, подобный тому, с помощью которого нас забросили сюда.

— Ну и как? Успешно? — внезапно насторожился Лазарус.

— Пока еще нет. Дайте срок. Иногда смотрю на облака. Ведь почти во всем можно найти удивительные математические соотношения, если только знать, что ищешь. В кругах на воде, в форме женской груди — изящные функции пятого порядка.

— Что? Ты имеешь в виду четвертый порядок, наверное?

— Нет, пятый. Вы забываете о времени. Я люблю уравнения пятого порядка... — мечтательно протянул Либби.

— Уф-ф-ф! — вздохнул Лазарус и поднялся. — Все это, конечно, очень интересно, но не для меня.

— Собираешься куда-нибудь?

— Хочу прогуляться.

Лазарус отправился на север. Он шел до самого вечера, а когда стемнело, улегся ночевать прямо на землю. На рассвете он поднялся и побрел дальше. За первым днем последовал второй, за вторым третий. Идти было легко, поход скорее напоминал прогулку по парку... даже слишком напоминал, с точки зрения Лазаруса. Сейчас он готов был многое отдать за один только вид какого-нибудь вулкана или стоящего водопада.

Плодовые деревья иногда казались странными на вид, но росли во множестве, и плоды на них были вполне удовлетворительными на вкус. Довольно часто ему встречались человечки, поодиночке или группами, спешившие по своим таинственным делам. Они ни разу не побеспокоили его и не спросили, куда он направляется, а просто приветствовали его с обычным видом давних друзей. Он уже начал подумывать, встретится ли ему вообще хоть один не знакомый с ним человек. У Лазаруса появилось ощущение, что за ним следят.

Постепенно ночи становились холоднее, а дни суровее. Человечки попадались все реже и реже. Когда Лазарус за целый день пути не встретил ни одного аборигена, он остановился на ночевку и провел на том же месте весь следующий день, посвятив его исследованию своего душевного состояния.

Ему пришлось признать, что нет серьезной причины недолюбливать планету и ее обитателей. Но он тем не менее был совершенно уверен, что они ему не по вкусу. Никакая философия, о которой он слышал и читал, не говорила ничего толкового о смысле человеческой жизни или о том, как ему следует правильно жить. Нежиться под лучами солнца кому-то, может, и доставляло большое удовольствие, но только не ему.

Он это знал совершенно точно, хотя и не смог объяснить, откуда у него такая уверенность.

Решение, предопределявшее участь Семей, казалось ему сейчас роковой ошибкой. Более мужественным было бы остаться и бороться за свои права, даже если в этой борьбе Семьям предстояло бы погибнуть. Вместо этого они пролетели половину Вселенной, — Лазарус всегда был максималистом в оценках, — чтобы найти себе тихий угол. Они нашли один, но он оказался уже занят созданиями, настолько превосходившими людей по развитию, что сосуществовать с ними было невозможно... более того, настолько уверенными в своем превосходстве, что они не истребили своих непрошенных гостей, а зашвырнули их на эту стриженую лужайку для гольфа.

Уже сами по себе подобные действия следовало рассматривать как издевательство. «Новые Рубежи» стали кульминацией пятисотлетнего развития технической мысли человечества, вершиной того, что мог создать человек, — а корабль швырнули через бездны пространства с такой легкостью, с какой ребенок посадил бы в гнездо выпавшего птенца.

Человечки вроде бы не собирались выживать людей с планеты, но и они по-своему деморализовали их не меньше, чем боги Джокайры. Один отдельно взятый абориген был наделен сознанием младенца, однако их групповой интеллект оставлял далеко позади лучшие умы человечества. Даже Энди. Людям нечего и надеяться на то, что они когда-нибудь достигнут подобного уровня. С таким же успехом кустарная мастерская могла бы соперничать с автоматизированной кибернетической фабрикой. Пойди люди — ведь это возможно — на объединение в подобные группы, — в чем Лазарус искренне сомневался, — они утратили бы — и в этом Лазарус был совершенно убежден — то, что делало их людьми.

Он поймал себя на мысли, что во всем отдаст предпочтение людям. Но он ведь и был человеком!

Тянулись дни, а Лазарус все спорил сам с собой: его мучили проблемы, не дававшие покоя людям его склада с той поры, как первая человекообразная обезьяна почувствовала себя человеком, — проблемы, которые не

решались ни с помощью набитого брюха, ни с помощью сложнейших машин. Итог его бесконечных размышлений ничем не отличался от того, к которому свелись все духовные поиски его далеких предков. Зачем? Во имя чего живет человек? Ответа не было. Лишь зрела подозрительная уверенность в том, что человек не предназначен для праздного времяпрепровождения.

Его тревожные раздумья прервало неожиданное появление одного из человечков.

— ...приветствую тебя, старый друг... твоя жена Кинг желает, чтобы ты вернулся домой... ему нужен твой совет...

— Что случилось? — спросил Лазарус.

Но человечек то ли не мог, то ли не хотел отвечать на этот вопрос. Лазарус затянул потуже ремень и тронулся на юг.

— ...нет нужды идти медленно... — пришла мысль.

Человечек привел Лазаруса на полянку за небольшой рощицей, на которой стояло яйцевидное сооружение высотой футов в шесть. Сооружение было абсолютно гладким, если не считать дверцы сбоку. Абориген вошел внутрь, а за ним с трудом втиснулся Лазарус. Дверь захлопнулась.

Почти сразу же она открылась, и Лазарус увидел, что они находятся на пляже, чуть в стороне от человеческого поселения. Фокус выглядел весьма эффектно.

Лазарус заторопился к одной из шлюпок, в которой капитан Кинг и Барстоу оборудовали нечто вроде административного центра поселения.

— Вы посылали за мной, шкипер? Что случилось?

Лицо Кинга было сурово.

— Это касается Мэри Сперлинг...

Лазарус почувствовал, как по его спине пополз холодок.

— Умерла?

— Нет. Не совсем так. Она ушла к человечкам. Влилась в качестве «жены» в одну из групп.

— Что? Не может быть!

Лазарус ошибался. Конечно, о скрещивании между аборигенами и людьми не могло быть и речи, но при наличии симпатии и обоюдного желания ничто не пре-

пытствовало тому, чтобы человек влился в одну из «эго»-групп, растворив в ее множественной личности свою индивидуальность.

Мэри Сперлинг, которая все время терзалась мыслью о приближавшейся смерти, усмотрела в бессмертии группового «эго» единственный выход. Поставленная перед извечной проблемой жизни и смерти, она избрала... ни то ни другое. Потерю самой себя. Она нашла группу, готовую принять ее, растворила в ней свое «я».

— Это порождает массу новых проблем, — заключил Кинг. — Слэйтон и Заккур, ну и я, решили, что лучше вам сейчас быть здесь.

— Да-да, конечно... Но где Мэри? — в ужасе воскликнул Лазарус и бегом бросился наружу, не дожидаясь ответа.

Он промчался через поселение, не реагируя на препятствия и попытки остановить его. Неподалеку от лагеря он наткнулся на аборигена. Остановившись как вкопанный, он спросил:

— Где Мэри Сперлинг?

— ...я Мэри Сперлинг...

— Господи Боже мой! Но ты не можешь ею быть!

— ...я Мэри Сперлинг — и Мэри Сперлинг — это я... ты не знаешь меня, Лазарус?... я знаю тебя...

Лазарус замахал руками.

— Нет! Я хочу видеть Мэри Сперлинг, которая выглядит как человек... как я!

Абориген колебался.

— ...тогда следуй за мной...

Лазарус нашел ее далеко от лагеря. Ясно было, что она избегает остальных колонистов.

— Мэри!

Она ответила ему мыслью:

— ...жаль видеть тебя обеспокоенным... Мэри Сперлинг больше нет... она теперь часть нас...

— О Мэри, ради Бога, перестань! Не морочь мне голову! Разве ты не узнаешь меня?

— ...конечно, я знаю тебя, Лазарус... это ты не знаешь меня... не мучай свою душу и не терзай свое сердце видом тела, стоящего перед тобой... я не одна из вас... я принадлежу этой планете...

— Мэри, — настаивал он, — ты должна отказаться от этого. Ты должна выйти оттуда!

Она покачала головой удивительно по-человечески; лицо ее оставалось неподвижным, лишенным эмоционального выражения. Это была какая-то безжизненная нечеловеческая маска.

— ...невозможно... Мэри Сперлинг нет... тот, кто разговаривает с тобой, — нерасторжимое я, а не один из вас...

Создание, которое когда-то было Мэри Сперлинг, повернулось и стало удаляться.

— Мэри!.. — в отчаянии закричал Лазарус.

Он испытывал такую же душевную муку, как и в ту ночь, два столетия назад, когда умерла мать. Он закрыл лицо руками и заплакал — безутешно, как ребенок.

Глава 5

Вернувшись в лагерь, Лазарус обнаружил, что Кинг и Барстоу ждут его. Кинг взглянул на него.

— Я и так мог бы все рассказать вам, но вы не стали слушать...

— Забудем, — коротко бросил Лазарус. — Что же теперь?

— Лазарус, вы должны увидеть еще кое-что, прежде чем мы приступим к решению этого вопроса, — ответил Барстоу.

— О'кей. Что же это?

— Пойдемте с нами.

Они привели его к каюте, в которой размещался штаб Семей.

Вопреки установившимся в лагере обычаям, дверь ее была заперта на замок. Кинг открыл каюту ключом, и они вошли. Внутри помещения находилась женщина.

Увидев мужчин, она тихо вышла, снова заперев за собой дверь.

— Взгляните на это, — сказал Барстоу

«Это» оказалось живым существом. В своего рода инкубаторе лежал ребенок, — но ребенок, невиданный доселе. Лазарус уставился на него, а через некоторое время сердито спросил:

— Это еще что за чертовщина?

— Судите сами. Можете взять на руки — вы ему не повредите.

Лазарус так и сделал. Сначала осторожно, а затем почти небрежно он стал вертеть в руках маленькое тельце. Интерес его к этому существу все возрастал. Он ломал голову над тем, что перед ним такое. Это не было человеческое дитя. Не было это и отпрыском человечков. Неужели планета, как и предыдущая, является родным домом еще одной расы, о существовании которой земляне и не подозревали? Несомненно, Лазарус держал в руках ребенка, но только не человеческого. У него не было вздернутого детского носика, равно как и ушных раковин. На месте ушей размещались какие-то органы, не выступавшие за пределы черепной коробки и защищенные костистыми выступами... На руках было слишком много пальцев, а возле запястий помещалось еще по одному, оканчивавшемуся пучком розовых червеобразных отростков.

С телом младенца тоже было что-то не так, хотя Лазарус не мог сообразить, что именно. Зато два других отличия бросались в глаза: ноги оканчивались не человеческими ступнями, а лишенными пальцев ороговевшими копытами; налицо была ярко выраженная двуполость — гермафродитизм: существо являлось настоящим андрогином.

— Что это? — повторил Лазарус.

В его голове уже роились страшные подозрения.

— Это, — ответил Заккур, — Марион Шмидт, родившаяся три недели назад.

— Что вы хотите этим сказать?

— Я хочу сказать, что человечки могут так же ловко обращаться с людьми, как и с растениями.

— Как это? Ведь они обещали не вмешиваться в наши дела.

— Не спешите с выводами. Мы сами согласились на это. Первоначально речь шла только о некоторых улучшениях.

— Улучшениях??? Да это создание просто непотребно!

— И да и нет. Меня тоже с души воротит, когда я смотрю на него... но на самом деле это нечто вроде

сверхчеловека. Строение его тела было изменено, чтобы служить своему владельцу эффективнее. Все то, что досталось нам в наследство от обезьян, убрано, а органы расположены более рациональным образом. Нельзя сказать, что перед нами не человек... Это — человек... разве что... улучшенная модель. Взгляните хотя бы на дополнительные пальцы у запястий. Ведь это фактически еще две руки, только миниатюрные. У основания каждой из них размещен микроскопический глаз. Сами понимаете, какие возможности откроет перед человечеством подобное нововведение, нужно только привыкнуть к мысли о нем. — Барстоу еще раз взглянул на ребенка. — Но, на мой взгляд, это создание ужасно.

— Да оно на чей угодно взгляд ужасно, — содрогнулся Лазарус. — Может, это и улучшенный вариант, но будь я проклят, если соглашусь называть его человеком.

— Во всяком случае, факт его существования создает для нас определенные проблемы...

— Это уж точно! — Лазарус еще раз посмотрел на существо. — Так вы говорите, что у этих маленьких ручек еще и пара глазок есть? Но это же вообще ни в какие ворота не лезет!

Барстоу пожал плечами.

— Я не биолог. Но, насколько мне известно, особая клетка тела содержит полный набор хромосом. Думаю, можно выращивать хоть глаза, хоть кости — что угодно и где угодно, если только знать, как манипулировать генами в хромосомах. А они знают, как это делается.

— Но я не хочу, чтобы мной манипулировали!

— Я думаю, этого не хочет никто.

Лазарус стоял на берегу и смотрел на теснившихся в ожидании начала собрания людей.

— Мне... — начал он, как полагалось, но вдруг озадаченно смолк. — Подождите секундочку. Либби, можно тебя? — Он что-то сказал Либби на ухо. Тот заметно огорчился и что-то прошептал в ответ. Его слова, казалось, вызвали у Лазаруса раздражение. Однако он выпрямился и уже спокойно продолжил: — Мне две-

сти сорок один год... по меньшей мере. Есть здесь кто-нибудь старше меня? — Это была пустая формальность. Он знал, что является старейшим, а чувствовал сейчас на своих плечах вдвое больший груз прожитых лет. — Собрание открыто, — оповестил он. Его громкий голос разносился по пляжу, усиленный снятой со шлюпки громкоговорящей установкой. — Кто будет председателем?

— Продолжайте сами! — выкрикнул кто-то из толпы.

— Отлично, — согласился Лазарус. — Тогда слово предоставляется Заккуру Барстоу.

Стоявший позади Лазаруса техник навел на Барстоу микрофон направленного действия.

— Заккур Барстоу, — загремел из динамиков голос, — говорит сам за себя. Кое-кому из нас начинает казаться, что эта планета, несмотря на все ее прелести, не место для людей. Вы знаете о Мэри Сперлинг, вы видели стереоснимки Марион Шмидт. Было и многое другое — я не стану надолго занимать ваше внимание, но новая эмиграция опять ставит перед нами вопрос: куда? Лазарус предлагает нам вернуться на Землю. Причем... — Его слова заглушил поднявшийся в толпе шум.

Лазарус шикнул на крикунов и объяснил:

— Никого не собираются заставлять возвращаться, но если улететь решит достаточное количество людей, мы можем рискнуть. Я предлагаю лететь на Землю. Другие склоняются к поиску новой планеты. Мы должны решить, что же делать. Но сначала... кто из вас согласен со мной, что оставаться здесь не стоит?

— Я!!! — крик подхватило множество голосов.

Лазарус попытался взглядом отыскать первого, кто это крикнул. Не найдя его в толпе, он вопрошающе взглянул на техника через плечо, затем указал пальцем на нужного человека и махнул рукой.

— Выходите, старина. А остальные пусть помолчат.

— Меня зовут Оливер Шмидт. Я уже несколько месяцев жду, чтобы кто-нибудь предложил смотать отсюда удочки. Мне казалось, что только меня беспокоит происходящее. У меня нет никаких явных причин покидать эту планетку. Меня не путает происшедшее с

Мэри Сперлинг и Марион Шмидт. Может быть, кому-нибудь такая жизнь по душе — живи себе да посвистывай. Но мне вдруг смертельно захотелось снова увидеть Цинциннати. Я по горло сыт здешним изобилием. Я устал быть лотофагом. Черт побери! Я хочу зарабатывать на жизнь! Судя по тому, что говорят генетики Семей, я протяну еще добрую сотню лет. И я не представляю, как проведу их, валяясь на солнышке и подремывая.

Когда он закончил, на помост вознамерились подняться по меньшей мере тысяча человек одновременно.

— Тихо! Тихо! — заорал Лазарус. — Если неймаешь говорить всем до единого, то лучше сделать это через представителей Семей. А сейчас дадим слово от силы двум-трем. — Он указал на находившегося неподалеку человека и велел ему говорить.

— Я буду краток, — заявил новый оратор, — поскольку я полностью согласен с Оливером Шмидтом. Я только хотел изложить свои собственные мотивы. Как вы можете жить без нашей Луны? Там, на Земле, я, бывало, сиживал на балконе теплыми летними вечерами, покуривал себе и глядел на Луну. Я и не знал, что для меня это так важно. В общем, я не могу жить без привычной картины неба над головой.

Следующий оратор сказал только:

— Случившееся с Мэри Сперлинг ужасно взволновало меня. По ночам меня стали преследовать кошмары. Мне все время представляется, что то же самое произошло со мной.

Споры длились очень долго. Кто-то заметил, что с Земли они бежали. Так почему же они надеются, что их пустят обратно? На это Лазарус ответил сам:

— Мы многое узнали от джокайрийцев, а теперь еще больше — от человечков. Мы владем такими знаниями, о которых земные ученые и не мечтают. Мы вернемся на Землю не с пустыми руками. Мы потребуем соблюдения наших прав и будем достаточно сильны, чтобы сражаться за них.

— Лазарус Лонг... — донеслось откуда-то.

— Да, — отозвался Лазарус. — Эй, там, продолжай.

— Я слишком стар, и для новых межзвездных странствий, и для сражений на Земле. Как бы вы меня не убеждали, я остаюсь.

— В таком случае тебе нечего и огород городить, — отрезал Лазарус.

— Но ведь я имею право высказаться...

— Ты уже все сказал. Дай и другим возможность.

Солнце уже село, и на небе высыпали звезды, а споры все не затихали. Лазарус понимал, что дискуссия может затянуться до бесконечности, если вовремя ее не прекратить.

— Хорошо! — закричал он, не обращая внимания на возгласы еще не успевших выступить. — Может быть, нам придется передать вопрос на рассмотрение Совета Семей, но теперь я предлагаю провести голосование. Те, кто хочет вернуться на Землю, пусть встанут справа от меня. Те, кто хочет остаться здесь — слева. А намеревающиеся отправиться на поиски новой планеты пусть расположатся прямо передо мной. — Он отошел назад и шепнул технику: — Включи какую-нибудь музыку, чтобы они шевелились побыстрее.

Техник понимающе кивнул, и над пляжем зазвучали до боли знакомые и родные звуки «Печального вальса». За ними последовали «Зеленые холмы Земли». Заккур Барстоу обернулся к Лазарусу.

— Ты нарочно выбрал эти вещи?

— Я? — невинно переспросил Лазарус. — Ты же знаешь, что я равнодушен к музыке, Зак!

Но даже под музыку распределение по группам проходило очень медленно. Последние аккорды бессмертной Пятой симфонии замерли задолго до того, как все люди разделились на три группы.

Слева собралось около одной пятой всех членов Семей. Это в основном были старики, уставшие метаться в поисках лучшей доли. К ним присоединились также несколько молодых людей, которые никогда не видели Земли.

В центре сформировалась совсем маленькая группа — не более трехсот человек, — в основном мужчины и несколько молодых женщин, которые ратовали за поиск новых миров.

Но подавляющее большинство членов Семей собралось справа от Лазаруса. Он взглянул на них и увидел на их лицах воодушевление. Это обрадовало его. Он страшно боялся, что останется единственным желающим вернуться на Землю.

Лазарус перевел взгляд на людей в центре.

— Похоже, вы в меньшинстве, — сказал он им негромко. — Но ничего, всегда можно переменить решение.

Постепенно средняя группа стала разваливаться. По одному, по двое и по трое люди расходились по обе стороны. Очень немногие присоединились к изъявившим желание остаться. Большинство же влилось в группу возвращенцев.

Когда распределение закончилось, Лазарус обратился к группе, расположившейся слева от него:

— Ну что ж, приятели, теперь вы спокойно можете продолжить свой отдых на травке. А нам нужно кое-что обсудить.

Лазарус предоставил слово Либби. Тот объяснил оставшимся, что обратный полет к Земле вовсе не будет столь долгим и утомительным, каким стал для них путь к Джокайре. Перелет займет даже меньше времени, чем последний бросок на планету человечков. Либби рассказал, что общение с аборигенами позволило ему устранить все «белые пятна», существовавшие в теории передвижения с субсветовой скоростью. Если верить их утверждению, — а Либби был склонен верить, — то любые расстояния могут покрываться в процессе, условно обозначенном им как «параускорение». «Пара» потому, что, с одной стороны, оно, подобно световому приводу самого Либби, действует на всю массу мгновенно, не увеличивая при этом силу тяжести, а с другой стороны, корабль под его воздействием не пересекает пространство, а как бы минует его как таковое, двигаясь вне его пределов.

Но это уже не вопрос управления кораблем, а вопрос выбора соответствующего потенциального уровня в гиперпространстве с n -ным количеством измерений, где n плюс единица является...

Лазарус прервал его:

— Это по твоей части, сынок, и тут все мы полностью тебе доверяем. Мы просто недостаточно образованны, чтобы обсуждать такие детали.

— Я только хотел добавить...

— Знаю. Но ты уже и так унесся мыслью в незримые дали, когда я остановил тебя.

Кто-то из толпы выкрикнул:

— Когда мы попадем туда?

— Не знаю, — признался Либби, тем временем пытаясь сформулировать ответ в категориях, понятных, например, Нэнси Везерэл. — Я не могу сказать, какой это будет год... но мне кажется, что пройдет примерно три недели.

Приготовления к отлету заняли много времени — в основном потому, что грузоподъемность шлюпок не позволяла перевезти всех пассажиров за один рейс. Никаких торжественных проводов не было, поскольку решившие остаться заметно старались избегать отбывающих. Между двумя группами воцарились самые что ни на есть прохладные отношения. Раскол на пляже положил конец многим дружба́м, даже бракам; наиболее впечатлительные очень переживали случившееся и не находили себе места. Пожалуй, единственным приятным моментом во всей этой ситуации было то, что родители мутанта Марион Шмидта решили остаться.

Лазарус отвечал за отлет последней шлюпки. Незадолго до старта он вдруг почувствовал прикосновение к своему локтю.

— Прошу прощения, — обратился молодой человек. — Меня зовут Хьюберт Джонсон. Я хотел бы лететь с вами, но при голосовании побоялся дать понять матери, что не хочу оставаться. Она бы подняла страшный шум. Если я появлюсь в последнюю минуту, возьмете меня с собой?

Лазарус окинул его оценивающим взглядом.

— Ты выглядишь достаточно взрослым, чтобы принять самостоятельное решение.

— Вы не понимаете. Я единственный сын, и мать не спускает с меня глаз. Я должен вернуться, пока она не заметила моего отсутствия. Сколько еще вы...

— Я не собираюсь задерживать шлюпку ради тебя одного. Да тебе и не удастся ускользнуть. Полежай.

— Но...

— Быстро.

Юноша забрался в шлюпку, на прощание тревожно оглянувшись на пляж.

Как только они прибыли на борт «Новых Рубежей», Лазарус отправился в рубку к капитану.

— Все на борту? — спросил Кинг.

— Да. Несколько человек передумали, несколько решили лететь с нами буквально в самую последнюю секунду, в том числе одна женщина — Элеонор Джонсон. Можно стартовать.

Кинг повернулся к Либби.

— Поехали, мистер!

Звезды мигнули и исчезли.

Они летели вслепую, следуя в нужном направлении только благодаря уникальным способностям Либби. Если у него и были какие-то сомнения в правильности курса, то он, видимо, считал за лучшее ни с кем не делиться ими.

На двадцать третий день полета по корабельному времени и на одиннадцатый день параторможения на экране замерцали звезды. На небосводе снова царили знакомые созвездия: Большая Медведица, гигантский Орион, кривобокий Крест, волшебные Плеяды. А прямо по курсу, затмевая своим сиянием Млечный Путь, висел золотой сверкающий шар Солнца.

Лазарус уже второй раз за последний месяц проследил за ним.

Они не могли просто подлететь к Земле, лечь на орбиту и приступить к отправке на планету. Необходимо было осмотреться, разведать обстановку. Кроме того, совсем не мешало разузнать, какой сейчас год.

Либби на скорую руку, по смещению ближайших звезд, установил, что сейчас никак не позднее 3700 года нашей эры. Он отказался уточнить прогноз, не имея под рукой соответствующих данных и инструментов. Но, как только они подлетят ближе к системе, «солнечные часы» с девятью стрелками-планетами помогут им определиться.

С помощью этих девяти «стрелок» можно было установить любую дату, поскольку у каждой из планет — свой период обращения. Плутон отмечает свой «час», составляющий четверть тысячелетия. Юпитер отбивает космические «минуты», равные двадцати годам. Меркурий звенит каждую «секунду», вмещающую в себя девяносто дней. С помощью остальных «стрелок» можно уточнить данные: период обращения Нептуна так отличается от периода обращения Плутона, что они совпадают приблизительно лишь раз в семьсот пятьдесят восемь лет. И показания этих огромных часов можно высчитать с любой необходимой степенью точности, хоть это и не просто.

Либби начал вычисления, едва планеты стали различимы. Он чертыхался сквозь зубы.

— Практически невозможно установить Плутон, — пожаловался он Лазарусу, — и я очень сомневаюсь, что мы разглядим Нептун. Внутренние же планеты дают мне только бесконечную серию приближений. А сами понимаете, что это значит. Отвратительно!

— Сынок, не принимай всякие пустяки близко к сердцу. Скажи, ты в состоянии определить время хотя бы приблизительно? Если нет, то я сам сделаю это.

— Нет, конечно, какой-то ответ я дать могу, — капризно сказал Либби. — Если только он вас устроит. Но...

— Ты мне давай-ка без всяких там «но». Какой на Земле нынче год, зануда чертов?

— Если вы так настаиваете... Дело обстоит примерно таким образом. Время на корабле и на Земле расходилось трижды. Но теперь они снова совершенно синхронны, значит, с момента нашего полета прошло немногим более семидесяти четырех лет.

Лазарус с облегчением вздохнул.

— Что же ты сразу не сказал? — Он переживал, что Земля изменилась до неузнаваемости. Вдруг там уже до основания срыли Нью-Йорк или сотворили что-нибудь в этом духе... — Ну, Энди, и напугал же ты меня!

— М-м-м?... — отрешенно промычал Либби.

Задача больше не представляла для него интереса. Оставалась только увлекательная проблема разработки

математического описания двух совершенно противоречивых групп фактов: данных экспериментов Майкельсона — Морли и зафиксированных в бортовом журнале «Новых Рубежей». Он радостно принялся обдумывать варианты решения: «Так... интересно, каким же должно быть минимальное количество пара-измерений, необходимое для существования континуума бесконечной протяженностью, если применить постулаты, подтверждающие...»

Проблема полностью захватила его, и он надолго отключился от происходящего вокруг.

Корабль лег на временную, в миллиарде миль от Солнца, плоскость эклиптики. В таком положении относительно пирога, называющегося Солнечной системой, они долгое время могли оставаться незамеченными. Одна из шлюпок была оборудована новым устройством Либби, на ней и отправилась группа парламентаров.

Лазарус вознамерился лететь тоже, но капитан возразил против его участия в экспедиции. Лазарус был вне себя. Кинг постарался вежливо мотивировать свой отказ:

— Это ведь не группа вторжения, а дипломатическая миссия, Лазарус.

— Черт возьми, старина, я ведь тоже, когда нужно, могу быть дипломатом.

— Не сомневаюсь. Но мы лучше пошлем человека, который не ходит в уборную с бластером.

Группу возглавил Ральф Шульц, поскольку его знание психодинамических факторов могло сыграть решающую роль. Сопровождали его юристы, военные и технические специалисты. Если Семьям все-таки придется с оружием в руках отстаивать свое право на жизнь, то лучше знать, с каким военным потенциалом им придется столкнуться. Но приоритетной целью миссии являлась подготовка почвы для мирного решения проблемы. Шульцу поручили представить на рассмотрение план, согласно которому Семьи должны будут колонизировать малонаселенную и отсталую Европу. Не исключено, учитывая период полураспада радиоактивных элементов, что Европа уже заселена. В этом случае Шульцу придется искать пути для достижения компромисса.

И снова ничего не оставалось делать, как только ждать.

Лазарус от нетерпения грыз ногти. Ведь он публично заверил Семьи в их неоспоримом научном превосходстве, позволявшем дать отпор любой агрессии со стороны землян. Но на самом деле он, как и всякий мало-мальски здравомыслящий человек, отдавал себе отчет в том, что прибегнул к демагогическим ухищрениям. Одними знаниями войны не выиграешь. Невежественные фанатики европейского средневековья подавили культуру более высокоразвитых мусульман. Архимеда сразил простой солдат. Варвары захватили Рим. Либби или кто-нибудь другой, конечно, может попытаться изобрести непобедимое оружие на основе обретенных ими знаний. Но кто знает, каких высот за три четверти века достигла военная техника Земли?

Кинг, опытный военный, был обеспокоен тем же, а еще больше тревожился по поводу потенциального воинского контингента. Члены Семей в массе своей были кем угодно, но только не воинами. Проблема превращения стада этих прирожденных индивидуалистов в некое подобие дисциплинированного легиона не давала ему покоя по ночам.

Своими сомнениями и страхами Лазарус и Кинг не делились ни с кем, даже друг с другом. Каждый из них опасался возникновения паники среди членов Семей. Но в своих тревогах они были не одиноки. Половина населения корабля прекрасно представляла уязвимость и неопределенность своего положения и молчала только потому, что слишком велико было желание вернуться домой. Мысль о возвращении примиряла их с возможными мытарствами и опасностями в будущем.

— Шкипер, — обратился Лазарус к Кингу спустя две недели со дня отбытия группы Шульца на Землю, — вы не задумывались, как они прореагируют на появление «Новых Рубежей»?

— Что вы имеете в виду?

— Мы же захватили корабль. Это пиратство.

Кинг был удивлен.

— А ведь верно! Прошло уже столько времени... Сейчас я даже представить себе не могу, что когда-то это был не мой корабль и что впервые я попал на него в результате пиратского нападения. — Он задумался, потом мрачно улыбнулся. — Интересно, как там нынче на Окраине?

— Наверное, дают урезанные пайки, — подпустил шпильку Лазарус. — Но мы затянем потуже ремни и будем стойчески переносить лишения. Не берите в голову, ведь нас еще не поймали.

— Как вы думаете, Слэйтона Форда тоже привлекут к ответственности? Это явится тяжелым испытанием для него после всего того, что он пережил.

— По-моему, нам нечего беспокоиться, — заявил Лазарус. — Хотя мы и в самом деле завладели кораблем несколько необычным способом, мы воспользовались им по его прямому назначению — для исследования звезд. И мы передаем его в целости и сохранности, задолго до его планируемого возвращения, да еще с небольшим усовершенствованием. Наверяд ли они рассчитывали на большее, вкладывая в него деньги. Так что им стоит взглянуть сквозь пальцы на кое-какие шалости блудных сынов и заколоть тучного тельца в честь их возвращения.

— Да, хорошо бы все так и вышло, — с сомнением пробормотал Кинг.

Парламентеры опоздали на два дня. От них не поступало никаких сигналов до тех пор, пока шлюпка не вынырнула в обычном пространстве около самого корабля. Для связи пространства и парапространства так ничего изобрести и не удалось. Когда шлюпка уже заканчивала маневр стыковки с кораблем, Кинг увидел на экране в рубке лицо Шульца.

— Хэлло, капитан! Скоро я отчитаюсь перед вами на борту.

— Сообщите вкратце результаты!

— Даже не знаю, с чего начать. В принципе, все в порядке. Мы можем вернуться домой!

— Что? Что вы говорите? Повторите?

— Все в порядке. Мы восстановлены в правах согласно Договору. Понимаете, теперь уже любой человек является членом Семей...

— Что это значит? — изумился Кинг.

— Они нашли его.

— Что нашли?

— Секрет долголетия.

— Да не говорите чепухи. Никакого секрета никогда не было.

— У нас его не было. А они думали, что есть. И открыли его.

— Объясните поточнее, — настаивал Кинг.

— Капитан, разве нельзя подождать с этим до нашего возвращения на корабль? — запротестовал Ральф Шульц. — Ведь я не биолог. Мы привезли с собой представителя правительства — вот вы и получите информацию из первых рук.

Глава 6

Кинг встретил представителя Земли в своей каюте. Он поручил Заккуру Барстоу и Джастину Футу представлять интересы Семей на этой встрече и попросил присутствовать Гордона Харди, потому что суть поразительных новостей была связана именно с биологией. Здесь же находился и Либби, как старший офицер корабля. Слэйтон Форд тоже оказался в числе приглашенных, хотя формально он не занимал никакого официального поста со времени своего нервного потрясения.

Лазарус пришел по собственной инициативе, как сугубо частное лицо, просто потому, что ему хотелось присутствовать на встрече. Его, в общем-то, никто не приглашал, хотя капитан Кинг и сознавал, что тем самым были нарушены прерогативы старейшего из членов Семей.

Ральф Шульц представил посла Земли поочередно всем собравшимся.

— Это капитан Кинг, наш командир. Капитан, позвольте представить вам Майлза Родни, уполномоченного Совета Федерации, чрезвычайного посла. Думаю, что последнее определение точнее всего отражает его цели и задачи.

— Вряд ли, — откомментировал Родни, — хотя, пожалуй, в какой-то мере я согласен со словом «чрезвычайный». Ситуация совершенно беспрецедентная. Очень рад познакомиться с вами, капитан.

— Рад видеть вас на борту, сэр.

— А это Заккур Барстоу, представляющий Поверенных в делах Семей Говарда, и Джастин Фут, секретарь Поверенных...

— Здравствуйте.

— Приветствую вас, джентльмены.

— ...Эндрю Джексон Либби, старший астронавигатор, доктор Гордон Харди, наш главный биолог, отвечающий за исследования в области геронтологии.

— Буду рад оказаться вам полезным, — несколько официально отозвался Харди.

— Взаимно, сэр. Так, значит, вы главный биолог... Когда-то вы имели возможность оказать услугу всему человечеству. Подумайте об этом, сэр... подумайте, как все могло бы обернуться. Но, к счастью, человечество оказалось в состоянии раскрыть секрет продления жизни и без помощи Семей Говарда.

Харди, казалось, был раздражен.

— Что вы имеете в виду, сэр? Уж не хотите ли вы сказать, что до сих пор пребываете в досадном заблуждении относительно наличия у нас какого-то мифического секрета, которым мы не хотим поделиться?

Родни пожал плечами и развел руками.

— Ну ладно, ладно, теперь-то уж не нужно притворяться. Ваши результаты были получены другими независимо от вас.

Вмешался капитан Кинг:

— Минуточку... Ральф Шульц, действительно ли Федерация до сих пор считает, что в основе нашего долголетия лежит какой-то секрет? Разве вы не объяснили им все?

Шульц был удивлен.

— Но... но это просто смешно. Об этом и речи не было. Они сами добились успехов в контроле над продолжительностью жизни. Мы их в этом смысле больше не интересуем. Верно, до сих пор считалось, что наши долгие жизни — результат каких-то манипуляций, а не

наследственности, но я постарался развеять это заблуждение.

— Судя по тому, что сказал сейчас Майлз Родни, вы не очень-то преуспели.

— Видимо, нет. Но я и не особенно старался. Это было бы просто бессмысленно. Семьи Говарда и их долголетие сейчас на Земле никого не интересуют. Интерес, и общественный, и официальный, в данный момент прикован к тому факту, что мы удачно совершили межзвездный прыжок.

— Охотно подтверждаю, — согласился Майлз Родни. — Любой чиновник, любая служба новостей, любой гражданин, любой ученый системы с величайшим нетерпением ожидает прибытия «Новых Рубежей». Это самое великое, самое сенсационное событие с момента первой высадки человека на поверхность Луны. Вы знаменитости, джентльмены, — вы все.

Лазарус отозвал Заккура Барстоу в сторонку и что-то прошептал ему на ухо. Барстоу сначала отмахнулся, потом задумчиво кивнул.

— Капитан, — обратился он к Кингу.

— Да, Зак?

— Я думаю, мы попросим извинения у нашего гостя и заслушаем сначала отчет Ральфа Шульца.

— Почему?

Барстоу взглянул на Родни.

— Думаю, что тогда мы будем лучше готовы к обсуждению разнообразных вопросов с вами.

Кинг повернулся к Родни.

— Вы простите нас, сэр?

— Не берите в голову, шкипер, — вмешался Лазарус. — Зак дело говорит, да слишком уж церемонится. Он вполне мог бы попросить этого Родни подождать за дверью, пока мы тут обсудим свои проблемы. Скажите-ка, Майлз, а как вы докажете, что вы и ваши дружки нашли способ жить так же долго, как и мы?

— Докажу? — Родни был ошеломлен. — А почему вы, собственно, требуете у меня доказательств? С кем имею честь? Кто вы такой, сэр?

Ральф Шульц поспешил упрекнуть Лазаруса:

— Прощу прощения... я не успел представить всех присутствующих. Майлз Родни, позвольте представить вам Лазаруса Лонга, Старшего.

— Очень рад. «Старшего» чего?

— Он имел в виду «Старшего», и точка, — отрезал Лазарус. — Я старший из членов Семей. В остальном же я — частное лицо.

— Старший из членов Семей!.. Но в таком случае вы старейший из всех живущих на свете людей? Подумать только!

— Сами думайте, — отрубил Лазарус. — Лично меня это перестало занимать две сотни лет назад. Так как насчет моего вопроса?

— Вы просто поразили меня. Я чувствую себя перед вами ребенком. А ведь я далеко не молод. В июне мне стукнет сто пять.

— Если вы сможете доказать, что вам действительно столько лет, я буду удовлетворен. Я бы сказал, что на вид вам лет сорок. Что вы на это ответите?

— Но, Господи, я совершенно не ожидал, что мне придется подтверждать свой возраст. Может быть, вы желаете взглянуть на мою идентификационную карточку?

— Шутить изволите? Да в свое время у меня сменилось штук пятьдесят этих самых карточек, и на всех были разные даты рождения. Что вы еще можете предложить?

— Минутку, Лазарус, — вмешался капитан Кинг. — А для чего все это вам?

Лазарус Лонг отвернулся от Родни.

— А затем, шкипер, что мы бежали с Земли, спасая свои шкуры, потому что дураки на Земле решили, будто мы знаем, как продлить жизнь, и пытались вытянуть из нас тайну любой ценой. Теперь же они более чем милы и гостеприимны — во всяком случае, хотят казаться таковыми. Но мне странно как-то, что птичка, которую они прислали выкурить трубку мира, по-прежнему убеждена в существовании пресловутого секрета.

— Я тоже был удивлен.

— А теперь подумайте: вдруг они на самом деле так и не узнали, как отодвинуть наступление старости, но по-прежнему уверены, что нам известен секрет? В

таком случае они могут постараться убедить нас в том, что им он теперь тоже известен, успокоить нас и усыпить наши подозрения, а потом завлечь туда, где нас опять будут допрашивать.

Родни фыркнул:

— Какие странные идеи! Капитан, я не думаю, что меня позвали сюда, чтобы выслушивать подобные бредни.

Лазарус холодно взглянул на него.

— Это нам и в прошлый раз казалось бредом, дружок, а тем не менее, поди ж ты, стряслось. Однажды обжегшись на молоке, дуют и на воду.

— Подождите минутку, — приказал капитан Кинг. — Ральф, что вы думаете по этому поводу? Вас могли просто водить за нос?

Шульц погрузился в мучительные размышления.

— Не думаю, — наконец произнес он. — Вообще-то трудно сказать. По внешнему виду и члена Семьи в толпе не высмотришь.

— Но ведь вы психолог. Вы должны были просто почувствовать подвох, если бы он был.

— Да, я психолог, но не кудесник, а тем более не телепат. Я просто не выискивал подвоха. — Он застенчиво улыбнулся. — К тому же есть еще одно «но». Я был так возбужден возвращением домой, что находилась не в лучшем состоянии для того, чтобы замечать какие-либо несоответствия, даже если они и были.

— Значит, вы не уверены?

— Нет. Эмоционально я совершенно убежден, что Майлз Родни говорит правду...

— Истинную правду!

— ...и считаю, что несколько вопросов вполне могут расставить все точки над «и». Он утверждает, что ему сто пять лет. Это можно проверить.

— Понимаю, — согласился Кинг. — Г-м-м... Вы будете задавать вопросы, Ральф?

— Да. С вашего разрешения, сэръ?

— Давайте, — неприязненно ответил Родни.

— Когда мы покинули Землю, вам должно было быть около тридцати лет, поскольку с тех пор прошло около семидесяти лет. Вы помните это событие?

— Очень хорошо помню. Тогда я был клерком в Башне Новака, в офисе Администратора.

На протяжении всего разговора Слэйтон Форд оставался на заднем плане и старался не привлекать к себе внимания. Когда Родни произнес последнюю фразу, он выпрямился в кресле.

— Секундочку, капитан!

— Да! Что?

— Может быть, я смогу вам помочь. Вы позволите, Ральф? — Он повернулся к представителю земного правительства. — Скажите, кто я такой?

Родни озадаченно посмотрел на него. Выражение его лица менялось на глазах: просто удивление странному вопросу сменилось полной оторопью.

— Да вы же... Вы же Администратор Форд!

Глава 7

— По одному! По одному! — уговаривал капитан Кинг. — Говорите по одному. Продолжайте, Слэйтон. Вам слово. Вы знаете этого человека?

Форд внимательно посмотрел на Родни.

— Нет, этого я не могу сказать.

— Тогда вы, — Кинг повернулся к Родни. — Вы, я полагаю, узнали Форда по историческим снимкам. Правильно?

Родни, казалось, готов был взорваться.

— Нет! Я узнал его. Он сильно изменился, но я узнал его. Господин Администратор, взгляните на меня, пожалуйста! Неужели вы меня не помните? Ведь я работал у вас!

— Совершенно очевидно, что этого и в помине не было, — сухо заметил Кинг.

Форд покачал головой.

— Это ничего не доказывает, капитан. Под моим началом находилось около двух тысяч гражданских служащих. Родни вполне мог быть одним из них. Его лицо выглядит смутно знакомым, но не более, чем большинство окружающих лиц.

— Капитан, — заговорил Гордон Харди, — если мне позволят задать несколько вопросов Майлзу Род-

ни, я попытаюсь определить, действительно ли они открыли причины старения.

Родни покачал головой.

— Я не биолог. Вы всегда сможете поймать меня на неточностях. Капитан Кинг, я прошу предоставить мне возможность вернуться на Землю как можно быстрее. У меня нет ни малейшего желания подвергаться далее допросу. И позвольте добавить, что меня ни в коей мере не волнует, вернетесь вы и ваш экипаж в объятия родной цивилизации или нет. Я прилетел сюда, чтобы помочь вам, но я разочарован. — Он встал.

Слэйтон Форд подошел к нему.

— Успокойтесь, господин Родни, пожалуйста! Будьте терпеливы! Поставьте себя на наше место. Если бы вы пережили то, что пришлось пережить нам, вы были бы терпимее.

Родни заколебался.

— Господин Администратор, а что вы делаете здесь?

— Это долгая история. Я расскажу вам ее при случае.

— Да вы, наверное, член Семей Говарда — иначе и быть не может. Это многое объясняет.

Форд отрицательно покачал головой.

— Нет, Майлз Родни. Это не так. Впрочем, потом я вам все объясню. Итак, вы работали со мной... Когда?

— С 2109-го до вашего исчезновения.

— С кем вы работали?

— Во время кризиса 2113 года я был помощником младшего координатора в Отделе Экономической Статистики, контрольная группа.

— Кто был начальником группы?

— Лесли Уолдрон.

— Старый Уолдрон, да? Какого цвета была у него шевелюра?

— Шевелюра? Но ведь Уолдрон был лыс как колено. Лазарус прошептал Заккуру Барстоу:

— Похоже, я зря погорячился.

— Подождите, — сказал Барстоу. — Не исключено, что мы имеем дело с результатом тщательной подготовки — может статься, судьба Форда им известна.

Форд продолжал задавать вопросы:

— Что такое «Священная корова»?

— Священная... но, шеф, по идее, вы и знать-то не должны об этом издании!

— Не нужно недооценивать мою разведку, — сухо сказал Форд. — Я получал его копию еженедельно.

— А что это такое? — полюбопытствовал Лазарус.

— Понимаете, — ответил Родни, — в нашем отделе выпускали рукописный сатирический журнал...

— В котором в основном высмеивалось начальство, — добавил Форд. — И в частности я. — Он обнял Родни за плечи. — Друзья, нет сомнений, что этот человек и я были товарищами по работе.

— Я все-таки хотел бы поподробнее разузнать о сути вашего метода омоложения, — настаивал доктор Харди.

— Думаю, что всем нам это было бы небезынтересно, — подтвердил Кинг. Он потянулся и снова наполнил вином стакан гостя. — Не будете ли вы так добры рассказать нам об этом побольше, сэр?

— Попробую, — ответил Майлз Родни, — Хотя доктору Харди придется мне помочь... Процесс омоложения состоит из основного и нескольких второстепенных этапов, причем некоторыми из них, особенно относящимися к женщинам, решаются задачи косметического характера. Все эти процедуры не являются омолаживающими в прямом смысле. Ведь наступление старости можно задержать, но направить в обратную сторону нельзя — старика не превратить в юношу.

— Верно, верно, — согласился Харди. — Так в чем же все-таки заключается основная операция?

— Суть дела в замене всей массы крови в организме свежей, молодой кровью. Как я слышал, старость является прежде всего следствием накопления в организме продуктов метаболизма. Кровь должна выводить их, но в конце концов сама так насыщается ядами, что не в состоянии больше удалять их полностью. Верно, доктор Харди?

— Я бы сформулировал это не совсем так, но в принципе...

— Я же предупредил вас, что я не биотехник.

— ...суть явления такова. Все дело тут в недостатке диффузного давления — НДД, при котором клетка мало-помалу перестает очищаться кровью от продуктов

распада. Но должен сказать, что я слегка разочарован, мистер Родни. В принципе, идея оттягивания смерти за счет своевременного вывода из организма продуктов распада не нова — у нас кусок ткани куриного сердца с помощью обеспечивающей этот процесс техники живет уже два с половиной века. Что же касается использования молодой крови, то да, это действительно сработает. Мне удалось добиться путем подобных переливаний крови того, что подопытные животные проживали по две жизни. — Он вдруг замолчал и переменился в лице.

— Да, доктор Харди?

Харди покусал губу.

— Я оставил это направление поисков. Оказалось, что необходимо иметь под рукой несколько молодых доноров для того, чтобы поддерживать жизнь и молодость всего одной особи. Причем на донорах эти переливания крови сказывались весьма неблагоприятно. Да и с практической точки зрения подобный путь нерационален — доноров не хватит. Выходит, сэр, вас надо понимать так, что метод доступен только небольшой части населения?

— О нет! Я, видимо, объяснял недостаточно понятно, мистер Харди. У нас вообще нет доноров.

— Как?

— Донорская кровь, которой теперь с избытком хватает на всех, производится искусственно — Службой Общественного Здоровья и Продолжительности Жизни — причем в любом количестве и любого типа.

Харди был явно удивлен.

— Подумать только! Мы были так близки... Так вот оно что! — Он помолчал, а затем продолжил: — Мы пытались получить культуру тканей костного мозга искусственным путем. И нам следовало довести дело до конца.

— Не горюйте. Прежде чем мы получили практические результаты, пришлось истратить миллиарды и посадить за работу тысячи специалистов. Я слышал, что силы, брошенные на решение этой проблемы, превосходили все, когда-либо затраченные человечеством на научный поиск. Даже если сравнивать с разработкой тем по атомной энергетике. — Родни улыбнулся. —

Понимаете, им просто необходимо было получить какие-то положительные результаты, это стало уже политическим делом. — Родни повернулся к Форду. — Когда известие о бегстве Семей Говарда дошло до публики, шеф, вашего драгоценного преемника едва удалось спасти от разъяренной толпы.

Харди еще некоторое время продолжал выпрашивать подробности о вторичных процедурах — о санации зубов, задержке роста, гормонотерапии и многом другом — до тех пор, пока на выручку Родни не пришел Кинг, напомнивший, что основной целью визита является обсуждение условий возвращения Семей на Землю.

Родни одобрительно кивнул.

— Мне кажется, что пора перейти к делу. Как я понимаю, капитан, значительное количество ваших людей в настоящее время пребывает в состоянии низкотемпературного сна?

«Почему бы ему просто не сказать "в анабиозе"?» — прошептал Лазарус Либби.

— Именно так.

— Следовательно, они вполне могут пробить в этом состоянии еще некоторое время?

— А почему вы видите в этом необходимость, сэр? Родни развел руками.

— Администрация находится в довольно сложном положении. Короче говоря, у нас недостаток жилья. И разместить за один день сто тысяч человек просто невозможно.

Капитану Кингу снова пришлось призвать присутствующих к порядку. Затем он кивнул Заккуру Барстоу, который обратился непосредственно к Родни:

— Я не вижу в этом большой проблемы. Какова ныне численность населения в Северной Америке?

— Около семисот миллионов человек.

— И вам трудно найти место для одной семидесятой процента? Это звучит неубедительно.

— Вы не понимаете, сэр, — возразил Родни. — Нашей главной проблемой является плотность населения. Право на уединение, будь то квартира или усадьба, из всех гражданских прав стало наиболее ревниво охраняемым. Прежде чем расселять вас, мы должны сначала

ла подобрать подходящее место или придумать еще что-нибудь.

— Понимаю, — сказал Лазарус. — Политика. Вы просто не желаете никого беспокоить, чтобы не поднялся шум.

— Ну, я бы так не сказал.

— Отчего же? Может быть, у вас на носу выборы? А?

— Вообще-то да, но здесь нет никакой связи.

Лазарус фыркнул.

— Мне кажется, — заговорил Джастин Фут, — что администрация подходит к этому вопросу слишком поверхностно. Ведь мы не какие-нибудь там бездомные иммигранты. Большинство из нас владеют своими собственными домами. Как вам, несомненно, известно, и мы, по совершенно очевидным причинам, старались обзаводиться недвижимым имуществом. Я уверен, что значительная часть этих построек сохранилась и до настоящего времени.

— Несомненно, — подтвердил Родни. — Но они заняты другими.

Джастин Фут пожал плечами.

— А нам-то какое дело? Это уже обязанность правительства — разбираться с людьми, которые заняли чужие дома. Что касается меня, то я постараюсь высадиться одним из первых, добиться ордера на выселение незаконного хозяина в ближайшем суде и вступить во владение собственным домом.

— Все не так просто. Омлет из яиц делать просто, но не так просто сделать яйца из омлета. С точки зрения закона вы мертвы уже много лет. А нынешний владелец вашего дома — всеми уважаемый здравствующий человек.

Джастин Фут встал и расширенными глазами уставился на посла Федерации. «Словно загнанная в угол мышь», — подумал Лазарус.

— Мертв с точки зрения закона?! Это какого, позвольте спросить, закона? Это я-то? Да я всю жизнь был уважаемым адвокатом, тихо и честно занимался своим делом, никому не причинял вреда. И вот меня без всяких оснований арестовывают и вынуждают бежать с родной Земли. А теперь мне в глаза спокойно

заявляют, что собственность моя конфискована, а сам я объявлен несуществующим и лишен гражданских прав за то, что со мной произошло по чужой вине. Что же это за правосудие? А Договор еще в силе?

— Вы неправильно меня поняли...

— Я все правильно понял. Если о правах человека вспоминают только тогда, когда это выгодно, то Договор не стоит бумаги, на которой он написан. Я устрою вам испытание, сэр; испытание, которое будет многое значить для Семей. Если мне не вернут мою собственность полностью и незамедлительно, я подам в суд на всех препятствующих мне в этом лиц. Я устрою шумный показательный процесс. Я много лет страдал из-за расследования, оскорбления личности и угрозы для жизни. Теперь меня не убедишь словами. И я буду кричать об этом хоть с крыш домов. — Он остановился перевести дух.

— Он прав, Майлз, — спокойно заметил Слэйтон Форд. — Лучше уж правительству изыскать возможность побыстрее уладить это дело.

Лазарус встретился глазами с Либби и указал ему на дверь. Оба незаметно выскользнули.

— Джастин займет их еще минимум на час, — пояснил он. — Пошли-ка пока заглянем в «клуб», что-нибудь перехватим.

— Вы действительно думаете, что нам пока там делать нечего?

— Успокойся. Если мы понадобится шкиперу, он разыщет нас где угодно.

Глава 8

Лазарус проглотил три сандвича, две порции мороженого и несколько стаканов сока; Либби удовлетворился гораздо меньшим. Лазарус съел бы и больше, но ему пришлось прервать трапезу под градом вопросов, посыпавшихся на него со всех сторон от посетителей «клуба».

— Отдел снабжения так и не смог опять встать на ноги, — пожаловался он, допивая третий стакан. — Человечки слишком облегчили им жизнь. Энди, а ты любишь чили с красным перцем?

— Да, пожалуй.

Лазарус вытер рот салфеткой.

— Раньше в Тихуане был ресторанчик, где подавали самое лучшее из всех отведанных мной чили. Интересно, сохранилось это заведение или нет?

— А где это Тихуана такая? — спросила Маргарет Везерэл.

— Ты совсем не помнишь Землю, Мэгги, верно? Так вот, дорогая, это в нижней Калифорнии. Ты знаешь, что такое Калифорния?

— Думаешь, я не учила географию? Калифорния в Лос-Анджелесе.

— Почти угадала. А сейчас, возможно, и совсем права.

В это время включилась система оповещения корабля:

— Старший астронавигатор! Немедленно к капитану в рубку управления!

— Это меня? — удивился Либби и торопливо вышел. Вызов повторился, затем последовало:

— Внимание! Внимание! Приготовиться к ускорению! Внимание! Внимание! Приготовиться к ускорению!

— Ну вот и началось, ребята, — сказал Лазарус, встал и отправился вслед за Либби, насвистывая на ходу:

Калифорния, к тебе я возвращаюсь,
А когда-то ведь покинул я тебя...

Корабль уже разгонялся, звезды исчезли. Капитан Кинг вышел из своей рубки вместе с гостем, посланцем Земли. Майлз Родни был чем-то ошеломлен и явно нуждался в глотке-другом спиртного.

Лазарус и Либби оставались в рубке. Делать им пока было нечего — часа четыре по корабельному времени кораблю предстояло пробыть в парaproстранстве, чтобы потом выскочить в непосредственной близости от Земли.

Лазарус закурил сигарету.

— Энди, а что ты собираешься делать по возвращении?

— Я еще не думал.

— Тогда лучше начать. Ведь кое-что изменилось.

— Сначала я, возможно, немного побуду дома... Не думаю, чтобы на Озарке все сильно изменилось.

— Холмы-то там наверняка все такие же. А вот люди скорее всего изменились.

— Как это?

— Помнишь, я рассказывал тебе, как в один прекрасный момент мне осточертели Семьи и я почти столетие не поддерживал с ними связь? А все потому, что они стали слишком скучны, равнодушны и напы-

щенны. Я больше не мог их выносить. Так вот, боюсь, что теперь почти все стали такими же, поскольку собираются жить вечно. Долгосрочные вложения — и, будь уверен, ты обязательно наденешь калоши, когда на улице дождь... и все в таком духе.

— По вам не скажешь, что это так...

— Я подхожу к жизни по-другому. У меня никогда не было серьезных побудительных причин жить вечно. К тому же, как заметил Гордон Харди, я представитель всего лишь третьего поколения Семей Говарда. Я просто жил себе да жил, не зная забот. Чего нельзя сказать про других. Взять хотя бы Майлза Родни — он до смерти перепутан тем, что столкнулся с непредвиденным оборотом событий, который требует от него принятия ответственных решений.

— Я очень обрадовался, когда Джастин выступил против него, — усмехнулся Либби. — Я и не думал, что у Джастина хватит пороку.

— А тебе не приходилось видеть, как маленькая шавка выгоняет здорового пса со своего двора?

— Вы думаете, что Джастин добьется своего?

— Конечно, добьется, особенно с твоей помощью.

— С моей?

— Разве кто-нибудь, кроме тебя, знает что-либо о парадвигении? Я не имею в виду сведения, которыми ты поделился со мной.

— Я надиктовал основные принципы на пленку.

— Но ведь ты не передал эту пленку Майлзу Родни. А Земля позарез нуждается в овладении секретом межзвездных перелетов, Энди. Ты же сам слышал высказывание Родни о перенаселенности. Ральф говорил, что теперь, чтобы завести ребенка, нужно получить разрешение правительства.

— Черт побери! Не может быть!

— Может. Так что, если бы появилась возможность эмигрировать на приличную планету, желающих оказалось бы хоть отбавляй. И вот тут-то появляешься ты со своим двигателем. С его помощью освоение звезд становится реальностью. И им придется пойти нам навстречу.

— Вообще-то это не мое изобретение. Его разработали человечки...

— Не будь таким скромником. Сейчас оно у тебя в руках. И ведь тебе наверняка хочется поддержать Джастина, верно?

— Да, конечно.

— В таком случае, мы используем парадвигатель как свой козырь. Может быть, я даже сам буду вести торги. Но это уже к делу не относится. Главное, кому-то придется вести разведку перед тем, как начнется волна эмиграции. Так давай откроем крупную торговлю недвижимостью, Энди. Пошарим в своем уголке Галактики и посмотрим, что там можно наскрести по сусекам.

Либби почесал нос и задумался.

— Звучит довольно заманчиво... Пожалуй, я согласен, только сначала хочу побывать дома.

— Ради бога. Спешка в нашем деле только повредит. Итак, замечано. Я подыщу небольшую симпатичную яхту — эдак тысяч на десять тонн, — и мы оборудуем ее твоим двигателем.

— А где мы возьмем деньги?

— Деньги у нас с тобой будут. Я организую компанию так, чтобы во время нашего с тобой путешествия она могла функционировать самостоятельно. А еще мы создадим несколько дочерних компаний, с привлечением других акционеров. Потом...

— Ваши планы выглядят очень прозаично. А я думал, что это будет похоже на приключение.

— Ерунда, практическая сторона дела не должна тебя тревожить. Я подыщу кого-нибудь, кто будет управлять финансами, вести книги и все остальные дела компании. Кого-нибудь вроде Джастина. А может быть, и самого Джастина.

— Ну тогда ладно.

— А мы с тобой тем временем будем шататься по космическим просторам и глазеть на все, стоящее нашего внимания. Поверь мне, будет очень весело!

Долгое время они молча сидели рядом, не нуждаясь в словах. Первым нарушил тишину Лазарус:

— Энди...

— Да?

— А ты собираешься испробовать на себе этот новый метод переливания крови?

— Наверное, да. Когда-нибудь...

— Я все не перестаю думать об этом. Между нами, реакция моя оставляет желать лучшего. Сто лет назад я был куда более сноровистым в драке. Может быть, мой срок уже приближается? Знаешь, у меня и в мыслях не было строить планы насчет нашей компании до тех пор, пока я не услышал о продлении жизни. Передо мной открылись новые перспективы. Я обнаружил, что думаю о далеком будущем, — а обычно никогда не заглядывал дальше, чем на неделю вперед.

Либби усмехнулся.

— Похоже, что вы взрослеете.

— Думаю, что уже пора. Seriously, Энди, я действительно, наверное, взрослею. А последние два столетия были временем моей, так сказать, юности. Ведь несмотря на то, что я прожил столько, я знаю о самых важных для человека вещах не больше, чем малышка Мэгги Везерэл. Люди — земляне то есть — никогда не имели вдоволь времени, чтобы заняться поисками ответов на извечные вопросы. У них были огромные возможности, и всегда что-то служило помехой их применению. Если разобраться по существу, в решении вопроса о смысле существования мы ни на шаг не ушли дальше от обезьян.

— И как же вы собираетесь искать ответы на «извечные вопросы»?

— Откуда я знаю? Лучше спроси меня об этом лет через пятьсот.

— Думаете, имеет смысл?

— Да, думаю. По крайней мере у меня будет время пошататься и подобрать кое-какие интересные факты. Вот, например, насчет этих джокайрийских богов...

— Это были не боги, Лазарус. Не нужно их так называть.

— Конечно, они никакие не боги. Я и сам не хуже тебя знаю. Я думаю, что это просто создания, у которых было достаточно времени, чтобы пораскинуть мозгами. Когда-нибудь, лет так через тысячу, я хотел бы войти прямо в храм Криила, посмотреть ему в глаза и

сказать: «Здорово, старина! Ну как, знаешь ты что-нибудь, чего не знаю я?»

— Это может нанести вред вашему здоровью.

— Ну что ж, по крайней мере померяемся силами. Мне не понравилось то, как нас оттуда выкинули. Во всей Вселенной не должно быть места, куда человек не имел бы права сунуть нос. Так уж мы устроены, и я думаю, это неспроста.

— Может, нам так кажется?

— Да, конечно, может быть, все это просто одна большая шутка, совершенно бессмысленная. — Лазарус встал и потянулся, почесывая грудь. — Но скажу тебе одно, Энди. Каким бы ни был окончательный ответ, всегда находится одна обезьяна, не удовлетворенная им, которая упорно лезет и лезет вверх, оглядывая все вокруг себя, лезет до тех пор, пока ветки дерева держат ее.

Содержание

Шестая колонна, роман <i>перевод с английского А. Иорданского</i>	7
Дети Мафусаила, роман <i>перевод с английского П. Керакозова</i>	205

Качество печати соответствует диапозитивам,
представленным издательством

Миры Роберта Хайнлайна кн. 12 / Пер. с англ. — Рига:
Полярис, 1993. — 447с.

МИРЫ РОБЕРТА ХАЙНЛАЙНА

Книга двенадцатая

Составитель *В. Быстров*
Главный редактор *А. Захаренков*
Ответственный за выпуск *Е. Чутов*
Редактор *М. Проворова*
Технический редактор *К. Козаченко*
Корректоры *Г. Бочарова, Е. Ошуркова*
Оператор компьютерной верстки *Л. Бирюковская*
Художественное оформление серии: *М. Захаренкова*
Цветные иллюстрации: *А. Кириллов*

Подписано в печать 15.07.93. Формат 84х108/32.
Усл. печ. листов 23,94. Тираж 50 000 экз. С009 Заказ № 2210.

Издательская фирма «Полярис».
Латвийская Республика, LV-1038, Рига, а/я 22.

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР
Министерства печати и информации Российской Федерации.
170040, Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

VERBA VOLANT, SCRIPTA MANENT

POLARIS
publishers